

INSPIRIA OUTLANDER

ДИАНА ГЭБЛДОН

СКАЖИ ПЧЕЛАМ,
ЧТО МЕНЯ
БОЛЬШЕ НЕТ

INSPIRIA

Диана Гэблдон
Скажи пчелам, что
меня больше нет
Серия «Чужестранка в одном
томе (новое оформление)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69501817
ISBN 978-5-04-190071-7

Аннотация

Легендарный цикл Дианы Гэблдон в новом, стильном оформлении!

История великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире и стала культовым сериалом XXI века.

Долгожданное продолжение цикла «Чужестранка».

Пчелы – это посредники между миром живых и миром мертвых.

1779 год. Джейми и Клэр потребовалось двадцать лет, чтобы воссоединиться. Но теперь Американская революция угрожает их счастьем, ведь последствия войны ощущаются даже в глубинке Северной Каролины.

Брианна и Роджер боятся, что прошлое, от которого они бежали, может настигнуть их.

Юный Уильям Рэнсом пытается примириться с открывшейся правдой о своем отце.

Теперь, когда семья наконец воссоединилась, на карту поставлено больше, чем прежде.

Если время вечно, то почему люди смертны? А может, мы обретаем бессмертие, лишь когда перестаем считать прожитые мгновения?

«Масштабное повествование. Блестяще продуманный сюжет». – *The Washington Post*

Содержание

Пролог	11
Часть первая	13
1	14
2	35
3	73
4	84
5	91
6	106
7	122
8	149
9	208
10	232
Часть вторая	244
11	245
12	253
13	274
14	291
15	322
16	332
17	350
18	360
19	386
20	409

21	429
22	444
23	466
24	484
25	506
26	515
Конец ознакомительного фрагмента.	518

Диана Гэблдон

Скажи пчелам, что меня больше нет

Diana Gabaldon

GO TELL THE BEES THAT I AM GONE

© 2021 by Diana Gabaldon

Фото автора © Doug Watkins

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Елены Петуховой, Елены Савиной
Художественное оформление серии Екатерины Петровой

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Arina Ulyasheva / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© tanyalmera, Bourbon-88 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Петухова Е., Савина Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

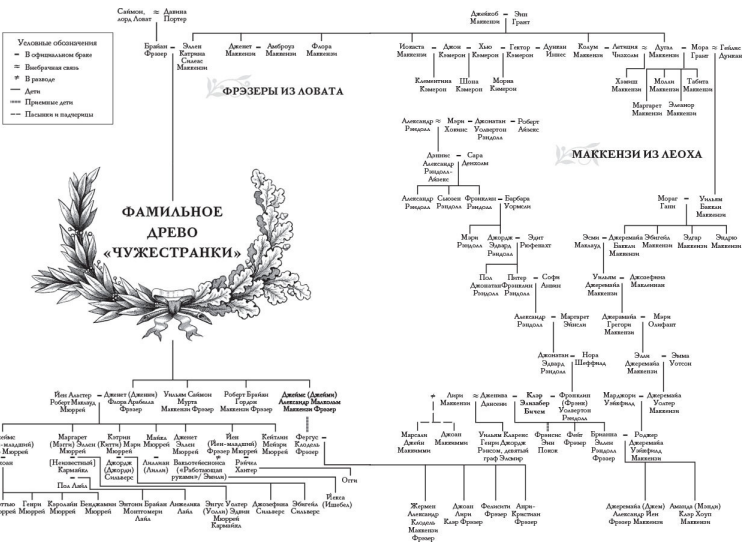
* * *

*Посвящается Дагу,
моей путеводной звезде*

Пролог

Ты знаешь: что-то грядет. Что-то непоправимое и ужасное вот-вот *случится*. Ты отгоняешь мрачные мысли. Но они возвращаются вновь, медленно и неумолимо.

Ты готовишься к неизбежному. По крайней мере, пытаешься. Хотя в глубине души понимаешь: нельзя ни отступить, ни приспособиться, ни смягчить удар. Так или иначе беда настигнет, и ты не сможешь ей противостоять.

Ты знаешь.

Однако почему-то не думаешь, что это произойдет сегодня.

---

¹ Отсылка к истории про Самсона-воителя из ветхозаветной Книги Судей. Однажды он голыми руками убил льва, а спустя некоторое время обнаружил, что в пасти поверженного хищника образовался улей диких пчел. Самсон извлек оттуда мед, и съел его, и по мотивам происхождения придумал загадку: «Из едящего вышло едомое, из сильного вышло сладкое». (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Часть первая
Пчелиный улей в туше льва¹

1

Маккензи здесь

Фрэзер-Ридж, колония Северная Каролина
17 июня 1779

Камень больно впивался в правую ягодицу, но я боялась менять положение. Под ладонью тихо и упрямо билось крошечное сердечко – едва ощутимая пульсация жизни. Промежутки между ударами казались вечностью, словно томительные часы ожидания рассвета.

– Ну-ка подвинься, саксоночка! – раздался голос возле самого уха. – Мне нужно почесать нос, а ты уселась мне на руку.

Джейми пошевелил пальцами, и я немного сместилась, прильнув к нему и крепко сжимая в руках потяжелевшую от сна трехлетнюю Мэнди.

Он улыбнулся мне поверх взъерошенной макушки Джема и почесал кончик носа. Должно быть, уже перевалило за полночь, но костер по-прежнему ярко горел. Глаза Джейми мягко поблескивали в свете пламени, бросавшего красноватый отсвет на его щетину, рыжие волосы внука и старый плед, в который оба закутались.

По другую сторону от костра тихонько засмеялась Брианна – так люди смеются среди ночи, чтобы не разбудить спящих детей.

Она положила голову Роджеру на плечо и прикрыла глаза. Вид у нее был изможденный – невымытые, спутанные волосы, впалые щеки, – но счастливый.

– Что смешного, *a nighean*?² – проворчал Джейми, обнимая внука. Джем изо всех сил боролся со сном, однако проигрывал в неравной схватке. Он распахнул глаза как можно шире и потряс головой, моргая, как встревоженный соенок.

– Что смешного?.. – повторил он заплетающимся языком и замер на полуслове с приоткрытым ртом, уставившись на мать бессмысленным взглядом.

Брианна хихикнула, и Джейми улыбнулся, глядя на нее.

– Я всего лишь спрашивала твоего папу, помнит ли он Соборание, на котором мы присутствовали много-много лет на-

---

² Дочка, девочка (*гэльск.*).

зад. Представители всех кланов стояли вокруг огромного костра. Я дала папе горящую ветку, чтобы он положил ее в костер и сказал, что Маккензи здесь.

– Понятно... – Джем пару раз мигнул, глядя на слепящее пламя, и слегка нахмурил рыжие бровки. – А где мы?

– Дома, – твердо сказал Роджер, переводя взгляд с меня на Джейми. – Навсегда.

Джейми наконец с облегчением выдохнул: мы оба пребывали в неведении с того момента, как сегодня днем вдруг увидели в низине эту четверку и побежали с холма им навстречу. Вне себя от радости, все принялись обниматься; веселая суматоха усилилась, когда на шум из своей хижины вышла Эми Хиггинс в сопровождении Бобби, а затем и Эйдан – мальчуган завопил от восторга при виде Джема и буквально сшиб его с ног. Тут же к ним присоединились Орри и малыш Роб.

На звук голосов прибежал Джо Бердсли, который охотился в лесу неподалеку... За считанные минуты собралась целая толпа. Еще до заката новость облетела шесть соседских семей – остальные узнают обо всем завтра.

Знаменитое шотландское гостеприимство проявилось во всей красе с невиданной скоростью; женщины и девушки побежали в свои дома, чтобы захватить предназначавшуюся для ужина еду, мужчины отправились по дрова – Джейми велел сложить огромный костер перед Новым домом на вершине холма. Так что воссоединение семьи отпраздновали с

шиком, в большой дружеской компании.

Путешественников забросали вопросами: откуда они были? Трудным ли было странствие? Что им довелось увидеть? Никто не спросил, рады ли они возвращению, – иного и не предполагалось.

Только мы с Джейми не задавали вопросов. Успеется. И лишь теперь, когда гости разошлись, Роджер наконец ответил на самый важный из них.

Но почему они приняли такое решение?.. Сердце тревожно заныло.

– Довольно для каждого дня своей заботы...³ – пробормотала я, склонившись к черным кудрям Мэнди и целуя крошечное ушко.

Пальцы вновь ощутили под одеждой – запыленной после долгого пути, но отлично скроенной – ниточку шрама между ребрами малышки. Едва заметный след от скальпеля хирурга, который спас ей жизнь два года назад, далеко-далеко от меня.

Маленькое храброе сердечко билось ровно, и я смахнула набежавшие на глаза слезы – в который раз за сегодняшний день.

– Выходит, я был прав, – сказал Джейми.

– Насчет чего?

– Насчет расширения. – Он махнул рукой в сторону невидимого в ночи каменного фундамента Нового дома. Дале-

---

³ Евангелие от Матфея, отрывок из Нагорной проповеди (Мф. 6:34).

ко внизу темнел среди травы едва различимый обгоревший остов Большого дома. Возможно, к моменту окончания строительства о нем останутся лишь воспоминания...

Брианна от души зевнула и, сонно моргая, откинула с лица гриву спутанных волос.

– Полагаю, в эту зиму нам придется ночевать в погребке, – хохотнула она.

– Напрасно ты так думаешь. – Джейми нисколько не обиделся. – Мы уже срубили деревья, попилили их на бревна и изготовили доски. Так что еще до холодов успеем сделать пол, стены и окна. Правда, остекление придется отложить до весны.

– Ну-ну... – Брианна снова моргнула и, встряхнув головой, поднялась и подошла взглянуть. – А каменная плита для очага уже готова?

– Да. Из серпентинита – это такой зеленый камень, знаешь?

– Помню. А кусок железа, чтобы подложить под него, тоже есть?

Джейми удивленно поднял брови.

– Пока нет. Но я найду, когда будем благословлять очаг.

– В таком случае... – Бри порылась в складках плаща и выудила большую, набитую до отказа холщовую сумку. Сунула в нее руку и через пару минут вытащила какой-то предмет, блеснувший в свете костра.

– Вот, па, возьми. – Она протянула предмет отцу.

Джейми недоуменно взглянул на вещицу, а затем с улыбкой передал мне.

– То, что надо! – похвалил он. – Привезла эту штуковину для очага?

«Штуковина» оказалась увесистой стамеской из гладкого черного металла около шести дюймов в длину. На рукоятке была выгравирована надпись «Крафтсман».

– По крайней мере, для одного из них, – улыбнулась Бри, положив руку Роджеру на колено. – Поначалу мы хотели строить дом своими силами, но... – Она обернулась и бросила взгляд через темнеющий Ридж на прозрачный холодный небосвод, где поблескивала Большая Медведица. – Боюсь, до зимы не управимся. Придется вас немного потеснить, – закончила она со вздохом, глядя на отца из-под опущенных ресниц.

– Что за глупости! – фыркнул он. – Наш дом – твой дом, и ты это прекрасно знаешь. К тому же лишние руки на стройке не помешают. Хочешь взглянуть?

Не дожидаясь ответа, он осторожно уложил Джема на землю возле меня и поднялся. Затем выхватил из огня горящую ветку и кивком пригласил дочку пройти к скрытому темной прямоугольнику нового фундамента.

Бри клонило в сон, но любопытство оказалось сильнее: улыбнувшись мне, дочка весело потрянула головой и набросила на плечи накидку.

– А ты пойдешь? – спросила она Роджера, вставая.

Он с улыбкой отмахнулся.

– У меня глаза слипаются. Завтра посмотрю.

Бри ласково коснулась его плеча и направилась за отцовским факелом, спотыкаясь и бормоча проклятия. Джем даже не шелохнулся, и я накрыла его пледом.

Мы с Роджером сидели молча, прислушиваясь к удаляющимся во мраке голосам, а когда те смолкли – к звукам ночи, потрескиванию костра и мыслям друг друга.

Если они решились на такое рискованное путешествие – тем более учитывая опасности этого места и времени, – случилось что-то поистине...

Роджер посмотрел мне в глаза и сразу догадался, о чем я думаю.

– Да, все пошло наперекосяк, – сказал он со вздохом. – Хотя мы – особенно я – думали вернуться и исправить ситуацию. Но побоялись, что Мэнди не сможет там никого почувствовать.

– Мэнди?.. – Я недоуменно посмотрела на потяжелевшее от сна тельце у меня на руках. – Кого она должна была «почувствовать»? И что значит «думали вернуться»? Постой!.. – Я протестующе подняла руку. – Ничего не говори: ты совсем обессилел. Еще успеешь рассказать. Главное, что вы здесь!

Роджер с благодарностью улыбнулся – хотя в его улыбке сквозила усталость от пройденных миль, веков и трагичных событий.

– Согласен.

Мы еще немного посидели в тишине. Вскоре зять уронил голову на грудь, и я подумала, что он заснул. Однако когда подобрала ноги, чтобы встать и пойти стелить постели, Роджер вновь заговорил:

– И еще кое-что...

– Да?

– Вы с Джейми когда-нибудь встречали человека по имени Уильям Баккли Маккензи? Или Бак Маккензи?

– Имя знакомое, – нерешительно произнесла я. – Но...

Роджер коснулся белого шрама от веревки у себя на шее.

– Так зовут типа, который приказал меня повесить. А еще он мой дальний предок – правда, тогда этого никто из нас не знал.

Мне показалось, он пытается оправдать мерзавца.

– Иисус твою... Ой, прости. Ты все еще в некотором роде священник?

Он улыбнулся; на усталом лице проступили глубокие складки.

– Полагаю, это стало частью моей личности. Хотя я бы не стал возражать против «Иисус твою Рузвельт Христос!». Идеально подходит к ситуации.

И Роджер в двух словах рассказал, каким образом Бак Маккензи оказался в Шотландии 1980 года, а потом отправился вместе с ним на поиски Джема.

– Все не так просто, – вздохнул он. – В итоге Бак остался в 1739 году со своей... кхм... матушкой.

– Гейлис? – Услышав мой изумленный возглас, Мэнди пошевелилась и захныкала во сне. Я торопливо погладила ее по спинке и взяла поудобнее. – Ты тоже с ней встречался?

– Да. Весьма интересная женщина.

У его ног стояла наполовину полная кружка пива; до меня доносился горьковатый запах хмеля. Роджер нерешительно заглянул внутрь, будто не зная, как поступить: выпить содержимое или опрокинуть себе на голову. Однако в конце концов сделал глоток и опустил кружку на землю.

– Я... то есть мы... хотели взять его с собой. Конечно, это было рискованно, но мы собрали достаточно драгоценных камней. Я думал, все получится. И потом – у него здесь жена... – Он махнул рукой в направлении леса. – То есть в Америке. В этом времени.

– Кажется, припоминаю. Я вроде бы видела ее имя в твоём генеалогическом древе. – Хотя, как подсказывает жизненный опыт, не всегда стоит верить написанному.

Роджер кивнул, глотнул еще пива и откашлялся. Его голос был хриплым и скрипучим от усталости.

– Значит, ты простил его за... – Я дотронулась до своего горла. На шее зятя отчетливо виднелся след от веревки и маленький шрам от экстренной трахеотомии, которую мне пришлось провести с помощью перочинного ножика и янтарного мундштука.

– Я полюбил его, – искренне ответил он. Сквозь щетину на усталом лице проступила слабая улыбка. – Нечасто выпа-

дает шанс полюбить дальнего предка, чья кровь течет в твоих жилах. Кто дал тебе шанс появиться на свет, сам того не осознавая...

– Став родителями, мы часто вынуждены играть вслепую, – сказала я, положив руку на теплую головку Джема и погладив его мягкие, хотя и немытые волосы. Они с Мэнди пахли как маленькие щеночки – сладким, животным запахом, полным невинности.

– Так и есть, – тихо отозвался Роджер.

Шорох травы и голоса возвестили о прибытии архитекторов, увлеченно обсуждавших устройство водопровода.

– Может, ты и права... – В голосе Джейми звучало сомнение. – Не знаю, получится ли раздобыть все необходимые детали до наступления холодов. Я только что начал копать яму для новой уборной – пока будем довольствоваться этим. А по весне...

Ответ Брианны я не расслышала. Вскоре оба появились у костра – свет пламени выхватил из темноты их одинаковые носы и рыжие шевелюры. Роджер подвинулся, а я осторожно встала на ноги; спящая Мэнди обмякла у меня на руках, словно ее тряпичная кукла Эсмеральда.

– Мама, дом просто чудо! – Бри прижалась к нам с Мэнди крепким, стройным телом. На мгновение она стиснула меня в объятиях, а затем наклонилась и поцеловала в лоб.

– Я так тебя люблю, – добавила она дрогнувшим голосом.

– Я тоже люблю тебя, милая, – ответила я, сглотнув под-

ступивший к горлу комок, и коснулась ее усталого сияющего лица.

Она забрала у меня Мэнди и с привычной ловкостью уложила ее головку себе на плечо.

– Пойдем, дружок, – сказала она Джему, ласково ткнув его ногой. – Пора спать.

Он что-то буркнул и приподнял подбородок, но тут же вновь провалился в сон.

– Ничего, я его понесу. – Роджер склонился над мальчуганом и с тихим ворчанием взял его на руки, а затем повернулся к нам. – Вы тоже идете? Я могу вернуться и присмотреть за костром – только уложу Джема.

Джейми покачал головой и обхватил меня рукой.

– Не беспокойся. Мы еще посидим, пока дрова не догорят.

Едва волоча ноги, они медленно двинулись вниз под бряцающий аккомпанемент содержимого сумки Брианны. В доме Хиггинсов, где им предстояло провести ночь, слабо мерцал свет: должно быть, Эми зажгла лампу и отодвинула служившую занавеской шкуру.

Джейми по-прежнему сжимал в руке стамеску; не сводя глаз с удаляющейся фигурки дочери, он поцеловал холодный металл – как когда-то целовал рукоять своего кинжала, давая нерушимую клятву.

Он убрал стамеску в спорран и обнял меня сзади, уткнув подбородок мне в макушку. Мы стояли и смотрели, пока семейство Маккензи не скрылось в темноте.

– О чем думаешь, саксоночка? – ласково спросил Джейми. – Я заметил мрачные тучи в твоих глазах.

– О детях... – неуверенно ответила я. – То есть... это чудесно, что они вернулись. Думала, что никогда их больше не увижу, и вдруг... – Я смахнула слезы от переполнявшей меня радости. И благодарности судьбе за подаренный шанс вновь стать одной семьей. – Теперь мы сможем видеть, как растут Джем и Мэнди, быть вместе с Брианной и Роджером.

– Да, – сказал он с улыбкой. – Но?..

Я колебалась, подыскивая нужные слова.

– Роджер намекнул, в их времени что-то случилось. По-видимому, что-то действительно ужасное.

– Брианна сказала мне то же самое. – Его голос стал жестче. – Только ведь они уже жили раньше в этом времени. И знают, что здесь происходит и чего ожидать.

Война. Именно о ней говорил Джейми. Я вцепилась в обхватившие меня за талию руки.

– Не думаю, – тихо сказала я, глядя на раскинувшуюся внизу долину. Путники давно скрылись в ночи. – Тот, кто там не был, ничего не знает.

Ничего не знает о войне...

– Да, – сказал Джейми и молча прижал меня к себе, нежно погладив мой шрам от мушкетной пули, полученной в битве при Монмуте. – Я понимаю, о чем ты, саксоночка. Когда увидел Брианну и ребятишек – думал, сердце разорвется от радости. Я так тосковал по ним, – и в то же время меня уте-

шала мысль, что они в безопасности. Но теперь...

Сквозь ткань накидки я ощущала медленные, ровные удары его сердца. Он тяжело вздохнул, и в этот момент в костре вдруг вспыхнула смола: целый сноп искр взметнулся ввысь и растворился в ночи. Словно напоминание о войне, которая медленно сжимала вокруг нас огненное кольцо.

– Вот смотрю я на них, – вновь заговорил Джейми, – и сердце наполняется...

– ...страхом, – прошептала я, еще крепче прижавшись к мужу. – Безумным страхом.

– Точно, – кивнул он. – Именно так.

* * *

Мы еще немного постояли, вглядываясь в темноту и надеясь вернуть ощущение радости. Окно Хиггинсов по-прежнему мягко светило на дальнем конце участка.

– Девять человек под одной крышей, – сказала я.

И вдохнула холодный, пахнущий хвоей ночной воздух, представляя девять спящих во влажной духоте тел. Наверняка там сейчас и шагу ступить негде: все горизонтальные поверхности заняты людьми, а над очагом дымится чайник и котел с похлебкой.

У Хиггинсов зажглось второе окно.

– Четверо из них – наши, – со смешком заметил Джейми.

– Надеюсь, они не спялят дом, – проворчала я. Из печной

трубы повалил дым и искры: кто-то подбросил в огонь дров.

– Не спялят. – Он развернул меня лицом к себе и тихонько сказал: – Я хочу тебя, *a nighean*. Ляжешь сегодня со мной? Может, это наша последняя ночь вдвоем на долгое, долгое время.

Я собиралась было сказать «Конечно!», но вместо этого зевнула во весь рот, едва успев прикрыть его рукой.

– Ой! Извини, я не хотела – нечаянно вышло.

Он тихонько рассмеялся. Качая головой, расправил скомканное лоскутное одеяло, на котором я сидела, опустился на колени и протянул мне руку.

– Приляг со мной, саксоночка! Посмотрим на звезды. Если через пять минут не заснешь – раздену тебя и буду любоваться твоим обнаженным телом в лунном свете.

– А если засну? – Я сбросила туфли и опустилась рядом с мужем.

– Тогда даже не буду стаскивать с тебя одежду.

Костер горел уже не так ярко, хотя дров было еще достаточно; разгоряченный воздух касался лица и шевелил волосы на висках. Крупные звезды рассыпались, словно бриллианты, оброненные небесным воришкой. Я поделилась этой метафорой с Джейми, но он лишь фыркнул в ответ. Однако потом прилег рядом и восхищенно вздохнул, любуясь чудесным зрелищем.

– Красиво! Вон там – Кассиопея, видишь?

Я посмотрела в направлении его кивка и покачала голо-

вой.

– Ничего не смыслю в созвездиях. Знаю только Большую Медведицу и еще могу показать Пояс Ориона. Куда он, черт возьми, подевался?.. И где-то рядом должны быть Плеяды, верно?

– Они входят в созвездие Тельца – которое возле Охотника. – Он вытянул руку, показывая, куда смотреть. – А это – Жираф.

– Не выдумывай! Нет такого созвездия – иначе я бы о нем слышала.

– Его сейчас просто не видно, но оно существует. Если уж на то пошло, сегодняшние события куда больше похожи на выдумку.

– Пожалуй, ты прав.

Он обхватил меня рукой, я повернулась на бок и прижалась щекой к его груди. Мы молча смотрели на звезды, слушая шелест ветра в листве и спокойное биение наших сердец.

Прошла целая вечность, прежде чем Джейми пошевелился и вздохнул.

– Таких звезд не видел с той ночи, когда мы зачали Фейт.

Я удивленно приподняла голову. Мы редко упоминали Фейт – мертворожденную дочь, навеки поселившуюся в наших душах. Нам не нужны были слова, чтобы понять чувства друг друга.

– Откуда ты знаешь, когда именно мы ее зачали? Я вот

понятия не имею.

Он медленно провел пальцами по моей спине и принял-ся ласково массировать мне ягодицы. Будь я кошкой, непременно бы замурлыкала.

– Ну, могу и ошибаться, но мне всегда казалось, что это случилось в ту ночь, когда я пришел к тебе в аббатстве. Там в конце коридора было высокое окно; я посмотрел в него и увидел звезды. Решил – это знак. Словно звезды указывали мне путь.

Я не любила вспоминать ту ночь в аббатстве Святой Анны, где Джейми едва добровольно не сошел в могилу. Тогда было страшное время. Дни, проведенные в смятении и тревоге, сменялись мрачными, полными отчаяния ночами. В памяти осталось лишь несколько ярких эпизодов, которые выделялись, словно расцвеченные первые буквы в древних церковных книгах.

Бледное лицо отца Ансельма в свете свечей; доброта и сострадание в его глазах сменяются изумлением, когда он выслушивает мою исповедь. Аббат совершает обряд соборования у постели умирающего племянника; его руки легонько, подобно крылышкам колибри, касаются лба, век, губ и ладоней Джейми. Безмолвие полутемной часовни, где я так страстно молилась за его жизнь и где мои молитвы слышались.

Однажды я проснулась среди ночи и увидела, что Джейми стоит у моей кровати – мертвенно-бледный, обнаженный и

дрожащий от холода. Он едва держался на ногах, но к нему вернулась жажда жизни и упрямая решимость, которые с тех пор ни разу его не покидали.

– Ты вспоминаешь Фейт? – Я непроизвольно потрогала живот. Джейми так и не увидел дочь, только чувствовал, как она пинается изнутри.

Он поцеловал меня в лоб и посмотрел в глаза.

– Конечно. Почему ты спрашиваешь?

– Просто хотела, чтобы ты рассказал мне еще немного.

– С удовольствием. – Он приподнялся на локте и притянул меня поближе, укутывая своим пледом⁴.

– А это помнишь? – Я отогнула краешек плотной ткани. – Как поделился со мной пледом в ночь нашей первой встречи?

– Чтобы ты не окоченела от холода? Конечно. – Он поцеловал меня в шею. – Тогда, в аббатстве, я и сам промерз до костей. Пытался ходить, но выбился из сил. А ты не давала мне есть, морила голодом, и я...

– Ты же знаешь, что говоришь неправду! Ты...

– Я не стал бы врать тебе, саксоночка!

– Еще как стал бы, черт тебя подери! – возмутилась я. – Постоянно так делаешь. Хотя сейчас это неважно. Значит, умирал от холода и голода? Но вместо того, чтобы попросить

---

⁴ Пледом в Шотландии называли традиционный большой килт (в отличие от малого, который представляет собой его нижнюю часть). Днем горцы носили его как верхнюю одежду, а ночью использовали в качестве одеяла.

у брата Пола одеяло и горячую похлебку, почему-то потащился в чем мать родила по темному коридору и забрался ко мне в кровать.

— В жизни есть вещи поважнее еды, саксоночка. — Его рука по-хозяйски расположилась на моих ягодицах. — В тот момент самым главным для меня было выяснить, смогу ли я делить с тобой ложе. Подумал: если не смогу, то просто уйду в метель и ты меня больше не увидишь.

— Конечно, тебе не пришло в голову подождать пару недель, пока не окрепнешь.

— Ну, я не сомневался, что смогу преодолеть небольшое расстояние, держась за стены. А все остальное полагалось делать лежа. Так зачем ждать? — Рука начала поглаживать меня пониже спины. — Значит, ты тоже помнишь ту ночь?

— Я словно занималась любовью с глыбой льда. — Так оно и было. При этом сердце мое разрывалось от нежности, а в душе вновь расцветала надежда, которую я уже и не чаяла обрести. — Хотя вскоре ты немного оттаял.

Поначалу совсем немного. Я прижалась к нему, пытаюсь согреть своим теплом. Стянула ночную сорочку, чтобы наши тела максимально соприкасались. Помню резко очерченный изгиб его бедра и выступающие позвонки, усеянные свежими шрамами.

— На тебя было страшно смотреть: просто ходячий скелет...

Я повернулась к мужу лицом и притянула к себе, чтобы

почувствовать тепло его тела и прогнать леденящие воспоминания. Он в самом деле был теплый. И живой. Даже очень живой.

– Помню, ты обхватила меня ногой, чтобы я не свалился с кровати. – Джейми медленно поглаживал мое бедро. Его волосы поблескивали в свете догорающего костра, хотя лицо оставалось в тени. Однако по голосу чувствовалось, что он улыбается.

– Кровать была ужасно узкой. – Я спала на монашеской койке, едва вмещавшей одного человека средних размеров. А Джейми, даже изрядно исхудавшему, требовалось куда больше места.

– Саксоночка, я хотел перевернуть тебя на спину, но побоялся, что мы оба завалимся на пол, и потом... не думаю, что смог бы удержаться сверху.

Тогда он дрожал от холода и слабости. Вероятно, его и сейчас пробирала дрожь – на этот раз вызванная страхом. Я взяла руку, лежавшую у меня на бедре, и поцеловала. Замерзшие пальцы крепко обхватили мою теплую ладонь.

– У тебя получилось, – прошептала я, перекатываясь на спину и увлекая его за собой.

– С грехом пополам, – пробормотал Джейми, высвобождаясь из килта, пледа, рубашки и нижней сорочки. Затем мы оба испустили долгий вздох наслаждения. – О боже, саксоночка...

Он сделал пару нерешительных движений и прошептал:

– Ты не представляешь, каково мне было. Я боялся, что больше никогда не смогу тобой обладать.

Но у него *действительно* получилось, хотя и с грехом пополам.

– И тогда я решил: пусть это будет последним, что я сделаю в своей жизни.

– Черт возьми, почти так и вышло, – прошептала я, схватив его за упругие ягодицы. – Я и правда на мгновение подумала, что ты умер, пока не почувствовала твои слабые движения.

– Думал, мне конец, – усмехнулся Джейми. – О, Клэр!..

Ненадолго прервавшись, он опустил и прижался лбом к моему лбу. Как в ту ночь, когда он касался меня, замерзший и полный отчаяния. Помню, как вдыхала в него жизнь, целуя мягкие, податливые губы, пахнущие элем и вареными яйцами – другую пищу его желудок принимать отказывался.

– Я хотел... – шептал он. – Хотел тебя. Мне нужно было тобой обладать. Правда, как только оказался внутри...

Джейми вздохнул полной грудью и продвинулся глубже.

– Думал, это меня прикончит на месте. Захотелось умереть. Пока я внутри тебя.

Его голос, хотя по-прежнему ласковый, стал вдруг далеким и отстраненным. Я поняла, что он сейчас не здесь, а в той холодной каменной келье. Вновь переживает минуты паники, страха и всепоглощающего желания.

– Я хотел излиться в тебя – пусть и в последний раз. Но

когда это произошло, понял, что буду жить и останусь внутри тебя навеки. Потому что дал тебе ребенка.

С этими словами Джейми вновь вернулся в реальность – и в меня. Я крепко сжимала в объятиях большое сильное тело, которое беспомощно задрожало в момент разрядки. Теплые слезы навернулись мне на глаза и холодными ручейками стекли по вискам, затерявшись в волосах.

Через некоторое время он перекатился на бок, продолжая держать руку на моем животе.

– Ну как, у меня получилось? – спросил он с легкой улыбкой.

– Получилось, – ответила я, накрывая нас обоим пледом. А потом, довольная, лежала рядом с мужем в свете догорающего костра и бессмертных звезд.

2

День голубого вина

От безумной усталости Роджер спал как убитый, невзирая на неудобства: постелью четверым Маккензи служили два рваных одеяла, которые Эми Хиггинс торопливо вынула из сумки с одеждой для починки. Под одеялами лежала недельная порция нестираного белья Хиггинсов, а накрываться гостям пришлось собственной верхней одеждой. Спать было не холодно: с одного бока согревал жар от погасшего костра, с другого – тепло детских тел и объятия жены. Едва успев прочитать благодарственную молитву – предельно короткую, зато искреннюю, – Роджер провалился в сон, как в бездонный колодец.

У нас получилось. Спасибо.

Он проснулся в полной темноте; пахло горелой древесиной и содержимым ночного горшка. Сзади тянуло холодом, хотя он засыпал спиной к огню — должно быть, повернулся во сне. В нескольких футах от лица Роджер увидел слабое свечение догорающего очага; на почерневших поленьях алыми венами пульсировали тлеющие угольки. Он протянул руку назад: Брианны рядом не оказалось. На дальнем конце одеяла возвышался небольшой холмик — должно быть, там спали Мэнди и Джем; остальные обитатели хижины еще не проснулись, их дыхание отчетливо слышалось в ночной тишине.

— Бри?.. — прошептал Роджер, приподнявшись на локте.

Она стояла, прислонившись к стене неподалеку от очага, и натягивала чулок. Затем опустилась на корточки возле мужа и погладила его по щеке.

— Я иду на охоту с па, — прошептала Брианна ему на ухо. — Мама присмотрит за детьми, если ты будешь занят.

— Ладно. А откуда у тебя... — На ней была теплая охотничья рубашка и просторные залатанные бриджи. Он провел рукой по ее бедру, ощущая под пальцами грубые стежки.

— Папа одолжил, — Бри поцеловала Роджера. Ее волосы поблескивали в свете тлеющего очага. — Ложись поспи. До рассвета еще не меньше часа.

Ловко переступая через спящих и сжимая в руках ботинки, она пробралась к выходу и беззвучно юркнула за дверь, на секунду впустив в дом струйку холодного воздуха. Бобби Хиггинс пробормотал что-то сонным голосом; один из маль-

чишек сел на полу, испуганно произнес: «Что?» – и снова плюхнулся в постель.

Свежий воздух моментально растворился в уютной духоте, и хижина погрузилась в сон. Только Роджер не спал. Он лежал на спине, испытывая смешанные чувства: спокойствие, облегчение, радость и тревогу.

У них и правда получилось!

Он еще раз мысленно пересчитал всех членов своей небольшой семьи. Все четверо были здесь, целые и невредимые.

В памяти проносились обрывки воспоминаний; он не пытался их удерживать, позволив разрозненным картинкам свободно появляться и исчезать в сознании. Увесистый слиток золота в потной руке и животный ужас, когда он чуть не потерял его, уронив на качающуюся палубу. Дымящаяся тарелка каши и стакан виски – проверенное средство от холодного шотландского утра. Брианна скачет вниз по лестнице на одной ноге, держа забинтованную вторую на весу. На ум невольно пришла детская скороговорка: «У дамы одной есть журавлик ручной, немного хромой».

Прощальное объятие с Баком на краю пристани, терпкий запах его невымытых волос. Бесконечные, холодные, неотличимые одна от другой ночи в трюме следующей в Чарльстон «Констанции». Они вчетвером сидят в углу за каким-то грузом, оглушенные ударами волн о корпус судна; измученные морской болезнью и смертельно уставшие – не в состоянии

испытывать ни голод, ни страх. Заполнившая трюм вода поднимается все выше, окатывая их холодными брызгами при каждом крене. Прижимая к себе детей, они отчаянно пытаются согреть их жалкими остатками тепла своих тел, чтобы сохранить им жизнь.

Роджер невольно задержал дыхание, предаваясь тяжелым воспоминаниям. Наконец он выдохнул, положил руки на дощатый пол по обеим сторонам постели и закрыл глаза, позволяя образам прошлого раствориться в ночи.

Назад пути нет. Они приняли решение и смогли добраться сюда. В безопасное место.

И что теперь?

Когда-то он жил в этом доме, причем довольно долго. Значит, нужно будет построить новый; Джейми вчера сказал, что земельный участок, подаренный губернатором Трайном, по-прежнему принадлежит ему и записан на его имя.

Сердце радостно забилося. Впереди новый день, рассвет новой жизни. С чего же начать?

– Папочка! – раздался громкий шепот у самого уха. – Мне надо на гойсок!

Роджер улыбнулся и встал с постели, отбросив в сторону накидки и рубашки. Мэнди нетерпеливо перепрыгивала с ноги на ногу, словно маленький галчонок.

– Пойдем, моя хорошая, – прошептал он, взяв ее за теплую липкую ладошку. – Отведу тебя в уборную. Смотри не наступи на кого-нибудь.

За свою недолгую жизнь Мэнди повидала немало уборных, так что ее ничто не смутило. Когда Роджер открыл дверь, огромный паук свалился откуда-то сверху и повис на тонкой паутинке, качаясь из стороны в сторону у него перед лицом. От неожиданности отец и дочь вскрикнули – точнее, Мэнди завизжала, а Роджер издал более подобающий мужчине хриплый возглас.

В предрассветной тьме паук напоминал черный клубок с ножками и от этого казался еще страшнее. Встревоженный их криками, он торопливо пополз вверх по паутинке и затаился в своем привычном убежище.

– Я туда не пойду! – заявила Мэнди, прижавшись к отцовской ноге.

Роджер вполне разделял дочкины чувства, но вести ее в кусты было еще опаснее: во-первых, там могли таиться другие (возможно, более крупные) пауки, а также змеи, летучие мыши и неизвестные хищники, которые предпочитают охотиться в рассветных сумерках. Например, пумы... Эй-дан Маккалум накануне рассказал занимательную историю о встрече с пумой на пути в уборную. В эту самую.

– Не бойся, малышка. – Роджер взял дочку на руки. – Паук убежал. Он и сам нас боится, так что больше сюда не сунется.

– Мне страшно!

– Знаю, моя хорошая. Не волнуйся, даже если он вернется, я его убью.

– Из ружья? – с надеждой спросила она.

– Конечно, – твердо сказал он, прижимая Мэнди к груди. И нырнул внутрь, запоздало вспомнив рассказ Клэр: как-то ей пришлось выгонять из уборной притаившуюся на сиденье гремучую змею.

К счастью, все обошлось – если не считать, что Мэнди чуть не провалилась в выгребную яму, когда он немного ослабил хватку, чтобы подтереть ей попку сухим кукурузным початком.

Слегка вспотев, несмотря на утреннюю прохладу, он вернулся в дом. Пока их не было, все без исключения Хиггинсы, а также Джем с Жерменом, успели встать.

Эми Хиггинс удивленно моргнула, услышав, что Брианна отправилась на охоту. Потом он добавил, что с ней отец, и изумленное выражение сменилось понимающим кивком. Роджер внутренне улыбнулся. Отрадно видеть, что Хозяин по-прежнему пользуется непрерываемым авторитетом у обитателей Риджа – даже после длительного отсутствия; Клэр вчера сказала, что они с Джейми и сами вернулись лишь около месяца назад.

– Много здесь появилось новых поселенцев, с тех пор как мы уехали? – спросил он у Бобби, который сидел рядом на скамье, держа в руках тарелку каши.

– Уйма! – закивал Бобби. – Семей двадцать, не меньше.

Хотите молока с медом, преподобный? – Он любезно подвинул гостю горшочек меда. По суровой шотландской традиции кашу приправляли солью, но Бобби был англичанином, и в виде исключения ему дозволялось подслащать свой завтрак. – Ой, совсем забыл спросить: вы все еще пастор?

Клэр вчера тоже об этом спрашивала, однако вопрос снова застал его врасплох.

– Да, – подтвердил он и налил из кувшина молока. Сердце забилося от волнения.

Роджер и правда им был. Хотя и не вполне на законных основаниях. Конечно, он целый год проводил в Ридже крестины, венчания и похороны, а также читал проповеди и выполнял прочие обязанности пресвитерианского священника. Так что местные жители по праву считали его таковым. Однако он не проходил официального обряда рукоположения. По крайней мере, пока.

– Возможно, я зайду к новым поселенцам, – бросил он невзначай. – Не знаешь, они католики? Или другого вероисповедания?

Вопрос был риторическим: все обитатели Риджа прекрасно знали и не стеснялись обсуждать религиозные предпочтения соседей, хотя и не всегда в открытую.

Эми поставила перед гостем оловянную кружку с цикорием и со вздохом облегчения села, намереваясь позавтракать традиционной соленой кашей.

– Пятнадцать семей католиков, – начала она перечис-

лять. – Двенадцать из них – пресвитерианцы, три – методисты «Голубого света». Остерегайтесь этих людей, преподобный!.. Хмм... Еще вроде парочка англиканцев... Орри!

Эми вскочила, чтобы предотвратить катастрофу: шестилетний Орри, пыхтя, поднял над головой полный ночной горшок, собираясь опорожнить его на Джема. Тот полусонно моргал, сидя со скрещенными ногами перед очагом с ботинком в руке.

Вздрогнув от материнского крика, Орри выронил горшок на только что разгоревшиеся дрова – к счастью, зловонное содержимое почти не задело Джема – и выскочил за дверь. Мать бросилась вдогонку, захватив метлу. Вскоре вдалеке слышались разъяренные крики на гэльском и испуганный визг.

Джем, который терпеть не мог ранние пробуждения, посмотрел на оскверненный очаг, наморщил нос и поднялся. Затем медленно побрел к столу и, зевая, уселся рядом с отцом.

Все ошарашенно молчали. Неожиданно в камине треснуло бревно и – как финальный аккорд – из грязного месива вылетел сноп искр.

Роджер деликатно кашлянул.

– Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх⁵.

Бобби нехотя оторвался от созерцания очага и посмотрел

---

⁵ Иов (5:7).

на Роджера. Его глаза покраснели от дыма, клеймо в виде буквы «У» на щеке казалось белым в рассветном полумраке.

– Отлично сказано, святой отец! Добро пожаловать домой.

* * *

Мама называла такие погожие деньки «днями голубого вина». Когда небесная синева простиралась до самого горизонта, а воздух пьянил свежестью. Под ногами шуршали облетевшие с дубов и каштанов листья, смешанные с сосновыми иголками; от земли исходил резкий прелый запах. С ружьями наперевес охотники поднимались в гору. Брианна Фрэзер Маккензи ощущала полное единение с природой.

Отец придержал ветку гемлока, Бри поднырнула под ней и встала рядом.

– *Feur-milis*, – произнес он, указывая на раскинувшиеся внизу луга. – Не забыла еще *Gàidhlig*⁶, дочка?

– Что-то связанное с травой?.. – предположила она, порывшись в памяти. – Второго слова я не знаю.

– «Сладкая трава». Так мы называем этот лужок. Хорошее пастбище – но уж больно высоко забираться, не всякое животное осилит дорогу. Да и оставлять их здесь надолго без присмотра не годится: пумы и медведи так и рыщут по окру-

---

⁶ Гэльский (гэльск.).

ге.

Луг подернулся рябью: миллионы серебристо-зеленых стебельков тянулись к утреннему солнцу, колыхаясь на ветру. Над травой порхали желтые и белые бабочки. Вдруг в отдалении раздался треск, и какое-то копытное животное скрылось в лесной чаще, качнув ветки.

– Я смотрю, у ваших коров есть конкуренты, – пошутила Бри, кивнув в ту сторону. Отец, по-видимому, не собирался преследовать зверя. Она удивилась, но потом решила, что на то имеются веские причины.

– Не так уж много, – ответил Джейми и повернул направо, двигаясь вдоль окружающих луг деревьев. – Олени питаются иначе, чем коровы или овцы, особенно если пастбище хорошее. Это был старый самец, – бросил он через плечо. – Убивать их летом нет необходимости: другого мяса вдоволь, к тому же более вкусного.

Брианна вскинула брови, но промолчала. Отец обернулся и с улыбкой посмотрел на нее.

– В эту пору их много: где один, там и остальные. Самки и оленята сбиваются в небольшие стада. До брачного сезона еще далеко, однако самцы всегда наготове. Он точно знает, где их искать. – Джейми кивнул в направлении, куда скрылся олень.

Бри подавила улыбку, вспомнив не совсем приличные комментарии матери по поводу влияния тестостерона на мужчин. Однако отец заметил и, угадав дочкины мысли, пе-

чально вздохнул; ее сердце сжалось от нежности.

– Твоя мама права насчет мужчин. – Джейми пожал плечами и серьезно добавил: – Помни ее наставления, *a nighean*. – Затем повернулся, подставив лицо ветру. – Олени неподалеку, но ветер дует от нас – мы не сможем приблизиться. Разве что если проберемся поверху и зайдем с подветренной стороны. – Он махнул рукой на запад. – Может, сперва навестим Йена-младшего? Если не возражаешь.

– Конечно! – Волна радости охватила ее при упоминании кузена. – Вчера у костра кто-то из вас говорил, что Йен женился. Интересно, на ком?

Она сгорала от любопытства; каких-то десять лет назад двоюродный братец предлагал руку и сердце *ей*. Совершенно нелепая идея, но в тот момент им двигало отчаяние. Хотя Бри осознавала, что он тогда был вовсе не прочь затащить ее в постель. Позднее, когда оба повзрослели – она вышла замуж, он развелся с индейской женой, – взаимное физическое влечение отошло на задний план.

Однако отголоски давней симпатии по-прежнему жили в их сердцах, и Брианна искренне надеялась, что ей понравится новая жена Йена.

Отец рассмеялся.

– Вы поладите! Ее зовут Рэйчел Хантер. Она из квакеров.

Воображение сразу нарисовало бесцветную тощую женщину с опущенными dolu глазами. Заметив сомнение в дочкином взгляде, Джейми покачал головой:

– Рэйчел совсем на них не похожа. И всегда говорит на чистоту. Йен от нее без ума – а она от него.

– В таком случае рада за них!

Она действительно была рада. Отец поднял бровь и окинул Бри насмешливым взглядом. Но промолчал и, повернувшись, повел ее за собой по напоенному летними ароматами зеленому морю.

* * *

Дом Йена совершенно очаровал Брианну. Он ничем не отличался от других горных жилищ, кроме расположения в самом центре осиновой рощи; сквозь трепещущие на ветру листья пробивались солнечные лучи. Причудливая игра света и теней создавала ощущение волшебства: чудилось, стоит отвести взгляд – и дом исчезнет среди деревьев.

Над забором виднелись любопытные головы четырех коз и двух козлят. Животные громко приветствовали гостей веселым блеянием, однако хозяйева так и не появились.

– Должно быть, куда-то ушли. – Джейми прищурился. – По-моему, там на двери записка!

Так и оказалось: к двери был приколот длинным шипом клочок бумаги с неразборчивыми каракулями. Брианна не сразу распознала гэльский.

– Жена Йена – шотландка? – спросила она, нахмурившись. Ей удалось понять только пару слов: «Маккри» и «ко-

зы».

– Нет, это почерк Дженни. – Нацепив очки, отец пробежал глазами записку. – Здесь сказано, что они с Рэйчел отправились к Маккри, чтобы шить лоскутные одеяла. И если Йен вернется раньше, пусть подоит коз и оставит половину молока на сыр.

Из загона послышалось многоголосое блеяние: козы словно почуяли, что речь идет о них.

– Очевидно, Йена тоже нет дома, – заметила Брианна. – Думаешь, стоит их подоить? Возможно, я даже вспомню, как это делается.

Джейми с улыбкой покачал головой.

– Не нужно. Скорее всего, Дженни выдоила их пару часов назад – думаю, они легко продержатся до вечера.

Поначалу она решила, что «Дженни» – имя работницы и только сейчас, уловив неожиданную теплоту в отцовском голосе, ошарашенно на него уставилась.

– Дженни?.. Твоя *сестра* Дженни? – недоверчиво спросила Бри. – Она *здесь*?

Вопрос его немного удивил.

– Ну конечно! Ох, да ведь ты ничего не знаешь. Прости, малышка, совсем не подумал. Она... Погоди-ка. – Джейми пристально посмотрел на дочь. – Письма. Мы писали – в основном Клэр, – но...

– Мы их получили.

Бри вспомнила, как открыла принесенную Роджером де-

ревянную шкатулку с инициалами полного имени Джема на крышке и буквально лишилась дара речи при виде родительских писем. Прочтя в первом «*Мы живы...*», она испытала целую бурю эмоций: облегчение, радость, печаль.

Похожее чувство нахлынуло на нее и сейчас. Дыхание перехватило, от навернувшихся слез все поплыло перед глазами – хижина, отец и сама она словно растворились в лучах солнца, пробивающихся сквозь кроны осин. Джейми обхватил дочь рукой и крепко прижал к себе.

– Мы и не чаяли увидеть тебя снова, *a leannan*⁷, – прошептал он дрогнувшим голосом, уткнувшись в ее рыжую макушку. – Я боялся – так боялся! – что вам не удалось добраться до безопасного места. Что вы все погибли, потерявшись во времени и пространстве. И что мы этого никогда не узнаем.

– Мы не могли вам сообщить. – Она подняла голову от отцовского плеча и вытерла нос рукой. – Зато вы оставили весточку *нам* – в тех письмах. Дали знать, что живы... – Бри замолчала, сморгнув последние слезинки, и Джейми торопливо отвел повлажневший взгляд.

– Неправда, – мягко сказал он. – К тому моменту, как вы получили письма, мы были давно мертвы.

– Нет, не были! – упрямо выкрикнула Бри, схватив отца за руку. – Я не стала читать все письма сразу. Разделила их на порции: ведь пока есть непрочтенные строки... вы по-прежнему живы.

---

⁷ Милая (*гэльск.*).

– Теперь это все неважно, девочка моя, – вполголоса ответил Джейми, целуя ей руку и обдавая пальцы теплым дыханием. – Вы здесь. С нами. Остальное не имеет значения.

* * *

Брианна сжимала в руках старенький дробовик, а у отца было хорошее ружье. Она не собиралась палить по птицам или другой мелкой дичи, чтобы не спугнуть притаившегося поблизости оленя. Дорога шла в гору, и Бри немного запыхалась; капельки пота выступили на висках, несмотря на прохладный день. Отец взбирался все выше с легкостью горного козла, не выказывая ни малейших признаков усталости. К ее огорчению, он заметил, что подъем дается ей нелегко, и кивнул в сторону небольшого уступа.

– Устроим привал, *a nighean*, – улыбнулся он. – Здесь есть вода.

Он осторожно коснулся ее покрасневшей щеки и тут же отдернул руку.

– Извини, малышка. Все никак не привыкну, что ты настоящая.

– Понимаю, – мягко ответила Бри. А затем дотронулась до теплой, гладко выбритой отцовской щеки и посмотрела в раскосые голубые глаза – такие же, как у нее самой.

Джейми вздохнул и нежно привлек дочь к себе. Они долго стояли, обнявшись и слушая крики воронов над головой и

журчание воды.

– *Trobad agus ol, a nighean*, – ласково сказал он, разворачивая ее лицом к небольшому ручейку, бегущему в расщелине между двух валунов. – Сходи попей.

Вода была ледяной, с легким горьковатым привкусом хвои.

Утолив жажду, Бри смочила покрасневшееся лицо, и в этот момент отец вдруг резко дернулся. Она замерла, не сводя с него взгляда. Джейми тоже не шевелился, лишь едва заметно кивнул вверх на склон холма.

Тогда она увидела – и услышала, – как сверху сыплется земля и мелкие камушки, с шорохом скатываясь к ее ногам. Затем все смолкло; раздавались только крики воронов. Карканье стало громче, словно птицы кружили теперь совсем рядом. *Что-то заметили*, подумала Бри.

Вороны и правда приблизились. Один из них неожиданно спикировал вниз, промелькнув над головой, другой продолжал кричать в вышине.

От внезапного грохота со стороны нависающих скал она едва не потеряла равновесие, инстинктивно ухватившись за торчащие из расщелин молодые деревца. Как раз вовремя: послышался глухой удар, скользящий шорох, и тут же сверху, разбрасывая землю и мелкие камни, упало что-то огромное. Тяжело дыша и истекая кровью, оно ударилось об уступ в двух шагах от Брианны и с шумом рухнуло в кусты.

– Спаси и сохрани нас, архангел Михаил, – сказал отец на

гэльском, крестясь. Он глянул вниз на качающиеся ветки – неизвестная тварь была еще жива! – а затем поднял глаза.

– *Weh!*⁸ – раздался сверху бесстрастный мужской голос.

Гэльское слово было незнакомым, в отличие от голоса. Сердце радостно подпрыгнуло.

– Йен! – крикнула Брианна.

Последовало молчание – только вороны встревоженно галдели над головой.

– Спаси и сохрани нас, архангел Михаил, – потрясенно произнес тот же голос, и через мгновение кузен спрыгнул на узкий уступ, с легкостью удерживая равновесие.

– Йен, это и правда ты! – воскликнула она.

– *A charaid!*⁹ – Йен сгреб ее в охапку и стиснул, недоверчиво смеясь. – Боже мой!

Он немного отстранился, чтобы удостовериться, что глаза его не подвели, а затем рассмеялся от радости, крепко поцеловал ее и вновь задушил в объятиях. От кузена пахло оленьими шкурами, овсянкой и порохом. Бри чувствовала, как колотится его сердце.

Внизу послышался шорох; покончив с приветственными объятиями, она увидела, что отец спрыгнул с уступа и спускается по каменистому склону к кустам, куда свалился раненый олень, – это наверняка был олень.

На секунду Джейми остановился перед зарослями – вет-

---

⁸ Зд.: Проклятье! (гэльск.).

⁹ Друг, подруга (гэльск.).

ки еще шевелились, но уже не так буйно, – а затем вытащил кинжал и, пробормотав что-то на гэльском, осторожно двинулся вперед.

– Там кусты шиповника, – пояснил Йен, выглядывая из-за ее плеча. – Хотя, думаю, дядюшка успеет перерезать ему горло. А *Dhia*...¹⁰ Выстрел был неудачный, и я боялся, что мне... Однако какого дьяв... – то есть как ты здесь очутилась?

Он еще раз оглядел сестру с головы до ног; при виде мужских штанов и охотничьих ботинок уголки его губ дрогнули в улыбке. Но что-то в лице Бри встревожило Йена.

– А муж приехал с тобой? И детишки?

– Да, они тоже здесь, – успокоила она брата. – Роджер, скорее всего, занят на стройке, Джем ему помогает, а Мэнди вертится под ногами. Ты, наверное, хочешь спросить, почему мы вернулись?..

Радость от встречи на короткое время отвлекла ее от мыслей о недавних событиях, только рано или поздно придется им объяснить всю чудовищность ситуации. Ужасная тяжесть сдавила ей грудь.

– Не беспокойся, кузина, это подождет. – Уловив ее замешательство, Йен поспешил сменить тему. – Ты еще не забыла, как охотиться на диких индеек? Тут неподалеку их целая стая: ходят туда-сюда хороводами, как селяне на празднике.

– Надеюсь, не забыла.

---

¹⁰ Боже (гэльск.).

Бри подняла с земли дробовик – утоляя жажду, она прислонила оружие к скале, но олень задел его во время падения. Пришлось выправлять покосившееся огниво. Возня в зарослях шиповника утихла. Порывы ветра доносили снизу голос отца, читавшего молитву перед тем, как снять шкуру с добычи.

– Может, папе нужна помощь?

– Ерунда – это всего лишь молодой олень! Дядюшка управится с ним в мгновение ока. – Подойдя к краю уступа, Йен крикнул: – Мы с Бри пойдем поохотиться на индеек, *a bràthair mo mhàthair!*¹¹

Внизу наступила мертвая тишина, а затем из колючих кустов высунулась всклокоченная голова Джейми: спутанные волосы упали на глаза, раскрасневшееся лицо оцарапано в кровь – руки тоже. Вид у него был крайне недовольный.

– Йен, – послышался наконец строгий голос, достаточно громкий, чтобы перекрыть звуки леса. – Мак Йен... мак Йен!..

– Мы скоро вернемся! Поможем отнести мясо! – прокричал в ответ племянник, весело махнув рукой. Затем взял дробовик и, встретившись глазами с Бри, мотнул подбородком в сторону вершины скалы. Бри глянула вниз, но отец уже скрылся в зарослях – потревоженные ветки продолжали качаться по инерции.

И куда подевались все ее навыки поведения в дикой при-

---

¹¹ Брат моей матери (*гэльск.*).

роде? Утес казался абсолютно неприступным, но Йен карабкался вверх с ловкостью мартышки. Поколебавшись, Бри двинулась следом, хватаясь за те же выступы, что и брат. Ноги то и дело соскальзывали, обрушивая комья земли.

– Йен мак Йен мак Йен?.. – удивленно спросила она, взобравшись на скалу и вытряхнув набившуюся в ботинки грязь. Сердце колотилось от непривычной нагрузки. – Это примерно как я называю Джема «Джеремайа Александр Йен Фрэйзер Маккензи», когда сержусь?

– Что-то вроде того. – Йен пожал плечами. – «Йен, сын Йена, сын Йена...» Смысл в том, чтобы указать на недостойное поведение – мол, позоришь предков.

Он был в грязной ситцевой рубашке с оторванными рукавами; на загорелом плече виднелся белый шрам в виде четырехконечной звезды.

– Откуда это? – спросила Бри.

Скосив глаза на рубец, Йен пренебрежительно отмахнулся и зашагал вперед через небольшой горный хребет, показывая дорогу.

– Пустяки, – сказал он. – Один ублюдок-абенаки пронзил меня стрелой в битве при Монмуте. Денни через пару дней ее вырезал. Дензил Хантер, – уточнил Йен, поймав ее непонимающий взгляд. – Брат Рэйчел. Он врач, как и твоя мама.

– Рэйчел! Твоя жена?

Лицо кузена расплылось в улыбке.

– Она самая. *Taing do Dhia*. – Йен быстро глянул на сестру,

неуверенный в ее знаниях гэльского.

– Я помню фразу «Слава Богу», – заверила она. – И не только! Большую часть плавания через Атлантику Роджер повторял со мной *Gàidhlig*... Па сказал, что Рэйчел из квакеров, – обронила Бри, перепрыгивая с камня на камень через небольшой ручей.

– Так и есть. – Йен сосредоточенно смотрел под ноги; восторга и гордости в его голосе поубавилось. Брианна сделала вид, что не заметила. Даже если у супругов и возникали из-за этого конфликты – а они просто *не могли* не возникнуть, учитывая характер кузена и особенности мировоззрения квакеров, – вопросы лучше отложить на потом.

Однако Йен не обладал подобной деликатностью.

– Вы приплыли из Шотландии? Когда? – бросил он через плечо. Но тут же осознал двусмысленность вопроса и, изменившись в лице, скорчил виноватую гримасу.

– Мы отплыли из Эдинбурга в марте, – ответила Бри максимально кратко. – Остальное расскажу чуть позже.

Йен кивнул, и они продолжили путь. Иногда шли рядом, порой кузен забегал вперед в поисках оленьих следов или обходных троп – когда заросли становились совсем непролазными. Брианна радовалась возможности идти за братом: теперь можно сколько угодно его разглядывать, не смущая пристальным вниманием.

Он изменился. Впрочем, ничего удивительного. По-прежнему рослый и худощавый, Йен повзрослел, превратившись

из юноши в мужчину; рельефные мускулы на руках перекачивались под кожей при каждом движении. Потемневшие каштановые волосы заплетены в косу, подвязанную тонким кожаным шнуром, и украшены индюшиными перьями. *На удачу?*.. Йен подобрал оставленный ранее на вершине утеса лук и колчан со стрелами; колчан болтался теперь у него за спиной.

В памяти невольно всплыли строки:

Но сложенный хорошо человек выражен не только в лице;

Он выражен в членах, суставах своих, изящно выражен в бедрах, запястьях,

*В походке своей, в осанке, в гибкости стана, колен, – его не скрывает одежда...*¹²

Эта поэма всегда вызывала в воображении образ Роджера, но сейчас Бри вдруг подумала, что под описание подходят и Йен, и отец – несмотря на то, что все трое были очень разными.

Они поднялись еще выше; лес поредел, подул свежий ветерок. Йен неожиданно замер и подозвал ее чуть заметным движением пальцев.

– Слышишь? – прошептал он ей на ухо.

Брианна слышала, покрывшись мурашками от радостного предвкушения. Негромкие, резкие крики, напоминающие собачий лай. А в отдалении – прерывистое курлыканье, по

---

¹² Стихотворение Уолта Уитмена «Я пою электрическое тело...» из цикла «Листья травы», 1855 г. (Пер. М. Зенкевича).

звуку похожее на мурчание огромной кошки или на работу маленького мотора.

– Советую снять чулки и обмазать ноги грязью, – шепнул Йен, указывая на ее шерстяные чулки. – Лицо и руки тоже.

Она кивнула, приставила дробовик к дереву и сгребла сухие листья с небольшого участка почвы – достаточно влажной, чтобы намазать ею кожу. Йену подобный камуфляж не требовался: его загорелое лицо и так было цвета оленьей шкуры. Он бесшумно удалился, пока Брианна втирала грязь в лицо и руки. Когда она подняла глаза, кузен куда-то исчез.

Затем послышались странные звуки – будто ржавые дверные петли скрипят на ветру, – и в тот же момент Бри увидела Йена. Он застыл как изваяние за амбровым деревом в тридцати шагах от нее.

На мгновение все стихло, даже царапанье веток и шепот листьев. А потом раздалось сердитое кулдыканье, и Бри как можно медленнее повернулась на звук. Высунув из травы бледно-голубую голову, индюк вертел ею из стороны в сторону, тряся ярко-красной бородкой и высматривая нарушителя спокойствия.

Затаив дыхание, она не сводила глаз с Йена, который молча и неподвижно стоял с приставленными ко рту ладонями. Брианна затаила дыхание и перевела взгляд на индюка; тот издал еще один громкий клекот – вдалеке отозвался эхом другой индюк. Первый индюк посмотрел в сторону звука, вытянул шею и крикнул; мгновение прислушался и опять

нырнул в траву. Переглянувшись с Бри, Йен едва заметно покачал головой.

Через шестнадцать медленных вздохов — она считала! — Йен снова кулдыкнул. Индюк тут же высунулся из травы и с налитыми кровью глазами отважно засеменял по усыпанной листьями земле, распушив перья на груди и потрясывая веером хвоста. На секунду замер, словно демонстрируя восхищенному лесу свое величие, а затем начал вышагивать туда-обратно, издавая резкие, воинственные крики.

Не поворачивая головы, Брианна переводила взгляд с индюка на двоюродного брата: выверяя каждое движение, тот медленно снял с плеча лук, замер, взял в руку стрелу, снова замер и, наконец, натянул тетиву, отсчитывая последние секунды птичьей жизни.

Но все пошло не по плану. Йен пустил стрелу и в тот же момент испуганно вскрикнул совершенно человеческим голосом. Что-то большое и темное свалилось с дерева, и он едва успел отскочить, иначе ему на голову приземлилась бы огромная индейка. Вытянув шею, взъерошенная от испуга птица ринулась к не менее шокированному индюку, с которого вмиг слетела спесь.

Бри инстинктивно вскинула дробовик и выстрелила. Однако промазала: обе птицы скрылись из виду в зарослях папоротника. Их крики напоминали стук маленьких молоточков по дереву.

Когда возмущенное эхо растаяло в отдалении, снова по-

слышался шелест листьев на деревьях. Йен посмотрел на свой лук, а затем на стрелу, бессмысленно торчащую из земли между двух камней. Встретившись глазами, брат с сестрой расхохотались.

– Что ж, поделом нам, – философски заметил он. – Не надо было оставлять дядю один на один с колючими кустами.

* * *

Брианна прочистила ствол и вновь зарядила дробовик картечью, пытаясь унять дрожь в руках.

– Извини, что промазала.

– Ты чего? – удивился кузен. – Сама знаешь: на охоте только один выстрел из десяти бьет в цель. И потом – я ведь тоже промахнулся.

– Только из-за дурацкой индейки, которая свалилась тебе на голову, – со смехом сказала она. – Стрела сломалась?

– Ага. – Йен вытащил из грунта поврежденное оружие. – Хотя наконечник еще можно будет использовать. – Он снял его и спрятал в спорран, а затем выбросил бесполезное древко и поднялся. – Мы их спугнули – больше выстрелить не получится, но... Все в порядке, сестренка?

У нее никак не получалось вставить шомпол в ствол, и в итоге она отшвырнула его в сторону.

– Как это называется, когда охотник не может попасть в оленя от возбуждения? Оленья лихорадка? – усмехнулась

Бри, отправляясь за шомполом. — У меня, видимо, индюшачья лихорадка.

— Похоже на то, — улыбнулся Йен, не сводя глаз с ее рук. — Ты когда последний раз стреляла из ружья?

— Не так давно, — сдержанно ответила она. Кто бы мог подумать, что дрожь вернется! — Месяцев шесть-семь назад.

— И на кого охотилась? — спросил Йен, склонив голову набок.

Бри осторожно затолкала шомпол на место и решительно подняла глаза.

— На банду головорезов, которые прятались в моем доме, чтобы убить меня и похитить детей. — Слова, хотя и абсолютно правдивые, прозвучали нелепо и мелодраматично.

Брови Йена поползли вверх.

— Ты их подстрелила? — В его голосе слышался такой живой интерес, что она не удержалась от смеха, несмотря на горечь воспоминаний. Точно так же он спросил бы, удачной ли была рыбалка.

— Увы... Я лишь продырявила им шину и выбила собственное окно. Зато, — добавила она с нарочитой небрежностью, — эти скоты не получили ни меня, ни детей.

Неожиданно почувствовав слабость в ногах, Бри опустилась на поваленное дерево.

Йен понимающе кивнул, словно слышать такие истории было для него в порядке вещей — любой другой на его месте отреагировал бы иначе.

– Так вы поэтому вернулись?

Он по привычке огляделся, словно сканируя лес в поисках возможных врагов, и Брианна вдруг подумала, каково жить с Йеном и никогда не знать, кто сейчас перед тобой – шотландец или могавк. Теперь ей действительно не терпелось познакомиться с Рэйчел.

– В основном – да.

Брат пристально посмотрел на кузину, уловив недосказанность ее слов, но снова понимающе кивнул.

– Ты собираешься отправиться назад, чтобы их прикончить? – спросил он абсолютно серьезно.

Бри с трудом подавила поднявшуюся в душе ярость при мысли о Роббе Кэмероне и его ублюдочных сообщниках. Руки дрожали вовсе не от страха и не от ужасных воспоминаний; это была неутоленная жажда расправы, овладевшая ею, как только палец нажал на курок.

– Если бы... – вздохнула она. – Но это невозможно. По крайней мере, физически. – Она махнула рукой. – Я потом тебе все расскажу; мы о случившемся даже родителям еще не говорили. Добрались сюда только вчера вечером.

Вспомнив о тяготах долгого похода через горные хребты, Брианна вдруг зевнула во весь рот.

Йен рассмеялся, и она тряхнула головой, прогоняя сонливость.

– Па вроде обмолвился, что у тебя недавно родился ребенок? – спросила она, решительно сменив тему.

Кузен расплылся в улыбке.

– Так точно. – Лицо Йена светилось радостью, она тоже невольно заулыбалась. – Сынишка. У него еще нет настоящего имени, но мы зовем его Огги. Сокращенно от Оглторп¹³, – пояснил он, заметив ее удивление. – Мы как раз были в Саванне, когда узнали о малыше. Не терпится познакомиться тебя с ним!

– Жду не дождусь! – заверила она кузена, так и не уловив связи между Саванной и именем Оглторп. – Может, нам стоит...

Вдалеке послышался шум, и Йен тут же вскочил, озираясь.

– Это па? – спросила Бри.

– Похоже. – Йен помог ей встать, одновременно подхватывая лук. – Идем!

Она взяла в руки перезаряженный дробовик и побежала, не разбирая дороги – через кусты, камни, деревья и ручьи. Йен скользил по лесу, словно змея; Бри пулей неслась за ним, ломая ветки и прикрывая лицо рукавом.

Дважды Йен резко останавливался и хватал ее за руку, когда она от неожиданности налетала на него. Тяжело дыша, с рвущимся из груди сердцем они пытались хоть что-то слышать сквозь лесные шорохи.

В первый раз, спустя пару минут, показавшихся вечностью, они уловили вдалеке пронзительный рев, переходящий

---

¹³ Округ в штате Джорджия (США).

в тихое урчание.

– Кабан? – спросила она, хватая воздух ртом. Дикие кабаны порой достигали крупных размеров и были очень опасны. Сглотнув слюну, Йен покачал головой.

– Медведь, – выдохнул он и, схватив ее за руку, побежал. Во время второй передышки они не слышали ничего.

– Дядя Джейми! – крикнул Йен, отдышавшись.

Тишина...

– Папа! – что есть мочи завопила Брианна. Среди величественных гор ее голос прозвучал не громче мышиного писка.

Так они несколько раз кричали, прислушивались и снова кричали и, наконец, пустились бежать по направлению к зарослям шиповника и мертвому оленю. Йен показывал дорогу.

Едва успев затормозить на краю обрыва, они остановились, запыхавшись. Брианна вцепилась Йену в плечо.

– Там что-то есть!

Кусты внизу шевелились. Не так сильно, как во время оленьей агонии, но довольно заметно: в зарослях двигался кто-то значительно превышающий в размерах Джейми Фрэзера. Сверху было отчетливо слышно рычание, хлюпающий звук рвущейся плоти, треск костей и... чавканье.

– Господи Иисусе! – прошептал Йен почти беззвучно.

Однако Брианна слышала. От ужаса у нее потемнело в глазах. Собрав все силы, она еще раз крикнула:

– Папааа!

– Явились, наконец, – послышался откуда-то снизу сердитый шотландский голос. – Надеюсь, вам удалось добыть на обед индейку. Потому что олениной нам сегодня полакомиться не суждено.

Брианна бросилась на землю и осторожно выглянула вниз. Отец стоял на узком уступе футах в десяти от вершины утеса – на том самом месте, где она совсем недавно пила воду. Голова закружилась от облегчения. Его хмурое лицо осветилось улыбкой при виде дочери.

– Все в порядке, малышка?

– Да. Но индеек мы так и не подстрелили. Лучше расскажи, что случилось *с тобой!*

Джейми был взлохмачен и сплошь покрыт царапинами; руки и лицо в пятнах и потеках засохшей крови, рукав порван. Правый ботинок отсутствовал, по голени струилась кровь. Он глянул вниз с уступа и снова помрачнел.

– *Dia gam chuideachadh*¹⁴, – кивнул он подбородком на возню в зарослях. – Не успел я снять шкуру с убитого Йеном оленя, как этот жирный лохматый дьявол вылез из кустов и отобрал у меня добычу.

– *Cachd*¹⁵, – с отвращением произнес Йен, который сидел на корточках рядом с сестрой, не сводя глаз с шиповника.

Брианна на мгновение отвлеклась от отца и с трудом разглядела сквозь заросли огромное черное существо, сосредото-

---

¹⁴ Да поможет мне Бог (*гэльск.*).

¹⁵ Зд.: Ждал в засаде (*гэльск.*).

точенное на своем занятии; кусты трещали и подрагивали, когда хищник яростно терзал оленью тушу. В густой листве мелькнула трясущаяся нога с копытом.

Даже мимолетного взгляда на медведя хватило, чтобы ощутить скачок адреналина. Все тело напряглось, кровь отлила от головы. Стараясь дышать глубже, Брианна чувствовала, как по спине струится пот. Сжимающие металлический ствол ладони тоже повлажнели.

Когда она совладала с эмоциями, Йен как раз спрашивал дядю о раненой ноге.

– Пнул его в морду, – коротко ответил Джейми, бросив неприязненный взгляд на кусты. – Он обиделся и хотел отхватить мне ногу, но ему достался только ботинок.

Йен затрясся в беззвучном смехе.

– Понятно. Тебе помочь, дядюшка?

– Не надо. Я жду, когда этот *mac na galladh*¹⁶ уберется во-свояси. Там мое ружье.

Йен понимающе кивнул. У Джейми было отличное длинноствольное ружье из Пенсильвании. Неудивительно, что он готов ждать хоть до второго пришествия. К тому же упрямства у него побольше, чем у медведя. Брианна хихикнула про себя от этой мысли.

– Вы идите, – сказал Джейми, глядя на них снизу. – Я маленько задержусь.

– Думаю, сумею попасть в него отсюда, – предложила Бри-

---

¹⁶ Сукин сын (гэльск.).

анна, оценивая расстояние. – Убить не убью, но заряд картечи может обратить его в бегство.

В ответ раздалось насмешливое шотландское фыркание.

– Даже не пытайся, – предостерегающе замахал рукой Джейми. – Так ты его только разозлишь. Если я запросто спустился по склону, то и он легко заберется наверх. Идите! А то у меня уже шея затекла с вами говорить.

Бри искоса взглянула на кузена, и тот едва заметно кивнул, понимая ее нежелание оставлять наполовину босого отца одного на уступе в десяти шагах от голодного медведя.

– Мы составим тебе компанию, – заявил Йен.

Не дожидаясь дядиных возражений, он ухватился за растущую на склоне молодую сосенку и ловко спрыгнул на уступ. Его обутые в мокасины ноги без труда нашли опору.

Брианна последовала примеру брата: сначала бросила отца дробовик, а потом спустилась сама, хотя и не так быстро.

– Дядя, что же ты не прикончил его своим кинжалом? – удивился Йен. – «Убийца медведя» – кажется, так тебя прозвали индейцы-тускарора?

Бри с облегчением заметила, что к отцу вернулась привычная невозмутимость; он удостоил племянника насмешливым взглядом.

– Слышал поговорку о том, что с возрастом к мужчине приходит мудрость? – спросил Джейми.

– Ну да, – недоуменно хмыкнул Йен.

– Так вот, если не станешь мудрее, то до старости вряд ли

доживешь, — пояснил Джейми, прислоняя дробовик к скале. — А я достаточно стар, чтобы понимать: глупо вступать в смертельную схватку с медведем из-за оленьей туши. Дочка, у тебя не найдется чего-нибудь съестного?

Бри совершенно забыла о маленькой сумке через плечо. порывшись, она выудила оттуда пресные лепешки и сыр, которыми ее снабдила Эми Хиггинс.

— Присядь, — сказала она, вручая отцу еду. — А я пока взгляну на рану.

— Ерунда, — отмахнулся Джейми. Однако послушно сел, вытянув раненую ногу. Возможно, был слишком голоден, чтобы протестовать, или благодаря жене привык терпеть назойливое лечение.

Рана действительно казалась неопасной, хотя на голени был глубокой порез и пара длинных царапин: видимо, след от зубов медведя. При мысли о ноге отца в медвежьей пасти Бри стало дурно. Лекарств она с собой не брала. К счастью, в сумке нашелся большой носовой платок: смочив его в струившемся по расщелине ручье, она как могла промыла рану.

«Интересно, можно ли получить столбняк от укуса медведя?» — думала Брианна, промокая и смывая кровь. У нее были сделаны все необходимые детские прививки, включая противостолбнячную. Правда, иммунитет сохраняется лет десять, не больше. Кровь почти перестала течь, но еще сочилась. Брианна выжала ткань и перевязала рану — не слишком туго.

– *Tarpadh leat, a gràidh*¹⁷, – сказал Джейми с улыбкой. – Твоя мама и то не сделала бы лучше. Держи. – Он протянул ей две лепешки и кусок сыра.

Брианна прислонилась к скале между отцом и Йеном. Только сейчас она с удивлением поняла, что страшно голодна. Еще больше ее удивляло, что они спокойно беседуют в непосредственной близости от огромного хищника, который мог с легкостью убить всех троих.

– Медведи ленивы, – сказал Йен, проследив за взглядом Бри. – Зачем ему напрягаться ради жалкой костлявой закуски, когда у него есть такой шикарный обед? Это ведь самец – да, дядя? Кстати, он что, сожрал твой ботинок?

– Я не стал дожидаться, чем все кончится. – После еды настроение Джейми заметно улучшилось. – Надеюсь, что нет. Стал бы он жевать кусок старой кожи, когда перед ним лежит целая туша свежеебитого оленя? Медведи не дураки.

Кивнув, Йен снова прислонился к скале, легонько потеряв плечи о нагретый солнцем камень.

– Сестренка, ты обещала рассказать, почему вы вернулись. Похоже, мы здесь надолго застряли. – Он махнул рукой в сторону методичных звуков рвущейся плоти и чавканья.

Внутри у Брианны все сжалось. Взглянув на помрачневшее лицо дочери, Джейми похлопал ее по коленке.

– Ни к чему спешить. Времени у нас достаточно. Расскажите потом вместе с Роджером Маком, когда вернемся до-

---

¹⁷ Спасибо, моя дорогая (*гэльск.*).

мой.

Бри колебалась; столько раз она представляла, как они с мужем по очереди рассказывают все родителям. Однако сейчас, поймав пристальный взгляд отца, поняла, что не сможет без утайки выложить свою часть истории при Роджере. Муж пришел в ярость даже от тех деталей, которыми она решилась поделиться.

– Нет, – медленно сказала она. – Лучше послушайте сейчас. По крайней мере, о том, что случилось со мной.

Набрав в ладони холодной воды из ручья, Бри запила остатки лепешки и начала рассказ.

Да, мама была права насчет мужчин: Йен непроизвольно сжал кулаки, а отец яростно зарычал, когда речь зашла о Робе Кэмероне, зажавшем ее в углу кабинета в Лаллиброхе. Бри не стала сообщать ни о страшных угрозах и требованиях, ни о том, как, сняв по приказу Роба джинсы, хлестнула его ими по лицу, а потом повалила на пол. Хотя упомянула, что разбила ублюдку голову деревянной шкатулкой с письмами. Слушатели одобрительно хмыкнули.

– А откуда вообще взялась та шкатулка? – спросила вдруг Бри, прервав повествование. – Роджер нашел ее у приемного отца в гараже. Такое место, где паркуют машину, – добавила она, видя озадаченное выражение на лице Джейми. – Впрочем, неважно. Считай, это что-то вроде сарая. Нам всегда хотелось узнать, где вы ее спрятали в свое время.

– Где? – Черты Джейми смягчились. – Роджер Мак ко-

гда-то говорил, что его отец был священником и долгие годы прожил в своем доме в Инвернесе. Мы сделали три шкатулки – нелегкая была задачка, скажу я тебе, по несколько раз переписывать все письма! Я запечатал их и отправил в три разных банка Эдинбурга, приложив инструкцию: в таком-то году выслать по такому-то адресу преподобному Уэйкфилду в Инвернесс. Мы надеялись, хотя бы одна дойдет. На каждой шкатулке я выгравировал полное имя Джема; чтобы только ты смогла понять значение надписи. А что было дальше? Ты разможила ублюдку голову, и?..

– У меня не получилось его вырубить, зато я смогла выбежать в коридор. И бежала до самой вешалки – правда, не такой, как у твоих родителей, – сказала она кузену и тут же вспомнила содержание одного из последних писем. – О боже! Йен, твой отец... Мне так жаль!

– Да... Спасибо. – Он отвел взгляд и крепко сжал ее руку. – Не переживай, *a nighean*. Отец, как и прежде, живет в моем сердце. К тому же дядюшка Джейми привез из Шотландии маму. Господи Иисусе! – Его глаза округлились. – Она же не знает, что вы вернулись!

– Скоро узнает, – проворчал Джейми. – Ты расскажешь наконец, что там было дальше с этим идиотом Кэмероном?

– Может, не так уж и скоро, – мрачно заметила Брианна.

А затем окончила историю, поведав о сообщниках Кэмерона и о перестрелке у корраля О-Кей¹⁸.

---

¹⁸ Одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада. Произошла

– Я увезла Джема и Мэнди в Калифорнию – это на другом побережье Америки, – чтобы разработать план действий. И в итоге поняла, что выбора нет: нужно попытаться найти Роджера в Шотландии: он сообщил в записке, где именно находится и в каком году. Так мы и сделали... А потом... – Бри обвела рукой окружающую девственную природу, – приехали сюда.

Джейми шумно втянул носом воздух, но не произнес ни слова. Йен тоже молчал – лишь едва заметно кивнул, будто в подтверждение собственных мыслей. Среди родных Брианна ощущала удивительное спокойствие. После этой импровизированной исповеди у нее словно камень с души свалился. Давно она не испытывала такого чувства защищенности.

– Ну наконец-то! – проворчал вдруг Йен.

Проследив за его взглядом, Бри увидела качающиеся кусты шиповника: медведь вперевалку ковылял прочь. Кузен вскочил и протянул ей руку.

Брианна встала в полный рост и потянулась, разминая затекшие конечности. На сердце было так хорошо, что она не расслышала слов отца, который поднялся вслед за ней.

– Прости, что ты сказал?

– Что есть еще одно маленькое обстоятельство.

– Еще одно? – Ее губы тронула легкая улыбка. – По-мое-

в три часа пополудни 26 октября 1881 года в городе Тумстоун на Аризонской территории. Впоследствии место перестрелки стало достопримечательностью, а сама она неоднократно обыгрывалась в сюжетах голливудских вестернов.

му, их и так предостаточно.

Джейми издал неопределенный шотландский звук, означающий одновременно мольбу о прощении и угрозу.

– Этот Роберт Кэмерон... Выходит, он мог прочесть наши письма?

Брианна покрылась холодным потом.

– Да. – Чувство защищенности развеялось как дым.

– Тогда ему известно и о золоте якобинцев, которое мы спрятали вместе с виски, и о нашем местонахождении. А значит, его подельники тоже знают. Может, сам он не умеет проходить сквозь камни, но наверняка найдет того, кто способен. – Джейми в упор посмотрел на дочь. – Рано или поздно нас найдут.

Пасторально и очень романтично

Солнце только-только взошло, а Джейми уже и след простыл. Я ненадолго открыла глаза, когда он чмокнул меня в лоб и прошептал, что отправляется на охоту с Брианной. Поцеловал меня в губы и растворился в стылом предутреннем мраке. Спустя два часа я окончательно проснулась в уютном тепле старых лоскутных одеял – подарок семейств Кромби и Линдси, – служивших нам постелью, и села в ночной сорочке, скрестив ноги. Затем провела пальцами по волосам, убирая застрявшие листья и травинки. Как же редко мне доводилось наслаждаться таким неспешным пробуждением! Гораздо чаще я подскакивала, словно от пушечного выстрела. С радостным волнением я подумала, что дом теперь вновь

наполнится людьми: здесь поселятся и Маккензи, и сын Фергуса с Марсали Жермен, и Фанни, оставшаяся сиротой после трагической гибели сестры. Вскоре утренние часы будут напоминать массовую миграцию летучих мышей из Карлсбадской пещеры – однажды я видела это в документальном фильме студии «Дисней». Но пока мой мир оставался спокойным и безоблачным.

Ярко-красная божья коровка выпала из волос на сорочку, прервав мои размышления. Вскочив на ноги, я стряхнула насекомое в высокую траву у Большого бревна, сходила по нужде в кусты и вернулась с букетиком свежей горной мяты. На дне ведра было немного воды – как раз хватит на чашку чая. Разложив мяту на плоской поверхности огромного поваленного тополя (Джейми обтесал его с одного конца, превратив в подобие стола), я развела костер и поставила чайник над кольцом из покрытых сажей камней.

Внизу, на дальнем конце участка из печной трубы хижины Хиггинсов заструился дымок, словно змея, высунувшая голову из корзины заклинателя; там тоже расшевелили погасший за ночь очаг.

Интересно, кто будет сегодня моим первым гостем? Возможно, Жермен; прошлой ночью он остался у Хиггинсов вместе с Джемми – но он, как и я, не любил вставать рано. Фанни ночевала далеко, в доме вдовы Доналдсон и ее многочисленного потомства; она не скоро появится.

Скорее всего, это будет Роджер. На сердце сразу потепле-

ло. Роджер и дети.

Языки пламени лизали жестяное дно чайника; подняв крышку, я бросила в воду немного мяты, хорошенько отряхнув листья и стебли от насекомых. Оставшуюся перевязала ниткой и разместила среди других трав, подвешенных к «потолку» импровизированной хирургической. Она представляла собой четыре столба, на которых лежала покрытая еловыми ветвями решетка. На земле под навесом стояло два табурета – для меня и пациента – и небольшой, грубо сколоченный стол, где я держала необходимый инвентарь.

Рядом Джейми пристроил парусиновую смотровую (некоторые случаи требовали приватности) и кладовку: продукты и лекарства хранились в закрытых ящиках, банках и коробках – для защиты от енотов.

Мой «кабинет» выглядел пасторально и очень романтично, несмотря на вездесущих насекомых, открытость всем стихиям (из-за чего ноги были вечно чумазыми) и периодически возникающее неприятное чувство, будто за мной кто-то наблюдает.

Я с тоской глянула на новый фундамент.

В доме будет два красивых дымохода из плитняка. Один – наполовину готовый, – словно каменный монолит, возвышался среди дощатого каркаса, который вскоре станет кухней и столовой. Джейми уверял, что через пару недель закончит гостиную и натянет временную парусиновую крышу: нам больше не придется спать и готовить на открытом воз-

духе. А вот остальные комнаты...

Все будет зависеть от грандиозности планов, которые отец с дочерью обсуждали накануне. Помнится, в разговоре всплывали совершенно безумные идеи насчет получения цементного раствора и обустройства водопровода; я искренне надеялась, что в процессе они отпадут сами собой. Для начала не мешало бы сделать крышу над головой и пол, а там посмотрим. Хотя...

Со стороны ведущей на холм тропинки послышались голоса, возвестив о прибытии долгожданной компании. Я улыбнулась и закончила мысль: хотя теперь у нас появились две дополнительные пары умелых рук, чтобы помочь со стройкой.

На пригорке показалась рыжая макушка Джема; при виде меня внук расплылся в улыбке.

– Бабуля! – крикнул он, размахивая немного помятой кукурузной лепешкой.

* * *

Они принесли мне завтрак. В имеющихся обстоятельствах – просто шикарный: две свежееиспеченные кукурузные лепешки; обжаренные на сковороде свиные котлеты, завернутые в листья лопуха; еще горячее вареное яйцо и немного прошлогоднего черничного варенья на дне банки.

– Миссис Хиггинс попросила вернуть ей пустую банку, –

сообщил внук, вручая мне десерт и поглядывая искоса на Большое бревно. Вчера он не заметил его в темноте. — Ух ты! Что это за дерево?

— Тополь, — сказала я. Откусила кусочек котлеты и от наслаждения закрыла глаза. Большое бревно было около шестидесяти футов в длину. И это после того, как Джейми его изрядно укоротил, используя макушку на доски и дрова. — Твой дедушка говорит, что когда-то высота дерева составляла не менее ста футов.

Мэнди попыталась на него вскарабкаться. Джем посадил ее и свесился вниз, внимательно разглядывая поваленный ствол — бледный и довольно гладкий, если не принимать во внимание мох, мухоморы и остатки коры.

— Оно свалилось из-за грозы?

— Да. Молния ударила в самую верхушку. Но, возможно, дерево упало не сразу, а во время следующей бури. Когда мы вернулись в Ридж, оно уже лежало здесь. Мэнди, осторожно!

Малышка забралась на бревно и принялась расхаживать поверху, расставив руки в стороны, словно канатоходец. С этого конца ствол был не менее пяти футов в диаметре, так что наверху места хватало; однако я не хотела, чтобы внучка свалилась оттуда и набила синяков.

— Иди-ка сюда, моя хорошая. — Отвлечшись от созерцания будущего дома, Роджер подошел и снял дочь с бревна. — Почему бы вам с Джемом не сходить за хворостом для бабушки? Помните, какие деревья лучше всего подходят для

растопки?

– Конечно! – самоуверенно заявил Джем. – Я ее научу.

– Я и сама умею! – Мэнди гневно сверкнула глазами на брата.

– Смотри не наступи там на змею, – предостерег ее Джем.

– Хочу увидеть змею! – живо заинтересовалась она, мигом позабыв обиды.

– Джем...

– *Знаю*, папа! – мальчуган закатил глаза. – Если попадет-ся совсем маленькая, разрешу Мэнди ее потрогать. Конечно, если у змеи не будет колец на хвосте или белой, как хлопок, пасти¹⁹.

Взявшись за руки, дети ушли.

– О господи... – пробормотал Роджер, глядя им вслед.

Я проглотила остатки лепешки, слизнула с уголков губ сладкое варенье и сочувственно посмотрела на зятя.

– Когда вы жили тут в прошлый раз, не было ни одного смертельного случая, – напомнила я.

Роджер открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Как я могла забыть! Ведь Мэнди тогда чуть не умерла. Если, несмотря на это, они все же вернулись, значит...

– Ничего, – прохрипел он. Откашлялся и добавил чуть громче: – Все в порядке. Главное, что теперь мы все здесь, живые и здоровые. Остальное неважно.

---

¹⁹ Кольца на хвосте – один из отличительных признаков гремучей змеи. Белая изнутри пасть – у водяного щитомордника (ядовитая змея семейства гадюковых).

– Хорошо. – Слова зятя меня не особо успокоили. – Не буду приставать с расспросами.

Роджер рассмеялся. В свете утреннего солнца его усталое лицо казалось помолодевшим.

– Мы обязательно расскажем, – заверил он. – Хотя, по большому счету, эта история касается Бри, так что вам лучше услышать все от нее. Интересно, на кого они там с Джейми охотятся?

– Возможно, друг на друга, – улыбнулась я. – Присядь. – Коснувшись его руки, я показала на высокий табурет.

– Друг на друга? – Роджер устроился поудобнее, подобрав под себя ноги.

– После длительного расставания порой не знаешь, о чем говорить, – особенно если человек тебе дорог. Требуется время, чтобы преодолеть неловкость; совместное занятие помогает ускорить процесс. Позволишь взглянуть на твое горло?

– А со мной вы уже не чувствуете себя неловко? – тихо спросил он.

– Нет, конечно, – улыбнулась я. – У врачей никогда не возникает сложностей в общении. Для начала достаточно попросить человека раздеться. К тому моменту, как закончишь его ощупывать и заглянешь во все естественные отверстия, беседа становится довольно оживленной, хотя и не слишком расслабленной.

Зять хмыкнул, оценив шутку, однако непроизвольно на-

тянул повыше ворот рубахи.

– Если честно, – заявил он с нарочитой серьезностью, – мы приехали, чтобы сэкономить на няньках. Последние четыре месяца дети не отпускали нас от себя ни на шаг. – Засмеявшись, Роджер поперхнулся слюной.

Я накрыла его руку своей и улыбнулась. Он улынулся в ответ – правда, уже не так уверенно. Затем убрал руку и растянул рубашку, обнажая шею. После чего как следует прокашлялся.

– Не волнуйся, – сказала я. – Сейчас ты звучишь куда лучше, чем во время прошлого осмотра.

Так оно и было – к моему удивлению. Голос все еще срывался, сипел и хрипел, но теперь Роджер говорил без видимых усилий, и лицо его не искажалось мукой от необходимости открыть рот.

Я осторожно ощупала шею под челюстью. Он только что побрился; кожа была прохладной и немного влажной. Чувствовался легкий запах можжевелевого мыла для бритья, которое я изготовила для мужа; видимо, Джейми принес его зятю сегодня утром. Меня тронул этот маленький знак гостеприимства – как и надежда в глазах пациента. Которую он тщетно пытался скрыть.

– Я встретил одного доктора, – прохрипел Роджер. – В Шотландии. Его звали Гектор Макьюэн. Он... один из нас.

Мои пальцы замерли одновременно с сердцем.

– То есть путешественник во времени?

Роджер кивнул.

– Чуть позже я непременно о нем расскажу. И о том, что он сделал.

– Сделал... с тобой? – уточнила я.

– Да. Но сначала – с Баком.

Я собиралась было спросить, что же случилось с Баком, однако Роджер вдруг пристально посмотрел мне в глаза и выпалил:

– Вы раньше не замечали исходящее от рук голубое свечение? Когда дотрагивались до пациентов?

Мои руки и шея покрылись мурашками – пришлось убрать пальцы с его шеи, чтобы унять дрожь.

– Нет, – настороженно ответила я. – Хотя мне доводилось это видеть. Однажды.

Тут же нахлынули воспоминания о полумраке лазарета «Обители ангелов», где я лежала на кровати, умирая от родильной горячки после выкидыша. Мастер Рэймонд коснулся моей руки, и кости вдруг засияли сквозь кожу голубым светом.

Поспешив отогнать жуткое видение, я заметила, что Роджер крепко сжимает мою ладонь.

– Простите, что напугал...

– Вовсе нет! – соврала я. – Просто удивилась. Столько лет прошло...

– А вот я тогда здорово струхнул, – признался он, отпуская мою руку. – До чертиков боялся говорить с Макьюэном

после его манипуляций с сердцем Бака, хотя понимал, что должен. Помню, тронул доктора за плечо, когда шел за ним по тропинке. Он застыл на мгновение, а потом вдруг обернулся и приложил ладонь к моей груди. – Роджер невольно повторил жест. – И сказал те же слова, что говорил Баку: «Cognosco te». Это означает «Я тебя знаю», – пояснил зять в ответ на мой непонимающий взгляд. – На латыни.

– Он понял, кто ты, всего лишь прикоснувшись? – Меня охватило странное чувство, нечто среднее между страхом... и восхищением. Плечи и руки покрылись мурашками.

– Да. Однако сам я насчет Макьюэна не сразу догадался, – торопливо продолжил Роджер. – Хотя незадолго до того наблюдал за его работой и заметил, что произошло, стоило ему коснуться груди Бака, – после прохода сквозь камни у Уильяма случилось что-то вроде сердечного приступа.

– Бак приехал с тобой и Бри?

Роджер беспомощно отмахнулся.

– Нет. Это было... раньше. Так вот, Бак стал совсем плох, и приютившие нас люди послали за доктором – тем самым Гектором Макьюэном. Врач приложил ему к груди ладонь, сделал что-то, и я увидел – честное слово, Клэр, увидел собственными глазами! – слабое голубое свечение, исходящее от его пальцев.

– Иисус твою Рузвельт Христос!

– Точнее не скажешь! – рассмеялся зять. – Кроме меня, никто этого не заметил, – серьезно добавил он.

Я задумчиво терла ладонь, представляя описанную сцену.

– И что Бак? Полагаю, выжил? Раз ты спрашивал, не видели ли мы его.

Роджер помрачнел.

– Выжил. Во всяком случае, тогда. Но потом мы расстались, когда я встретился с Бри и детьми. В общем, это...

– ...долгая история, – закончила я за него. – Давай отложим рассказ до того момента, как Джейми и Бри вернутся с охоты. А доктор Макьюэн – он ничего не сказал о голубом свечении?

Было странно произносить эти слова, хотя я прекрасно понимала, о чем речь; в ладонях ощущалось легкое покалывание, и я невольно бросила на них взгляд. Да нет, по-прежнему розовые.

Зять покачал головой.

– Нет. По крайней мере, не словами. Однако приложил ладонь к моему горлу. – Роджер коснулся неровного шрама от висельной петли. – И вдруг... что-то произошло, – тихо добавил он.

Женщины будут в ярости

– Зайдешь в гости, сестренка? – спросил Йен, неожиданно смутившись. – Может, Рэйчел уже вернулась. Я хотел бы вас познакомить.

– С радостью! – искренне улыбнулась Бри и вопросительно посмотрела на отца.

– Не мешало бы чуток передохнуть, – кивнул Джейми, вытирая вспотевшее лицо рукавом. – А если ты, племянничек, подоил коз, как тебя просила утром мать, – не откажусь от стаканчика молока.

Мужчины вдвоем несли на плече привязанную к толстой палке оленью шкуру – почти не поврежденную – с остатками мяса. Идти было тяжело: день выдался жаркий.

Кто-то из домочадцев уже вернулся в хижину среди осин. Дверь была распахнута; на веранде, в тени листвы, стояла небольшая прялка, а рядом с ней – стул с полной корзиной коричневых и серых пушистых клубков. Брианна предположила, что это чесаная мытая шерсть. Прядильщица, по-видимому, ушла в дом: оттуда доносились женские голоса, поющие что-то на гэльском. Пение через каждые пару тактов прерывалось взрывами хохота, после чего один чистый голос пел мелодию заново, а следом вступал второй, спотыкаясь на незнакомых словах. Затем вновь слышался смех.

Джейми улыбнулся.

– Дженни учит малышку Рэйчел *Gàidhlig*, – пояснил он, хотя все и так догадались. – Йен, давай положим это здесь. – Он кивнул в затененный участок под поваленным деревом. – Женщины будут в ярости, если мы притащим в дом мух.

В доме услышали их голоса: пение прекратилось, и из открытой двери выглянула голова.

– Йен! – Высокая и очень красивая темноволосая девушка выскочила на крыльцо и, сбегав по ступенькам, бросилась обнимать Йена. – Твои родственники вернулись! Ты уже знаешь?

– Знаю. – Он поцеловал ее в губы и добавил, оборачиваясь: – Познакомься с моей кузиной Брианной, *mo ghràidh*²⁰. И с дядюшкой Джейми заодно.

Бри невольно заулыбалась при виде неподдельной любви

---

²⁰ Любовь моя (гэльск.).

молодых Мюрреев; на отцовском лице сияла такая же улыбка. Которая стала еще шире, стоило ему заметить на пороге дома хрупкую женщину с голеньким младенцем на руках, чуть прикрытым легкой пеленкой.

– Кто... – начала было женщина, но тут увидела Брианну и застыла с открытым ртом. – Пресвятая Дева, защити нас, – пробормотала она наконец и улыбнулась. Ее синие, чуть раскосые, как у Джейми, глаза светились теплом. – Великаны пожаловали! Говорят, твой муж, девочка, еще выше тебя? И детишки небось растут как на дрожжах?

– Не то слово, – засмеялась Бри, наклоняясь, чтобы обнять миниатюрную тетушку. – Как же я рада тебя видеть!

От Дженни пахло козами, шерстью, кашей и поджаренными хлебцами. Ее волосы и одежда источали слабый, давно забытый аромат. Брианна узнала запах мыла, которое Дженни делала в Лаллиброхе – из меда, лаванды и какой-то шотландской травы, не имеющей английского названия.

К горлу подступил комок: запах мыла вызвал воспоминания о первом визите в отцовское родовое гнездо. И следом в памяти возник отчетливый образ другого – ее собственного – Лаллиброха.

Сморгнув слезы, она выпрямилась с дрожащей улыбкой на губах, но вдруг изменилась в лице.

– Ох, тетушка! Дядя Йен... Мне так жаль.

Сердце болезненно екнуло. При жизни Йена Мюррея-старшего они встречались лишь раз – когда Бри появи-

лась на свет, он давно уже умер, – однако чувство утраты казалось неожиданно острым, будто это случилось совсем недавно.

Опустив глаза, Дженни погладила внука по спинке. Головку малыша покрывал темно-русый пушок, словно у птенца цесарки.

– Мой Йен всегда со мной... – вздохнула она. – Я каждый день вижу его черты в этом маленьком личике.

Дженни поудобнее перехватила ребенка, и тот уставился на Брианну большими круглыми глазенками – такого же теплого светло-карего оттенка, как у Йена и его отца.

Успокоенная словами тетушки, Брианна протянула палец очаровательному малышу.

– А ты, должно быть, Огги?

Рэйчел и Дженни засмеялись: одна весело, другая – с некоторой досадой.

– Никак не подберем ему нормальное имя, – пояснила Рэйчел, ласково погладив сына по плечу. Услышав родной голос, Огги свесился с бабушкиной руки и медленно потянулся к матери, словно ленивец к сладкому фрукту.

Рэйчел забрала ребенка, мягко коснувшись его пухлой щечки. Он снова медленно повернул голову и принялся мусолить беззубым ротиком мамину руку.

– Йен говорит, что дети могавков сами выбирают имена, когда становятся постарше. А до той поры используют младенческие прозвища.

Густые черные брови Дженни поползли вверх.

– Хочешь сказать, мой внук останется Огги до... какого именно возраста?

– Нет-нет, – с улыбкой успокоила ее Рэйчел. – Я обязательно придумаю что-нибудь лучше.

Свекровь недовольно нахмурилась и перевела взгляд на Брианну.

– Хорошо, что у тебя не было таких сложностей с именами детей, *a nighean*. Брат писал, что их зовут Джеремайя и Аманда, так?

Брианна смущенно кашлянула, избегая смотреть Рэйчел в глаза.

– Джеремайя Александр Йен Фрэзер Маккензи. И Аманда Клэр Хоуп Маккензи.

Тетушка одобрительно кивнула, довольная качеством – а может, количеством – имен.

– Дженни! – На пороге появился отец – потный, лохматый, в заляпанной кровью рубашке. – Йен не может найти пиво.

– Мы все выпили! – крикнула тетушка, даже не повернув головы.

– Эх... – Отец вновь скрылся в доме в поисках спиртного, оставив на веранде кровавые следы.

– Что с ним стряслось? – спросила Дженни, переводя строгий взгляд с пятен крови на племянницу. Та лишь пожала плечами.

– Медведь.

– О боже... – Пару минут тетушка переваривала услышанное, а затем покачала головой. – В таком случае придется-таки угостить его пивом.

Дженни ушла в дом за мужчинами, и Брианна с Рэйчел остались вдвоем.

– Ни разу не встречала квакеров, – прервала Бри неловкую паузу. – Или «квакер» не совсем подходящее слово? Извини, если я...

– Мы говорим «друг», – улыбнулась Рэйчел. – Хотя и на «квакеров» не обижаемся. Думаю, ты все же встречала кого-то из наших. Если Друг не использует в разговоре «простую речь», догадаться порой невозможно. В основном мы ничем не отличаемся от обычных людей. По крайней мере, внешне.

– В основном?

– Я, конечно, не вижу себя со спины, однако Йен наверняка сказал бы, если бы заметил там что-нибудь необычное. Например, полосатую шкуру или хвост.

Брианна рассмеялась, чувствуя легкое головокружение от голода, облегчения и вновь обретенной радости оказаться в кругу семьи – которая к тому же изрядно увеличилась.

– Я так рада с тобой познакомиться, – призналась она новой родственнице. – Мне всегда было интересно, какую девушку выберет Йен в жены. Ой, извини! Что-то я не то ляпнула.

– Все в порядке, – заверила Рэйчел. – Я и сама предста-

вить не могла, что выйду замуж за кого-то вроде Йена. Но так уж получилось. И теперь мы каждое утро просыпаемся в одной кровати. Пути Господни неисповедимы... Проходи в дом! – добавила она, поудобнее перехватив Огги. – Я знаю, где хранится вино.

Размышления о подъязычной кости

– Все начинается *medias res*²¹ и заканчивается там же. Если повезет. – Роджер сглотнул, и я почувствовала под пальцами движение кадыка.

Кожа его шеи была гладкой и прохладной, лишь щетина под нижней челюстью немного колола мне ладонь.

– Слова доктора Макьюэна? – с любопытством спросила я. – Интересно, что он имел в виду?

Роджер сидел с закрытыми глазами – пациенты, как правило, закрывают глаза во время осмотра, словно хотят сохранить частичку личного пространства. Однако, услышав вопрос, внимательно посмотрел на меня; лучи утреннего солн-

---

²¹ В середине дела (лат.).

да отражались в его темно-зеленой радужке.

– Я спросил. Вот что он ответил: «На самом деле ничто на свете не имеет ни начала, ни конца. Люди думают, что жизнь начинается с рождения, но это не так – ведь ребенок шевелится еще в материнской утробе. А порой дети рождаются преждевременно или угасают до срока. Хотя навсегда остаются для нас живыми».

Теперь и я прикрыла глаза – не потому, что испытывала неловкость от пытливого взгляда Роджера. Просто хотела сосредоточиться на вибрации голосовых связок. Мои ладони продолжали ощупывать его горло, спустившись чуть ниже.

– В общем-то, он прав, – сказала я, мысленно представляя внутреннее строение гортани. – Дети появляются на свет уже «в рабочем состоянии», если можно так выразиться. Все процессы в организме – кроме дыхания – начинают функционировать задолго до рождения. Тем не менее фраза доктора звучит довольно загадочно.

– Согласен. – Роджер снова сглотнул. – Я пытался расспрашивать, но не добился ничего более вразумительного. Вы ведь тоже не смогли бы внятно объяснить, как именно лечите пациентов?

Я улыбнулась, по-прежнему не открывая глаз.

– Было бы интересно попробовать. Для начала нужно кое-что уточнить: это не я их лечу. Они выздоравливают сами. Я лишь... немного помогаю.

Из его горла вырвался странный хрип, отдаленно напо-

минающий смех, и в гортани образовалось что-то вроде раздвоенной шишки. Мне *показалось*, что я нащупала в хряще небольшую впадинку – там, где впивалась веревка. Я потрогала собственное горло для сравнения.

– Забавно... Гектор Макьюэн тоже так говорил. Только он и *правда* исцелял людей. Я сам был тому свидетелем!

Опустив обе руки, я открыла глаза.

Роджер вкратце поведал о своих взаимоотношениях с Уильямом Баккли – начиная с роли, которую тот сыграл в его повешении после битвы при Аламансе, до внезапного появления давнего предка в Инвернесе в 1980 году. Уильям присоединился к поискам Джема, когда мальчика похитил бывший коллега Брианны, Роб Кэмерон.

– Тогда он и стал мне... больше, чем другом, – добавил Роджер и смущенно потупился. – Бак отправился со мной. Сына мы там, естественно, не нашли, зато встретили другого Джеремайю. Моего родного отца.

Голос зятя дрогнул. Я сочувственно потянулась к его плечу, однако он лишь отмахнулся, вновь пытаясь откашляться.

– Все в порядке. Расскажу об этом как-нибудь потом. – Сглотнув, он выпрямился и посмотрел мне в глаза. – Но когда Бак – так мы его звали – прошел сквозь камни, с нами обоими что-то произошло. Вы вроде бы говорили, каждый последующий переход дается тяжелее?

– Мне и после первого было не по себе. – Я внутренне содрогнулась при воспоминании о жуткой гудящей пустоте,

где существует лишь слабый проблеск сознания между вдохом и выдохом. – Хотя ты прав, ощущения с каждым разом все более неприятные. Что же с вами случилось?

– Со мной – почти ничего. Ненадолго потерял сознание, очнулся от недостатка кислорода. Хватаю воздух ртом – весь в поту, голова кругом. Еле встал на ноги – меня потом еще долго качало. А вот Бак...

Роджер нахмурился, уставив в пространство затуманенный взгляд: наверняка он сейчас видел перед собой Крейгна-Дун и заново проживал момент пробуждения от капель дождя на лице. То, что я испытывала трижды... По спине пробежал неприятный холодок.

– У него что-то случилось с сердцем. Он чувствовал боль в груди и левой руке и дышал с трудом. Даже встать не мог – говорил, его будто придавило каменной плитой. Я принес Баку воды, и вскоре ему стало полегче. По крайней мере, он сумел подняться и побрел дальше, наотрез отказавшись хоть немного передохнуть.

После они расстались: Бак отправился искать дорогу в Инвернесс, а Роджер пошел в Лаллиброх, а затем...

– Лаллиброх! – На этот раз я схватила-таки зятя за плечо. – Ты был там?

– Да, – улыбнулся он, накрыв ладонью мою руку. – И встречался с Брайаном Фрэзером.

– Ты? С *Брайаном*? – Я недоуменно тряхнула головой. Какая-то бессмыслица!

– Полная бессмыслица, – весело согласился Роджер, словно прочтя мои мысли. – Мы попали не туда, куда хотели? – вернее, не *тогда*. И очутились в 1739 году.

В ответ на мой пристальный взгляд он лишь растерянно развел руками.

– Ладно, оставим это на потом, – твердо сказала я и продолжила осмотр. «*Medias res*»... *Что, черт возьми, доктор Макьюэн имел в виду?*

Со стороны ручья доносились голоса детей; вдалеке на сухом дереве пронзительно крикнул ястреб. Боковым зрением я видела на мертвой ветке темный силуэт огромной, будто торпеда, птицы. А затем услышала – или мне лишь почудилось? – как кровь шумит в артерии. Слабый, едва заметный звук, отличный от биения пульса. Меня ничуть не шокировал тот факт, что слышу я... пальцами. Словно это было в порядке вещей.

– Говори со мной еще, – попросила я. Не только чтобы расслабить мышцы его гортани, но и чтобы заглушить пугающие звуки. – О чем угодно.

Роджер задумчиво помычал и тут же закашлялся. Я убрала руки, давая ему возможность размять затекшую шею.

– Извини, – просипел он. – Бобби Хиггинс сказал, у вас много новых поселенцев. Выходит, Ридж растет?

– Как на дрожжах, – подтвердила я, продолжая осмотр. – После возвращения мы насчитали не менее двадцати новых семейств. А когда приехали из Саванны, куда нас ненадолго

занесло ветром войны, – к ним добавились еще три.

Слегка нахмурившись, Роджер кивнул и искоса посмотрел на меня зелеными глазами.

– Полагаю, священника среди вновь прибывших нет?

– Нет, насколько я знаю. Так ты подумываешь... то есть все еще хочешь стать...

– Хочу, – смутился Роджер. – Правда, до сих пор не прошел полный обряд рукоположения; нужно будет это как-то уладить. Приняв решение вернуться, мы с Бри долго обсуждали, чем могли бы заняться – в Ридже. Ну и... – Он поднял плечи и уперся ладонями в колени. – Я мог бы стать священником.

– Но ведь, по сути, ты уже им был, когда вы жили здесь! – удивилась я. – Так ли *необходимо* официально принимать сан, чтобы вернуться к прежнему занятию?

Роджер ответил не раздумывая – по-видимому, давно все для себя решил.

– Да. Я не чувствую вины за то, что хоронил, крестил и сочетал браком местных жителей. Кто-то должен был это делать – лучше меня с ролью пастора никто бы не справился. Однако я хочу, чтобы теперь все происходило по-настоящему. – Легкая улыбка тронула его губы. – Это как разница между помолвкой и браком. Между обещанием и клятвой. Даже если знаешь, что никогда не нарушишь слово... – он мучительно подбирал нужные слова, – хочется для надежности скрепить его клятвой. Чтобы было, на что опереться в

минуты сомнений.

Клятва... За свою жизнь я дала их немало. Роджер прав: все они – даже те, которые пришлось нарушить, – что-то значили для меня, имели вес. Некоторые из них действительно служили мне опорой. И продолжают служить.

– Разница действительно есть, – признала я.

– Удивительно... – сказал он вдруг с улыбкой. – Разговаривать с врачом и правда легко! Особенно если он держит тебя за горло. Думаете, стоит испробовать метод Макьюэна?

Я выпрямилась и задумчиво посмотрела на свои руки.

– Думаю, вреда это не причинит. – Я искренне надеялась, что права. – Только, знаешь... – добавила я и тут же ощутила под пальцами движение кадыка.

– Знаю, – прохрипел Роджер. – Никаких ожиданий. Поможет, так поможет. А если нет – по крайней мере, хуже не будет.

Кивнув, я принялась легонько ощупывать шею. В центре горла виднелся шрам от трахеотомии, которую я сделала, чтобы спасти ему жизнь, – едва заметная ложбинка шириной не больше дюйма. Провела по ней большим пальцем: сверху и снизу проходили кольца здоровой хрящевой ткани. Должно быть, ему стало щекотно от моих прикосновений; Роджер вздрогнул – кожа шеи вмиг покрылась мурашками – и засмеялся.

– Гусь разгуливает по моей могиле, – пошутил он.

– Скорее топчется по твоему горлу, – улыбнулась я. – По-

втори еще раз, что говорил доктор Макьюэн. Все, что вспомнишь.

Роджер откашлялся, и я почувствовала под ладонью трепыхание кадыка.

– Он ощущал мое горло. Так же, как вы сейчас, – с улыбкой добавил зять. – Потом спросил, знаю ли я, что такое «гиоид», или «подъязычная кость». – Рука его невольно потянулась к шее, но замерла на полпути. – Макьюэн сказал, что у меня она примерно на дюйм короче, чем следует. И что в противном случае я был бы уже мертв.

– Интересно... – Поместив большой палец ему под челюсть, я попросила сглотнуть.

Зять послушно выполнил просьбу. Не отнимая пальца, проделала тот же опыт с собой.

– Черт подери! – поразилась я. – Конечно, выборка небольшая – к тому же нужно учитывать анатомические особенности разных полов. Но, похоже, он прав. Возможно, ты – неандерталец.

– Кто-кто? – Роджер ошарашенно уставился на меня.

– Шучу. Хотя неандертальцы действительно имели строение гиоида, отличное от современных людей. По мнению большинства ученых, хомо неандерталенсис и вовсе обходились без него, поэтому и не могли говорить. Однако мой дядя Лэмб... Подъязычная кость необходима для связной речи. Она удерживает язык в правильном положении, – пояснила я, заметив непонимание на лице зятя. – Так вот, дядя не

верил, что неандертальцы были немыми. Считал, что у них гиоид просто располагался немного по-другому.

– Чрезвычайно увлекательно, – вежливо сказал Роджер.

– Итак, продолжим. Что доктор Макьюэн сделал после замечания о твоём гиоиде? Как именно он тебя касался? – спросила я, вновь обхватывая руками его шею.

Роджер откинул голову назад и сместил мою руку чуть ниже, осторожно раздвинув пальцы.

– Примерно так.

В таком положении мои пальцы покрывали – полностью или частично – все важнейшие органы шеи, от гортани до подъязычной кости.

– А потом...

Я напряженно прислушивалась – не к словам Роджера, а к голосам его тела. Я десятки раз осматривала ему горло, особенно в период восстановления после неудавшейся казни. Но с тех пор минуло несколько лет. Мышцы шеи напряглись под моими пальцами, пульс бился ровно – хотя и чуть быстрее обычного. Очевидно, для Роджера это было очень важно. Мне стало неловко: ведь я понятия не имела о методе Гектора Макьюэна и тем более не могла его воспроизвести.

«Я знаю, какой должна быть на ощупь здоровая гортань, и вижу, в каком состоянии твоя... Поэтому просто дотрагиваюсь до нее и представляю здоровой», – вот что сказал Макьюэн в ответ на расспросы Роджера.

Мне бы тоже не помешало вспомнить, какой должна быть

на ощупь здоровая гортань.

— Еще я чувствовал тепло. — Пациент вновь закрыл глаза, сосредоточившись на ощущениях. Гладкий бугорок гортани под моей ладонью двигался вверх и вниз при глотании. — Ничего пугающего. Казалось, я просто зашел в жарко натопленную комнату.

— А сейчас ты чувствуешь тепло? — Кожа шеи была прохладной, и я почти не сомневалась, что по контрасту мои руки кажутся горячими.

— Да, — ответил он, не открывая глаз. — Но только снаружи. Когда доктор Макьюэн делал... то, что делал, — жар шел изнутри. — Роджер нахмурил темные брови и переместил мой большой палец в самый центр, прямо под гиоид. — Я чувствовал тепло вот здесь. И... здесь. — Удивленно раскрыв глаза, он прижал два пальца чуть выше ключицы, в паре дюймов от надгрудинной ямки. — Странно... лишь сейчас об этом вспомнил.

— Здесь он тоже трогал? — Я сдвинула пальцы ниже; мое восприятие обострилось до предела — так бывало, когда мне удавалось полностью сконцентрироваться на организме пациента. Судя по удивленному взгляду, Роджер заметил эту перемену.

— Что...

Он так и не договорил: снизу послышался оглушительный визг, за которым последовала перебранка и детские крики. Затем раздался возмущенный голосок Мэнди:

– Ты плохой, плохой, *плохой*! Ненавижу тебя! Ты плохой и попадес в *ад*!

Роджер вскочил на ноги.

– Аманда! – крикнул он. – Ну-ка марш сюда!

Я глянула назад: с перекошенным от ярости личиком Аманда пыталась выхватить у Жермена Эсмеральду. Тот держал куклу высоко над головой Мэнди, уворачиваясь от пинков маленьких ножек.

Услышав крик Роджера, Жермен вздрогнул и повернул голову; Мэнди не преминула со всей силы заехать ему по голени носком довольно увесистого ботинка. Послышался глухой удар, и Жермен завопил от боли. Потрясенный Джемми выхватил куклу, сунул ее в руки сестре и, бросив виноватый взгляд через плечо, побежал в сторону леса. Следом ковылял Жермен.

– Джеремайя! – взревел Роджер. – А ну, стой!

Джем замер как вкопанный, однако Жермен и не думал останавливаться и вскоре скрылся в кустах.

Услышав позади странный хрипящий звук, я торопливо обернулась: побледневший Роджер держался обеими руками за горло.

– Что с тобой?

– Я... не знаю, – просипел он, выдавив улыбку. – Наверное, растянул связки.

– Папочка? – раздался рядом тонкий голосок. Аманда театральнo шмыгала носом, размазывая по лицу слезы и соп-

ли. – Ты на меня сейдися?

Роджер с шумом вдохнул, откашлялся и присел на корточки, чтобы обнять дочь.

– Нет, моя хорошая, – сказал он тихим, но вполне нормальным голосом. Невидимая пружина внутри меня начала разжиматься. – Я не сержусь. Хотя нехорошо говорить людям, что они попадут в ад. Пойдем-ка умоем тебе личико.

Он встал с дочкой на руках и повернулся к столу, где стоял таз и кувшин для мытья рук.

– Давай помогу, – предложила я, протягивая руки к внучке. – А ты пока можешь сходить и... побеседовать с Джемом.

Роджер промычал что-то невразумительное и передал ребенка. Мэнди, которая обожала обниматься, с жаром обхватила меня руками и ногами.

– А куколку тозе умоем? – спросила она. – Плохие мальчишки ее запачкали!

Слушая вполуха, как внучка бормочет нежности Эсмеральде и проклятия брату и Жермену, я пыталась уловить, что происходит внизу.

Звонкий мальчишеский голос выкрикивал оправдания, более низкий и уверенный мужской баритон что-то ему толковывал. Слов было не разобрать. Однако Роджер *говорил* – я не слышала ни хрипа, ни кашля... Уже неплохо.

Даже смог накричать на детей! Ему и раньше случалось напрягать голосовые связки – как и любому родителю, тем более на открытом пространстве, – но всякий раз после кри-

ка он срывал голос и закашливался, пытаюсь прочистить горло. Макьюэн сказал, что это лишь небольшой шагжок вперед и до полного исцеления еще далеко.

Удалось ли мне хоть немного помочь?

Я скептически посмотрела на ладонь. Она выглядела как обычно: пятна от черники; почти затянувшийся порез на среднем пальце; ожог на большом (пламя очага перекинулось на бекон, и я взялась за рукоять чугунной сковородки на ножках, забыв о прихватке). Никаких признаков голубого свечения.

– Что это, бабуля? – Аманда свесилась со стола, разглядывая мою руку.

– Ты про темное пятно? По-моему, чернила. Я вчера заполняла историю болезни одной пациентки, Кирсти Уилсон. У нее сыпь. – Сначала я решила, что это реакция на ядовитый сумах, но сыпь все никак не проходила. Хотя температура была нормальной. Может, крапивница? Или проявление атипичного псориаза?

– Нет, вот тут! – Мэнди ткнула пухлым влажным пальчиком в основание ладони. – Буква! – Внучка вытянула шею, чтобы разглядеть получше; черные кудряшки щекотали мне кожу. – Буква «Д»! Как в «Дземми»! – ликующе заявила она. Но тут же насупилась. – Ненавижу Дземми.

– Кхм...

Я пришла в замешательство. Это действительно была буква «Д». Тонкий белый шрам почти сошел и виднелся лишь

под определенным углом. Джейми нацарапал на моей руке первую букву своего имени, когда я покидала его перед битвой при Каллодене. Оставляла на верную смерть, убегая сквозь камни, чтобы спасти нерожденного ребенка. Нашего ребенка. А если бы я этого не сделала?

Я посмотрела на кареглазую, темноволосую внучку – прекрасную, как наливное яблочко. Снаружи слышался дружный хохот: отец и сын над чем-то смеялись. Нам с Джейми пришлось жить порознь долгих двадцать лет, полных боли, опасности и страданий. Но оно того стоило.

– Это первая буква имени бабушки. Его ведь зовут Джейми, – пояснила я малышке.

Она кивнула, полностью удовлетворенная ответом, и прижала к груди мокрую Эсмеральду. Я коснулась внучкиной раскрасневшейся щеки, на мгновение представив, что мои пальцы источают голубое сияние.

– Мэнди, какого цвета мои волосы? – спросила я, подавившись внезапному порыву.

«Когда твои волосы станут белыми, ты обретешь полную силу». Так сказала мне старуха-знахарка из племени тускарора много лет назад. Она наговорила еще кучу других странных вещей.

Мэнди внимательно посмотрела на меня и решительно заявила:

– Пятнистого!

– Что?.. Святые небеса, откуда ты взяла это слово?

– Дядя Джо научил. Он говорит, что старый Барсук такого цвета.

– Что еще за барсук?

– Песик тети Гейл.

– Что ж, – пробормотала я. – Значит, еще не время. Ладно, солнышко. Пойдем-ка повесим Эсмеральду сушиться.

Охотник вернулся с холмов²²

Джейми с Брианной вернулись ближе к вечеру – с парой белок, дюжиной голубей и рваным заляпанным мешком, в котором обнаружилось нечто похожее на останки жертвы кровавого убийства.

– Это что, ужин? – спросила я, осторожно ткнув ногой кость, торчащую из скользкого, местами покрытого шерстью месива. От него исходил железистый, словно из лавки мясника, запах с едва заметными тухлыми нотками. Однако процесс разложения еще не начался.

– Да, саксоночка. Если получится. – Джейми подошел и

---

²² Отсылка к последним строкам стихотворения-эпитафии Роберта Луиса Стивенсона «Реквием».

хмуру взглянул на изуродованную тушу. – Я тебе помогу. Но сначала хлебну чуток виски.

Его штаны и рубашка были так сильно заляпаны, что я не сразу заметила пропитанную кровью тряпицу вокруг голени. К тому же Джейми прихрамывал. Удивленно приподняв бровь, я направилась к корзине с едой, инструментами и кое-какими лекарствами, которую каждое утро притаскивала на место строительства.

– Судя по всему, в мешке – останки оленя. Неужто ты разорвал его голыми руками?

– Нет. Это сделал медведь, – с непроницаемым лицом сказала Бри. Джейми промычал что-то невнятное.

Отец и дочь обменялись загадочными взглядами.

– Медведь, значит. – Я глубоко вздохнула и указала на рубашку мужа. – Ясно. И какая часть этой крови принадлежит тебе?

– Всего пара капель, – невозмутимо ответил он и сел на Большое бревно. – Виски есть?

Я внимательно посмотрела на дочь – чумазую, в заляпанной птичьим пометом юбке. Похоже, Бри не пострадала. Ее освещенное солнцем лицо сияло счастьем. Я не удержалась от улыбки.

– Вон там висит фляга с виски, – кивнула я в сторону большой ели на дальнем конце участка. – Можешь сбегать за ней, пока буду осматривать рану?

– Конечно! А где Мэнди и Джем?

– Когда видела их в последний раз – играли у ручья с Эй-даном и его братьями. Не волнуйся, – успокоила я, заметив, что Брианна нервно закусила нижнюю губу. – Там совсем мелко. К тому же Фанни обещала присмотреть за Мэнди, если та захочет собирать пиявок. На Фанни *всегда* можно положиться.

– Ладно, – неуверенно сказала Бри, борясь с материнским инстинктом, который требовал немедленно вытащить Мэнди из ручья. – Полагаю, я видела Фанни вчера вечером, но совершенно ее не помню. Где она живет?

– С нами, – сообщил Джейми. – Ай!

– Не дергайся! – Я раздвинула рану двумя пальцами, промывая ее соевым раствором. – Ты же не хочешь умереть от столбняка?

– А если бы я сказал «да»? Что бы ты сделала, саксоночка?

– То же самое, что делаю сейчас. Хочешь ты или нет, я этого не допущу.

– Так зачем спрашиваешь? – Джейми отклонился назад, опершись на ладони и вытянув ногу. Затем взглянул на дочь. – Фанни – сирота. Твой брат взял девчушку под свою защиту.

Бри на мгновение застыла с непроницаемым выражением лица. Выглядело довольно забавно.

– Мой брат?.. Уилли? – настороженно спросила она.

– Насколько мне известно, другого у тебя нет. Хотя можешь уточнить у мамы, – улыбнулся Джейми. – Да, Уи-

льям... Господи Иисусе! Саксоночка, ты хуже медведя!

Он закрыл глаза – то ли от нежелания лицезреть манипуляции с ногой (я немного расширила рану, очищая ее скальпелем; травма не представляла угрозу для жизни, но когти медведя оставили на голени глубокий порез, так что я вовсе не шутила насчет столбняка), то ли чтобы дать Бри возможность переварить информацию.

Дочь посмотрела на него, склонив голову к плечу.

– Так значит... – медленно произнесла она, – Уилли знает, что ты его настоящий отец?

Джейми поморщился, не открывая глаз.

– Знает.

– Очевидно, он от новости не в восторге. – Брианна усмехнулась уголком губ, однако в ее глазах и голосе читалось сочувствие.

– Скорее всего.

– Но это пока, – пробормотала я, смывая кровь с большой берцовой кости.

Джейми фыркнул. Бри издала более женственную версию того же звука и отправилась за виски. Когда она удалилась, Джейми открыл глаза.

– Долго еще, саксоночка?

Я заметила, что его руки дрожат от напряжения – он оперся на ладони, борясь с дикой усталостью.

– Почти готово, – успокоила я мужа, ласково коснувшись его пальцев. – Только наложу повязку, а затем тебе придется

немного полежать с приподнятой ногой.

– Смотри не усни, па! – Брианна протянула ему флягу. – Сегодня к нам на ужин придут Йен с Рэйчел и тетя Дженни. – Она поцеловала отца в лоб. – А насчет Уилли не беспокойся. Он все поймет.

– Ладно. Надеюсь, мне не придется ждать до окончания дней. – Джейми криво усмехнулся собственной шутке и приветственно поднял флягу.

* * *

Я прогнала Джейми с солнца, несмотря на его бурные протесты, и заставила лечь в тени «хирургической», подложив ему под голову свернутый фартук.

– Ты небось ничего не ел с самого завтрака? – спросила я, укладывая раненую конечность на вытащенное из поленницы бревно.

– Ну почему же? – спокойно ответил он. – Эми Хиггинс передала с Брианной лепешки и сыр. Мы перекусили, пока ждали, когда медведь уйдет. Неужели ты думаешь, я бы стал молчать, умирая от голода?

Я почувствовала себя довольно глупо.

– Конечно, не стал бы. Просто... – сказала я, отведя ему волосы со лба, – мне хочется хоть немного облегчить твои страдания. Вот и решила тебя накормить – ничего лучше в голову не пришло.

Рассмеявшись, Джейми потянулся и выгнул спину, чтобы поудобнее устроиться на притоптанной траве.

– Очень любезно с твоей стороны, саксоночка. Хотя у меня есть еще парочка идей, как облегчить мое состояние, – вот только отдохну немного. К тому же Йен с семьей придет на ужин. – Он повернул голову и бросил взгляд на далекие горы: солнце медленно опускалось в рассыпанные по небу облака, окрашивая их пухлые брюшки теплым золотом.

Мы восхищенно вздохнули; Джейми вновь повернулся ко мне и взял за руку.

– Просто посиди со мной рядом, саксоночка, и скажи, что это не сон. Она и правда здесь? И Роджер Мак, и детишки?

Я сжала ладонь мужа, ощущая на сердце такую же бурлящую радость, что искрилась в его глазах.

– Это не сон. Они здесь. Точнее, вон *там*.

Я невольно рассмеялась, увидев внизу Брианну. Она направлялась к рощице за ручьем, чтобы позвать детей; легкий вечерний бриз играл ее распущенными волосами, которые в сумерках казались каштановыми.

– Хотя я тебя понимаю. Сама порой чувствую себя неверующим Фомой. Утром приходил Роджер и разрешил мне осмотреть горло. Было так странно снова видеть его, касаться... И в то же время совершенно естественно.

Я провела рукой по тыльной стороне его ладони, потрогав костяшки и затянувшийся рубец на месте безымянного пальца.

– Ох, саксоночка. Мне к этому не привыкать, – сказал он дрогнувшим голосом, сплетая пальцы с моими. – Иногда просыпаюсь на рассвете, вижу рядом тебя... и не верю, что ты настоящая. Пока не дотронусь. Ну или пока ты не пукнешь.

Я выдернула руку; Джейми приподнялся и сел, удобно уперев локти в колени и не обращая внимания на мой гневный взгляд.

– Так что насчет Роджера Мака? Думаешь, голос к нему вернется?

– Не знаю, – ответила я. – Правда не знаю. Он рассказал мне о человеке по имени Гектор Макьюэн...

Джейми с большим интересом выслушал всю историю, лишь изредка отвлекаясь, чтобы отогнать полчища надоедливых мошек.

– А ты сама видела что-нибудь подобное, *a nighean*? Голубое свечение, о котором он поведал?

Меня пробрала дрожь, словно от холода. В памяти всплыли события давно похороненного прошлого. По крайней мере, мне очень хотелось его похоронить.

– Вообще-то... да. – Я нервно сглотнула. – Однако решила, что брежу. Возможно, так оно и было. Ведь я тогда чуть не умерла. Непосредственная близость смерти зачастую искажает восприятие.

– Согласен. Однако это не означает, что все увиденное в таком состоянии – неправда.

Муж задумчиво посмотрел на меня и тихо добавил, тронув за плечо:

– Необязательно об этом рассказывать. Зачем заново переживать горестные моменты?

– Ничего, – отмахнулась я и решительно нырнула в глубины памяти. – Инфекция оказалась смертельной, однако мастер Рэймонд... – даже не глядя на Джейми, я почувствовала, что он вскинул голову, услышав имя лекаря, – пришел и исцелил меня. Понятия не имею, как он это сделал, – сознание мое тогда совсем затуманилось. Но я видела... – Перед глазами вновь возникли картины прошлого. – Она стала голубой – кость в моей руке. Не такой яркой, как... – я указала на пронзительно-синее, словно цветки дельфиниума, вечернее небо, – а бледно-голубой. Хотя «светилась» – не совсем точное слово. Она была... живой.

Действительно живой! Распространяясь от костей по всему телу, голубое свечение словно уничтожало в организме всех микробов, и те умирали, подобно гаснущим звездам. Воспоминание было настолько реальным, что волоски у меня на руках и шее приподнялись, а в душе возникло странное чувство умиротворения, будто кто-то напоил меня чаем с теплым ароматным медом.

Из леса послышался дикий вопль, разрушив очарование момента. Джейми с улыбкой повернулся ко мне.

– А вот и малыш Огги! Ревет, как пума во время охоты. Я поднялась, отряхивая юбку от травы.

– По-моему, это самый громкий ребенок на свете.

Тут же, будто по сигналу, снизу послышалось улюлюкание: из рощи у ручья высыпала ватага ребятишек. За ними, склонив друг к другу головы, неспешно следовали Бри с Роджером, очевидно погруженные в приятную беседу.

– Придется расширить дом, – задумчиво сказал Джейми.

Не успел он развить эту интересную мысль, как на тропинке с восточной стороны Риджа появились Мюрреи. Рэйчел несла на руках орущего Огги, а сзади шел Йен с большой закрытой корзиной в руке.

– А где дети? – спросила Рэйчел у Джейми. Он встал и с улыбкой кивнул на поляну внизу.

– Сейчас увидишь, *a nighean*.

Джем, Мэнди и Жермен уже отделились от товарищей и брели теперь за Роджером и Брианной, обмениваясь дружескими тычками.

– Ой, Джейми! – охнула Рэйчел, и ее глаза потеплели. – Надо же, как дочь на тебя похожа – да и внук вылитый ты!

– Я же говорил! – Йен улыбнулся жене с высоты своего роста, и она крепко стиснула его руку.

– Твоя мама... – Рэйчел покачала головой, не в силах описать бурю эмоций, которую испытает свекровь при виде родственников.

– Вряд ли моя сестрица упадет в обморок, – сказал Джейми, осторожно поднимаясь на ноги. – С племянницей она уже встречалась – правда, без ребятишек. Кстати, где Джен-

ни? – Он посмотрел на ведущую в лес тропинку, будто ожидая, что сестра появится там, как по волшебству.

– Решила заночевать у Макниллов, – ответила Рэйчел, спуская Огги на траву. Теперь малыш спокойно лежал на спинке, лениво шевеля ручками и ножками. – Они с Кристиной Макнилл очень сдружились во время занятий рукоделием. Кристина сказала, что ее муж уехал в Солсбери и что она боится оставаться ночью одна – их дом стоит на отшибе.

Я понимающе кивнула. Кристина была третьей по счету женой Ричарда Макнилла, совсем молоденькой, – они только-только поженились. Он привез ее сюда из Кэмпбелтона, поселения неподалеку от Кросс-Крика. Ночи в горах темные – мало ли что может таиться во мраке.

– Дженни очень добра, – заметила я.

Йен насмешливо фыркнул.

– Держу пари, ма делает это не столько ради миссис Макнилл, сколько ради себя. – Он кивнул на хнычущего сына – по подбородку Огги стекала слюна. – Малыш уже три ночи мучается коликами, а дом у нас тесноват. Как пить дать, она уже завалилась на кровать миссис Макнилл и спит мертвецким сном.

– Матушка Йена полночи его укачивала, – пояснила Рэйчел извиняющимся тоном. – Я хотела взять Огги, но она только отмахнулась и сказала: «На что тогда нужны бабушки?» – Присев на корточки, Рэйчел подхватила сына на руки, прежде чем тот успел включить свою пожарную сирену. –

Клэр, а как вам Мармадюк?

– Кто?.. Ты имеешь в виду в качестве имени для Огги? – Я попыталась придать лицу нейтральное выражение, но не успела. Рэйчел рассмеялась.

– Дженни так же отреагировала. Правда, – добавила она, вытаскивая кончик косы из цепких пальчиков младенца, – Мармадюк Стивенсон был одним из Бостонских мучеников: очень достойный Друг. Отличное имя!

– Ну, если ты назовешь сына Мармадюком, его точно ни с кем не спутают, – тактично заметил Джейми. – Правда, ему придется сызмальства научиться драться. Хотя если он будет квакером...

– Да, – сказал Йен жене. – И Фиргод мы его тоже не станем называть. Разве что Фортитюд²³ – вполне подходящее имя для мальчика.

– Хмм... – Рэйчел задумчиво посмотрела на малыша. – А может, Уиздом?²⁴ Уиздом Мюррей? Уиздом Йен Мюррей? Йен засмеялся.

– А если он вырастет не шибко умным? По-моему, ты заранее обрекаешь его на неприятности.

Джейми склонил голову набок и прищурился, задумчиво глядя на Огги. Затем поочередно посмотрел на Рэйчел с Йеном и с сомнением произнес:

– Думаю, это ему не грозит – с такими-то родителями.

---

²³ От *англ.* fear the God – «бойся Бога»; fortitude – стойкость, храбрость.

²⁴ Wisdom (*англ.*) – мудрость.

Кстати, Рэйчел, ты не думала уважить своего отца? Может, назовешь сына в его честь?

– Мордекай? Только если это будет не *первое* имя...

Я бросила взгляд на костер; дрожащие красноватые языки пламени казались прозрачными в свете дня.

– Йен, не последишь за костром? Я запеку в золе голубей, а еще...

Посмотрев вниз с горы, я мысленно пересчитала едоков. Дети Хиггинсов будут ужинать у себя – значит, остается (я загибала пальцы, чтобы не запутаться) семеро взрослых и четверо детей. У меня была огромная кастрюля тушенной с травами чечевицы и окорок на кости, который с полудня варился на медленном огне. Брианна освежевала добытых белок; возможно, стоит порезать их на кусочки и добавить к чечевице.

– Клэр, мы принесли небольшую добавку к ужину. – Рэйчел кивнула на корзину, висевшую у нее на руке. – Нет, Огги, нельзя дергать маму за волосы! Я ведь могу от неожиданности уронить тебя в костер – и это будет полнейшее безобразие, согласишься?

Я рассмеялась квакерской шутке, а Огги выпустил кончик маминой косы – почти целиком – и сунул в рот свой кулачок, внимательно меня разглядывая.

– Иди ко мне, – протянула я руки. – Познакомлю тебя с родней, малыш Оглторп.

Нога была сплошь покрыта синяками и царапинами, однако болела не сильно; Джейми восседал на большом пне неподалеку от «хирургической» и с удовольствием наблюдал за семейством, занятым приготовлением ужина.

Брианна, так и не снявшая охотничье облачение, занималась полуобглоданным оленем. Джейми с гордостью отметил, как уверенно ее сильные руки обращаются с ножом. Интересно, у кого из родителей она научилась этому мастерству? Дело не только в силе мышц или в умелых движениях, но и... в решимости, одобрительно подумал он. Когда четко знаешь, что нужно делать, и не задаешь вопросов.

Джейми перевел взгляд на Роджера, который колол дрова, раздевшись до пояса и обливаясь потом. Парень *всегда* задавал вопросы и вряд ли когда-либо перестанет. Хотя Джейми показалось, что уверенности у зятя прибавилось; что ж, она ему понадобится.

Клэр сказала, Роджер хочет быть священником. Это хорошо; людям нужен духовный наставник. Ну а Роджеру – достойное занятие. По словам Клэр, тот уже окончательно все обдумал.

Но вот Брианна... какой теперь будет ее жизнь? Когда они в прошлый раз поселились в Ридже, дочка учительствовала в школе. Хотя не похоже, чтобы обучение было ей по душе;

вряд ли она захочет к нему вернуться. В этот момент Бри поднялась на ноги и потянулась, направив руки к небу. *Господи, какая же красивая у меня девочка...*

Может, у нее появятся еще дети. Эта мысль почему-то немного пугала. Не хотелось бы подвергать жизнь Брианны опасности. К тому же она нужна Джему и Мэнди. *Однако...* В душе зажглась искорка надежды, и Джейми улыбнулся, наблюдая за группкой детей, которые принесли дрова и, свалив их на землю, убежали играть в свои ребячьи игры. Наверное, в прятки.

А вот и малышка Фрэнсис – с пучком веток и букетиком цветов в руках. Зачесанные на одну сторону темные кудри спускаются по плечу: должно быть, обронила где-то свой чепец. Личико покраснелось от быстрой ходьбы, на губах играет улыбка. Джейми порадовался, увидев ее такой.

Что-то пощекотало ногу, прервав его размышления. На колене сидела зеленая букашка, похожая на крошечную лопату.

Джейми осторожно протянул к ней руку, однако насекомое не улетело и не стало заползать ему в ухо или в нос по примеру мстительных мух. Даже позволило дотронуться – лишь раздраженно шевельнуло усиками. Но когда Джейми попытался погладить букашку по спинке, она неожиданно отпрыгнула, словно кузнечик, и приземлилась на ящике с медицинскими инструментами Клэр. А затем замерла, изучая обстановку.

– Лучше улетай, – посоветовал он ей на гэльском. – Иначе тебя сотрут в порошок и используют в качестве тонизирующего.

Непонятно, смотрела ли букашка на Джейми, но, похоже, задумалась над его словами. Потом неожиданно подпрыгнула и исчезла в траве.

Фанни принесла какое-то растение: Клэр с неподдельным любопытством переворачивала листочки, объясняя девочке целебные свойства. Фанни сияла довольной улыбкой: ей было приятно оказаться полезной.

Джейми радовался за сиротку. Она выглядела такой испуганной, когда Уилли ее привез. Неудивительно – после всего, что бедняжка пережила. При мысли о ее сестре Джейн у него захолонуло сердце.

Он мысленно помолился за упокой души Джейн, а затем – после секундного колебания – за Уилли. Образ несчастной девушки вновь возник перед глазами. Одинокая, всеми покинутая... Лишь слабый огонек свечи освещает мертвое лицо в непроглядной ночной тьме. По мнению церкви, самоубийцы попадают в ад, – но Джейми упрямо продолжал за нее молиться. Никто не мог ему этого запретить.

Не волнуйся, а leannan, – подумал он с нежностью. *– Я пригляжу за Фрэнсис вместо тебя. И может, мы еще встретимся на небесах. Тебе не о чем беспокоиться.*

Джейми надеялся, что кто-то сможет приглядеть за Уилли вместо него. Воспоминания о той ночи больно ранили душу,

однако он намеренно вызывал их в памяти, чтобы сохранить каждую деталь. Уильям пришел к нему за помощью, и это бесценно. Стоя плечом к плечу при свете свечи, оба осознавали бессмысленность усилий. Вместе они преодолели опасности дождливой ночи, только все равно опоздали. Горестные воспоминания. Но Джейми хотел навсегда сберечь их в сердце.

*Mammaidh*²⁵, – подумал он вдруг о матери. – *Присмотри за моим сыночком, хорошо?*

---

²⁵ Мамочка (гэльск.).

Живой или мертвый

Уильям, девятый граф Элсмир, виконт Эшнесс, барон Дервент прислонился к дубу, оценивая свое имущество. В настоящий момент оно включало в себя недурного коня (как сообщил бывший владелец, симпатичного гнедого жеребца с белым носом звали Бартоломею), холщовый мешок с удручающе скудным запасом провизии и половиной бутылки старого пива, а также приличный нож и мушкет. Последним, на крайний случай, можно было проломить кому-нибудь голову, потому что при попытке выстрелить Уильям наверняка лишился бы руки, лица или того и другого.

Еще у него имелось три фунта, семь шиллингов, двухпенсовик да горсть мелких монет и металлических оскол-

ков — вероятно, в прошлом тоже монет. Деньгами Уильям разжился в придорожной таверне благодаря случайному знакомству с отрядом американских ополченцев. Те утверждали, что сражались при Монмуте на стороне Континентальных войск, а полгода назад стояли с генералом Вашингтоном в лагере Мидлбрук — по сведениям Уильяма, именно там его кузена Бенджамина в последний раз видели живым.

Жив ли Бенджамин по-прежнему, оставалось только гадать, и все же Уильям твердо решил исходить из этого предположения до тех пор, пока не найдет доказательств обратного.

Встреча с ополченцами из Нью-Джерси ничего не прояснила, зато нашлись желающие сыграть в карты, и по мере того, как таяли ночь и выпивка в бутылках, ставки игроков становились все более безудержными.

На выигранные деньги Уильям рассчитывал вечером найти еду и постель; однако сейчас куда вероятнее казалось, что из-за них его убьют. Он давно заметил: с рассветом нередко пробуждается и раскаяние. Похоже, сегодня американцы разделяли это мнение. Они проснулись с воинственным настроением, позабыв о похмелье, тут же обвинили Уильяма в шулерстве за карточным столом, а посему он счел за лучшее поскорее улизнуть.

Теперь молодой человек осторожно выглянул сквозь поникшие ветви белого дуба. Дорога шла примерно в фарлон-

ге²⁶ от его укрытия, и, хотя в настоящий момент она, слава богу, пустовала, отчетливые следы копыт в дорожной грязи указывали, что недавно здесь проехали всадники.

К счастью, Уильям услышал их как раз вовремя, чтобы увести Барта с дороги и спрятать в зарослях молодняка. Затем он подкрался ближе и увидел нескольких вчерашних картежников. Они еще не совсем протрезвели и, судя по бессвязным выкрикам, были настроены вернуть проигранное.

Уильям взглянул наверх, туда, где среди зелени листья мелькали проблески солнца. Утро в самом разгаре. Скверно. Он предпочел не возвращаться в таверну, где наверняка шныряли другие ополченцы, и теперь гадал, далеко ли до ближайшей деревушки. Переступив с ноги на ногу, Уильям вздохнул: ему не хотелось торчать под деревом, которое, как он вдруг осознал, размером и формой идеально подходило на роль виселицы. Похоже, придется ждать, пока шайка преследователей не устанет и не повернет обратно. Или пока не стемнеет – смотря что произойдет раньше.

Внезапно до него долетел стук копыт. Судя по звукам, группа меньше и движется без спешки. Он увидел троих всадников.

*Cloaca obscaena*²⁷. Уильям не сказал этого вслух, но слова отчетливо прозвучали у него в голове. В одном из наездников он опознал джентльмена, у которого пару дней назад ку-

---

²⁶ 1 фарлонг равен 201 метру.

²⁷ Дерьмо поганое (лат.).

пил Барта; двое других были из ополченцев.

Тут он со всей ясностью припомнил, что на подкове с передней правой ноги Барта недостает большого треугольного куска.

Уильям не стал ждать, пока бывший владелец заметит след коня в дорожной грязи. Он обогнул дуб и торопливо полез сквозь кусты, не заботясь о шуме.

Барт, которого он оставил выискивать съестное, высоко поднял голову, с интересом наострив уши и раздувая ноздри.

– Нет! – в отчаянии прошептал Уильям. – Не...

Конь громко заржал.

Отвязав Барта, Уильям вскочил в седло, перебрал поводья в одну руку, а другой потянулся за мушкетом.

– Пошел! – закричал он и ловко пнул Барта. Они прорвались через заросли кустов и вылетели на дорогу, сопровождаемые дождем из листьев и земли.

Всадники застыли у обочины; один присел на корточки и разглядывал путаницу следов в грязи. Обернувшись, все трое уставились на Уильяма. Тот, размахивая мушкетом, выкрикнул что-то нечленораздельное, резко сдал влево и пустился назад в направлении таверны, низко припадая к лошадиной шее.

В спину ему летели проклятия, но преимущество было на его стороне. Шансы есть.

А что будет в случае успеха, сейчас не имело значения.

Ничего другого все равно не оставалось. Уильям не горел желанием попасть в ловушку между двумя группами враждебно настроенных всадников.

И тут Барт споткнулся, поскользнулся в грязи и упал. Перелетев через голову коня, Уильям плашмя приземлился на спину; от удара у него перехватило дух, мушкет выбило из руки.

Его настигли прежде, чем он смог набрать воздуха в грудь. Голова шла кругом, мелькавшие вокруг фигуры расплывались перед глазами. Беглеца подняли двое, и он повис между ними, открывая и закрывая рот, как золотая рыбка; кровь гудела в ушах, его трясло от бессильной ярости и страха.

Они не тратили время на угрозы. Бывший владелец Барта ударил Уильяма кулаком в лицо, двое других бросили его обратно в грязь. Чьи-то руки обшарили карманы, выхватили из-за пояса нож. Он услышал, как поблизости, слегка переступая ногами, фыркнул Барт, когда один из мужчин потянул за седло.

– Эй, руки прочь! – крикнул хозяин Барта. – Это моя лошадь и мое седло, чтоб тебя!

– Нет, – возразил решительный голос. – Без нас ты бы не поймал гада! Седло мое.

– Брось, Лоуэлл! Пускай забирает свою лошадь, а деньги поделим.

Судя по звуку, третий человек стегнул Лоуэлла ремнем для пущей убедительности: раздался мясистый шлепок и

возмущенный визг. Уильям наконец обрел способность дышать, и темный туман перед глазами рассеялся. С трудом вытягивая воздух, он перевернулся и предпринял попытку встать на ноги.

Один из мужчин бросил на него взгляд, но, похоже, не увидел в нем угрозы. *Пожалуй, он прав*, – смутно подумал Уильям. Однако он не привык проигрывать в драке и даже мысли не допускал просто улизнуть, как побитая собака.

Мушкет валялся в густой цветущей траве на обочине дороги. Уильям вытер кровь с одного глаза, встал, поднял ружье и ударил бывшего владельца Барта по затылку. Мужчина как раз садился на лошадь, и при падении его ступня застряла в стремени. Конь шарахнулся и пронзительно, негодуя заржал. Парочка, делившая имущество Уильяма, испуганно обернулась.

Один отпрыгнул назад, другой бросился вперед и ухватил мушкет за ствол. Последовала короткая возня, сопровождаемая тяжелым сопением и неожиданно прерванная криками и топотом лошадей.

Уильям оглянулся: к ним во весь опор летела большая группа вчерашних игроков. Он выпустил мушкет и нырнул в траву на обочине.

Ему почти удалось, но Барт, встревоженный нападением и тяжестью бессознательного тела, повисшего на стремени, выбрал тот же момент и ту же цель. Девятьсот фунтов испуганной лошадиной плоти отбросили Уильяма на дорогу, где

он упал лицом вниз. Земля вокруг дрожала, и ему оставалось только прикрыть голову и молиться.

Отовсюду несло чавканье грязи, крики и звуки борьбы. В разгар побоища Уильяма мимоходом пнули по ребрам и резко ударили в левую ягодицу. *Почему они схватились?* – подумал он не вполне отчетливо.

Потом началась пальба.

Это отнюдь не сыграло Уильяму на руку. Он по-прежнему лежал на дороге, прикрывая голову. Дерущиеся выкрикивали угрозы и предостережения, к нему галопом скакали новые лошади, а сверху бушевал шквальный мушкетный огонь.

Шквальный огонь? – усомнился молодой человек. Проклятье, так и есть. Уильям перевернулся, сел и с удивлением увидел роту британских пехотинцев. Одни успешно окружали беглецов, норовящих скрыться с места, другие ловко перезаряжали мушкеты; двое офицеров верхом на лошадях с неподдельным интересом следили за происходящим.

Уильям прочистил глаза от грязи и пригляделся к офицерам. Убедившись, что не знает ни одного из них, он немного расслабился. Его не ранило, однако удар Барта выбил из него дух и добавил синяков. Уилли сидел посреди дороги, пытаясь отдышаться и вновь обрести контроль над телом.

Потасовка, если можно ее так назвать, утихла. Солдаты схватили большинство из тех, с кем он играл накануне, и согноли штыками в небольшую группу, где молодой корнет умело связывал им руки за спиной.

– Ты, – раздался позади голос, и сапог грубо толкнул Уильяма в ребра. – Вставай.

Он обернулся и увидел рядового в летах, напустившего на себя самоуверенный вид. Неожиданно ему пришло в голову, что пехотинцы могут счесть его не пострадавшим, а участником недавней потасовки. Уильям вскочил на ноги и с высоты своего роста взглянул на рядового; тот, покраснев, отступил на шаг.

– Руки за спину!

– Нет, – отрезал Уильям, отвернулся и шагнул к конным офицерам. Оскорбленный рядовой бросился к нему и схватил за локоть.

– Убери руки, – сказал Уильям и, когда рядовой пропустил вежливую просьбу мимо ушей, оттолкнул наглеца. Тот пошатнулся.

– Стой, черт возьми! Стой, или буду стрелять!

Уильям снова повернулся и увидел, как другой солдат с красным потным лицом наставил на него мушкет – заряженный и в любой момент готовый выстрелить. Его собственный. У него пересохло во рту.

– Не... не стреляй, – выдавил он. – Это ружье... оно не...

Первый рядовой подошел сзади и двинул Уильяму кулаком по почке. Внутренности резануло, как от удара ножом, а перед глазами побелело. Колени подогнулись, однако он не рухнул, а плавно опустился на землю, будто опавший лист.

– Вон того. – Интеллигентный английский голос проник

сквозь гудящий белый туман. – Того, того и... этого, высокого. Поднимите.

Уильяма схватили за плечи и дернули вверх. Он едва мог дышать и лишь сдавленно хрипел. Сквозь пелену слез и грязи он разглядел, как один из офицеров оценивающе взирает на него с лошади.

– Да, – сказал офицер. – Этого тоже повесить.

* * *

Уильям придирчиво осмотрел свой носовой платок. От тряпицы мало что осталось: ее использовали, чтобы связать ему запястья, и пленник разорвал платок в клочья при попытке высвободиться. И все же... С величайшей осторожностью Уильям высморкался и, заметив на ткани кровь, аккуратно промокнул нос. На лестнице, что вела к комнате, где он сидел под охраной двух бдительных рядовых, слышались шаги.

– Кем, говоришь, он назвался? – спросил раздраженный голос.

Ответ потонул в скрежете открывающейся двери по неровному полу. Уильям медленно встал на ноги и выпрямился во весь рост, лицом к вошедшему офицеру, майору драгун. Майор резко остановился – двое следовавших за ним мужчин тоже.

– Чертовым девятым графом Элсмиром, – угрожающе

прохрипел Уильям, уставившись на майора тем глазом, который еще открывался.

– Он самый и есть, – произнес другой голос, более веселый и до странности знакомый.

Уильям моргнул при виде вошедшего в комнату стройного и темноволосого мужчины в форме капитана пехоты.

– Вообще-то *капитан* лорд Элсмир. Привет, Уильям.

– Я отказался от офицерского чина, – безучастно обронил тот. – Привет, Дэннис.

– Но не от своего титула.

Дэннис Рэндолл осмотрел Уильяма с головы до ног, однако не стал комментировать его внешний вид.

– Отказались от офицерского чина, значит? – Моложавый и коренастый майор, которому явно были тесноваты бриджи, с презрением глянул на Уильяма. – Захотели сменить мундир и присоединиться к повстанцам, полагаю?

Уильям дважды глубоко вдохнул, чтобы не сболтнуть ничего опрометчивого.

– Нет, – неприязненно ответил он.

– Разумеется, нет, – мягко упрекнул майора Дэннис и повернулся к Уильяму. – А в компании ополченцев ты путешествовал потому, что...

– Я с ними не путешествовал, – отрезал Уильям и похвалил себя за то, что не прибавил «тупица». – Повстречал этих джентльменов прошлой ночью в таверне и выиграл у них кругленькую сумму в карты. А когда утром продол-

жил путь, они увязались следом с очевидным намерением отобрать деньги.

– С очевидным намерением? – скептически повторил майор. – И как же вы распознали такое намерение? Сэр, – неохотно добавил он.

– Полагаю, преследование и избиение до полусмерти можно считать недвусмысленным признаком, – вклинился Дэннис. – Сядь, Элсмир, ты кровью пол закапал. Они правда забрали деньги?

Капитан вытащил из рукава большой белоснежный носовой платок и протянул Уильяму.

– Да. И основательно почистили карманы. А еще я не знаю, что с моей лошадью.

Он провел платком по разбитой губе и, несмотря на распухший нос, почувствовал аромат одеколона Рэндолла – настоящего одеколона, благоухающего Италией и сандаловым деревом. Лорд Джон время от времени пользовался таким же, и запах немного успокоил Уильяма.

– Итак, вы утверждаете, что ничего не знаете о людях, с которыми вас нашли? – спросил другой офицер, лейтенант, примерно ровесник Уильяма и нетерпеливый, как терьер. Майор посмотрел на него с неприязнью, давая понять, что и сам справится с допросом, однако лейтенант оставил это без внимания. – Конечно, если вы играли с ними в карты, то наверняка почерпнули какие-нибудь сведения?

– Я знаю несколько имен. – Уильям внезапно ощутил

сильную усталость. – И все.

На самом деле это было еще не все, но он не хотел говорить о том, что узнал. К примеру, что Эббот работает кузнецом, а смышленный пес помогает ему в кузнице, принося по просьбе хозяина мелкие инструменты или хворост для огня. Жюстин Мартино недавно женился и ждет не дождется возвращения в супружескую постель. Жена Джеффри Гарденера варит лучшее в деревне пиво, а их дочка – в свои-то двенадцать – почти ей не уступает. Гарденер был в числе тех, кого майор приказал повесить. Уильям сглотнул: в горле першило от пыли и невысказанных слов.

Он избежал петли во многом благодаря умению ругаться на латыни, что на какое-то время сбило майора с толку и дало Уильяму возможность назвать себя, свой бывший полк и список высокопоставленных армейских офицеров, готовых за него поручиться. В их числе – генерала Клинтона (*боже, и где Клинтон сейчас?*).

Дэннис Рэндолл что-то бормотал майору – тот все еще стоял с недовольным видом, но уже не кипел, а лишь сердито булькал. Лейтенант с подозрением щурился на Уильяма, явно ожидая, что тот вскочит со скамьи и побежит. Он бессознательно трогал то патронташ, то пистолет в кобуре, очевидно воображая прекрасную возможность застрелить Уильяма, когда тот бросится к двери. Внезапно охваченный приливом усталости, Уильям широко зевнул и остался сидеть, лишь моргая в ответ.

В этот момент дальнейшая судьба и в самом деле мало его тревожила. На истертой столешнице виднелись отпечатки окровавленных пальцев, и он задумчиво их разглядывал, не обращая внимания на долетавшие обрывки беседы, пока разбитым ухом не уловил слово «разведчик».

Уильям закрыл глаза. *Нет. Только не это.* И все же невольно прислушался.

Голоса становились громче, звучали одновременно, перебывали друг друга. Судя по всему, Дэннис пытался убедить майора в том, что он, Уильям, работает по заданию, добывая сведения от американских ополченцев согласно плану... похитить Джорджа Вашингтона?

При этом известии майор, похоже, удивился не меньше Уильяма. Он встал к пленнику спиной, наклонился к Дэннису и свистящим шепотом начал задавать вопросы. Рэндолл, черт бы его побрал, даже бровью не повел и только почтительно понизил голос. Проклятье, да Вашингтона и в радиусе двухсот миль отсюда нет... ведь так? По сведениям Уильяма, после сражения при Монмуте тот отсиживался в горах Нью-Джерси. Именно там в последний раз видели кузена Бенджамина.

Снаружи раздался шум. Вообще-то он не смолкал все это время, но то были обычный гомон людского сборища, приказы, топот, протесты. Теперь неясный гул приобрел более организованный характер, и Уильям узнал звуки отбытия. Крики командиров, распускающих отряд? За разговором Дэнни-

са и майора Как-его-там Уильям различал только нестройный шаг и бормотание толпы. Вряд ли солдаты. Хотя он не мог точно оценить происходящее, это совсем не походило на исполнение приговора. Молодой человек присутствовал на казни три года назад, когда американского капитана по фамилии Хейл повесили как... шпиона. Слово холодным свинцом упало в пустой желудок, и Уильям ощутил привкус желчи на языке.

Ну, спасибо тебе, Дэннис Рэндолл. Уильям сглотнул.

Когда-то он считал Дэнниса другом, и хотя три года назад эту иллюзию пришлось отбросить – Дэннис внезапно исчез из Квебека и оставил Уильяма в снежном плену без дальнейших указаний, – он не думал, что Рэндолл будет открыто использовать его как инструмент. Да и с какими целями?

Дэннис, очевидно, добился своего. Майор повернулся, с прищуром взглянул на Уильяма, покачал головой и вышел. За ним неохотно последовал верный лейтенант.

Дэннис застыл, прислушиваясь к шагам на лестнице. Затем с явным облегчением вздохнул, оправил мундир, подошел к Уильяму и сел напротив.

– Мы ведь в таверне? – спросил Уильям, прежде чем Дэннис открыл рот.

– Да. – Капитан поднял темную бровь.

– Тогда раздобудь мне чего-нибудь выпить, а потом расскажешь, в какую заваруху только что меня втянул.

Пиво было отличным, и Уильям испытал угрызения совести из-за Джефффри Гарденера, но помочь бедолаге ничем не мог. Он жадно пил, не обращая внимания на жжение в разбитой губе, и почувствовал себя чуть более уверенно. Дэннис так же усердно налегал на свое пиво, и впервые Уильям заметил толстый слой пыли на широких обшлагах капитана и несвежую рубашку. Очевидно, тот провел в дороге не один день. Уильям задумался, считать ли удачное появление Дэнниса случайностью. А если нет – как он сюда попал и зачем?

Осушив кружку, Дэннис поставил ее на стол, сомкнул веки и приоткрыл рот от удовольствия. Потом вздохнул, сел прямо, открыл глаза и встряхнулся, приводя себя в порядок.

– Иезекиль Ричардсон, – изрек он. – Когда ты видел его в последний раз?

Такой поворот застал Уильяма врасплох. Осторожно вытерев губы рукавом, он поднял бровь – а вместе с ней и пустую кружку – в сторону ожидавшей буфетчицы; та взяла обе кружки и вышла из комнаты.

– Мы перекинулись парой слов за неделю-две до Монмута. Получается... с год назад. Хотя лично я предпочел бы с ним не разговаривать. А что?

Упоминание о Ричардсоне его разозлило. Этот человек – если верить Дэннису – умышленно отправил Уильяма в Ве-

ликое Мрачное болото, рассчитывая, что его похитят или убьют повстанцы из Дизмэла. Он тогда чуть не погиб и теперь думал о негодяе с особенным раздражением.

– Он перешел на другую сторону, – объявил Дэннис. – Я подозревал, что Ричардсон американский агент, а когда он отправил тебя в болото, сомнения отпали. Только у меня не было доказательств, а без них обвинять офицера в шпионаже – дело рискованное.

– А сейчас они у тебя есть?

Дэннис испытующе посмотрел на него.

– Ричардсон оставил службу, не подав прошения, а зимой объявился в Саванне под видом майора Континентальной армии. Думаю, сойдет в качестве доказательства?

– Если и так, дальше-то что? В этой забегаловке есть чем подкрепиться? Я не завтракал.

Дэннис внимательно его оглядел, затем молча встал и спустился вниз, вероятно за едой. Уильям и правда ощущал легкое головокружение, но кроме того, хотел выиграть время, чтобы поразмыслить над услышанным.

Его отец был немного знаком с Ричардсоном – именно так Уильям стал выполнять для капитана мелкие разведывательные задания. Дядя Хэл, как большинство военных, считал разведку неподходящим занятием для джентльмена, но папа не возражал. Это он познакомил Уильяма с Дэннисом Рэндоллом, который в то время называл себя Рэндоллом-Айзексом. Они бесцельно провели несколько месяцев в Квебеке,

а потом Дэннис внезапно исчез с какой-то тайной миссией и оставил приятеля с проводником-индейцем. Выходит, Дэннис... Уильям впервые с предельной ясностью осознал, что Дэннис – шпион, а следом ему в голову пришло, что папа тоже мог быть шпионом. В попытке избавиться от этой мысли он непроизвольно стукнул ладонью по виску – безрезультатно.

Саванна. Зима. Британская армия взяла город в конце декабря. Уильям побывал там вскоре после того, и у него имелись веские причины запомнить поездку. Горло сдавило.
Джейн.

Голоса внизу, шаги Дэнниса на лестнице. Уильям тронул нос – тот уже не кровоточил, хотя по-прежнему был вдвое больше обычного и болезненно саднил. Вернулся Дэннис.

– Еда уже в пути! – Он ободряюще улыбнулся. – И пиво. Или тебе чего-нибудь покрепче? – Рэндолл внимательно оглядел Уильяма, принял решение за него и развернулся. – Принесу бренди.

– Погоди. Что связывает Иезекиля Ричардсона и моего отца? – резко спросил Уильям.

Дэннис на мгновение застыл, затем подошел к столу и медленно сел, не сводя с Уильяма оценивающего взгляда. Он что-то подсчитывал в уме. Уильям буквально видел, как в голове у собеседника мелькают мысли, хотя и не мог с точностью сказать, какого рода.

С глубоким вздохом Дэннис положил обе ладони на стол,

будто собираясь с силами.

– С чего ты решил, что он как-то связан с лордом Джоном?

– Он – я имею в виду лорда Джона – знает этого человека. Именно Ричардсон предложил, чтобы я собирал для него... любопытные сведения.

– Понятно, – сухо откликнулся Дэннис. – Ну, если они и приятельствовали, то с этим покончено. Говорят, Ричардсон произносил в адрес твоего отца некие угрозы, хотя, по-видимому, не решился их исполнить. Пока, – мягко добавил он.

– Какие угрозы?

Волна гнева и тревоги прокатилась по позвоночнику Уильяма, и кровь болезненно прилила к разбитому лицу.

– Уверен, они беспочвенны... – начал Дэннис.

Уильям привстал.

– Проклятье! Да скажешь ты наконец или я оторву твой чертов нос?

Он протянул руку с распухшими костяшками, готовый исполнить угрозу. Дэннис вскочил, со скрежетом оттолкнув скамью.

– Сделаю скидку на твое состояние, Элсмир. – Он твердо глядел на Уильяма, как смотрят на собаку, скалящую зубы. – Хотя...

Уильям издал низкий гортанный звук.

Дэннис невольно отступил.

– Хорошо! – сдался он. – Ричардсон пригрозил рассказать, что лорд Джон – содомит.

Уильям моргнул и на мгновение застыл, не сразу осознав услышанное.

Наконец слова обрели смысл, но ответить он не успел – вошла служанка. Пухленькая уставшая девушка, косая на один глаз, внесла массивный поднос с едой и напитками. Запах жареного мяса, овощей и свежего хлеба ударил в нос, желудок требовательно сжался. Однако не настолько, чтобы отвлечь его от слов Рэндолла. Уильям встал, кивнул девушке и, плотно затворив за ней дверь, повернулся к Дэннису.

– Что? Да это же... – Уильям сделал широкий жест, демонстрируя полную абсурдность предположения. – Он был женат, ради всего святого!

– Знаю. На... э-э... веселой вдове генерала шотландских повстанцев. Впрочем, женился он совсем недавно, так?

Уголок рта Дэнниса Рэндолла скривился в улыбке, что разозлило Уильяма.

– Я о другом! – огрызнулся он. – И тот вовсе не... Я хочу сказать, чертов шотландец не умер, вышло какое-то недоразумение. Отец много лет состоял в браке с моей матерью... то есть мачехой, леди из Озерного края. – Уильям раздраженно вздохнул и сел. – Лживые сплетни Ричардсона не могут причинить нам вреда.

Дэннис поджал губы и медленно выдохнул.

– Уильям, – терпеливо сказал он, – пожалуй, сплетни погубили больше людей, чем мушкеты.

– Чепуха.

Дэннис слегка улыбнулся и пожал плечами в знак согласия.

– Возможно, это громко сказано, однако задуматься стоит. Человека оценивают по его словам и репутации. Если бы майор Олбрайт сейчас не принял мои слова за чистую монету, ты был бы мертв. – Он наставил на Уильяма длинный палец с ухоженным ногтем. – А если бы ему сообщили, что я зарабатываю на жизнь карточным шулерством или содержу известный бордель? Принял бы он мое заверение в *твоей* порядочности?

Уильям бросил на него недоверчивый взгляд, но в словах определенно имелся смысл.

– Значит, кто кошелек украл – украл пустяк?

Улыбка Дэнниса стала шире.

– «...Но кто похитит честь у человека, последним нищим сделает его, не став при этом ни на грош богаче»²⁸. Да, что-то в этом роде. Подумай, чем грозят твоей семье сплетни, которые вынашивает Зик Ричардсон. И хватит уже пялиться на меня, съешь что-нибудь.

Уильям невольно задумался. Нос больше не кровоточил, правда, в глотке остался металлический привкус. Он прочистил горло и как можно изящнее сплюнул в лохмотья своего носового платка, приберегая платок Дэнниса на случай, если придется вытирать кровь.

– Хорошо. Я тебя понял, – хрипло произнес он.

---

²⁸ Уильям Шекспир. «Отелло» (Пер. Б. Лейтина).

– Друг твоего отца, майор Бейтс, несколько лет назад предстал перед судом за содомию и был повешен, – сказал Дэннис. – Твой отец присутствовал при казни: он повис на ногах майора, чтобы ускорить смерть. Хотя вряд ли ты слышал от него об этом инциденте.

Уильям отрицательно качнул головой. От потрясения он не мог выдать ни слова.

– Не только тело смертно – есть смерть души, знаешь ли. Допустим, он избежал бы ареста, суда и приговора... Человеку, обвиненному в таком деянии, все равно житья не дадут.

Дэннис сказал это тихо, почти небрежно. Затем сел прямо, взял ложку и поставил перед Уильямом оловянную тарелку, на которой лежали ломти запеченной свинины, жареная тыква с кукурузой и несколько толстых кусков кукурузного хлеба. К съестному он присовокупил щедрую порцию бренди.

– Ешь, – твердо повторил Дэннис и добавил, глядя на потрепанный вид Уильяма: – Потом расскажешь, чем, во имя Господа, ты занимался. И почему ушел в отставку?

– Не твое дело, – отрезал Уильям. – А что до моих занятий...

Ему хотелось сказать, что они Дэнниса тоже не касаются, но тот являлся ценным источником информации – грех упускать такую возможность. В конце концов, работа разведчика заключалась в том, чтобы собирать сведения.

– Если хочешь знать, я ищу след своего кузена Бенджами-

на Грея. Капитана Бенджамина Грея, – добавил Уильям. – Из Тридцать четвертого пехотного. Ты его, случайно, не знаешь?

Дэннис озадаченно моргнул, и Уильям вдруг ощутил слабый толчок внизу живота – так бывает, когда рыба заглатывает наживку.

– Я с ним встречался, – осторожно произнес Рэндолл. – След, говоришь? Он что, пропал?

– Можно и так сказать. Его схватили при Брендивайне и удерживали в месте под названием лагерь Мидлбрук в горах Уотчунг. Мой дядя получил официальное письмо из канцелярии сэра Генри Клинтона. В краткой записке американцы с прискорбием сообщили о смерти капитана Бенджамина Грея от лихорадки.

– Ох. – Дэннис чуть расслабился, хотя взгляд его не утратил настороженности. – Мои соболезнования. То есть ты ищешь, где похоронен твой кузен? Чтобы, хм... перевезти тело в семейное... э-э... место упокоения?

– Так и было, – подтвердил Уильям. – Только я *нашел* его могилу. И Бенджамина в ней не оказалось.

При внезапном воспоминании о той ночи в горах Уотчунг у него на руках поднялись волоски. Холодная влажная глина липла к ногам, он вымок насквозь, ладони покрылись волдырями, а от земли исходил запах смерти, когда лопата заскрежетала по костям... Уильям испытывал острое желание отвернуться от Дэнниса, да и от воспоминаний тоже.

– Там лежал кто-то другой.

– Боже святой. – Дэннис машинально потянулся к стакану, однако тот был пуст. Поежившись, словно отгонял видение, он взял в руку бутылку с бренди. – Ты уверен? Я имею в виду, сколько...

– Он пролежал в земле некоторое время. – Уильям сделал большой обжигающий глоток, пытаясь изгнать из памяти запах. И ощущение на пальцах. – Хотя недостаточно долго, чтобы скрыть факт отсутствия ушей.

Потрясенное лицо Дэнниса доставило Уильяму мрачное удовлетворение.

– Именно, – продолжил он. – Вор. О том, что тела перепутали, речи нет. Могила была помечена фамилией Грей, а полное имя Бенджамина значилось в лагерных списках захоронений.

Дэннис был на двенадцать лет старше Уильяма, но сейчас выглядел взрослее своих тридцати трех, его красивые черты заострились от напряжения.

– Значит, по-твоему, это сделали умышленно? Ну конечно, – тут же перебил он себя, – разумеется, так и есть. Но кто и с какой целью? – Не дожидаясь ответа, капитан продолжил: – Если твоего кузена убили и пытались это скрыть, почему просто не похоронить его как жертву лихорадки? Зачем менять тело? То есть ты полагаешь, он жив? Тогда все обретает смысл.

Уильям облегченно вздохнул.

– Согласен. Одно из двух: или Бен инсценировал свою смерть и подложил другое тело, чтобы избежать преследования, или кто-то совершил подмену без его участия и похитил кузена. Первое я еще понимаю, но кому могло понадобиться второе? Впрочем, не важно; если он жив, я могу его найти. И найду, черт побери. Так или иначе семья должна узнать, что случилось.

В этом он не кривил душой. Однако перед самим собой признавал: исчезновение Бена дало ему цель, возможность выбраться из трясины вины и скорби, куда его затянуло после смерти Джейн.

День клонился к вечеру. Дэннис потер лицо: на подбородке у него уже начала пробиваться щетина.

– На ум приходят слова «иголлка» и «стог сена», – сказал он. – Хотя теоретически можно его найти, если он жив.

– Не сомневаюсь, – твердо заявил Уильям. – У меня есть список... – Он на всякий случай дотронулся до нагрудного кармана, куда положил свернутый листок, – слава богу, тот был на месте. – Перечень ополченцев из двух отрядов, назначенных рыть могилы в лагере Мидлбрук во время вспышки лихорадки.

– А-а, так вот зачем ты терся в компании...

– Да. К сожалению, ополченцев вербуют на короткий срок, а затем они разбредаются по своим фермам. Один отряд был из Северной Каролины, другой – из Вирджинии, но вчерашние не... – При воспоминании о них Уильям осекся. –

Те люди... Неужели майор Олбрайт в самом деле собирается кого-то повесить?

Дэннис пожал плечами.

– Я не очень хорошо знаю майора, так что не мне судить. Возможно, он отдал приказ для острастки, чтобы напугать и разогнать остальных. Но троих взял в свой лагерь. Если майор поостынет к тому времени, как они туда доберутся, вероятно, их выпорют и отпустят. Люди под его командованием начнут задавать вопросы, вздумай он вешать гражданских без суда и следствия. Вряд ли это сыграет на руку офицеру с видами на продвижение по службе. Если, конечно, он в здравом уме. Хотя Олбрайт не производит такого впечатления, – задумчиво добавил Дэннис.

– Понятно. И кстати, насчет отсутствия здравого смысла... Что за околесицу ты тут нес о похищении Джорджа Вашингтона?

Рэндолл рассмеялся, и Уильям почувствовал, как кровь прилила к ушам.

– Ну, ты здесь ни при чем, – заверил он Уильяма. – Просто *ruse de guerre*²⁹. Однако сработало, не так ли? Пришлось выдумать объяснение твоему *outré*³⁰ виду. Шпионаж – единственная правдоподобная мысль, которая пришла мне в голову.

Уильям хмыкнул и осторожно положил в рот суккоташ –

---

²⁹ Военная хитрость (*фр.*).

³⁰ Эксцентричный, из ряда вон (*фр.*).

обжаренные в сливочном масле кубики тыквы вперемешку с ломтиками кукурузных початков. Еда пришлась ему по вкусу, и он с энтузиазмом принялся за остальное, не обращая внимания на болезненные ощущения в разбитой губе. Дэннис с улыбкой наблюдал за тем, как приятель ест, но больше ни о чем не расспрашивал.

Когда тарелки опустели, оба погрузились в молчаливые раздумья – не как друзья, хотя и не как враги.

Дэннис взял бутылку бренди и встряхнул. Удовлетворенный тихим всплеском, он разлил остатки по стаканам и протянул один Уильяму.

– Предлагаю сделку, – сказал он. – Если узнаешь какие-либо новости об Иезекиле Ричардсоне, сообщи мне. Если я выясню что-нибудь о твоём кузене Бенджамине, сообщу тебе.

Уильям на мгновение замешкался, а затем твердо коснулся стакана Рэндолла своим.

– Идет.

Дэннис выпил и поставил стакан.

– Присылай вести через капитана Блейкни – он с войсками Клинтон в Нью-Йорке. А с тобой как связаться в случае чего?

Уильям поморщился, но особого выбора у него не было.

– Через моего отца. Он с дядей в гарнизоне Прево, в Саванне.

Дэннис кивнул, отодвинул скамью и встал.

– Идет. Твоя лошадь снаружи. Вместе с ножом и мушкетом. Позволь спросить, куда ты направляешься?

– В Вирджинию.

Вообще-то Уильям принял решение только что, однако стоило его озвучить, как все сомнения отпали. Вирджиния. «Гора Джосайи».

Порывшись в кармане, Дэннис выложил на стол две гинеи и горсть мелких монет.

– До Вирджинии путь неблизкий. Считай это ссудой, – улыбнулся он Уильяму.

8

Визитеры

Фрэзер-Ридж

К полудню я по большей части разобралась с лекарствами, приняла трех пациентов с ожогами от ядовитого плюща, одного со сломанным пальцем на ноге (его обладатель в приступе гнева поддал мулу) и еще одного с укусом енота (не бешеного: охотник пошел подобрать сбитого с дерева зверя, однако обнаружилось, что тот жив; енот, конечно, пришел в бешенство, но отнюдь не в заразном смысле).

У Джейми дела шли куда лучше. Весь день к дому непрерывным потоком тянулись люди, движимые соседским радушием и любопытством. Женщины останавливались побол-

тать со мной о Маккензи, мужчины бродили с Джейми по территории и отбывали воссояси с обещаниями вернуться снова и помочь по хозяйству.

– Если завтра перевезем бревна с Роджером Маком и Йеном, то на следующий день Синклеры помогут с балками для пола. Даст бог, в среду заложим плиту под очаг, в пятницу постелим пол с Шоном Макхью и парой его ребят, а там и за стены возьмемся. Том Маклауд пообещал уделить мне полдня, да и сын Хирама Кромби, Джо, со сводным братом тоже согласны помочь. – Джейми улыбнулся. – Если хватит виски, через две недели у тебя будет крыша над головой, саксоночка.

Я с сомнением перевела взгляд с каменного фундамента на плывущие по небу облака.

– Крыша?

– Ну скорее всего из парусины, – признал он. – И тем не менее.

Джейми встал и, слегка морщась, потянулся.

– Почему бы тебе не передохнуть? – предложила я, взглянув на его ногу. Он заметно хромал, а нога походила на яркое лоскутное одеяло красного и фиолетового оттенков, с черными стежками моей штопки. – Эми оставила нам кувшин пива.

– Возможно, чуть позже, – сказал он. – А ты чем занята, саксоночка?

– Собиралась приготовить мазь из ягод остролиста для

Лиззи Бердсли и немного укропной воды для ее малыша. Не знаешь, ему уже дали имя?

– Губерт.

– Как?

– Губерт, – повторил он с улыбкой. – По крайней мере, так мне позавчера сказал Кеззи. Говорит, это дань уважения покойному брату Моники.

– Хм. – Отец Лиззи, Джозеф Уэмисс, женился во второй раз на славной, хотя и немолодой немке, и Моника, не имевшая собственных детей, стала верной бабушкой растущему потомству Бердсли. – Возможно, они смогут называть его Берти, для краткости.

– У тебя закончилась кора хинного дерева, саксоночка? – Джейми ткнул подбородком в сторону открытой аптечки, стоявшей на земле рядом с ним. – Ты ведь из нее готовишь тоник для Лиззи?

– Да. – Я подивилась его наблюдательности. – Только последняя закончилась три недели назад, и с тех пор никто не ездил в Уилмингтон или Нью-Берн, чтобы я могла заказать еще.

– Ты говорила об этом Роджеру Маку?

– Нет. А он здесь при чем? – озадаченно спросила я.

Джейми привалился спиной к угловому камню, всем видом демонстрируя снисхождение, какое обычно проявляют в беседе с не вполне догадливым человеком. Я фыркнула и бросила в него ягоду остролиста. Он поймал ее и придиричи-

во рассмотрел.

– Они съедобные?

– Эми говорит, пчелам нравятся цветы, – неопределенно ответила я, высыпая большую горсть темно-фиолетовых ягод в ступку. – Но, скорее всего, их неспроста называют желчными ягодами.

– А-а. – Джейми бросил ее обратно в меня, и я увернулась. – Ты сама сказала, саксоночка, что Роджер Мак вчера изъявил намерение вернуться к служению. Ну и, – терпеливо продолжил он, не видя на моем лице намека на просветление, – что бы ты на его месте сделала в первую очередь?

Я зачерпнула из горшка большой шарик бледно-желтого медвежьего жира и бросила в ступку, размышляя, не добавить ли отвар ивовой коры, и одновременно обдумывая вопрос Джейми.

– Знаю! – Я направила на него пестик. – Обошла бы своих бывших прихожан, если можно так выразиться, и сообщила им, что Мэкки-Нож вернулся в город³¹.

Джейми с тревогой взглянул на меня и тряхнул головой, отбрасывая нарисованный мною образ.

– Точно, – согласился он. – И представилась бы тем из них, кто появился здесь после твоего отъезда.

– Так что через пару дней все в Ридже – и, вероятно, по-

---

³¹ Мэкки-Нож – прозвище главного героя «Трехгрошовой оперы» (1928) Бертольта Брехта. Строка «Мэкки-Нож вернулся в город» взята из написанной для пьесы баллады, перепетой многими известными исполнителями.

ловина мужского хора в Салеме – будут в курсе.

Джейми любезно кивнул.

– Да. Все узнают, что тебе нужна хинная кора, и ты, скорее всего, получишь ее в течение месяца.

– Тебе нужна хинная кора, *Grand-mère*?³²

Из леса за моей спиной вышел Жермен с ведром воды в одной руке, другой прижимая к груди вязанку хвороста; на шее у него висело нечто похожее на дохлую змею.

– Да, – сказала я. – А это?..

Но он обо мне уже позабыл: его внимание приковала изувеченная нога деда.

– *Formidable!*³³ – воскликнул он, роняя хворост. – Можно посмотреть, *Grand-père*?³⁴

Джейми сделал изящный «пригласительный» жест, и Жермен, округлив глаза, наклонился ближе.

– Мэнди сказала, что медведь откусил тебе ногу. – Он осторожно протянул указательный палец к дорожке шва. – Только я ей не поверил. Сильно болит? – спросил он, глядя Джейми в лицо.

– А, не переживай, – небрежно махнул рукой тот. – Немного погода буду копать нужник. Что у тебя за змейка такая?

Жермен услужливо снял обмякшую змею и передал ее

---

³² Бабушка (фр.).

³³ Жуть! (фр.).

³⁴ Дедушка (фр.).

Джейми, который явно не ожидал подобного подношения, однако с осторожностью его принял. Я опустила глаза на свою ступку и улыбнулась. Джейми боялся змей, но мужественно скрыл сей факт, взяв ее за хвост. Это был большой маисовый полоз – почти три фута оранжево-желтой чешуи, яркой, как вспышка молнии.

– Ты убил его, Жермен?

Прервав работу, я хмуро взглянула на змею. Я неоднократно объясняла детям, что не следует убивать неядовитых змей, так как те охотно поедали мышей и крыс, однако большинство взрослых в Ридже считали, что хорошая змея – мертвая змея, и переубеждать их было бесполезно.

– Нет, бабушка, – заверил мальчик. – Он ползал в твоём саду, и Фанни погналась за ним с мотыгой, но я ее остановил. А потом малютка проскользнул через забор, прыгнул на него и сломал себе... – Жермен сдвинул брови, глядя на змею. – Не уверен, спину или шею, потому как трудно отличить, но он точно мертв. Думал содрать с него кожу для Фанни, – объяснил он, оглядываясь через плечо в сторону сада. – Ну, чтобы сделать ей пояс.

– Чудесная мысль, – сказала я, гадая, согласится ли с этим Фанни.

– Как считаешь, я смогу купить пряжку у жестянщика? – спросил Жермен у Джейми, забирая змею и снова накидывая ее себе на шею. – Я имею в виду – для ремня. У меня есть два пенса и несколько маленьких пурпурных камешков на

обмен.

– У какого жестянщика?

Я перестала толочь и уставилась на него.

– Джо Бердсли сказал, что два дня назад встретил в Салеме жестянщика, который, по его расчетам, будет здесь на этой неделе, – объяснил Жермен. – Он говорит, у жестянщика полный мешок всяких мелочей, поэтому я подумал, если тебе что-нибудь нужно, бабушка...

Я кинула быстрый жадный взгляд на свою аптечку, истощенную посевным сезоном с его травмами от топора и мотыги, укусами животных и насекомых, вспышкой пищевого отравления и подозрительной эпидемией респираторных заболеваний среди Макниллов, сопровождаемой несильным жаром, кашлем и синюшными пятнами на теле.

– Хм-м...

Я похлопала себя по карманам, гадая, что у меня есть на обмен для такого случая.

– Осталось две бутылки вина из бузины, – предложил Джейми, выпрямляясь. – Можешь распоряжаться ими, саксоночка. А еще хорошая оленья шкура и полбочонка скипидара.

– Нет, скипидар не отдам, – отрезала я и рассеянно добавила: – Анкилостомы, знаете ли.

Джейми и Жермен насмешливо переглянулись.

– Анкилостомы, – сказал Джейми, а Жермен покачал головой.

Однако прежде чем я успела рассказать им об анкилостомах, со стороны ручья донесся окрик, и мы увидели Дункана Лесли с двумя сыновьями, один из которых нес под мышкой большой свиной окорок.

Джейми встал их поприветствовать. Они вежливо кивнули мне, впрочем, без особого расчета на то, что я прерву свои занятия, чтобы поболтать.

– На прошлой неделе я подстрелил крупную свинью, – сообщил Дункан, выталкивая сына с ветчиной вперед. – Вот, осталось немного, и мы подумали, что вам пригодится – семья-то, поди, приехала и все такое...

– Очень признателен, Дункан, – сказал Джейми. – Если ты не против поесть под открытым небом, приходи и раздели трапезу с нами. Как насчет завтра? – Он повернулся ко мне.

Я покачала головой.

– Послезавтра. Завтра нужно провести Бердсли, и я не успею вернуться и приготовить что-то кроме сэндвичей.

Если Эми испекла хлеб и что-нибудь еще осталось, добавила я про себя.

– Да-да, – закивал Дункан. – Моя жена будет рада повидаться с вами, миссис. Ну, Джейми, – он мотнул головой в сторону фундамента, – вижу, ты заложил прекрасный большой дом – с двумя дымоходами, а? Где же кухня?

Джейми плавным движением поднялся, глянул на меня через плечо, словно хотел сказать: «Видишь?» – и, слегка прихрамывая, повел Лесли осматривать фундамент.

Жермен положил змею мне на стол со словами: «Присмотри за ней, ладно, бабушка?» – и побежал вслед за мужчиной.

* * *

Брианна остановилась в конце тропы и отерла пот с лица и шеи. Хижина перед ними выглядела опрятно и чистенько – даже слишком. Дорожка, ведущая к двери, по обеим сторонам выложена побеленными камнями, а в отполированные до блеска оконные стекла – стекла! – она видела себя и Роджера – два крошечных цветных пятна в зеленом мерцании отраженного леса.

– Кому придет в голову белить камни? – Она инстинктивно понизила голос, словно хижина могла ее услышать.

– Ну, определенно не тому, у кого много свободного времени, – ответил Роджер полусшепотом. – Так что это либо несостоявшийся ландшафтный дизайнер, либо кто-то с невротической потребностью все контролировать.

– Полагаю, в любой эпохе найдутся люди, помешанные на контроле, – сказала Бри, стряхивая пыль и частички листьев с юбки. – Возьми хотя бы тех, кто проектировал елизаветинские лабиринты. Что говорила Эми об этих людях? Каннингемах, кажется?

– Да. «Методисты “Голубого света”, – процитировал Роджер, – остерегайтесь этих людей, преподобный».

С такими словами он расправил плечи и ступил на дорожку меж побеленных камней.

– Голубого света? – Брианна последовала за ним, торопливо поправляя широкополую соломенную шляпу, аккуратно надетую поверх чепца. Не дай бог жене проповедника опростоволоситься перед верующими...

Не успел Роджер поставить ногу на крыльцо, как дверь распахнулась, и теперь на них не слишком приветливо взирал невысокий, плохо выбритый человек с мохнатыми седыми бровями. Он был опрятно одет в серые домотканые бриджи и жилет, а льняная рубашка, хотя и слегка пожелтевшая от времени, была свежевыглаженной.

– Доброго вам дня, сэр. – Роджер поклонился, а Брианна коротко почтительно присела. – Меня зовут Роджер Маккензи, это моя супруга Брианна. Мы недавно приехали в Ридж и...

– Я слышал. – Мужчина окинул их прищуренным взглядом. Очевидно, они прошли проверку, потому что он отступил на шаг и жестом пригласил их внутрь. – Я капитан Чарльз Каннингем, отставной офицер флота Его Величества. Входите.

Ощувив глубокий вздох мужа, Брианна улыбнулась капитану Каннингему. Тот моргнул и быстро перевел взгляд на Роджера – узнать, одобряет ли он подобное поведение.

– Спасибо, капитан, – сказала Бри со всей возможной приветливостью и шагнула мимо Роджера через порог. – У вас

замечательный дом, такой красивый!

– Я... что ж... – взволнованно начал Каннингем.

Однако не успел он собраться с мыслями, как перед очагом явилась темная фигура. Теперь уже Брианна моргнула от неожиданности.

– Проповедник, значит? – не обращая внимания на Бри, спросила женщина.

Ибо это, несомненно, была женщина, не уступающая ростом Брианне и одетая во все черное, если не считать белого накрахмаленного чепца, очень строгого и закрывающего уши. Возраст ее с трудом поддавался определению; угловатое лицо и пронизательные глаза тут же навели Брианну на мысли о волчице, вскормившей Ромула и Рема.

– Я священник. – Роджер отвесил низкий поклон. – К вашим услугам, мэм.

– Ммхм. Какого рода священник, сэр? – спросила женщина.

– Пресвитерианин, мэм, – ответил Роджер, – но...

– Ты тоже? – Женщина пытливо уставилась на Брианну пронизательными голубыми глазами. – Разделяешь убеждения мужа?

– Я католичка, – как можно мягче сказала Бри. Подобный вопрос ей задавали не в первый и не в последний раз, поэтому они заранее подготовили на него ответ. – Как и мой отец, Джейми Фрэзер.

Это обычно ставило вопрошающего в тупик и давало Род-

жеру время овладеть ситуацией. Из уважения к отцу Брианны (будь то в силу личной приязни или же его статуса лендлорда) арендаторам-некатоликам приходилось проявлять вежливость в разговорах, невзирая на мнение о католиках в целом.

Старуха – миссис Каннингем? – фыркнула и оглядела Бри с головы до ног, всем видом показывая, что на своем веку повидала немало падших женщин и Брианна в сравнении с ними представляла в невыгодном свете.

– Фью, – сказала она. – Папистка! У нас в доме с такими не якшаются!

– Матушка, – вмешался капитан, подходя к ней. – Я думаю, что...

– Мэм. – Роджер выступил вперед, закрывая Бри от нацеленного в нее взгляда василиска. – Уверяю, мы пришли не для того, чтобы проповедовать или обращать вас. Я...

– Пресвитерианин, говоришь? – Холодный обвиняющий взгляд остановился на нем. – И священник? Как же ты выпустил свою жену? Хорошенький из тебя священник, если позволяешь своей женщине быть последовательницей Папы, сея и взращивая семена зла и раздора среди соседей!

– Матушка! – одернул капитан.

Старуха не дрогнула, а лишь повернула суровое лицо к сыну.

– Так и есть, – заявила она и кивнула в сторону Брианны: – Девчонка говорит, что Джейми Фрэзер – ее отец. Ста-

ло быть, — она в упор посмотрела на Бри, — твоя мать — Клэр Фрэзер?

Бри глубоко втянула воздух: хижина была аккуратно прибрана, но совсем мала, и запас кислорода в ней, казалось, сокращался с каждой секундой.

— Да, — спокойно ответила она. — Мама просила засвидетельствовать вам свое почтение и сказать, что, если кто-нибудь у вас в семье заболеет или поранится, она будет рада прийти и помочь. Она целительница и...

— Фью! — повторила миссис Каннингем. — Уж не сомневаюсь, она бы пришла, только я не дам ей такого шанса, заруби себе на носу, девочка. Едва я услышала об этой женщине, так посадила ромашку и остролист у двери. Ни одна ведьма не войдет в наш дом, так и знай!

Ощувив прикосновение Роджера на своей руке, Бри невозмутимо глянула на него. Старуха не выведет ее из себя. Его губы на миг дрогнули, и он отпустил руку жены, повернувшись не к миссис Каннингем, а к капитану.

— Как я уже сказал, — любезно продолжил Роджер, — я пришел не затем, чтобы проповедовать. Я уважаю искреннюю веру. Однако мне любопытно: один из моих соседей упомянул термин «Голубой свет» по отношению к вам и вашей семье, капитан. Интересно, не могли бы вы объяснить мне его значение?

— А-а, — сказал Каннингем, довольный тем, что уж по этому поводу у его матери не найдется возражений. — Ну, сэр,

раз уж вы спросили... Термин применяют к морским офицерам, которые проповедуют христианскую теологию на своих кораблях. «Голубые огни» – так нас называют, подобно светочам во тьме, указывающим истинный путь.

Говорил он скромно, но с гордо поднятой головой и вздернутым подбородком. Его глаза – бледнее, чем у матери, – глядели настороженно, гадая, как Роджер воспримет услышанное.

Роджер улыбнулся.

– То есть вы сами в некотором роде богослов, сэр?

– О... – Капитан слегка приосанился. – Чересчур громко сказано, но я и в самом деле написал несколько трудов – так, собственные мысли на этот счет, знаете ли...

– Что-нибудь уже опубликовано, сэр? С превеликим интересом ознакомился бы с вашими воззрениями.

– Ну... пара-тройка вещей... пустяки, не представляющие большой ценности, полагаю... опубликованы «Беллом и Коксхэмом» в Эдинбурге. Боюсь, у меня здесь нет экземпляров... – Он взглянул на маленький, грубо сколоченный столик в углу, на котором покоилась небольшая стопка бумаги, а также чернильница, баночка с песком и стакан с перьями. – Однако я как раз работаю над кое-чем более значительным...

– Над книгой?

Роджер изобразил заинтересованность – *возможно, искреннюю*, подумала Бри, – но у миссис Каннингем подобное

дружелюбие явно вызвало раздражение, и она попыталась пресечь разговор в зародыше, пока Роджер не соблазнил капитана на богохульство или еще что похуже.

– Не забывайте, капитан, теща этого джентльмена, по общему мнению, ведьма. Да и женушка, пожалуй, тоже. Пусть идут куда шли и не искушают нас своими посулами.

Роджер повернулся к ней и выпрямился во весь рост: голова его чуть не задела потолочные балки.

– Миссис Каннингем, – сказал он по-прежнему вежливо, однако со стальной ноткой в голосе. – Прошу вас принять во внимание, что я слугитель Господа. Верования моей жены и ее родителей столь же добродетельны и нравственны, как и убеждения любого доброго христианина, и я готов поклясться в этом хоть на вашей собственной Библии, если пожелаете.

Он кивнул на крошечную полку над столом, где в ряду книг поменьше на почетном месте стояла Библия.

– Ммхм, – произнес капитан и бросил косой взгляд на мать. – Я как раз собирался уходить, чтобы позвать с поля своих помощников, сэр, – двух лейтенантов с последнего корабля, на котором служил. Они отправились со мной, когда я вышел в отставку. Я провожу вас и вашу супругу, если вас не обременит моя компания?

– Благодарю, капитан, – подала голос Брианна и сделала глубокий реверанс хозяину жилища, а затем еще один – со всей возможной любезностью – миссис Каннингем. – Пожа-

луйста, помните, мэм, что мама тут же придет, если возникнет какая-нибудь... острая необходимость.

Миссис Каннингем при этих словах будто раздулась.

– Ты смеешь мне угрожать, девчонка?

– Что? Нет!

– Видите, кого вы впустили в дом, капитан? – Словно забыв о Брианне, миссис Каннингем сердито посмотрела на сына. – Девка желает нам зла!

– У нас впереди еще несколько визитов, – не замедлил вмешаться Роджер. – Вы позволите мне благословить ваш дом краткой молитвой, прежде чем мы уйдем, сэр?

– Что ж... – Капитан глянул на мать, затем выпрямился и вздернул подбородок. – Да, сэр. Будем очень признательны.

Брианна увидела, как губы миссис Каннингем скривились для очередного «Фью!», но Роджер ее опередил. Он слегка воздел руки и склонил голову.

Да благословит Господь сей кров,
Каждый камень, и бревно, и доску,
Всю пищу, и питье, и одежду,
Да пребудут живущие здесь во здравии.

– Доброго дня, сэр, мадам, – быстро произнес он и, поклонившись, схватил Бри за руку.

У нее не было времени что-либо добавить – *и к лучшему*, подумала она, успев лишь улыбнуться и кивнуть в сторону василиска, когда они попятились к двери.

– Итак, теперь мы знаем, что означает «Голубой свет». – Достигнув конца тропы, Брианна оглянулась. – Как выражается мама... Иисус твою Рузвельт Христос!

– Точно, – рассмеялся Роджер.

– Это была молитва по случаю Хогманая?³⁵ – спросила она. – Кажется, что-то знакомое, но я не уверена...

– Да – и для благословения дома. Твой отец произносил ее несколько раз, только на гэльском. Судя по выговору, Каннингемы – образованные выходцы из южной части Шотландии. Если бы я выдал гэльскую версию, миссис К. наверняка решила бы, что я пытаюсь наложить на них заклятие.

– А это не так? – Она шутила, однако Роджер удивленно повернул к ней голову.

– Ну... в каком-то смысле да, – медленно проговорил он и улыбнулся. – Заклинания и молитвы горцев часто неотличимы друг от друга. Но я думаю, что если обращаешься непосредственно к Богу, то это скорее молитва, а не колдовство.

Брианна еще раз оглянулась, чувствуя, что миссис Каннингем взглядом прожигает дыру в двери хижины, наблюдая за их отступлением.

– А пресвитериане верят в экзорцизм? – спросила она.

– Нет, не верим, – ответил Роджер, однако тоже оглянувшись. – Хотя отец – то есть преподобный – говорил, что, когда идешь в чей-то дом, не следует уходить без благословения. –

---

³⁵ Шотландский праздник последнего дня в году с факельными шествиями и развлечениями с огнем (файр-шоу, фейерверками, сожжениями).

Роджер придержал упругую дубовую ветку, чтобы Бри могла под нее нырнуть. — И добавлял, что это не позволит нечисти увязаться за тобой. Надеюсь, он шутил.

* * *

Я шла по берегу ручья, собирая пиявок, кресс-салат и все, что выглядело съедобным или могло пригодиться, и тут в отдалении услышала стук колес.

Решив, что это, вероятно, тот самый жестянщик, о котором упоминал Джо Бердсли, я торопливо оправила юбки, сунула ноги в сандалии и поспешила к дороге, откуда вместо громохота колес уже летели отборные ругательства.

Исходили они от очень крупного мужчины, костерившего своих мулов, повозку и колесо, на котором от удара о камень лопнула железная шина. Бранился он менее изобретательно, чем Джейми, однако компенсировал это громкостью.

— Вам нужна помощь, сэр? — спросила я, улучив момент, когда он умолк и переводил дух.

От неожиданности незнакомец резко обернулся.

— А вы, черт возьми, откуда взялись?

Я показала на деревья за спиной и повторила:

— Вам нужна помощь?

Приблизившись, я поняла, что незнакомец не был жестянщиком. В повозке, запряженной двумя крупными мулами, лежали самые разные вещи, однако вовсе не железные ка-

стрили и ленты для волос. Я заметила полдюжины мушкетов, а также небольшую коллекцию шпаг, боевых кос и дубинок. И кроме того – несколько бочонков с соленой рыбой или свининой (предположительно) и один почти наверняка с порохом, судя по маркировке и слабому запаху древесного угля с примесью серы и мочи.

Я внутренне напряглась.

– Это Фрэзер-Ридж? – спросил мужчина, обводя взглядом лес.

Мы находились несколько в стороне от поляны, где стояла хижина Хиггинсов, и вокруг не было никаких признаков цивилизации, кроме сильно заросшей дорожной колеи.

– Верно. – Я не видела смысла обманывать. – У вас здесь дела?

Впервые за все время незнакомец пристально посмотрел на меня.

– Мои дела вас не касаются, – изрек он, впрочем, без грубости. – Я ищу Джейми Фрэзера.

– Я миссис Фрэзер, – сказала я, скрестив руки на груди. – И дела мужа меня *касаются*.

Лицо мужчины вспыхнуло, и он сердито уставился на меня, словно решил, что я над ним насмехаюсь. Однако я выдержала его взгляд, и через мгновение незнакомец издал лающий смешок и расслабился.

– Так вы его приведете или мне самому поискать?

– Кто его спрашивает? – поинтересовалась я, не двигаясь

с места.

– Бенджамин Кливленд, – сказал мужчина, слегка раздувшись от чувства собственной значимости. – Мое имя ему знакомо.

* * *

Джейми уложил последний кирпич в ряду и удалил излишки раствора. Однако к легкому чувству удовлетворения примешивалась тревога: завтра работу над дымоходом придется выполнять с лестницы – с земли уже не дотянешься. Плечи ныли, и при мысли, что боль перейдет на колени, он вздохнул и потянул спину.

Может, моя красавица-дочка что-нибудь придумает. Брианна уже подала идею в их первый вечер здесь, когда ходила за отцом по строительной площадке. В темноте они, как пьяные, спотыкались о камни и веревки, смеялись, толкались плечами и хватали друг друга за локти, чтобы удержать равновесие. Мимолетные прикосновения грели его, будто язычки пламени.

«Я могу сделать подвижную раму с подъемным механизмом, – предложила она, опустив руку на недостроенный дымоход. – И мы сможем поднимать ведро с кирпичами, до которых ты дотянешься с лестницы».

– Мы, – тихо сказал Джейми и улыбнулся про себя.

Затем он смущенно глянул через плечо, опасаясь, как бы

его не слышали носильщики бревен. Впрочем, те уже положили последнее и прервали работу, чтобы освежиться: Эми Хиггинс и Фанни принесли пиво. Джейми бросил мастерок в ведро с водой и направился к ним. Однако не успел он дойти до края фундамента, как его внимание привлекло какое-то движение в начале дороги, и в следующий миг в поле зрения появилась Клэр в компании спутника, рядом с которым выглядела совсем крошечной.

– *A Naoimh Micheal Àirdaingéal, dìon sinn anns an am a' chatha*³⁶, – пробормотал Джейми себе под нос.

Он не знал этого человека, но было в нем нечто, помимо габаритов, из-за чего поднялись волосы на затылке.

Джейми взглянул на своих помощников. Семеро мужчин: Бобби Хиггинс, трое из Ардсмур и другие арендаторы, кого он еще толком не знал. И Фанни, которая принесла им обед.

Никто из работников не заметил идущего по поляне мужчину, однако Фанни увидела, нахмурилась, а затем быстро перевела взгляд на Джейми. Он ободряюще кивнул, и лицо девочки разгладилось, правда, она то и дело косилась на дорогу, успевая перекинуться словом то с одним, то с другим работником.

Джейми сошел с фундамента. Он предпочел бы встретиться с незнакомцем в собственном доме в компании остальных мужчин, но еще сильнее он желал встать между визитером и Клэр.

---

³⁶ Святой архангел Михаил, защити нас (*гэльск.*).

Незнакомец что-то говорил, и Клэр вежливо улыбалась, хотя на лице ее застыло настороженное выражение. Наконец она подняла глаза, заметила мужа и просияла от облегчения. Его сердце отозвалось гулким стуком, и Джейми шагнул им навстречу если и не с улыбкой, то, по крайней мере, изобразив дружелюбие.

– Генерал Фрэзер? – спросил мужчина, с любопытством оглядывая его с головы до ног.

Что ж, это объясняло причину настороженности Клэр.

– Уже нет, – вежливо сказал Джейми и протянул руку. – Джейми Фрэзер, к вашим услугам, сэр.

– Взаимно, сэр. Бенджамин Кливленд.

Потная ладонь, значительно крупнее его собственной, сжала ему кисть – ее обладатель явно давал понять, что способен при желании причинить боль.

Джейми не стал отвечать тем же и улыбнулся. *Ага, попробуй, ублюдок.*

– Мне знакомо ваше имя, сэр. Наслышан о вас.

Краем глаза он заметил приподнятые брови Клэр.

– Мистер Кливленд – известный борец с индейцами, *a nighan*, – пояснил Джейми, не сводя глаз с мужчины. – Если верить его подсчетам, он убил немало кри и чероки.

– Могаков тоже. И я не веду подсчетов, – с усмешкой заявил Кливленд, будто наслаждаясь воспоминаниями о каждом убитом. – Полагаю, ваши отношения с индейцами чуть-чуть дружелюбнее?

– У меня есть друзья в деревнях чероки.

Не все его друзья оттуда были индейцами, но о Скотчи Кэмероне Кливленду знать не обязательно.

– Великолепно! – Румяное лицо Кливленда покраснело еще сильнее. – Я на это надеялся.

Джейми наклонил голову и неопределенно хмыкнул.

Клэр, очевидно, угадала ход мыслей мужа: кашлянув, она встала рядом и коснулась его руки.

– Повозка мистера Кливленда сломалась на дороге, примерно в миле отсюда – лопнула шина. Может, тебе стоит взглянуть?

Джейми улыбнулся: он видел ее насквозь, словно бутылку джина.

– Конечно. – И, повернувшись к Кливленду, добавил: – Надеюсь, ваш груз не пострадал при поломке. Если вы везли что-нибудь хрупкое, тогда...

– О нет, – небрежно бросил Кливленд. – Всего лишь горстка ружей да немного пороха. Все в целости.

Он ухмыльнулся, обнажив ряд крепких, здоровых зубов, хотя между двумя из них застрял кусочек влажного темно-коричневого табака.

– Кстати, о ружьях, – продолжил Кливленд. – О них-то я и хотел с вами поговорить. А впрочем, давайте сделаем так, как предлагает ваша почтенная супруга.

Он отвесил Клэр любезный поклон, затем повернулся и схватил Джейми за руку, подталкивая его к дороге.

Джейми молча высвободил плечо и обратился к жене:

– Отправь Бобби и Аарона с инструментами, хорошо, саксоночка? И пусть захватят пива, если осталось.

Кливленд терпеливо ждал и сразу же повернул к дороге, предоставив Джейми идти следом. Тот не сводил глаз с широкой спины и крепких ног визитера. На весьма потертом кожаном ремне виднелись следы от патронташа и порохового рожка. Ныне их место занимал большой нож в столь же потертых ножнах, украшенных в индейском стиле цветными иглами дикобраза.

У Кливленда было преимущество в двадцать лет – и по меньшей мере в сто фунтов, хотя он был на дюйм или два ниже Джейми. *Этакий верзила, пожалуй, привык верховодить в любой компании. И, вероятно, всегда плевал на то, нравится кому-то или нет.*

* * *

Повозка стояла в ложине, где дорожная колея скрывалась в темно-зеленой тени меж двух холмов, густо заросших бальзамической пихтой, гемлоком и сосной. Прохлада коснулась лица подобно ладони, и Джейми глубоко вдохнул свежий запах хвои и кипарисовых шишек.

Он с радостью отметил, что само колесо не пострадало; железная шина, прибитая по окружности, оторвалась, но деревянный обод уцелел. Возможно, удастся выдворить Клив-

ленда вместе с оружием (Джейми мельком увидел содержимое повозки) подальше от Риджа, пока законы гостеприимства не обязали Фрэзеров предоставить ужин и ночлег.

– Вы меня искали, – без обиняков начал Джейми, поднимая взгляд от колеса.

По дороге сюда они не обмолвились ни словом, если не считать краткого обмена любезностями. Теперь, когда оружие лежало на виду, пришло время поговорить о деле.

Кливленд снял шляпу и кивнул, оценивая ситуацию. живот, выпирающий под тканью его охотничьей рубашки, на вид был твердым, словно созданным для защиты жизненно важных органов.

– Верно. Много слышал о вас за последние пару лет.

– Тот, кто слушает сплетни, не узнает о себе ничего хорошего, – проговорил Джейми по-гэльски.

– Что? – удивился Кливленд. – Как вы сказали? Это не французский, уж его-то я наслушался.

– Гэльский, – пожал плечами Джейми и повторил фразу на английском.

Кливленд улыбнулся в ответ.

– Ваша правда, мистер Фрэзер. – Нагнувшись, он поднял тяжелую железяку, словно та была сделана из пуха одуванчика, и стал задумчиво вертеть ее в руках. – Повсюду много болтают о том, как вы расстались с армейским званием.

Джейми ощутил, как по шее поднимается тепло.

– Я подал в отставку, мистер Кливленд, после битвы при

Монмуте. Я временно исполнял обязанности полевого генерала и принял командование несколькими независимыми отрядами ополченцев. Их распустили после сражения. В моих услугах отпала нужда.

– Слышал, вы ушли без предупреждения, бросив половину своих людей на поле боя, а сами отправились ухаживать за больной женой. – Густые брови Кливленда вопросительно поднялись. – Хотя после знакомства с миссис Фрэзер я, как мужчина, безусловно, понимаю ваши чувства.

Джейми повернулся. Их взгляды скрестились над повозкой, груженной мушкетами и порохом.

– Мне незачем оправдываться перед вами, сэр. Если вы собирались что-то сказать, так говорите, и покончим с этим. Мне еще нужник копать.

Кливленд примирительно выставил вперед ладонь и склонил голову.

– Без обид, мистер Фрэзер. Я только хочу узнать, планируете ли вы вернуться в армию. В любом качестве.

– Нет, – бросил Джейми. – А вам-то что?

– Потому как если нет, – продолжил Кливленд, взирая на него с каким-то своим расчетом, – возможно, вас заинтересует, что многие из ваших соседей-вигов за горами, – он дернул подбородком в приблизительном направлении округа Теннесси, – я имею в виду землевладельцев, которым есть что терять, создают частное ополчение для защиты семей и имущества. Я подумал, вдруг и вы замышляете нечто подоб-

ное.

Джейми почувствовал, как его неприязнь к этому человеку неохотно уступила место любопытству.

– А если и так? – спросил он.

Кливленд пожал плечами.

– Не помешало бы держать связь с другими группами. Неизвестно, где объявятся британцы, но когда это произойдет – а это произойдет, мистер Фрэзер, – я лично хотел бы узнать вовремя, чтобы принять меры.

Джейми заглянул в повозку: мушкеты по большей части были старые, с высохшими, растрескавшимися прикладами и поцарапанными стволами, однако имелось и несколько настоящих британских «Браун Бесс» в куда лучшем состоянии. Интересно, куплены, обменяны или украдены?

– Меры, – осторожно повторил он. – А кто эти люди, о которых вы говорите?

– О, их достаточно, – уверил Кливленд, отвечая скорее на невысказанное сомнение, чем на сам вопрос. – Джон Севьер. Исаак Шелби. Уильям Кэмпбелл и Фредерик Хэмбрайт. Могу вас заверить, немало и тех, кто еще не принял решение.

Джейми кивнул, но ничего не добавил.

– Также до меня дошли слухи, мистер Фрэзер, – продолжил Кливленд, поднимая один из мушкетов со дна повозки и неспешно осматривая кремень, – что вы были индейским агентом. Это правда?

– Был.

– И, говорят, хорошим. – Кливленд неожиданно улыбнулся с неприятным лукавством. – Я слышал, в деревнях чероки немало рыжеволосых детей, а?

Он мог бы с таким же успехом ударить Джейми мушкетом в лицо. Неужто и в самом деле так говорят? Или Кливленд валяет дурака, надеясь втянуть его в какую-то аферу?

– Желаю вам доброго дня, сэр, – сухо бросил Джейми. – Мои люди придут с инструментами, чтобы починить колесо.

Он зашагал обратно по дороге. Кливленд, несмотря на свои габариты, тотчас его догнал.

– Если хотим собрать ополчение, без оружия не обойтись. С этим-то вы не поспорите?

Заметив, что Джейми не расположен отвечать на риторические вопросы, он попробовал зайти по-другому:

– У индейцев оружие есть. Британское правительство ежегодно выделяет чероки изрядное количество дрови и пороха для охоты. Вы об этом знали, когда были агентом?

– Доброго дня, мистер Кливленд.

Джейми ускорил шаг, хотя от этого заныла раненая нога. Кливленд схватил его за локоть и рывком остановил.

– Поговорим об оружии потом, – предложил он. – Есть еще один вопрос, который я хотел обсудить.

– Уберите руку.

Интонация Джейми заставила Кливленда разжать пальцы, однако сдаваться он не собирался.

– Живет тут человек по фамилии Каннингем. – Малень-

кие карие глазки так и впились в Джейми. – Бывший военноморской капитан. Тори. Лоялист.

При этих словах в животе у Джейми похолодело. Капитан Каннингем действительно был лоялистом, как и дюжина других арендаторов.

– Ненавижу тори, – медленно выговорил Кливленд, покачивая головой, и сверкнул глазами из-под полей шляпы. – Повесил нескольких у себя. Остальные разбежались от страха.

Он кашлянул и сплюнул, комок желтоватой мокроты приземлился у ног Джейми.

– Так вот... Этот Каннингем пишет письма. Статьи в газете. И если кого-то волнует благополучие капитана, возможно, стоит с ним поговорить. Как по-вашему?

* * *

Вернувшись к дому, Джейми увидел, что костер уже разложен. Из котла вкусно пахло варевом, Роджер и Йен о чем-то беседовали с Клэр, а крики играющих детей эхом отдавались среди деревьев у ручья. Ах да, Дженни придет сегодня на ужин. Он чуть не забыл – так его заболтал треклятый Кливленд.

«И если кого-то волнует благополучие капитана, возможно, стоит с ним поговорить. Как по-вашему?»

Вообще-то совет был дельный, но это ничуть не улучши-

ло его расположения духа. Джейми не любил угроз и снисходительного отношения. А уж чего точно не терпел, так это когда над ним брал верх какой-нибудь здоровяк. Новости Кливленда ему тоже не понравились, впрочем, вряд ли стоило его за них винить.

Атмосфера мирной домашней жизни окутала Джейми, даря покой, искушая присоединиться к семье, выпить холодного пива, которое Фанни вытащила из колодца, сесть и дать отдых ноющей ноге. Однако он все еще внутренне кипел и не хотел ни с кем обсуждать их с Кливлендом разговор, пока сам не разберется.

Джейми махнул Клэр и прошел по участку туда, где рядом с наполовину вырытым туалетом оставил лопату. Физическая работа его успокоит и даст время все хорошенько обдумать. Так он надеялся.

* * *

Роджер увидел, как Джейми тихо скрылся в тени за недостроенным дымоходом, и решил, что тесть пошел отлить. Но когда через несколько минут тот не появился, Роджер оставил собеседников, которые теперь обсуждали бесконечные варианты настоящего имени для малыша Оглторпа, и последовал за тестем в темноту.

Он нашел Джейми на краю большой прямоугольной ямы погруженным в созерцание ее глубин.

– Новый туалет? – спросил Роджер, кивнув на яму.

Джейми поднял взгляд и улыбнулся, отчего у Роджера на душе потеплело – по нескольким причинам.

– Да. Я хотел устроить обычный, знаешь, для одного человека. – Джейми махнул на яму. Его кожа и волосы отливали золотом в последних лучах солнца. – Но с вами четырьмя... а там, глядишь, и еще пополнение... Ты ведь сказал, что вы остаетесь?

Он искоса взглянул на Роджера и вновь улыбнулся.

– Кроме того, у Клэр все время народ. На прошлой неделе приходил мальчишка Кромби за лекарством от поноса и так долго кряхтел и стонал в туалете у Бобби Хиггинса, что всей семье пришлось бегать в лес. Эми, скажу тебе, после его ухода была вовсе не в восторге от состояния уборной.

Роджер кивнул.

– Значит, вы хотите ее расширить? Или сделать две отдельных?

– Вот в чем вопрос. – Джейми понравилось, что Роджер столь быстро ухватил суть проблемы. – Видишь ли, в большинстве семейных домов есть уборная, где могут разместиться сразу двое. У Макхью туалет даже с тремя дырками – просто загляденье. Шон Макхью мастер на все руки – весьма кстати, когда у тебя семеро детей. Но дело в... – Он слегка сдвинул брови и повернулся к огню, в настоящее время невидимому за темной кладкой дымохода. – В женщинах, понимаешь?

– Вы о Клэр и Брианне? – Роджер сразу догадался, о чем толкует Джейми. – Да уж, у них свои понятия о приватности. А как насчет маленькой щеколды на внутренней стороне двери?

– Да, я думал об этом, – отмахнулся Джейми. – Трудность в другом: как они отнесутся к... микробам.

Он произнес это очень осторожно и быстро глянул на Роджера исподлобья, будто проверяя, правильно ли сказал и существует ли такое слово вообще.

– Хм... Этого я не учел. Вы имеете в виду больных, которые сюда приходят, – после них могут остаться...

Роджер махнул рукой в сторону ямы.

– Да. Видел бы ты, какой тут поднялся переполох после ухода мальчишки Кромби: Клэр настояла на том, чтобы ошпарить туалет Эми кипятком со щелочным мылом и влить туда скипидар. – При одном воспоминании Джейми втянул голову в плечи. – Если она станет делать это каждый раз, когда к нам в туалет зайдет больной, мы тоже будем бегать в лес.

Однако тесть рассмеялся, и Роджер тоже.

– Тогда и то и другое, – сказал он. – Туалет с двумя дырками для семьи и отдельный для посетителей. Вернее, для хирургической. Скажете, что ради удобства. Вы же не хотите выглядеть заносчивым, не пуская людей в свою уборную.

– Да уж, это не дело.

Джейми молча затрясся от смеха, потом замер и еще

немного постоял с опущенной головой и легкой улыбкой на губах. Запахи сырой, вскопанной земли и свежеспиленного дерева густо окружали их, смешиваясь с запахом костра, и Роджер будто воочию увидел, как из дыма вырастает дом.

Отвлечшись от своих мыслей, Джейми повернул голову.

– Я скучал по тебе, Роджер Мак, – сказал он.

* * *

Роджер открыл рот, чтобы ответить, но в горле словно булыжник застрял, и он смог выдавить лишь приглушенное хрюканье.

Джейми улыбнулся и тронул его за плечо, направляя к большому камню, который, как предположил Роджер, обозначал фасад дома. Камень стоял под прямым углом к фундаменту. Судя по всему, дом будет огромным, возможно, даже превзойдет первоначальный Большой дом.

– Пройдешься со мной по фундаменту?

Кивнув, Роджер последовал за тестем и с удивлением заметил высеченное на камне слово «ФРЭЗЕР», а под ним дату – «1779».

– Мой краеугольный камень, – сказал Джейми. – Я подумал: если дом снова сгорит, люди хотя бы узнают, что мы здесь жили, так?

– А... м-м, – выдавил Роджер. Он с усилием прочистил горло, кашлянул и втянул воздух, чтобы обрести дар речи. –

В Лаллиброхе... в-ваш отец... тоже выбил дату, – он указал вверх, на воображаемую притолоку.

Лицо Джейми просветлело.

– Точно. Значит, дом все еще стоит?

– Стоял, когда я его видел... в последний раз. – Эмоции постепенно схлынули, и ком в горле исчез. – Хотя... если подумать...

Роджер запнулся, вспомнив, когда именно в последний раз видел Лаллиброх.

– А я все гадал. – Джейми повернулся спиной и пошел вдоль будущей наружной стены. От костра долетал запах жареного мяса. – Брианна рассказала мне о неожиданных визитерах. – Он осторожно покосился на Роджера. – Ты тогда отправился на поиски Джема.

– Да.

И Бри была вынуждена покинуть дом – их дом – и бросить его на милость воров и похитителей. Булыжник переместился из горла в грудную клетку. Однако, не видя смысла думать об этом сейчас, Роджер затолкал образ негодяев, стрелявших в его жену и детей, подальше в глубины памяти – до иных времен.

– Вообще-то, – сказал он, догоняя Джейми, – в последний раз я видел Лаллиброх... еще раньше.

Джейми застыл на месте, приподняв одну бровь, и Роджер откашлялся. Он пришел сюда, чтобы сказать именно это, и сейчас самое время.

– Когда я отправился на поиски Джема, то начал с Лаллиброха. Сын знал это место, там был его дом. Я подумал, если он каким-то чудом сбежит от Кэмерона, то, возможно, вернется туда.

Джейми задержал на Роджере взгляд, потом перевел дыхание и кивнул.

– Дочка упоминала... 1739 год?

– Вам было восемнадцать. Вы учились в университете в Париже. Вся семья очень гордилась, – мягко добавил Роджер.

Джейми резко отвернулся и замер, не дыша.

– Дженни, – сказал он. – Ты встречался с Дженни. Тогда.

– Да. Ей было, наверное, двадцать. Тогда. – С тех пор для Роджера едва ли минул год. А сейчас Дженни сколько – шестьдесят? – Я подумал... я собирался вам кое-что сказать, прежде чем снова ее встречу.

– Чтобы от удивления она не рухнула наземь?

– Вроде того.

Джейми повернулся к нему. Невзирая на улыбку, вид у теста был потрясенный. Роджер и сам ощущал нечто подобное: недоверие, растерянность, отсутствие твердой почвы под ногами. Джейми тряхнул головой, как бык, отгоняющий муху. *Я знаю, что ты чувствуешь, старина... абсолютно все.*

– Весьма... предусмотрительно с твоей стороны. – Джейми сглотнул, затем поднял глаза. Вслед за первым потрясением пришла другая мысль. – Мой отец. Ты сказал – моя се-

мья. Он... – Его голос сорвался.

– Тоже был там.

Бормотание возле костра вдалеке превратилось в монотонные звуки женских занятий: лязг, плеск и скрежет, еле различимые реплики, перемежающиеся короткими взрывами смеха и резкими окриками на непоседливых детей. Роджер коснулся руки Джейми и кивнул в сторону тропинки, ведущей к саду и кладовой над родником.

– Может, посидим где-нибудь немного? – предложил он. – И я расскажу обо всем до того, как придет Дженни.

Чтобы ты справился с этим без свидетелей.

Джейми глубоко вздохнул, на мгновение сжал губы, потом кивнул и направился мимо квадратного камня основания. Который, вдруг подумалось Роджеру, очень походил на клановые камни на Каллоденском поле – большие, серые, отбрасывающие длинные тени в вечернем свете, и на каждом высечена фамилия: Макгилливрей, Кэмерон, Макдональд... Фрэзер.

* * *

Роджер стоял подле Джейми на мшистом берегу ручья и почтительно рассматривал новую кладовую на противоположной стороне бурлящего потока.

– Пока маловата, – скромно кивнул на постройку Джейми, – да времени не было. Вскоре понадобится кладовая по-

больше, может, к весне – эту затопят летние дожди.

Сейчас кладовая представляла собой всего лишь скалистый выступ, к которому с двух сторон пристроили стены из необработанного камня с отверстиями у основания, куда могла проходить вода. Между стенами, в паре футов над прозрачной поверхностью ручья, устроили деревянные перекладины. На них стояли три ведра с молоком, накрытые плотной тканью для защиты от мух и лягушек, и лежала половина круга моравского сыра размером с голову Роджера.

– Хотя Дженни и знает толк в сыроварении, она еще не нашла хорошую закваску, так что этот я привез из Салема. – Джейми кивнул на упомянутый объект.

Под перекладинами, наполовину скрытые в воде, виднелись несколько глиняных кувшинов, в которых, по словам Джейми, хранилось масло, сливки, сметана и пахта. Здесь все дышало спокойствием, воздух наполняла прохлада от воды, а ручей деловито разговаривал сам с собой. На берегу, за каменной кладовой, густые заросли ив распустили по течению свои тонкие ветви.

– Как будто молодые девушки моют волосы, да? – Роджер махнул на деревья. Джейми слегка улыбнулся, однако мысли его явно не были настроены на поэтический лад.

– Сюда, – позвал он, отходя от ручья и раздвигая ветки молодого красного дуба.

Роджер пошел следом и, взойдя по пологому склону, очутился на каменистом уступе, в расщелинах которого прижи-

лись два-три цепких молодых деревца. Места хватало, чтобы удобно сесть на край уступа, откуда открывался вид на противоположный берег и крошечную кладовую, а также большую часть тропы, ведущей от дома.

– Мы увидим, если кто-то придет, – сказал Джейми и, скрестив ноги, привалился спиной к молодому деревцу. – Итак. Ты хотел мне кое-что рассказать.

– Что ж...

Усевшись в тени, Роджер разулся, снял чулки и свесил босые ноги с края уступа в надежде, что прохладный ветерок успокоит его сердцебиение. Пора было начинать.

– Как я уже упомянул, я отправился в Лаллиброх на поиски Джема – и, конечно же, его там не оказалось. Зато Брайан – я имею в виду вашего отца...

– Мне известно его имя, – сухо заметил Джейми.

– Вы когда-нибудь называли его по имени? – вдруг поинтересовался Роджер.

– Нет, – удивился Джейми. – А в твоём времени мужчины обращаются к своим отцам по имени?

– Нет. – Роджер качнул головой. – Просто... Не стоило мне этого говорить, здесь уже начинается моя история, а не ваша.

Джейми поднял глаза на темнеющее небо.

– До ужина еще далеко. Пожалуй, найдется время для обеих.

– Лучше оставим до другого раза. – Роджер пожал плеча-

ми. – Суть в том, что я отправился на поиски Джема, а вместо него нашел... своего отца. Его тоже звали Джеремайя – или Джерри, для знакомых.

Джейми произнес что-то по-гэльски и перекрестился.

– Да, – кивнул Роджер. – Как я уже сказал, всему свое время. Когда я его нашел, ему было всего двадцать два года. А мне столько, сколько сейчас. Я сам мог сойти за его отца. Поэтому называл его Джерри и думал о нем именно так. В то же время я знал, что он мой... В общем, я не мог рассказать ему о себе, да и не было времени.

Роджер вновь ощутил спазм в горле и с усилием откашлялся.

– Значит, вот... А затем я встретил вашего отца в Лаллиброхе. Я чуть в обморок не упал от удивления, когда он открыл дверь и представился. – При этом воспоминании Роджер с грустью улыбнулся. – Он был примерно того же возраста, что и я, или на пару лет старше. Мы называли друг другу свои имена... все как принято. Мистер Маккензи. Мистер Фрэзер.

Джейми коротко кивнул, его глаза светились любопытством.

– А потом вошла Дженни. Они меня приняли, накормили. Я рассказал вашему отцу... Ну, конечно, не все, а что ищу своего сынишку, которого похитили.

Брайан дал Роджеру ночлег, а на следующее утро объехал с ним близлежащие фермы, расспрашивая о Джеме и Робе

Кэмероне, но безрезультатно. На следующий день он предложил съездить в Форт-Уильям и навести справки в гарнизоне.

Роджер не отрывал взгляда от маленькой кочки мха возле колена. Округлые зеленые пучки на камнях походили на молодые головки брокколи. Он чувствовал, что Джейми ждет продолжения. При упоминании о Форт-Уильяме тесть не пошевелился, однако Роджер ощущал трепет его беспокойства. Или, может, своего... Он погрузил пальцы в прохладный влажный мох, словно ища якорь спасения.

– Командиром был офицер по имени Банкомб. Ваш отец называл его «приличным малым для англичанина». И не без оснований. Брайан привез две бутылки виски. Преотлично, – добавил Роджер, взглянув на Джейми, и увидел проблеск ответной улыбки. – Мы выпили с Банкомбом, и тот пообещал, что его солдаты наведут справки. Это меня обнадежило. Как будто появился реальный шанс найти Джема.

Роджер помедлил, подыскивая слова, чтобы передать свои тогдашние чувства, но, в конце концов, Джейми и сам знал Брайана.

– Дело было даже не в обходительности Банкомба, а в самом Брайане Ду. – Роджер в упор посмотрел на Джейми. – Он был добрым, очень добрым, но не только. – Он отчетливо вспомнил, как Брайан ехал впереди него вверх по холму, его берет и широкие, потемневшие от дождя плечи, прямую и уверенную осанку. – Тебе казалось... То есть мне казалось...

раз этот человек на моей стороне, значит, все наладится.

— Рядом с ним всем так казалось, — тихо промолвил Джейми, не поднимая глаз.

Роджер молча кивнул. Хотя взгляд тестя не отрывался от колен, Роджер заметил, как Джейми на долю дюйма повернул темно-рыжую голову и качнул ею, будто в ответ на прикосновение. В нем самом шевельнулось нечто между благоговением и простой благодарностью, и волосы на затылке поднялись.

Вот оно, подумал Роджер удивленно и в то же время во все не удивился. Он видел — или скорее чувствовал — подобное и раньше, однако далеко не с первого раза осознал природу этого явления. Духи умерших являлись, когда о них говорили те, кто их любил. Он ощущал присутствие Брайана Ду здесь, у горного ручья, так же отчетливо, как в тот пасмурный день в горах.

Роджер коротко кивнул парящему рядом с ними призраку и подумал: *Прости меня*, а затем продолжил рассказ.

Он поведал об Уильяме Баккли Маккензи, который однажды чуть не убил Роджера, а теперь пытался загладить свою вину, помогая в поисках Джема. Как вместе они повстречали Дугала Маккензи и его людей, собиравших ренту...

— Господи, — произнес Джейми. Роджер заметил, что при упоминании Дугала тесть не перекрестился, а лишь скривил уголок рта. — А Дугал знал, что Бак его сын?

— Нет, — сухо ответил Роджер. — Ведь Бак тогда еще не

родился. Однако он знал, что Дугал его отец, и для Бака их встреча стала потрясением.

И не только для него.

– Могу представить, – пробормотал Джейми.

Заметив искорку веселья в его глазах, Роджер в который раз удивился способности горцев пересекать грань между миром живых и мертвых. Джейми был вынужден убить своего дядю, но в дальнейшем примирился с ним. Роджер слышал, как Джейми взывал к Дугалу в бою – и тот пришел на помощь.

Дугал помог и Роджеру с Баком, одолжив лошадей для путешествия.

Однако, как сказал Роджер, речь шла не о его собственных поисках сына и отца. Пора было воздать должное другому отцу и другому сыну. Призраку Брайана Ду и Джейми.

– Остальное расскажу как-нибудь потом. Пока же... Мы вернулись в Лаллиброх, когда Брайан прислал весточку: нашлось нечто, возможно, относящееся к моему делу. Он говорил о вещице, похожей на кулон, которую получил от командира гарнизона в Форт-Уильяме. Весьма необычная штука-вина. На ней было имя «Маккензи», и командир с Брайаном посчитали, что мне стоит взглянуть.

При этом воспоминании грудь снова сдавило: Роджер увидел диски из прессованного картона – красный и зеленый, на обоих значилось имя «Дж. У. Маккензи» и ряд загадочных цифр. Жетоны летчика Королевских ВВС подтверждали тот

факт, что следы привели их к другому Джеремайе.

– Нам предстояло выяснить, откуда они взялись. Мы вернулись в Форт-Уильям и... – Ему пришлось остановиться и сделать глубокий вдох, чтобы закончить фразу. – Вместо капитана Банкомба командиром гарнизона стал капитан Рэндолл.

Все веселье разом испарилось с лица Джейми, и теперь оно стало пустым, как чистый лист.

– Да. – Роджер кашлянул. – Он самый.

Новый командир был вежливым и обходительным.

– Услужливым, – продолжил Роджер. – Это... – Так и не найдя подходящего слова, он беспомощно развел руками. – Это в голове не укладывалось. То есть... я ведь знал... что он...

– Со мной сделал?

Пристальный взгляд Джейми оставался непроницаемым.

– Что он с вами сделает. Клэр мне – нам – рассказала. Когда... – Выражение лица Джейми заставило его поспешно добавить: – То есть она ведь считала вас мертвым, иначе наверняка бы не...

– Значит, она все вам рассказала...

Лицо Джейми почти не изменилось, только сильно побледнело.

Проклятье.

– Ну... э-э... в общих чертах...

Роджер умолк. «Тебе никогда не стать хорошим священ-

ником, если не будешь честен», – сказал однажды Бак, и был прав. Роджер перевел дыхание.

– Да, все, – признался он, и внутри у него разверзлась пустота.

Не проронив ни слова, Джейми встал, отошел в кусты, и его стошнило.

Господи Боже, о чем я только думал!

Роджеру показалось, будто он не дышал целый час, и теперь наконец сделал глоток воздуха, потом еще один. Он долго представлял разговор с тестем: как все расскажет Джейми, объяснит, извинится и попросит прощения. Роджер обязан был это сделать, раз уж они с Бри решили жить здесь. Однако ему и в голову не пришло спросить себя, знает ли Джейми, что Роджеру – *а тем более Бри!* – известны сокровенные подробности его личной Гефсимании³⁷. И уже много лет.

Проклятье, проклятье, проклятье... вот черт...

Сжав кулаки, Роджер слушал, как Джейми глотает воздух, сплевывает и тяжело дышит. Сам он не сводил глаз с алой божьей коровки с черными пятнышками, севшей ему на колено: она ползала туда-сюда по серой ткани, трогая ее любопытными усиками. Наконец кусты зашевелились, Джейми вышел и сел на прежнее место, привалившись спиной к молодому деревцу. Роджер открыл было рот, но Джейми сделал

---

³⁷ Гефсиманский сад – место моления Иисуса Христа в ночь ареста. В переносном смысле – место мучительных терзаний, страдания и боли.

резкий предупреждающий жест.

– Погоди, – сказал он. Его рубашка промокла от пота, ворот измялся.

Ожили вечерние насекомые: над головами тучей роилась мошка, в траве стрекотали сверчки. Над ухом пищал комар, однако Роджер не удосужился поднять руку и прихлопнуть его.

Через некоторое время Джейми с тяжелым вздохом в упор посмотрел на зятя.

– Продолжай, – попросил он. – Расскажи остальное.

Роджер выдержал взгляд и кивнул.

– Я знал, что собой представляет Рэндолл, – признался он. – А также что произойдет. Не только с вами, но и с вашей сестрой. И с отцом.

На этот раз Джейми медленно перекрестился и что-то прошептал по-гэльски. Роджер не разобрал, хотя повторить не просил.

– Я рассказал Баку... только о порке, а не об... – Пальцы на искалеченной руке Джейми дрогнули, как будто он вновь собирался остановить Роджера. – И о вашем отце тоже, о том, что с ним тогда случилось.

Роджер снова ощутил холодный ужас того разговора: если не остановить Джека Рэндолла, Брайан Фрэзер умрет в течение года от апоплексического удара, наблюдая, как капитан Рэндолл сечет его сына (до смерти, как он тогда подумал). Джейми объявят вне закона, и он, израненный телом и ду-

шой, будет винить себя в смерти отца и в том, что бросил свой дом и арендаторов на плечи осиротевшей и убитой горем сестры. А Дженни, прелестная юная девушка, останется совсем одна, без защиты брата.

Джейми не шевелился, зато Роджер чувствовал, как слова стрелами вонзаются в его собственную плоть. *Дженни... Господи, как я посмотрю ей в глаза?*

Он глубоко вздохнул: конец истории уже близок.

– Бак хотел его убить. Рэндолла. Сразу, не раздумывая.

– Значит, в нем точно кровь Дугала, – заметил Джейми чуть дрогнувшим голосом, в котором мелькнула тень усмешки.

– Абсолютно никаких сомнений, – заверил Роджер. – Видели бы вы их рядом.

– Хотелось бы.

Роджер потер ладонью лицо и потрянул головой.

– Я хочу сказать, мы могли его остановить. То есть убить. Мы были вооружены. Я уже приходил к нему, с Брайаном. Он не стал бы меня остерегаться. Мы с Баком могли к нему прийти и прикончить на месте. Или проследить за ним до квартиры и сделать это там. И у нас была возможность незаметно исчезнуть.

Джейми вздрогнул только раз – при упоминании отца. Однако сейчас он сидел неподвижно, и лишь в его глазах теплилась жизнь.

– Я не позволил Баку, – выпалил Роджер, глядя в эти гла-

за. – Я знал, что случится... В подробностях... И позволил всему произойти. С вашей семьей. С вами.

Джейми молча опустил взгляд. Роджер почувствовал на пылающем лице дуновение свежего воздуха от ручья и прохладу от тени деревьев.

Наконец Джейми пошевелился, кивнул раз, затем второй, словно на что-то решался.

– А если бы ты его убил? – спросил он тихо. – Если бы я не стал преступником, то не оказался бы рядом с Крейг-на-Дун и не нуждался бы в целителе в тот день, когда... – Он приподнял бровь.

Роджер молча кивнул.

– А Брианна? – продолжил Джейми, негромко произнеся ее имя по-гэльски – звук напомнил Роджеру дуновение ветра. – Родилась бы она? А дети? Ты, если уж на то пошло?

– Это... мы... все равно могли родиться. – Роджер сглотнул. – В других обстоятельствах, но все же... Я боялся, что этого не произойдет. Я не...

Он не закончил фразу, да и тесть понял, что он не оправдывается.

– Ладно. – Джейми встал, разогнав облако мошки, словно золотистые пылинки в вечернем свете. – Тогда не переживай. Я не позволю Дженни тебя убить. Идем, пока ужин не сгорел.

У Роджера словно почва из-под ног ушла. Вопреки его ожиданиям Джейми воспринял все на удивление спокойно.

– Вы... не... – боязливо начал он.

– Нет.

Джейми протянул руку и, когда Роджер взял ее, рывком поднял его на ноги, так что они оказались лицом к лицу. Деревья вокруг шелестели на вечернем ветру.

– Я провел много времени в раздумьях, – сообщил Джейми будничным тоном, склонив голову в сторону ручья. – Ну, знаешь, когда вел подпольную жизнь после Каллодена. Слушал голоса, которые под открытым небом разносит ветер. И вспоминал прошлое, удивляясь тому, что сделал – или не сделал, – и думал: «Что, если бы я поступил иначе? Если бы мы не пытались остановить Чарльза Стюарта... для нас все сложилось бы по-другому. Пусть не для всего Нагорья – хотя бы для нас с Клэр. Возможно, она осталась бы со мной. А если бы я не пошел на дуэль с Джеком Рэндоллом в Булонском лесу, было бы у меня теперь две дочери?»

Джейми покачал головой; морщины на его лице обозначились четче, под глазами залегли тени.

– Никто не властен над своей жизнью, – сказал он. – Часть ее всегда в чужих руках. Остается лишь уповать, что в руках Господа.

Он коснулся плеча Роджера и кивнул в сторону тропы.

– Нам пора.

Роджер последовал за Джейми. Он успокоился, но глядя на грязную, грубую ткань рубашки на спине тестя, видел скрытые под ней шрамы.

– И знаешь... – Дойдя до тропы, Джейми обернулся к Роджеру. – Пожалуй, не стоит рассказывать Дженни о том, что ты сейчас поведал мне. По крайней мере, не сразу. Пусть она к вам привыкнет.

* * *

Джейми взял у Фанни и Мэнди палочки для растопки и показал, как их подкладывать в костер, чтобы разжечь по-сильнее. Огонь горел весь день, но слабенький – только воду вскипятить. Еще Клэр приготовила тушеное мясо: кусочки опоссума с молодым картофелем, морковью, горохом, лесными грибами и луком. Джейми оглянулся через плечо и, убедившись, что жены поблизости нет, заговорщически подмигнул девочкам.

– Давайте-ка понюхаем, – прошептал он, и те захихикали, прижимаясь к его плечам.

Он взял ухват и медленно поднял крышку, выпустив облачко влажного пара, пахнущего мясом, вином и луком. Девочки старательно втянули воздух, и он сам сделал глубокий вдох, так что аромат проник до самого горла. От аппетитного запаха в животе заурчало. Девочки при этих звуках снова захихикали, виновато оглядываясь по сторонам.

– Па, чем ты тут занимаешься? – Джейми обернулся, поднял глаза и увидел неодобрительное выражение на лице дочери. – Мэнди, осторожней! У тебя Эсмеральда вот-вот сго-

рит!

– Всего лишь обучаю девчонок кулинарии, – беззаботно ответил он и, вручив Брианне ухват, откланялся. За спиной вновь раздалась музыка девичьего смеха.

Ужин скоро будет готов, вечерний свет почти померк. Самое время пройтись. Он высматривал Дженни, чтобы ответить ее в сторонку и немного подготовить перед встречей с Роджером Маком.

Подготовить? Интересно, как. Спросить, не помнит ли она человека, который приезжал в Лаллиброх сорок лет назад в поисках своего сына? Так вот, он здесь. Только...

Может, она и вспомнит. Все-таки Дженни была совсем юной, а Роджер Мак – довольно привлекательный мужчина. И, судя по словам Роджера, па много помогал ему с поисками, так что, возможно...

Он думал об отце так обыденно, словно тот еще был жив. Джейми вдруг будто шагнул в пустоту, как бывает, когда последняя ступенька уходит из-под ног.

– Что? – Он осознал, что Клэр задала ему вопрос и ждет ответа. – Прости, саксоночка, я задумался. Что ты сказала?

Она приподняла бровь, но лишь улыбнулась и протянула ему бутылку.

– Я спросила, не мог бы ты открыть.

Это была бутылка прошлогоднего мускатного вина, которую Джимми Робертсон подарил Клэр в благодарность за то, что она вылечила сломанную руку его младшему сыну.

– Думаешь, оно годится для питья?

Джейми взял бутылку и критически осмотрел. Пробка туго сидела в горлышке, но высохла и крошилась. Попытки Клэр вытащить ее привели к тому, что большая часть отломилась и рассыпалась в руке.

– Нет, – ответила она, – только разве это останавливало хоть одного шотландца?

– Да и англичанина, если уж на то пошло. Может, французы более разборчивы. – Джейми поднес бутылку из коричневого стекла к свету, чтобы увидеть уровень вина внутри, затем вытащил кинжал и звонко ударил по горлышку бутылки лезвием. Стекло разбилось чисто, хотя и немного наискось. Джейми вернул бутылку жене. – Хотя бы пробкой не пахнет.

– Вот и славно. Я... Это Огги? Или рысь?

– Только если у нее газы. Так что, пожалуй, все-таки Огги.

Клэр рассмеялась, и Джейми сразу ощутил себя счастливее. Он сделал глоток, скривился и вернул вино.

– И кого ты хочешь этим напоить?

– Никого. – Клэр осторожно принялась. – Замочу в нем на ночь очень жесткий на вид кусок лосятины вместе с остатками лука, а потом сварю его с фасолью и рисом. Интересно, какое имя они все-таки дадут малышу и когда, как думаешь?

– Спешить им некуда, верно? Его ни с каким другим младенцем в Ридже не спутаешь.

Сушая правда. Таких крепких легких, как у сынишки Рэйчел, еще поискать, и малыш редко давал им отдых. Прямо

сейчас он ревел в свое удовольствие, а вовсе не потому, что был чем-то расстроен.

– Пойду встречу их, – сказал Джейми. – Хочу поговорить с Дженни до того, как она увидит Роджера Мака.

На лице Клэр мелькнуло непонимание, и она быстро повернула голову туда, где возле деревьев оживленно беседовали Брианна и Роджер Мак.

Он пересказывает ей наш разговор? – подумал Джейми и снова ощутил пустоту под ногами, как при падении с лестницы.

– Господи, – выдохнула Клэр. В глазах у нее вспыхнул живейший интерес, совсем как в тот раз, когда она увидела у жестянщика анальные бородавки, похожие на растущую из задницы мясистую цветную капусту. – А ведь я об этом и не подумала!

– Вряд ли Дженни упадет в обморок – не в ее духе, – сказал Джейми. – Но на всякий случай приготовь глоток чего-нибудь покрепче.

* * *

Однако с Йеном и Рэйчел сестры не оказалось. Как сообщила Рэйчел, Дженни отлучилась позаимствовать у Морага Маколей немного уксусной матки и скоро придет. Удача благоволит к Джейми. Он поблагодарил Рэйчел и задержался на мгновение, чтобы погладить макушку Огги – малыша по-

добное внимание, как всегда, развеселило, – а потом зашагал дальше, чувствуя себя куда увереннее.

Дженни сидела на пне рядом с тропой и вытряхивала из туфли камень. При звуке шагов она подняла глаза, увидела Джейми и, позабыв о туфле, бросилась обнимать брата.

– Джейми, *a chuisle!*³⁸ Твоя дочка! Я так за тебя рада, что меня вот-вот разорвет от счастья!

Она ослабила хватку и подняла на него полные слез глаза. Джейми почувствовал жжение в своих, однако рассмеялся: радость Дженни напомнила его собственную.

– Да, я тоже, – ответил он, быстро вытер глаза рукавом и поправил на сестре чепец. – Напомни, когда ты познакомилась с Брианной? Она говорила, что искала в Лаллиброхе нас с ее матерью. И встретила тебя, Йена и всех остальных. И Лири, – не забыл он.

При упоминании этого имени Дженни осенила себя крестом и тоже засмеялась.

– Мать Божья, ну и лицо было у Лири при встрече с твоей дочкой! А потом, когда она пыталась забрать мамин жемчуг, Брианна в два счета поставила ее на место!

– Правда?

Жаль, он этого не видел.

Но тут Джейми вспомнил, зачем искал сестру.

– Муж Брианны, – обратился он к макушке Дженни, когда сестра опять наклонилась, чтобы надеть туфлю, – Роджер

---

³⁸ Родной (*гэльск.*).

Маккензи.

– Да, что он за человек? Ты писал, он тебе очень нравился.

– И все еще нравится, – заверил Джейми. – Просто... Помнишь, как мы с Клэр приехали в Шотландию, чтобы похоронить генерала Саймона в Балнейне?

– Вряд ли забуду, – мрачно сказала она.

Конечно, Дженни помнит. Это произошло во время долгой предсмертной агонии Йена. Ужасный период для всех, но для нее – в сто раз хуже. Джейми не хотелось тревожить прошлое, даже на миг, только он не придумал, как начать по-другому.

– Значит, ты помнишь рассказ Клэр? О том... откуда она пришла.

Дженни посмотрела на него невидящим взором, все еще находясь во власти воспоминаний, затем моргнула и нахмурилась.

– Да... – осторожно произнесла она. – Вроде бы какая-то ерунда о каменных кругах и феях.

– Верно. А теперь не могла бы ты мысленно перенестись еще назад, в то время, когда я был в Париже и па еще не умер?

– Могу. Но не хочу, – отрезала Дженни, глядя на него снизу вверх. – И вообще, зачем ты меня мучаешь?

Джейми выставил ладонь, призывая дослушать.

– В Лаллиброх приходил человек, он искал похищенного сына. Темноволосый мужчина по имени Роджер Маккензи

из Лохалша. Ты его помнишь?

Солнце уже садилось, но света хватало, чтобы увидеть, как кровь отливает от лица Дженни. С трудом сглотнув, она кивнула и сказала:

– Его сынишку звали Джеремайя. Я запомнила, потому что командир гарнизона вручил папе одну вещицу вроде жетона. – По сжатым губам сестры Джейми понял, что она думает о Джеке Рэндолле. – Когда темноволосый мужчина вернулся, папа отдал ему эту штуку, а потом я слышала, как мистер Маккензи в разговоре со своим другом обмолвился, что она, возможно, принадлежала его собственному отцу, которого звали Джеремайя, как и... Джейми. Его сына звали Джеремайя, но они называли его Джейми! – Она замолчала и уставилась на брата округлившимися глазами размером с трехпенсовики. – Хочешь сказать, твой внук и есть тот самый Джейми, а темноволосый мужчина...

– Да. – Джейми облегченно выдохнул.

Дженни снова села, очень медленно.

Он ее не тревожил, прекрасно помня, в какую пучину недоверия, недоумения и страха его затянуло, когда Клэр, измученная и доведенная до отчаяния судом над ведьмами в Крейнсмуире, наконец рассказала ему правду о себе после того, как Джейми ее спас.

А еще он отчетливо помнил, что сказал тогда: «Было бы проще, окажись ты ведьмой». При этой мысли он улыбнулся и присел перед сестрой на корточки.

– Я все понимаю, – начал он. – Просто представь, что они приехали из... Испании, например. Или, скажем, из Тимбукту.

Метнув на него взгляд, Дженни фыркнула, но ее сжатые на коленях руки расслабились.

– Получается, они оба – Роджер Мак и Брианна – уже бывали в Лаллиброхе. Ты встретила Брианну, когда та искала нас. А с Роджером Маком познакомилась задолго до того, когда он разыскивал своего сынишку. Брианна приходила еще, позже и с детьми, в поисках Роджера. Тогда вы не встречались, но она виделась с па.

Джейми выжидательно умолк. Взгляд Дженни внезапно переменялся, и она выпрямилась.

– С папой? Но ведь он уже умер...

Она запнулась, пытаясь разложить все по полочкам у себя в голове.

– Да, они виделись. – Джейми проглотил ком в горле. – И Роджер Мак тоже провел некоторое время с отцом, когда тот помогал в поисках. Он кое-что рассказал мне о па. И знаешь... Ведь эти двое видели его живым всего несколько месяцев назад, – осторожно сказал Джейми и крепко сжал сестрину руку. – Роджер Мак говорит о нем так, будто па никуда не делся.

Дженни едва слышно всхлипнула и крепко сжала руку Джейми. Слезы снова стояли у нее в глазах, но она с вызовом их сморгнула, шмыгнув носом.

– Возможно, проще думать об этом как о чуде, – услужливо предложил Джейми. – Да и потом... Разве это не чудо, а? Дженни посмотрела на него, достала платок и высморкалась.

– *Fag mi*, – сказала она. «Не выводите меня».

– Пойдем, – позвал он и встал, а затем поднял сестру на ноги. – Пора тебе познакомиться с новым племянником. Еще раз.

* * *

Роджер первым заметил Джейми, появившегося из тени от дымохода: темный силуэт в вечернем сумраке, а за ним – еще одна тень, едва различимая. На мгновение Роджер даже усомнился, не померещилось ли. Он не помнил, как вскочил на ноги и очутился подле нее, в свете костра, и пламя за его спиной ярко отражалось в ее глазах. Рядом с ним стояла прекрасная девушка, которую он когда-то встречал.

– Мисс Фрэзер, – тихо сказал он и обеими руками взял сестру Джейми за ладонь, тонкую и твердую, как птичья лапка. – Рад встрече.

Дженни хихикнула – вокруг глаз у нее собрались морщинки.

– В прошлую нашу встречу я мечтала, чтобы ты поцеловал мне руку. Но ты этого не сделал.

Роджер видел учащенное биение жилки у нее на шее, од-

нако рука не дрогнула, когда он поднес ее к губам и поцеловал с непритворной нежностью.

– Я боялся, что ваш отец не так поймет, – улыбнулся он.

На лице Дженни мелькнула тень испуга, и ладонь сжала его руку.

– Значит, это правда, – прошептала она удивленно, глядя на него снизу вверх. – Ты видел папу и разговаривал с ним всего несколько месяцев назад? Ты говоришь так, будто для тебя он все еще жив.

Джейми издал едва слышный гортанный звук и, выйдя из тени, дотронулся до сестриной руки.

– Как и для Брианны, – тихо сказал он и кивнул в сторону костра.

Бри, с Огги на руках, разговаривала с детьми постарше. Ее длинные рыжие волосы чуть колыхались в потоке нагретого воздуха. Она водила пухлой ручонкой младенца, изображая царственные жесты, и говорила за него низким забавным голосом, отчего дети покатывались со смеху.

– Она тоже видела папу, хотя и не успела с ним поговорить. Это было на кладбище в Лаллиброхе. Брианна говорит, он преклонил колени у надгробия *Mammaigh* и принес ей веточки падуба и тиса, перевязанные красной нитью.

– *Mammaidh...*

В горле у Дженни что-то щелкнуло, и слова застряли на языке. В глазах у женщины стояли слезы. Роджер отпустил ее руку, и Джейми притянул сестру к себе. Они крепко об-

нялись, переполненные любовью, спрятав лица друг у друга на груди.

Роджер все еще наблюдал за ними, когда почувствовал рядом Клэр. Не сводя с них взгляда, она молча взяла его за руку. Лицо ее было спокойным, и только в глазах отражалась вся сила чувств.

Сказки на ночь

Прошел месяц, а не две недели, но к тому времени, как начал созревать дикий виноград, кухня Нового дома обзавелась крышей. Джейми, Роджер и Бри со всеми предосторожностями и под громкое хихиканье зрителей прикрепили над каркасом большое полотно грязновато-белой парусины. Его мы сшили из кусков порванного грота³⁹, раздобытых Фергусом во время прогулки в порту Уилмингтона, где ремонтировали шлюп Королевского флота.

Теперь у нас была крыша. Своя собственная.

Я долго стояла под ней, глядя вверх. И просто улыбалась. Люди сновали туда-сюда, носили вещи из-под навеса, из

---

³⁹ Нижний прямой парус на самой большой мачте судна.

хижины Хиггинсов, из кладовой над родником, из «кабинета» у Большого бревна, из сада. Я вдруг вспомнила, как мы с дядей Лэмбом разбивали лагерь в экспедициях: повсюду царила такая же суматоха, хорошее настроение, приятная расслабленность, счастье и радостное предвкушение.

Джейми осторожно – чтобы не оставить вмятин и не поцарапать доски – опустил буфет на новый пол из сосны.

– Напрасный труд, – улыбнулся он мне. – Неделя – и покажется, будто по полу прогнали стадо свиней. Чему ты улыбаешься? Тебя веселит подобная перспектива?

– Меня веселишь ты, – ответила я.

Рассмеявшись, Джейми подошел, обнял меня, и мы оба задрали головы.

Парусина казалась ослепительно-белой на солнце, лучи которого проникали внутрь по периметру. Полотно немного надулось и шуршало на ветру. Многочисленные пятна от морской воды, грязи и, возможно, рыбьей или человеческой крови отбрасывали на пол мелькающие тени, словно на мелководье нашей новой жизни.

– Гляди, – прошептал Джейми мне на ухо и легонько ткнул в щеку подбородком, чтобы я перевела взгляд.

В дальнем конце кухни стояла Фанни и смотрела вверх. Она тонула в белоснежном свете и не обращала внимания на кота Адсо, который терся о ее лодыжки, выпрашивая поесть. Девочка улыбалась.

В черной, испещренной слюдой почве под дымоходом Джейми выкопал ямку – неглубокую канавку длиной около десяти дюймов.

Накануне они вместе с Роджером и Йеном, пыхтя, задыхаясь и ругаясь на гэльском, французском, английском и мохоке⁴⁰, притащили от Зеленого источника большую плиту из серпентинита, предназначенную для очага. Теперь она стояла приваленная к дымоходу.

Нижняя поверхность камня была покрыта грязью и корешками. Я увидела маленького паучка – он выполз из углубления, отважно пробежал два-три дюйма и в замешательстве застыл.

– погоди, – сказала я Джейми.

Он сидел на пятках возле ямки и уже протянул руку к Бри, державшей наготове металлическую стамеску. Джейми возпросительно вздернул бровь, однако кивнул, и дети придвинулись ближе – посмотреть, чем вызвана задержка. Я подняла край фартука и попыталась аккуратно подсунуть под паука. Но тот быстро взбежал по камню, прыгнул вниз и приземлился на рубашку Джейми, который накрыл его сложенной ковшиком ладонью. Не меняя выражения лица, Джейми

---

⁴⁰ Мохок (также мохаук, могаук, могавк) – язык могавков.

осторожно встал, подошел к недостроенной наружной стене кухни, убрал руку и энергично встряхнул подол рубашки между брусьями каркаса.

– *Thalla le Dia!* – сказал Джем.

– Что? – спросила Фанни, наблюдавшая за сценой с открытым ртом.

– Иди с богом, – резонно пояснил он. – Что еще можно пожелать пауку?

– И в самом деле – что, – согласился Джейми.

Похлопав Джема по плечу, он снова опустился на колени у очага и протянул дочери руку. К моему удивлению, Бри поцеловала стамеску, словно распятие, и аккуратно вложила в отцовскую ладонь.

Джейми тоже поднес стамеску к губам, как не раз делал с кинжалом, а затем осторожно положил ее в ямку и левой рукой нагреб сверху землю. Потом сел на пятки и задумчиво оглядел присутствующих. Были только родные: мы с ним, Брианна и Роджер, Джем с Мэнди, Жермен, Фанни, Йен, Рэйчел и Дженни со спящим Огги на руках. Джейми начал:

– Благослови, Господь, мой дом,

И всех приют нашедших в нем.

Благослови моих родных,

Покой их, Господи, храни.

В ночь грядущую

И в любую другую.

В день сегодняшний

И во всякий другой.
Да пребудет это священное железо
Свидетельством Божьей любви
И хранителем нашего очага.

Торжественное молчание собравшихся длилось примерно пять секунд.

– Давайте есть! – звонко сказала Мэнди.

Джейми рассмеялся вместе со всеми, но вдруг умолк и коснулся ее щеки.

– Да, *m'annsachd*⁴¹. Но прежде заложим очаг. Отойди-ка немного назад, чтобы не мешать.

Брианна поймала Мэнди и оттащила ее подальше, сделав знак Джему, Фанни и Жермену тоже отойти. Те нехотя повиновались. Мужчины размяли плечи и кисти рук, затем по сигналу Джейми нагнулись и подхватили камень.

– Ар-р-р-р-гх! – с восторгом воскликнули Джем и Жермен, подражая взрослым, которые издавали похожие звуки.

Тут вострепнулся Огги и от ужаса округлил ротик, но Дженни вовремя сунула в него большой палец, и малыш рефлекторно начал сосать, хотя в его широко раскрытых глазах по-прежнему читалось изумление.

Усиленно сопя и вполголоса отдавая указания, мужчины двигали камень. Один раз он едва не выскользнул из рук, вызвав дружное восклицание, но его тут же поймали, и сре-

---

⁴¹ Мое благословение (*гэльск.*).

ди зрителей слышались смех и оживленные комментарии. Наконец с финальным усилием плиту выровняли и уложили на место.

Джейми согнулся, уперев руки в колени, и некоторое время переводил дыхание. Потом он медленно выпрямился – лицо красное, по шее струится пот – и посмотрел на меня.

– Надеюсь, тебя устроит этот дом, саксоночка, – сказал он и глубоко вздохнул, – потому что еще одного я не осилю.

Постепенно все пришли в чувство, и мы собрались у нового очага для последнего благословения. К моему удивлению, Джейми поманил Роджера и Йена (которые удивились не меньше), попросил их встать перед очагом по обе стороны от себя и продолжил:

– Благослови, Господь, луну, что надо мной,
Благослови, Господь, землю под моей ногой,
Благослови, Господь, мою жену и детей,
И благослови меня, радеющего о них;
Благослови, Господь, мою жену и детей,
И благослови меня, радеющего о них.

Благослови, Господь, то, на что возлагаю взор свой.
Благослови то, на что возлагаю надежды свои,
Благослови, Господь, мои побуждения и намерения.
Благослови же их, Господь Животворящий.
Благослови, Господь, мои побуждения и намерения.
Благослови же их, Господь Животворящий.

Благослови любимую, что делит со мной ложе.
Благослови творение рук моих.
Благослови же все это, Господь, и будь защитой мне.
И благослови ангела, что хранит мой покой.
Благослови же все это, Господь, и будь защитой мне.
И благослови ангела, что хранит мой покой.

Кивком головы Джейми сделал нам знак, и мы присоединились.

– Благослови, Господь, наш дом
И всех приют нашедших в нем.
Благослови моих родных,
Покой их, Господи, храни.
В ночь грядущую
И в любую другую.
В день сегодняшней
И во всякий другой.

Повинуясь указаниям, все взяли по деревянной палочке и поднесли к очагу, где Брианна аккуратно их сложила и подсунула под свое сооружение горсть щепок для растопки.

Глубоко вздохнув, я взяла протянутый мне пучок соломы, сунула ее в горшок с углями из хирургической, затем опустилась коленями на зеленый камень и зажгла огонь.

Мы съели остывший ужин, сидя на новом крыльце, так как в кухне еще не было ни стола, ни скамеек. По случаю торжественного события утром я приготовила тесто для печенья с патокой и оставила его дожидаться своего часа. Теперь все собрались под крышей и расстелили перед новым очагом свои разномастные тюфяки (только у нас с Джейми была настоящая кровать). Под пристальными взглядами присутствующих я выкладывала тесто на сковороду и засовывала холодный чугунный круг в нагретую, выложенную кирпичом нишу, которую Джейми встроил в стенку огромного очага – для выпечки на скорую руку.

– Скоро? Скоро? Уже скоро, бабуля?

Мэнди за моей спиной привстала на цыпочки. Я повернулась и подняла малышку, чтобы она лучше разглядела сковороду и печенье. Разожженный утром огонь горел весь день, и кирпичная кладка излучала тепло – его хватит на всю ночь.

– Видишь шарики из теста? Чувствуешь, как горячо? Только не суй руку в печку. От жара шарики станут плоскими, а затем зарумянятся, и вот тогда-то печенье будет готово. Еще минут десять, – добавила я, опуская внучку. – Хотя лучше приглядывать за новым очагом.

– Ура, ура, ура! – Мэнди запрыгала от радости, а потом бросилась в объятия Брианны. – Мама! Почитай сказку, пока

печеньки готовятся.

Бри вопросительно посмотрела на Роджера. Тот с улыбкой пожал плечами.

– Почему бы и нет? – сказал он и пошел рыться в куче разных вещей, сложенных у кухонной стены.

– Вы захватили с собой детскую книжку? – спросил Джейми. – Здорово. Где взяли?

– Интересно, издают ли сейчас книги для детей ее возраста? – Я глянула на Мэнди.

Бри сказала, что малышка немного умеет читать, только я никогда не видела изданий восемнадцатого века, которые были бы понятными – а тем более интересными – для трехлетнего ребенка.

– Не так чтобы много, – Роджер вытащил из кучи большую холщовую сумку Бри, – но издавали... то есть издают отдельные книги, *предназначенные* для детей. Хотя сейчас на ум приходят только «Гимны на радость детям», «История малышки Гуди Два Башмака» и «Описания трехсот животных».

– Каких именно? – полюбопытствовал Джейми.

– Понятия не имею, – признался Роджер. – Я не видел ни одной из этих книг, просто встречал названия в каком-то списке.

– А ты в Эдинбурге печатал книги для детей? – спросила я у Джейми. Он отрицательно покачал головой. – Ну а что ты читал, когда учился в школе?

– Ребенком? Библию, – сказал он так, словно объяснял очевидное. – И альманах – после того, как выучил букварь, разумеется. А позже мы немного читали на латыни.

– Мою, мою книжку, – не отставала Мэнди. – Папа, дай. Пожалуйста? – быстро добавила она, видя, как ее мать открыла рот.

Бри сдержала невысказанное замечание и улыбнулась, а Роджер тем временем выудил из сумки ярко-оранжевую книгу, при виде которой я на миг зажмурилась.

– Что? – Джейми наклонился, чтобы лучше разглядеть.

Я ответила пожатием плеч: скоро сам узнает.

– Мамуля, читай!

Мэнди свернулась калачиком рядом с матерью и сунула ей в руки книгу.

– Хорошо, – сказала Бри и открыла ее. – «А нравятся тебе, друг мой, зеленые яйца с ветчиной? – Мне не по вкусу, Сэм-Это-Я, ни яйца зеленые, ни ветчина!»⁴²

– Что? – недоуменно спросила Фанни, заглядывая Бри через плечо.

– Это еще кто? – вслед за ней поразился Жермен.

– «Сэм-Это-Я»! – сердито отрезала Мэнди и ткнула пальцем в страницу. – Вот, тут написано!

– Хм, *oui*⁴³. А второго тогда как звать? «Кто-Такой-Ты»?

---

⁴² Строки из детской книги Доктора Сюза «Зеленые яйца с ветчиной» (1960) (Пер. М. Фокс).

⁴³ Да (фр.).

При этих словах Фанни, Джемми и даже Роджер рассмеялись, а Мэнди вспыхнула от негодования. Возможно, у нее и не рыжие волосы, подумала я, зато темперамента Фрэзеров хоть отбавляй.

– Молчи, молчи, молчи! – взвизгнула она и, вскочив на ноги, бросилась к Жермену с явным намерением выпотрошить его голыми руками.

– Оп! – Роджер ловко поймал дочку и поднял на руки. – Успокойся, зайка, он не хотел.

Я могла бы ему сказать... Но если за годы близкого соседства с разными Фрэзерами он сам не понял, то объяснять сейчас было бесполезно: последнее, что стоит говорить человеку, находящемуся в приступе бешенства, это «успокойся». Все равно что стаканом воды тушить горящее на плите масло.

– Нет, хотел! – завопила Мэнди, отчаянно брыкаясь в отцовских объятиях. – Я его ненавижу, он все испойтил! Пусти, я и тебя ненавижу!

Когда Мэнди начала пинаться в опасной близости от отцовского паха, он инстинктивно отстранил ее подальше.

Джейми протянул руки, взял малышку и обнял, положив большую ладонь ей на затылок.

– Тише, *a nighean*.

Раскрасневшаяся и заплаканная Мэнди послушно затихла и только тяжело пыхтела, как маленький паровой двигатель.

– Давай выйдем на минутку, хорошо? – предложил он и

кивнул собравшимся. – Пусть никто не трогает ее книгу, пока нас нет. Слышите?

Раздалось согласное бормотание, после чего наступила полная тишина, а Джейми и Мэнди исчезли во мраке.

– Печенье!

Почувствовав сильный запах гари, я бросилась к очагу, выхватила сковороду и поспешно пересыпала печенье на большую керамическую тарелку – единственную имеющуюся, зато способную вместить что угодно, вплоть до маленькой индейки.

– Как там печеньки? – подбежал взглянуть Джем, напрочь позабыв о сестре.

– В порядке, – заверила я. – Немного подгорели по краям, но в целом отлично.

Следом подошла Фанни, однако ее волновала не судьба выпечки.

– Мистер Фрэзер выпорот Мэнди? – встревоженно прошептала она.

– Да ну. Она еще маленькая, – заверил Жермен.

– Вовсе нет, – заявил Джемми и бросил настороженный взгляд на мать.

Лицо у Бри заметно покраснело, хотя и не так сильно, как у Мэнди.

Дети столпились вокруг меня, то ли из интереса к печеню, то ли из чувства самосохранения. Я вопросительноглянула на Роджера, тот подошел к Брианне и сел рядом. Повер-

нувшись к ним спиной, чтобы не мешать семейному уединению, я отправила Фанни и Джема за большим кувшином молока, висящим в колодце. Повезет, если ни одна из местных лягушек не ухитрилась пролезть под плотную ткань, которой я накрыла кувшин.

– Прости, бабушка, – тихо сказал Жермен, подойдя ближе. – Я не хотел устраивать переполох, правда.

– Знаю, милый. И все знают, кроме разве что Мэнди. А дедушка ей объяснит.

– Уф.

Он сразу расслабился, ни капли не сомневаясь в способности своего деда очаровать кого угодно, от необъезженной лошади до бешеного ежа.

– Сходи за кружками, – попросила я. – Скоро все соберутся.

Оловянные кружки, вымытые после обеда, сушились вверх дном на крыльце. Жермен торопливо вышел, избегая глядеть на Бри.

Жермен думал, она сердится, однако мне было очевидно, что Бри расстроена. И неудивительно, сочувственно вздохнула я. Она постоянно боролась за безопасность Джема и Мэнди, за их счастливую жизнь. Сначала во время долгого и тягостного отсутствия Роджера, затем – когда искала его. Потом – новое путешествие через камни и долгая дорога сюда. Естественно, что у нее почти сдали нервы. К счастью, Роджер неплохо справлялся с ролью супруга: он обнял жену,

склонившую голову ему на плечо, и что-то тихонько бормотал. Я не могла разобрать слов, но интонация выражала любовь и утешение, и лицо Бри постепенно разгладилось.

С противоположной стороны, через открытую кухонную дверь, до меня долетали другие негромкие голоса – Джейми и Мэнди. Похоже, они показывали друг другу звезды, которые им нравятся. Раскладывая печенье на тарелке, я улыбнулась: пожалуй, ему и правда под силу усмирить бешеного ежа.

Повинуясь своему отличному чутью, Джейми дождался, пока все снова соберутся вокруг ароматно пахнущего горячего печенья, и только потом принес Мэнди обратно и молча опустил ее на пол среди других детей.

– Тридцать четыре? – на глаз прикинул он. – И одно для Огги?

– Точно. И как это у тебя получается?

– А, пара пустяков, саксоночка. – Он наклонился над тарелкой, закрыл глаза и блаженно вдохнул. – В конце концов, считать печенье проще, чем овец или коз, – у него нет ног.

– Ног? – озадаченно переспросила Фанни.

– Ну да. – Джейми открыл глаза и улыбнулся. – Чтобы узнать, сколько у тебя коз, достаточно посчитать ноги и разделить на четыре.

Взрослые притворно застонали, а Жермен и Джемми, освоившие деление, захихикали.

– Это... – начала Фанни и нахмурилась.

– Все за стол, – быстро сказала я. – Джем, будь добр, налей молоко. И сколько же печенья получает каждый, мистер Всезнайка?

– Три! – хором ответили мальчики.

Особое мнение Мэнди, считавшей, что каждому полагается пять, потихоньку замяли, и все погрузились в коллективное наслаждение холодным молоком и душистым рассыпчатым печеньем.

– Итак. – Джейми прервал трапезу, осторожно стряхнул крошки с рубахи на ладонь и слизнул их. – Итак, – повторил он, – Аманда говорит, что может сама прочесть свою книгу. Прочтешь ее нам, *a leannan*?

– Да!

Мигом вытерев липкие руки и лицо, Мэнди вновь устроилась в материнских объятиях, только на этот раз положила ярко-оранжевую книгу себе на колени. Она открыла самое начало, строго оглядела слушателей и велела:

– Тихо! Я читаю.

* * *

После того как Мэнди несколько раз прочла книгу вслух и от печенья ничего не осталось, Йен с семьей ушли к себе в хижину, а детей отправили спать в мою хирургическую – единственную комнату с готовыми стенами. Шагая с тюфяками по недостроенному коридору, они с трепетом предвку-

шали ночевку в собственном доме.

Я пошла с ними и развела огонь в жаровне (второй камин еще не достроили), потом занавесила открытое окно и дверной проем старыми одеялами для защиты от летучих мышей, комаров, лис и любопытных грызунов.

– Если сюда залезет енот или опоссум, не пытайтесь выгнать их сами. Просто сходите за отцом или дедушкой. Или за мамой, – добавила я. Уж Бри-то наверняка справится с заблудшим енотом.

Я послала детям воздушный поцелуй и вернулась в кухню. Запах патоки выветрился, но воздух все еще был напоен сладостью, теперь вперемешку с запахом виски. Брианна со своего места на деревянном ящике с индиго приветственно подняла оловянную стопку.

– Ты как раз вовремя, – сказала она.

– Для чего?

Джейми протянул мне наполненную до краев стопку.

– *Slàinte*, – произнес он, чокаясь. – За новый очаг.

– Для раздачи подарков, – ответила Бри извиняющимся тоном. – Я долго их выбирала. Не знала, найду ли вас... Всех вас, – добавила она, серьезно глядя на Роджера. – И хотела взять что-нибудь действительно важное, пусть и рискуя потерять или испортить в пути.

Мы с Джейми обменялись недоуменными взглядами, однако Брианна уже рылась в своей холщовой сумке. Она достала толстую синюю книгу и, наблюдая за моей реакцией,

вложила мне в руки.

– Что... – начала я, но уже с первого прикосновения поняла сама и испустила радостный визг: – Бри! О, о!..

Джейми улыбался, правда, несколько озадаченный моей реакцией. Я на миг протянула книгу ему и тут же снова прижала к груди.

– Ох! – повторила я. – Бри, спасибо! Как чудесно!

Она порозовела от удовольствия, в глазах сияла ответная радость.

– Я знала, что тебе понравится.

– Ох!..

– Дай-ка взглянуть, *mo nighean donn*⁴⁴. – Джейми осторожно потянулся за книгой. Я неохотно выпустила ее из рук.

– «Справочник Мерка, тринадцатое издание», – прочитал он с обложки и поднял вопросительный взгляд. – Похоже, твой Мерк популярный писатель или же делает чертову кучу ошибок.

– Это медицинская энциклопедия, – объяснила я, наконец овладев собой, хотя меня все еще переполняло волнение. – «Справочник Мерка по диагностике и терапии». Своего рода сборник общих медицинских знаний.

– Надо же... – Джейми с интересом открыл книгу, хотя я видела, что он не до конца осознает всю ее важность. – «Контроль за распространением дизентерийной амебы достигается путем непопадания человеческих фекалий в рот». Надо

---

⁴⁴ Моя темноволосая (гэльск.).

же, – мягко повторил он и улыбнулся, глядя на выражение моего лица. – Так вот до чего додумаются люди в будущем. Многое из этого даже ты пока не знаешь. Хотя, полагаю, насчет фекалий тебе известно?

Я кивнула, после чего Джейми аккуратно закрыл книгу и вернул мне. Я прижала ее к груди, голова у меня кружилась от предвкушения. Тринадцатое издание – из 1977 года!

Роджер кашлянул, привлекая внимание Брианны, и кивнул на сумку.

– А это для тебя, па... – Бри вытащила маленькую толстую книгу в мягкой обложке и с улыбкой протянула отцу. – И вот еще... – За первой книгой последовала вторая, а затем третья.

– Это все одна история, – хрипло сказал Роджер. – Только напечатанная в трех томах.

– В самом деле? – Джейми осторожно перевернул одну из книг, словно опасаясь, что та вот-вот развалится у него в руках. – А переплет? Неужели склеен?

– Да, – улыбнулся Роджер. – Такая маленькая книжка называется «карманное издание». Они дешевые и легкие.

Джейми взвесил книгу в руке и кивнул, а сам уже принялся изучать заднюю обложку.

– Фродо Бэггинс, – прочел он вслух и поднял озадаченный взгляд. – Валлиец?

– Не совсем. Брианна подумала, эта история придется вам по вкусу. – Роджер посмотрел на жену, и его улыбка стала

шире. – Я с ней согласен.

– Ммхм. – Джейми сложил три тома вместе, на миг задержал взгляд на кружке Мэнди с липкими отпечатками, затем убрал книги на самый верх моего шкафчика с травами. – Спасибо, дочка. Уверен, они отличные. – Он поцеловал Бри и кивком указал на ее сумку. – А для себя ты что захватила?

– Ну... в основном разные мелкие инструменты. Вроде тех, какие есть и сейчас, но лучшего качества, или те, которые здесь искать слишком хлопотно и дорого.

– Что, совсем никаких книг? – улыбнулся Джейми. – Будешь единственной неграмотной в семье?

Бри, и без того румяная от удовольствия и возбуждения, при этом вопросе и вовсе густо покраснела.

– Хм... Ну... Только одну.

Она взглянула на меня, откашлялась и полезла в опустевшую сумку.

Я охнула (чем привлекла к себе внимание Джейми) при виде книги в переплете и суперобложке, на которой значилось «Душа мятежника. Шотландские корни Американской революции». Автор – Фрэнклин У. Рэндолл, доктор философии.

Сдвинув брови, Бри беспокойно посмотрела на отца, потом обратилась ко мне:

– Я еще не читала, но ты... Вы оба, – поправились она, перебегая глазами с меня на Джейми, – можете прочитать ее в любое время. Если захотите.

Встретившись со мной взглядом, Джейми чуть приподнял брови и отвел глаза.

* * *

Брианна и Роджер отнесли на улицу липкие кружки, миску из-под теста, ложку и кувшин для молока, чтобы их ополоснуть, а я села рядом с Джейми на большой мешок с сушеными бобами и несколько минут не отрывалась от своего справочника. Джейми с опаской повертел в руках книгу Фрэнка, словно она могла взорваться, затем отложил в сторону и с улыбкой наблюдал, как я ласково поглаживаю шероховатую голубую обложку нового приобретения.

– Будешь читать ее от корки до корки, как Библию? – спросил он. – Или подождешь, пока кто-нибудь не явится с синими пятнами, и только потом в нее заглянешь?

– Одно другого не исключает, – заверила я, взвешивая массивный томик в руке. – Возможно, здесь говорится о новых методах лечения уже известных мне болезней. И наверняка тех, о каких я даже понятия не имею.

– Позволишь взглянуть еще разок? – Джейми протянул руку, я осторожно вложила в нее книгу. Открыв наугад, он прочел: – «Трипаносомоз», – и его брови поползли вверх. – Ты знаешь, что делать с трипаносомозом, саксоночка?

– Нет, – призналась я. – Но теперь если с ним столкнусь, то хотя бы буду иметь представление. Возможно, это спасет

пациента от неэффективного или опасного лечения.

– Ага, и у него будет время написать завещание и вызвать священника.

Джейми закрыл книгу и вернул мне.

– М-м. – Я постаралась отогнать мысли о вероятных (или, скорее, неотвратимых) смертельных болезнях и травмах, которые не в состоянии вылечить. – А что насчет твоих книг? Интересные, как по-твоему?

Я кивнула на толстые томики в мягких обложках. Просветлев лицом, Джейми взял первую часть трилогии и медленно полистал, затем вернулся к самому началу и хрипло прочел:

– «О хоббитах. Речь в этой книге пойдет в основном о хоббитах, и на страницах читатель узнает многое об их характере и немного – об их истории».

– Это только пролог, – объяснила я. – Можешь пропустить, если хочешь.

С улыбкой на губах Джейми отрицательно покачал головой, не сводя глаз со страницы.

– Если автор счел нужным его написать, значит, я прочту. Не хочу упустить ни слова.

У меня защемило сердце, когда я увидела, с каким благоговением Джейми обращается с книгой, как бережно переворачивает страницы указательным пальцем. Книга – любая, безотносительно содержания – обладала великой ценностью для того, кто много лет прожил практически без доступа к

печатному слову, и только воспоминания о прочитанном помогали ему и его спутникам забыть о невзгодах.

Он поднял глаза.

– Ты их читала, саксоночка?

– Нет, хотя у этого автора я читала «Хоббита». Вместе с Бри, когда она училась в шестом классе. Ей было двенадцать лет.

– Хм... То есть никакого распутства здесь нет?

– Что? Разумеется, нет, – рассмеялась я. – С чего ты взял?

– Ну, не с обложки уж точно – сроду не видел столько текста снаружи, – но никогда не знаешь наверняка. – Он с явной неохотой закрыл книгу. – Я подумал, мы могли бы читать их вечерами, например каждый по одной главе. Джем и Жермен уже достаточно взрослые, думаю, им это по силам. Как потвоему, Фрэнсис умеет читать?

– Да, насколько я знаю. Говорит, ее научила сестра. – Я подошла к Джейми и прислонилась к его плечу, чтобы еще разок взглянуть на «Братство Кольца». – Замечательная идея.

В Лаллиброхе, в короткие первые месяцы нашего брака, мы вместе с Дженни и Йеном проводили у камина мирные и счастливые часы, пока кто-то один читал вслух, а другие вязали чулки, чинили одежду или мелкую мебель. Я представила такие вечера здесь, в кругу нашей семьи в собственном доме, и на душе у меня потеплело.

Джейми издал довольное шотландское урчание и положил книгу рядом с монографией Фрэнка, которую Бри захватила

для себя. Мое растаявшее сердце сжалось одновременно от радости и грусти при мысли, что она взяла эту книгу с собой в новую жизнь как память о Фрэнке.

Заметив мой взгляд, Джейми издал еще один шотландский звук, на этот раз выражая осторожный интерес. Я кивнула на «Душу мятежника».

– Хочешь прочесть?

– Не знаю, – признался он, посматривая на книгу. – А ты ее читала, саксоночка?

– Нет.

Я смалодушничала. Прочтя все статьи, книги и эссе Фрэнка в период нашего первого брака, как я его про себя называла, я так и не смогла взяться ни за одну из книг, написанных им во время нашей второй попытки. Меня хватило только на беглое знакомство с той работой, где говорилось о последствиях Каллодена, – я тогда искала сведения о судьбах обитателей Лаллиброха.

– Ее опубликовали после того, как я... вернулась сюда. Это его последний труд. Я ее даже не видела.

На мгновение я задумалась, а не взяла ли ее Бри из-за фотографии Фрэнка: на ней он был таким, каким она его запомнила. Или дочка выбрала книгу главным образом из-за названия?

Джейми, от которого не укрылась моя интонация, смерил меня взглядом, но ничего не сказал и взял в руки «Зеленые яйца с ветчиной». Джем утащил с собой в постель книгу

«Мальчик-ученый». Вероятно, он читал ее Жермену и Фанни при свете огня. Оставалось только надеяться, что в ней нет пошаговых инструкций по сборке метательной машины.

Петрушка, шалфей, розмарин и тимьян⁴⁵

Неделю спустя мы услышали окончание истории.

Фанни с Жерменом пошли к Йену помочь Дженни вычесывать коз. Джемми, не допущенный к этому занятию из-за вывиха большого пальца, не пожелал быть сторонним наблюдателем и остался дома, чтобы поиграть в шахматы с Джейми.

Роджер наигрывал «Ярмарку в Скарборо» на сделанных им примитивных цимбалах под аккомпанемент столь же

---

⁴⁵ Строка-рефрен из английской народной баллады «Ярмарка в Скарборо». Баллада обрела широкую популярность благодаря версии, записанной в 1966 году американским фолк-рок-дуэтом Simon & Garfunkel.

незатейливых разговоров, которые медленно текли на кухне. Однако к тому времени, как мы с Бри замесили на завтра тесто и поставили его подниматься, замочили оленину в травах и уксусе и решали, нужно ли вымыть пол или только подмести, в комнате повисла тишина. Шахматная партия закончилась (героическим усилием Джейми сумел проиграть), цимбалы умолкли, а Мэнди и Джем заснули, развалившись по углам скамьи, словно мешки с сушеными бобами.

Не сговариваясь, взрослые собрались за столом с четырьмя кружками и бутылкой приличного красного вина – подарком Майкла Линдси за мою помощь: я зашила пару длинных ран на боку его лошади после ее столкновения с медведем.

– У твоих цимбал приятное звучание, Роджер Мак, – заметил Джейми, указывая кружкой на инструмент, который теперь для сохранности лежал на шкафчике для лекарственных растений.

Роджер удивленно поднял брови.

– Вы... узнали? – спросил он. – Я имею в виду – поняли, что это песня?

– Нет. А это была песня? – в свою очередь удивился Джейми. – Хотя звук приятный. Похож на звон колокольчиков.

– Она из... – Брианна немного замялась и взглянула на детей, – нашего времени.

– Все в порядке, – успокоил Роджер. – Текст могли сочинить в любом времени, начиная со Средневековья.

– Хорошо. Но лучше не забывать об осторожности. – Бри

неуверенно улыбнулась. – Не дай бог Мэнди запоет в церкви «Twist and Shout»⁴⁶.

– Ну, не в нашей уж точно, – согласился Роджер. – Хотя, разумеется, сейчас есть и более... гм... активные службы, где это было бы вполне уместно. Интересно, существуют ли в округе церкви, практикующие проповеди со змеями? – с внезапным воодушевлением добавил он. – Не знаю точно, когда их придумали.

– Змеи в церкви? Seriously? – усомнился Джейми. – На кой черт кому-то так поступать?

– Евангелие от Марка, глава 16, стих 17, – сказал Роджер. – «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы». Они делают это – или только будут, – чтобы доказать свою веру. Берут гремучих змей и щитомордников голыми руками. Прямо в церкви.

– Господи Иисусе, – перекрестился Джейми.
Роджер кивнул.

– Вот именно. Думаю, все отсылки к Библии не представляют опасности, – обратился он к Бри, – и все же лучше не упоминать того, что может навести на мысли о более современных вещах.

---

⁴⁶ «Twist and Shout» – песня в жанре рок-н-ролл, написанная в 1963 году и неоднократно перепетая многими известными исполнителями.

Когда Роджер цитировал библейский стих, я невольно посмотрела на свои руки, но при этих словах подняла глаза. На лице Джейми было написано недоумение.

Тяжело вздохнув, Бри снова глянула на детей.

— Мы вовсе не стремимся к тому, чтобы они забыли, — тихо сказала она. — Были, есть и будут люди и вещи из... нашего времени... которые им дороги. И мы не знаем, смогут ли они когда-нибудь... рано или поздно... вернуться. Просто следует быть осмотрительнее с воспоминаниями и разговорами о той эпохе. — Она сглотнула. — Вероятно, ничего страшного не случится, если Мэнди расскажет людям, например, о туалетах. Особенно если я один такой построю, — добавила она, коротко улыбнувшись. — Однако есть и другие вещи.

— Да, — негромко сказал Джейми. — Не сомневаюсь.

Он положил ладонь мне на бедро, и я накрыла ее своей. Джейми тоже заметил на лицах Роджера и Брианны выражение, свойственное изгнанникам — тем, кто вынужден скрывать скорбь и мужественно отречься от воспоминаний, которые никуда не денутся, как бы глубоко ни были похоронены. Я видела это выражение в дни перед окончанием Второй мировой, а Джейми — все месяцы и годы после Каллодена.

Повисла долгая пауза. Наконец Джейми прочистил горло.

— Я знаю, почему вы вернулись, — сказал он. — Но каким образом?

Чисто практический вопрос разогнал тоскливую атмосферу. Бри с Роджером переглянулись, потом посмотрели на

нас.

– Есть еще вино? – спросил Роджер.

* * *

– Мы не знали, можно ли перемещаться сразу и во времени, и в пространстве, – начала Бри, когда кружки заново наполнили. – Мы понятия не имеем, удавалось ли подобное кому-нибудь, поэтому не отважились на эксперимент.

– Могу себе представить, – сказала я едва слышно.

Я постаралась забыть то ощущение, которое испытываешь, находясь... там, но воспоминания не исчезли полностью. Все равно что, сидя в крохотной лодке посреди бескрайнего моря, видеть, как нечто большое и темное скользит у самой поверхности воды.

– Поэтому решение далось нам легко, – сказал Роджер, хотя, судя по выражению его лица, «легко» было понятием относительным. – Задача состояла в том, чтобы попасть из Шотландии в Америку. Только вот где лучше пройти через камни: возле Инвернесса или на Окракоке?

– При переходе на Окракоке некоторые умерли, – тихо заметила Бри, накрыв ладонь Роджера своей. – Вендиго Доннер тебе ведь рассказывал, мама?

– Да.

Мне сдавило горло при упоминании имени Доннера, да и от названия «Окракок» воспоминания были не из приятных.

Судя по тому, как побледнела Бри, она тоже не забыла об этом месте: Стивен Боннет держал ее там в плену.

– И даже с теми, кто не умер, происходили... э-э... странности. – Роджер посмотрел на меня. – Помните Зуб Выдры... ну, Роберта Спрингера? Он со своей группой рассчитывал попасть в... какое время? В середину шестнадцатого века или еще раньше? Во всяком случае, далеко в прошлое. Он переместился дальше остальных, но не настолько, как хотел. Для всех членов группы путешествие прошло по-разному.

– Мы подумали, это как-то связано с тем, что они шли поодиночке, повторяя друг за другом движения и слова, – вставила Бри, а затем махнула в сторону спящих детей. – Мы же переходили вместе, держась друг за друга. Наверное, это сыграло роль.

– И мы вместе проходили на Окракоке раньше, – добавил Роджер. – Если нам удалось один раз, возможно, стоило попробовать снова.

– Значит, все уперлось в поиски корабля, так? – Джейми, который до сих пор внимательно слушал, слегка постукивая пальцами по бедру, теперь выпрямился. – Вы думали, велика ли разница между кораблями, построенными в 1739 году и примерно в 1775 году?

– Да, именно, – призналась Брианна. – Корабли стали больше и быстрее, но погода неумолима. При столкновении с айсбергом или ураганом, – она кивнула мне, – не так

уж важно, в лодке ты или на «Титанике».

– Пожалуй, – согласился Джейми, и я рассмеялась: он знал о «Титанике» по моим рассказам.

– Тебя послушать, так плавающая доска в пруду с форелью ничем не лучше большого корабля вроде «Куин Мэри», – поддразнила я.

– Да, только на последнем еда наверняка вкуснее, – невозмутимо заявил Джейми. – И коль скоро меня не тошнило благодаря твоим иголкам, я бы учел это обстоятельство. Итак, по-вашему, климат сильно изменился за сорок лет? – спросил он у Брианны, возвращаясь к разговору.

Она покачала головой.

– Дело не только в бурях и ветрах. То есть, конечно, погода играла роль, но мы не могли ее предсказать. Зато хорошо знали политический климат.

– Война, – сказал Роджер, правильно истолковав мой озадаченный взгляд. – В то время... точнее, сейчас британцы устраивают торговые блокады и захватывают американские корабли. Что, если бы наш корабль потопили или захватили? Или меня завербовали бы в Британский флот, а Бри и детям пришлось бы решать, идти через камни или остаться на Ямайке или где-то еще, разыскивая меня?

– Резонно, – согласился Джейми. – Значит, вы сели на корабль в 1739 году. Ну, и как прошло плавание?

– Ужасно! Кошмарно! – враз выпалили Бри и Роджер.

Они посмотрели друг на друга и невесело рассмеялись –

с нервным облегчением выживших, которые еще не совсем уверены, что спаслись.

На бриге под названием «Кермана» они отплыли из Инвернесса в Эдинбург, где пересели на «Констанцию» – маленькое торговое судно, державшее курс в Чарльстон.

– Никаких кают, – сказал Роджер. – Нас разместили в крохотном уголке в трюме, между бочками с водой и штабелями сундуков, набитых тканями: льном, муслином, шерстью и шелком. Запах тот еще – отбеливающая глина, клейстер, красители и моча, – но могло быть и хуже. В другом конце трюма люди теснились между ящиками с соленой рыбой и бочонками с джином. Из-за паров алкоголя они большую часть времени провели в отключке, насколько нам удалось разглядеть в темноте.

– Если так, им повезло, – тоскливо сказала Брианна. – По пути мы попали в целых четыре – четыре! – шторма. Не знаю, чего мы боялись больше: пойти на дно или что нас расшибет грузом. За исключением Мэнди мы все с головы до ног были в синяках: ее почти все плавание я держала на коленях, для тепла закутавшись в плащ.

Джейми слегка позеленел от одного лишь рассказа, да и меня, признаюсь, немного укачало.

– Чем вы питались? – спросила я в надежде вернуть разговор на твердую почву.

– Холодной овсянкой, – пожал плечами Роджер. – В основном. Иногда холодным беконом. И репой. В избытке.

– Сырой репой? – не поверила я.

– Ой, ну перестань, – запротестовала Бри. – На вкус она как яблоки, только несладкая. Яблоки у нас тоже были, а еще изюм, морковь, вареный шпинат и горшочек соленых огурцов. Нам даже достался бочонок соленой рыбы...

– Господи, – с чувством произнес Роджер, – мне хватило одной штуки: думал, умру от жажды.

– Тебе никто не говорил вначале ее вымочить? – усмехнулся Джейми.

– Еще у нас был сыр, – сказала Бри, впрочем не слишком убедительно.

– Кстати, не такой уж плохой, если запивать джином. Вы когда-нибудь видели сырного клеща вблизи?

– Как вы их разглядели? – поинтересовался Джейми. – Я не раз бывал в трюме – там и собственных рук-то не увидишь.

– Ага, – согласился Роджер. – Конечно, открытое пламя в трюме не разрешалось, поэтому свет поступал, только когда откидывали крышку люка. То есть всякий раз, как выдавалась хорошая погода, – добавил он, пытаясь быть честным.

– И то неплохо, – сказал Джейми. – А если проголодался, сырных клещей даже не заметишь. Да и сырая репа очень питательна...

Бри издала смешок, мне же было не до веселья. Джейми иронизировал, но не шутил. Я поняла: он вспоминает долгие голодные годы в Шотландии после Каллодена и заодно вре-

мя, проведенное в Ардсмуре.

– Сколько длилось плавание? – спросила я.

– Семь недель, четыре дня и тринадцать с половиной часов, – ответила Брианна. – Путешествие, слава богу, не слишком затянулось.

– Да уж, – согласился Роджер. – Однако вблизи от побережья на нас обрушился последний шторм, пришлось сойти на берег в Саванне. Я и не надеялся пересадить всю компанию, – он махнул на жену и детей, – на другой корабль. Но когда выяснилось, что до Окракока пятьсот миль... мы нашли рыболовецкое судно.

– Слава богу, открытое, – с жаром добавила Бри. – Спали на палубе.

– Итак, вы наконец добрались до камней, – подытожил Джейми. – Как вы прошли?

– Нам едва удалось, – тихо сказал Роджер. Он посмотрел на спящих детей. Мэнди растянулась на скамье ничком, обмякшая, как тряпичная кукла Эсмеральда. – Нам помогла Мэнди. И ты, – добавил он с легкой улыбкой, глядя на Джейми.

– Я?

– Ты написал книгу, – тихо пояснила Бри. – «Дедушкины сказки». Вы придумали положить экземпляр в шкатулку с письмами.

Джейми вдруг смутился и опустил глаза.

– Вы... ее читали? – спросил он и прочистил горло.

– Да. – Голос Роджера звучал мягко. – И перечитывали.

– Много раз, – добавила Бри, взгляд ее потеплел от воспоминаний. – Свои любимые истории Мэнди запомнила слово в слово.

– Ну... – Джейми потер нос. – Какое это имеет отношение к...

– Это она вас нашла, – сказал Роджер. – Там, во время перехода через камни. Мы изо всех сил думали о вас с Клэр и о Ридже... обо всем, что помнили. Наверное, было слишком много разных мыслей.

– Я не могу передать словами... – начала Бри. Тень пережитого легла на ее лицо; я понимала, о чем она говорит. – Мы не могли выбраться. Застряли внутри и... Это похоже на взрыв, па, – пыталась объяснить она. – Настолько замедленный, что чувствуешь, как разлетаешься на части. Так было и прежде, но все быстро заканчивалось. На сей раз... это тянулось бесконечно.

Я вспомнила собственные ощущения и внутренне содрогнулась, будто меня толкнули с обрыва. Побледневшая Бри сглотнула и продолжила:

– Я... мы... Ты не можешь толком говорить и едва чувствуешь, что кто-то рядом держит тебя за руку. Но Мэнди – да и Джем – чуть сильнее нас с Роджером. Я – мы – услышали, как Мэнди воскликнула: «Дедушка! Голубая пикси!» И вдруг все перенеслись... на одну страницу, если можно так выразиться.

Роджер улыбнулся:

– Мы все подумали о тебе и об этой сказке с изображением голубой пикси. А потом... очнулись на земле, почти разорванные на части, зато живые. В нужное время. Вчетвером.

Джейми издал тихий гортанный звук – настолько невнятный, что даже я не разобрала. Я отвела взгляд и увидела, что Джем не спит, а, замерев, лежит с открытыми глазами. Потом он медленно сел, наклонился вперед и упер локти в колени.

– Не переживай, дедушка, – сказал внук хриплым спросонья голосом. – Не плачь. Ты привел нас сюда в целости и сохранности.

Часть вторая
Нет закона к востоку от Пекоса

11

Молния

Роджер резко остановился на краю поляны, и Брианна едва не влетела в него со всего маху, в последний момент ухватившись за плечо.

– Да тут черт ногу сломит! – тихо выругалась она, глядя на преградившие путь завалы.

– Это еще мягко сказано.

Конечно, все в Ридже – от Джейми до пятилетнего Родни Бердсли – говорили ему, что хижина, ранее служившая церковью, школой и масонской ложей, сгорела от удара молнии. Это случилось год назад, когда Джейми и Клэр были в отъезде. Но одно дело – слышать, и совсем другое – увидеть

собственными глазами.

Обгоревший дверной проем держался на честном слове – шаткое черное предисловие к обугленной пустоте. Брианна глубоко вздохнула, переступила через порог и встала, озираясь по сторонам.

– Большую часть досок растащили на угли для копчения мяса или изготовления пороха. Интересно, как у них обстоят дела с добычей серы?

Роджер взглянул на жену, не вполне понимая, говорит ли она всерьез или пытается поддерживать непринужденную беседу, пока они не отойдут от шока при виде руин его первой церкви. Единственного места, где ему довелось по-настоящему служить священником, пусть и совсем недолго. Сердце сжало тисками, и горло тоже. Отбросив печальные мысли, он кашлянул.

– Собираешься изготавливать порох? Мало тебе было истории со спичками?

Бри явно не собиралась драматизировать.

– Ты прекрасно знаешь, что моей вины тут нет! И потом – я правда могла бы его изготовить. А селитру добыть из старых выгребных ям.

– Ну конечно, могла бы – если тебе так нравится раскапывать старые уборные. – Роджер невольно улыбнулся. – Главное – не взлететь на воздух в процессе. В твоих исследованиях ничего не говорится о том, как этого избежать?

– Нет, но я знаю, у кого спросить, – заявила она с доволь-

ным видом. – У Мэри Паттон.

Попытка его отвлечь сработала. Хотя на душе по-прежнему было скверно, ощущение удара под дых прошло.

– Мэри Паттон? Кто она такая? Чем занимается?

– Изготовлением пороха – не уверена, что у этого ремесла есть официальное название. Они с мужем держат пороховую мельницу на притоке реки Ватауга. Благодаря им приток и получил название Пороховой. Милях в сорока отсюда, – пояснила Бри и, присев на корточки, подобрала кусок древесного угля. – Хочу съездить туда верхом на следующей неделе. Тропа достаточно широкая – местами даже похожа на дорогу.

– Зачем? – насторожился Роджер. – Что ты собираешься делать с этим углем?

– Рисовать. – Она засунула трофей в сумку. – Что до Мэри Паттон... скоро нам понадобится порох. Ты ведь и сам понимаешь.

Вот *теперь* она говорила серьезно.

– Много пороха... – кивнул он задумчиво. – И не только для охоты.

Роджер не представлял, сколько пороха имеется у них в хозяйстве; стрелок из него был никудышный – ему даже охотиться не доверяли.

– Вот именно. – Она повернула голову и нервно сглотнула. – Я тут почитала папину книгу – «Душа мятежника».

– О господи... – Отступившая было тревога нахлынула с

новой силой. – И что?

– Ты когда-нибудь слышал о британском солдате по имени Патрик Фергюсон?

– Нет. А должен?

– Возможно. Он изобрел казнозарядный мушкет. Совсем скоро впервые опробует его в бою, устроив здесь заварушку. – Брианна обвела рукой окрестности. – А закончится все только в следующем году в местечке под названием Кингс-Маунтин.

Роджер старательно порылся в памяти, но не обнаружил там ничего подобного.

– Где это?

– В будущем – на границе Северной и Южной Каролины. Сейчас – примерно в сотне миль отсюда... – Она огляделась, щурясь от солнца, а затем ткнула черным от угля пальцем в направлении молодой дубовой рощицы. – В той стороне.

– Знаешь поговорку: «Для американца сто лет – долгий срок, а для англичанина сто миль – долгий путь»? Конечно, не все обитатели Риджа – англичане, однако и настоящими американцами их пока тоже не назовешь. Другими словами, это *очень* далеко. Неужто нам придется тащиться в Кингс-Маунтин?

К его облегчению, Бри покачала головой.

– Нет. Я лишь хочу сказать, что Патрик Фергюсон вступит в сражение *здесь*. В буквальном смысле... То есть именно в нашей глуши.

Она вытащила из кармана чумазый платок и принялась рассеянно вытирать испачканные углем пальцы. Затем тихо добавила:

– Фергюсон соберет ополченцев из числа лоялистов. Нших соседей. Мы не сможем остаться в стороне. Даже здесь.

Роджер это предвидел. Они оба предвидели. И взвесили все «за» и «против», прежде чем отправиться к ее родителям. В убежище... Однако, каким бы надежным оно ни казалось, от войны не спрячешься.

– Знаю. – Он обнял жену за талию.

Какое-то время они молча слушали звуки леса. Два меднокрылых пересмешника яростно спорили о чем-то в ветвях деревьев, надрывая маленькие легкие. Небольшая поляна казалась островком спокойствия, несмотря на обугленные руины. Проросшие сквозь пепел зеленые побеги и маленькие кустики яркими пятнами выделялись на черной поверхности. Если лесу не мешать, он терпеливо залечит собственные раны, отвоюет территорию и будет расти дальше, словно ничего не произошло. Словно маленькой церквушки здесь и вовсе никогда не было.

– Помнишь свою первую проповедь? – тихо спросила Брианна, глядя перед собой.

– Конечно, – ответил он с легкой улыбкой. – Один из парней выпустил в церкви змею, но Джейми успел поймать ее, пока не начался переполох. Пожалуй, это лучшее, что он для меня когда-либо делал.

– Ну и *лицо* у него было! – рассмеялась Брианна. – Бедный па до смерти боится змей.

– Неудивительно, – сказал Роджер, пожав плечами. – Одна из них чуть его не прикончила.

Он внутренне содрогнулся, вспомнив о бесконечной ночи в темном лесу: посчитав, что пришел его смертный час, Джейми начал давать зятю советы по управлению Риджем.

– Отцу не привыкать, – невесело усмехнулась Бри. – Когда-нибудь... – Ее голос дрогнул.

Он ласково приобнял жену за плечи.

– Когда-нибудь мы все предстанем перед Всевышним, *mo ghràidh*. Иначе священники стали бы не нужны. Что до твоего отца... пока твоя мама рядом, с ним ничего не случится.

Его слова немного успокоили Брианну.

– Мне кажется, оба моих родителя обладают талантом дарить ощущение безопасности. Если мы вместе – значит, все будет хорошо. Ты тоже чувствуешь себя в большей безопасности рядом с ними. Как и я. Надеюсь, наши дети будут испытывать нечто похожее по отношению к нам.

– Еще бы. Главные социальные службы Фрэзер-Риджа, – иронично добавил Роджер. – Мама – скорая помощь, отец – полиция.

Рассмеявшись, Брианна повернулась к мужу и с улыбкой обняла.

– Ну а ты – церковь. Я так тобой горжусь.

А после еще раз глянула на пепелище и махнула рукой в

сторону призрачной двери:

– Если мама и па решились заново отстроить дом, то и мы сможем. Думаешь, лучше восстановить сгоревшую хижину или выбрать новое место? Люди суеверны. Не так часто молния попадает в церковь. Не посчитают ли они это дурным знаком?

Роджер пожал плечами.

– Зато второй раз молния сюда точно не ударит! Более безопасного места не найти. Ну что, пойдем? Лиззи со своим *ménage*⁴⁷ уже заждалась.

– Ты хотел сказать «зверинцем»? – проворчала Бри, подхватывая полы юбки, чтобы удобнее было взбираться на гору к хижине Бердсли. – Лиззи, Джо, Кеззи... Сколько же у них сейчас детей? Мама говорила, но у меня вылетело из головы.

– У меня тоже, – признался Роджер. – Сосчитаем на месте.

Лишь когда они вошли в лесную чащу и оказались на тропинке, он решился задать вопрос. Преодолевая вместе с ним тяготы опасного путешествия, Бри старалась не загадывать наперед, сосредоточившись на единственной задаче: выжить. Однако теперь все зловключения позади, так что вряд ли она захочет довольствоваться стиркой белья и охотой на индюков.

– Ты уже решила, чем займешься? Раз уж мы здесь надолго.

Бри обернулась, и ее рыжие волосы вспыхнули огнем в

---

⁴⁷ Зд.: Семейство (фр.).

лучах солнца.

– Я?.. Подумываю стать оружейником. – Она улыбалась, но глаза оставались серьезными. – Риджу это точно пригодится.

12

Былые товарищи

*Плантация «Гора Джосайи»,
королевская колония Вирджиния*

Уильям почувствовал запах дыма. Это не был запах очага или лесного костра; лишь принесенный порывом ветра шлейф пепла с нотками древесного угля, жира – и рыбы. Он доносился не со стороны разрушенного дома: дымоход обвалился, утянув за собой часть крыши; по обломкам камней и черепицы плелись красноватые побеги девичьего винограда.

Сквозь вспученные доски маленькой веранды пробивались ростки тополей: лес постепенно отвоевывал свои владения. Но лес не умел коптить пищу. Значит, там кто-то был.

Спешившись, Уилли привязал Барта к молодому деревцу, зарядил пистолет и направился к дому. Возможно, индейцы решили подкоптить добытую на охоте дичь, прежде чем вернуться к себе в деревню. Он ничего не имел против охотников, но если это сквоттеры, положившие глаз на пустое жилище, – им несдобровать. Здесь его территория.

К счастью, это были индейцы – по крайней мере, один из них. Полуобнаженный мужчина сидел на корточках в тени огромного бука, наблюдая за тлеющим в небольшой ямке костром, накрытым влажной мешковиной; до Уильяма доносился густой аромат свежего мяса, смешанный с запахом ореховых поленьев и крови, а также резкая вонь вялящейся рыбы. У огня стояли небольшие козлы с перекалиной, на которой висели тушки разрезанной надвое форели. В животе заурчало.

Индеец – с виду молодой, однако крупный и мускулистый – сидел спиной к Уильяму и ловко потрошил кабанчика, лежащего на пустом холщовом мешке рядом с костром.

– Эй! – громко окликнул Уильям.

Мужчина обернулся, моргая и отмахиваясь от едкого дыма. Затем медленно поднялся, не выпуская из рук ножа; в его позе не было ничего угрожающего – Уильям вел себя вполне дружелюбно. К тому же индеец оказался вовсе не незнакомым. Как только он вышел из тени дерева и солнце осветило его волосы, Уильям вздрогнул от изумления, увидев знакомые черты.

Очевидно, молодой человек тоже его узнал.

– Лейтенант? – недоверчиво сказал он. Затем быстро оглядел гостя с головы до ног, отметив отсутствие военной формы, и остановил взгляд больших карих глаз на лице. – Лейтенант... Лорд Элсмир?

– Был им когда-то. А вы – мистер Синнамон?

Произнося это имя, Уильям не сдержал улыбки. Волосы молодого индейца были не длиннее дюйма, однако их красновато-коричневый оттенок и буйная курчавость сразу привлекали взгляд. Такое не спрячешь – разве что если подстричься налысо. Благодаря приметной шевелюре выросший во французской миссии сирота и получил свое имя⁴⁸.

– Джон Синнамон, сэр. Ваш покорный слуга... сэр.

Бывший лазутчик подобающим образом согнулся в поклоне, хотя «сэр» прозвучало с оттенком сомнения.

– Уильям Рэнсом. К вашим услугам, сэр. – Уильям улыбнулся и протянул руку.

За последние несколько лет Джон Синнамон заметно возмужал и обзавелся крепким рукопожатием. Теперь он был на пару дюймов ниже и шире Уильяма.

– Простите мое любопытство, мистер Синнамон, – но как, черт возьми, вас сюда занесло? – спросил Уилли, отпуская руку парня.

Они познакомились три года назад в Квебеке; тогда молодой лейтенант провел в компании индейца-полукровки

---

⁴⁸ Cinnamon (англ.) – корица.

(примерно одного с ним возраста) большую часть долгой холодной зимы – охотясь и ставя ловушки на зверя.

У него вдруг мелькнула абсурдная мысль, что Синнамона отправили на его поиски. Конечно, это полная ерунда: Уильям ни разу не упоминал «Гору Джосайи». А даже если упоминал бы – откуда индейцу было знать, что он появится именно здесь? В последний раз Уильям посещал плантацию лет в шестнадцать.

– Сюда? – К его удивлению, широкие скулы Синнамона залились краской. – Я... кхм... В общем, я направляюсь на юг. – Лицо парня стало пунцовым.

Уильям вскинул бровь. Вирджиния в самом деле находится к югу от Квебека – однако это далеко не самая южная часть Америки. К тому же «Гора Джосайи» расположена в стороне от дорог. Ему пришлось сплавляться с конем на барже до Оврагов, где горные обвалы неожиданно преграждают путь бурлящей от водопадов Джеймс-ривер. Дальше можно проехать только верхом. По дороге он встретил лишь трех человек – да и те направлялись в противоположную сторону.

Тут широкие плечи Синнамона расслабились и выражение беспокойства на лице сменилось облегчением.

– Вообще-то я приехал повидать друга, – сказал он, кивнув на дом.

Уильям резко обернулся и увидел другого индейца, который пробирался сквозь колючий малинник, заполонивший бывшую лужайку для крокета.

– Маноке! – окликнул Уильям. Затем крикнул громче: – Маноке!

Тот поднял голову. Лицо пожилого индейца осветилось радостью, и Уильям вдруг ощутил прилив безмятежного счастья, чистого, словно весенний дождик.

Индеец остался таким же ловким и поджарым – лишь морщин на лице прибавилось. Обнимая его, Уильям почувствовал исходящий от знакомых волос запах костра; сами волосы – по-прежнему густые и жесткие – тронула седина, и теперь в них появились дымчатые пряди. Маноке, который был на полголовы ниже, крепко прижался щекой к его плечу.

– Ты что-то сказал? – переспросил Уильям, разжимая объятия.

– Я сказал: «Господи, как же ты вырос, мой мальчик», – повторил Маноке, сияя улыбкой. – Есть будешь?

* * *

Маноке был старым другом отца. Он приходил и уходил, когда вздумается, обычно без предупреждения, хотя на «Гору Джосайи» навещался чаще всего. Не являясь ни слугой, ни наемным работником, старый индеец во время своих визитов занимался готовкой, мыл посуду, а также разводил кур (из небольшой рощицы у развалин дома по-прежнему доносилось их квохтанье и возня) и помогал разделывать дичь.

– Борова подстрелил? – спросил Уильям у Синнамона,

кивнув на прикрытый костер. Задав корм Барту, он присоединился к индейцам, собиравшимся поужинать на полуразрушенной веранде. Все трое наслаждались теплым вечером и стерегли рыбу, чтобы ее не утащили еноты, лисы или другие оголодавшие хищники.

– *Oui*⁴⁹. Там, – Синнамон махнул в направлении севера. – В двух часах отсюда. Хотя кабанов в лесу немного. Видел всего парочку.

– У тебя и лошадь есть? – спросил Уильям.

Боров весил не более шестидесяти фунтов, но нести такую тушу два часа, к тому же не зная дороги, мало кому под силу – а если верить Синнамону, он никогда прежде не бывал на «Горе Джосайи».

Парень кивнул с набитым ртом и дернул подбородком в сторону навесов и покосившегося табачного сарая. Интересно, давно ли Маноке обитает в этих краях? Плантация выглядела совершенно заброшенной, будто здесь годами никто не появлялся – только как тогда объяснить наличие цыплят?

Звуки птичьей возни и кудахтанья отчетливо вызвали в памяти образ Рэйчел Хантер, и в ту же секунду он будто вновь ощутил запах дождя, промокших куриц... и промокшей девушки.

«...мой брат прозвал ее Великой Вавилонской блудницей. Все курицы отличаются скудоумием, но эта еще и на редкость порочна.

---

⁴⁹ Да (*фр.*).

– “Порочна”? – Его позабавил такой эпитет в отношении птицы.

– Эта дурында взлетела на сосну и сидит там – в двадцати футах от земли! – невзирая на ливень. Извращенка!

Она достала льняное полотенце и начала промокать волосы.

Неожиданно звук дождя изменился: по ставням замолотил град, словно на них обрушились мелкие камни.

– Хм... – Рэйчел мрачно глянула в окно. – Наверняка ее собьет градом, она свалится замертво и попадет в зубы первой попавшейся лисе. И поделом! – Она снова принялась сушить волосы. – Мне ее ничуть не жаль. Глаза б мои не видели этих глупых куриц».

Он так явственно помнил запах мокрых волос девушки. Темные пряди струились по спине, прилипая к поношенной ночной сорочке: местами сквозь тонкую ткань просвечивала нежная бледная кожа.

– Что?.. Прости, ты что-то сказал?

Должно быть, Маноке задал какой-то вопрос; запах дождя сменился запахом дыма, жареной кукурузы и рыбы.

Удивленно покосившись на Уильяма, Маноке любезно повторил:

– Ты надолго? Если останешься, может, починишь дымоход?

Уильям глянул через плечо; увитые виноградом развалины едва виднелись из-за края веранды.

– Не знаю, – пожал он плечами.

Манокке кивнул и продолжил о чем-то беседовать с Син-намоном на французском. Уильям не стал вслушиваться – на него вдруг накатила страшная усталость, проникающая до мозга костей.

Останется ли он? Разве что позже, когда осуществит задуманное. И найдет либо самого кузена Бенджамина, либо неопровержимые доказательства его смерти. А потом, наверное, вернется. Уильям и сам не до конца понимал, зачем приехал; однако это было единственное место, где он мог спокойно поразмыслить и где не требуется никому ничего объяснять. Плантация досталась ему в наследство от приемной матери – хотя для него она всегда была «матушкой Изобель». Интересно, довелось ли ей побывать здесь хотя бы раз?

В Вирджинии Уильям повстречал еще нескольких ополченцев, которые находились в лагере Мидлбрук, когда Бена держали там в плену. Большинство из них никогда не слышали о капитане Бенджамине Грее, а те немногие, кто слышал, не сомневались в его гибели.

Только Бен не был мертв. Уильям упрямо продолжал в это верить. Но если он и умер, то явно не от оспы или болотной лихорадки, как утверждали американцы.

Уильям собирался выяснить, что случилось с кузеном. А затем... затем можно будет подумать и о других вещах. Только бы привести мысли в порядок. Разобраться во всем и ре-

шить, что делать. Однако прежде всего – Бен. Лишь потом придется взять себя в руки и начать действовать. Чтобы все исправить.

– Если бы, – горько усмехнулся он про себя. – Вот только нет у меня ключей ада и смерти...⁵⁰

Ничего уже исправить нельзя.

Рэйчел теперь замужем за чертовым Йеном Мюрреем – наполовину горцем, наполовину могавком, который вдобавок приходится Уильяму кузенком. Насмешка судьбы! Ничего не поделаешь.

Джейн... Он поспешил отогнать последнее воспоминание о девушке. С этим тоже ничего не поделать – как и стереть из памяти. Джейн навеки засела в сердце болезненной занозой.

А также нельзя исправить мучительную правду о настоящем отце. Встретившись лицом к лицу с Джейми Фрэзером и проведя с ним адскую ночь в призрачной надежде спасти Джейн, Уильям был вынужден признать очевидное. Он появился на свет от якобитского предателя, шотландского преступника... чертова, мать его, конюха. Но... *Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь*, сказал ему горец.

Фрэзер действительно помог! Сразу и без вопросов. Не только ради Джейн, еще и ради ее сестренки Фрэнсис.

Когда они похоронили Джейн, Уильям не мог говорить от душивших слез. Горестные воспоминания сдавили грудь, и он еще ниже опустил голову к недоеденному куску рыбы.

---

⁵⁰ Откровение Иоанна 1:18 (Библия).

Он просто передал Фрэнсис в руки Фрэзеру и ушел. И только сейчас вдруг задумался, почему поступил именно так. Ведь лорд Джон тоже присутствовал на печальной, скромной церемонии погребения. Уильям мог смело доверить Фанни собственному отцу. Только не сделал этого. Даже в голову не пришло.

Нет. Я ни о чем не жалею, эхом звучало в памяти. На мгновение он словно вновь ощутил прикосновение большой теплой ладони к своей щеке. Неожиданно кость от рыбы встала поперек горла, и Уильям закашлялся.

Манокe взглянул на него, но Уилли помахал рукой, и индеец вернулся к оживленной беседе с Джоном Синнамоном на одном из алгонквинских наречий.

Кашляя, Уильям встал и направился к колодцу за домом. Вода была холодной и приятной на вкус. Кое-как вытащив кость, Уилли напился и смочил голову. Смывая с лица грязь, он вдруг ощутил странное чувство покоя. Не умиротворение и даже не покорность судьбе, а лишь осознание, что если не получится все уладить – оно и к лучшему. Ему исполнился двадцать один год, он уже совершеннолетний, однако владениями Элсмиров по-прежнему управляют юристы и поверенные; ответственность за фермерские угодья и арендаторов все еще лежит на чужих плечах. Он сможет принять дела и вступить в права наследования, только когда вернется в Англию. Если вернется. Иначе... иначе что?

Наступили глубокие сумерки – его любимое время дня в

этих краях. Как только начало темнеть, лес затих и в воздухе повеяло долгожданной прохладой; легкий ветерок бестелесным духом проносился по шелестящим кронам и охлаждал разгоряченную кожу.

Вытерев ладонью мокрое лицо, Уильям подумал, что *мог бы* остаться. Ненадолго. Чтобы ни о чем не думать. Ни с кем не сражаться. Просто замереть на время. Глядишь, и проблемы начнут решаться сами собой.

Юный лорд Элсмир неторопливо вернулся на веранду. Маноке и Синнамон уставились на него с одинаковым загадочным выражением на лицах.

– Что-то не так? – Он обеспокоенно провел рукой по шевелюре. – У меня репей в волосах?

– Да, – ответил Маноке. – Но это неважно. А вот наш друг хочет тебе кое-что сказать.

Уильям удивленно глянул на Синнамона. Даже в наступившей темноте было заметно, что парень покраснел; опущенные плечи выдавали крайнюю степень смущения.

– Не робей, – Маноке мягко ткнул его локтем. – Рано или поздно тебе придется ему рассказать. Сейчас самое время.

– Рассказать о чем? – Уильям присел на корточки, оказавшись на одном уровне с Синнамонам, и заглянул ему в глаза. Губы индейца были плотно сжаты, однако он не стал отводить взгляд.

– О том, что ты спрашивал, – выпалил он наконец. – Раньше. Почему я оказался здесь... В общем, я пришел, потому

что... не знал, откуда еще начать поиски.

– Поиски чего? – ошарашенно спросил Уильям.

– Лорда Джона Грея, – ответил Синнамон, нервно сглотив. – Моего отца.

* * *

Манокке редко охотился, зато был превосходным рыбаком; он научил Уильяма ставить садки, забрасывать удочку и даже ловить сомов, смело засовывая руки в углубления в илистом дне реки и выдергивая оттуда рыбину, как только та вцепится в ладонь.

И теперь Уильям вдруг ощутил нечто подобное: мурашки по спине, холодные потоки воды над головой, дрожь в пальцах при мысли о внезапно впившихся в руку невидимых чешуекрылах.

– Твоего отца? – медленно произнес он.

– Да. – Джон Синнамон понурился, вперив взгляд в недоодевшую кукурузную оладью.

Уильям посмотрел на Манокке, чувствуя себя так, будто кто-то со всего маху ударил его по лицу фаршированным угрем. Пожилой индеец торжественно кивнул с сияющим лицом.

– Что ж, поздравляю! – вежливо пробормотал Уильям, хотя внутри у него все сжалось.

На несколько минут после объявления сногшибательной

новости воцарилась тишина. Синнамон выглядел не менее ошарашенным.

– Лорд Джон... хороший человек, – добавил Уилли, не зная, что еще сказать.

Кивнув, Синнамон буркнул что-то невнятное, торопливо потянулся за небольшой жареной форелью и от волнения сунул ее в рот целиком. Затем принялся молча жевать, периодически подкашливая.

Сохраняя привычную невозмутимость, Маноке спокойно доедал рыбу и кукурузные оладьи и совершенно не обращал внимания на ошарашенных парней.

Смотреть на Синнамона было невыносимо, однако Уильям, словно заколдованный, продолжал украдкой на него поглядывать.

Черты лица выдавали в юноше полукровку, хотя он был довольно красив. Такие волосы можно получить только от родителя-европейца. Однако эти плотные буйные кудри не имели ничего общего с густой светлой гривой лорда Джона.

Вдруг Синнамон вскочил на ноги и сошел с покрытой трещинами веранды, где они ужинали в сгущавшихся сумерках.

– Куда ты собрался, *mon ami*?⁵¹ – удивился Маноке.

– Послежу за костром. – Синнамон кивнул в сторону дымящейся ямы под большим дубом. Лежащий сверху холщовый мешок совсем высох и начал обугливаться и чадить; через секунду Уильям тоже уловил запах гари.

---

⁵¹ Мой друг (*фр.*).

Мать Синнамона была наполовину француженкой. Он рассказывал об этом Уильяму во время зимней охоты в Квебеке. Интересно, часто ли у французов встречается курчавость?

Под деревом стояло ведро и большой глиняный кувшин – серый, с выщербленными краями и двумя нанесенными белой краской полосками. Лорд Джон купил его у речного торговца, когда они впервые приехали на «Гору Джосайи». Синнамон налил в ладонь воды и смочил мешок – дым тут же сменился мягким паром. Лишь по периметру натянутого на колышки холста просачивались дымящиеся струйки.

Присев на корточки, индеец сунул несколько небольших охапок хвороста в огонь, над которым сушилась рыба. Затем встал и оглянулся на веранду. В полумраке его лицо казалось почти бледным. Уильям опустил взгляд, кроша в пальцах кусочек оладьи, и почувствовал, что краснеет – будто его застали врасплох за чем-то предосудительным.

А вот глаза... возможно, формой они действительно напоминали папины. Он резко оборвал себя, не в силах даже мысленно произносить слово «папа» в одном контексте... с этим...

Стоило ему подумать о Синнамоне, он каждый раз словно ощущал удар под дых. *Сын*. Сын лорда Джона. Черт возьми, такое не могло случиться! Однако случилось.

Манокэ никогда не лгал. И никому не позволял обвести себя вокруг пальца. Тем более ни за что не причинил бы вре-

да лорду Джону; Уильям в этом не сомневался. Если Маноке посчитал историю Синнамона правдивой – так оно и было. Вот только здесь точно какая-то ошибка.

* * *

Из-за Маноке – хотя Уильям был рад его присутствию – от романтической идеи одинокого блуждания по плантации наедине с собственными мыслями пришлось отказаться. Ну а Джон Синнамон своим откровением и вовсе поставил крест на возможности обрести здесь душевный покой. Куда бы он ни пошел, ему не скрыться от реальности в лице огромного мускулистого индейца. И от неотвязной мысли: *Вот настоящий сын папы. А не я.*

Отсутствие кровной связи никогда не волновало ни Джона Грея, ни самого Уильяма. До сей поры.

Тем не менее даже если лорд Джон однажды вступил в связь с индейской женщиной – или, не приведи Господь, завел в Квебеке индейскую любовницу, – это его личное дело. Синнамон говорил, что его мать умерла, когда он был еще младенцем; лорд Джон посчитал бы делом чести взять на себя заботу о мальчике.

Какотреагирует папа, увидев... плод своих греховных походов?

Нет, это уже слишком. Уильям встал и отошел прочь.

Сначала он хотел лишь справить нужду и немного побыть

в одиночестве, чтобы привести мысли в порядок. Но те никак не хотели упорядочиваться, и Уилли продолжал шагать дальше, невзирая на приближение ночи.

Ему было плевать, куда идти. Повернувшись спиной к ко- стру, он направился к полям за домом. В прежние времена на «Горе Джосайи» выращивали табак, засеяв им несколько акров земли.

К его удивлению, поля отнюдь не выглядели заброшенными. До сбора урожая было еще далеко, однако в воздухе уже стоял густой аромат свежих табачных листьев. Запах действовал успокаивающе, и Уильям медленно побрел по полю к чернеющему вдалеке силуэту сушильного амбара. Интересно, используется ли он сейчас?

Амбар использовался. Собственно говоря, это был не совсем амбар – скорее огромный сарай. В дальнем углу, на большом, хорошо проветриваемом пространстве развешивали побеги табака, чтобы оборвать с них листья. Сейчас через широкие промежутки в досках виднелись лишь несколько подвешенных к стропилам пучков, едва различимых в тусклом свете звезд. На краю полки лежала стопка сухих листочков: встревоженные его приходом, они шевельнулись и зашуршали, словно приветствуя гостя. Это показалось ему забавным, и он почтительно кивнул в темноту помещения.

Уилли наткнулся на что-то, и оно с гулким стуком отскочило в сторону. Пустая бочка! Продолжая двигаться на ощупь, он насчитал еще несколько, ожидающих своего часа.

Большинство были старыми, парочка – новехонькими; они пахли свежей древесиной, добавляя дополнительный оттенок к запахам сарая.

Плантацию явно возделывали – причем не Маноке. Индеец любил иногда выкурить трубку-другую, но Уильям ни разу не видел, чтобы он принимал участие в выращивании табака или сборе урожая. От него даже не пахло! Хотя стоит лишь притронуться к зеленым табачным листьям, как руки покрываются черной липкой смолой, а от поля с созревшими растениями исходит такая вонь, что даже у взрослых мужчин начинает кружиться голова.

Когда он жил здесь с лордом Джоном – сердце снова резануло острой болью, однако Уильям старался ее не замечать, – отец нанимал работников на большой соседней плантации под названием «Куропатка», располагавшейся выше по реке. Им ничего не стоило взять на себя скромные посадки «Горы Джосайи» вдобавок к огромному урожаю «Куропатки». Возможно, прежние договоренности еще в силе?

От мысли, что плантация до сих пор работает, пусть и не в полную силу, на душе потеплело; увидев полуразрушенный дом, он решил было, что это место совсем заброшено.

Подумав о доме, он обернулся. Огонек костра отражался в пустых окнах: казалось, там кто-то живет. Уильям вздохнул и медленно побрел назад.

Ему стоило невероятных усилий избегать мыслей о своем происхождении, титуле, обязанностях, о сомнительных жиз-

ненных перспективах, а теперь еще и о чертовом сыне чертова лорда, мать его, Джона. Правда, усилия эти не прошли даром, и хотя душевный покой он так и не обрел, зато сумел сосредоточиться на другой проблеме: поисках Бена.

Кто-то положил незнакомца с отрезанными ушами в могилу, помеченную именем Бенджамин Грей. Кто бы это ни был, он почти наверняка знал, что случилось с кузеном. Уильям опросил уже двадцать три ополченца, которые находились с Вашингтоном в горах Уочунг во время предполагаемой гибели Бена. Четверо из них действительно слышали о нем и считали умершим. Однако никто не видел ни тела, ни могилы, – и Уильям мог поклясться, что его собеседники не лгали.

Но... Дяде Хэлу вручили письмо с известием о смерти сына, доставленное адъютантом генерала Клинтона. Тот, в свою очередь, получил его от какого-то американского офицера. Кто же был отправителем?

«Какого дьявола ты не попросил дядю показать бумагу?» – с досадой пробормотал Уильям. *Потому что думал только о себе и своей уязвленной гордости.*

Хотя было бы логично начать именно с письма. Посмотреть на имя в подписи, а затем... найти американского офицера, если тот не успел схлопотать пулю, попасть в плен или умереть от сифилиса.

Что еще было бы логично? Дядя Хэл наверняка сохранил послание – а поскольку у него (как и у папы) имелись связи

в военных кругах, он мог бы навести справки о местонахождении конкретного офицера американской армии.

А значит, надо ехать в Саванну и надеяться, что город по-прежнему под контролем британских войск. И что отец с дядей Хэлом по-прежнему в них числятся.

* * *

Когда он вернулся, Манокэ и Синнамон курили на веранде. Табачный дым смешивался с поднимающимся от земли туманом – сладковатым, прохладным паром, напоенным ароматами трав.

Очевидно, они многое успели обсудить в его отсутствие; как только Уильям сел, Манокэ вынул трубку изо рта.

– Знаешь, где он сейчас? – без обиняков спросил индеец. – Наш англичанин?

Поистине наш, – подумал Уильям, взглянув на Синнамона. Парень опустил голову, набивая трубку, но его широкие плечи заметно напряглись в ожидании ответа.

– Нет, – сказал Уильям, однако тут же посчитал своим долгом прибавить: – В последний раз я его видел в Саванне, где был расквартирован полк. Это в Джорджии.

Манокэ кивнул; судя по выражению лица, он понятия не имел, что такое Джорджия и где она находится. По-видимому, судьба еще не забрасывала его так глубоко на юг.

– Далеко отсюда? – небрежно спросил Синнамон.

– Миль четьреста, – предположил Уильям.

У него ушло почти два месяца, чтобы добраться до Вирджинии. Правда, он особо не спешил; и хотя то и дело навел справки о Бене, на самом деле лишь безотчетно стремился попасть в единственное место, где был счастлив и где чувствовал себя как дома после того, как покинул Хелуотер – родовое гнездо в Озерном крае Англии.

Он мог бы промолчать: тогда Синнамон наверняка отправился бы в Джорджию, оставив его наслаждаться одиночеством и покоем. Уильям вытер лицо рукавом; вся одежда насквозь пропиталась запахами копченого мяса, рыбы и табака – «Гора Джосайи» будет еще долго сопровождать его в пути.

Он мог бы передать с Синнамоном письмо дяде Хэлу, чтобы попросить навести справки об американском офицере, приславшем извещение о смерти Бена. А потом наконец заняться тем, ради чего сюда приехал: сидеть и думать.

И позволить этому типу свалиться напе как снег на голову? В глубине души Уильям понимал, что за желанием не допустить подобного развития событий скрывается банальное любопытство... и ревность. Забота о чувствах отца или Синнамона тут ни при чем. Но если уж лорду Джону предстоит знакомство с новообретенным взрослым сыном, то он, Уильям, хочет при этом присутствовать.

– Правда, армия часто перемещается с места на место, – сказал он наконец. Маноке улыбнулся.

Синнамон что-то пробормотал и понимающе кивнул, не

поднимая глаз от вышитого бисером кисета с табаком, который лежал у него на коленях.

– Хочешь, я поеду с тобой и помогу найти лорда Джона? – Голос Уильяма прозвучал чуть громче, чем следовало.

Молодой индеец поднял на него удивленный взгляд.

– Да, – тихо ответил он. Затем вновь понурил голову и еле слышно пролепетал: – Спасибо.

Ну и черт с ним, – решил Уильям, принимая из рук Манок трубку. – Подумаю в дороге.

**«Что плохо для улья,
плохо и для пчелы»
(Марк Аврелий)**

Фрэзер-Ридж, Северная Каролина

На первом этаже наконец появились наружные стены, однако роль внутренних пока исполняли бревенчатые подпорки, что придавало помещению милую простоту. Мы с удовольствием осматривали «скелет» будущего жилища.

У моего врачебного кабинета не хватало двери и ставен в двух больших окнах – зато там уже были стены (хотя и без штукатурки); длинный аптекарский стол с полками для

лекарств и инструментов; высокий стол-кушетка из гладкой сосны (я сама ошкурила широкую поверхность самым тщательным образом, чтобы будущие пациенты не занозили себе задницы) для осмотра больных и проведения хирургических манипуляций, а также табурет для меня.

Джейми с Роджером начали возводить потолок, однако сейчас над головой были только балки, обтянутые кусками выцветшей, закопченной парусины коричневого и серого цветов (вырезанными из ветхих армейских палаток, которые мы нашли на складе в Кросс-Крике); по крайней мере, они защищали от непогоды.

Джейми обещал закончить второй этаж (и потолок хирургической) за неделю. Ну а пока я держала наготове большой таз, старый ночной горшок из помятой жести и давно не используемую жаровню – на случай протечек. Накануне шел дождь, поэтому я внимательно оглядела парусиновый «потолок» (не провисает ли тот местами от скопившейся воды?), прежде чем вынуть из вощенной сумки журнал для записи пациентов.

– Сто... *что* это? – спросила Фанни, увидев журнал.

Я поручила ей очистить целую корзину луковиц от шелухи, которая пойдет на изготовление желтой краски. Девочка вытянула шею, разглядывая незнакомый предмет, но не решаясь до него дотронуться пропахшими луком пальцами.

– Журнал для записи пациентов, – пояснила я, ощущая его приятную увесистость. – Я вношу туда имена людей, при-

ходящих на прием, и описываю симптомы заболевания. А затем помечаю, какое лечение назначала и помогло ли оно.

Ее глаза светились уважением – и интересом.

– Пациенты всегда выздоравливают?

– Нет. Боюсь, не всегда. Но в большинстве случаев. Я доктор, а не эскалатор!⁵² – процитировала я шутку из «Стартрека», позабыв, что говорю не с Брианной.

Фанни кивнула с серьезным видом, совершенно проигнорировав непонятное слово.

Я посчитала нужным объяснить:

– Кхм... Так говорил один мой друг – он тоже доктор – по фамилии Маккой. Смысл в том, что всякое мастерство имеет свои пределы, поэтому стоит заниматься лишь тем, в чем ты по-настоящему силен.

Девочка снова кивнула, не сводя глаз с журнала.

– Нельзя ли мне... почитать его? – робко спросила она. И тут же торопливо добавила: – Всего пару страничек!

Мгновение поколебавшись, я положила журнал на стол, открыла его и перелистала до страницы с пометкой о назначении Лиззи Уэмисс мази из ягод остролиста для лечения малярии – у меня тогда закончилась хинная кора. Фанни слышала, как я рассказывала об этом Джейми, – к тому же все в Ридже знали о периодически возникающих у Лиззи

---

⁵² Культовая фраза доктора Леонарда Маккоя из сериала «Звездный путь» (англ. «Star Trek»). Он произносил ее, заменяя последнее слово, всякий раз, когда ему давали немедицинское задание.

ся, и насекомые оказались в опасной близости от моего лица.

– Принес вам пчел, миссис! – проревел он, перекрывая звенящий гул своих «пассажиров».

– Вижу! – крикнула я в ответ. – Спасибо!

Жужжащие полосатые тельца хаотично ползали по его изношенной куртке из грубой ткани, образуя коричневатый ковер. Частишки желтой пыльцы застряли в бороде, которая стала более длинной, седой и всклокоченной, чем двенадцать лет назад – во время нашей первой встречи в Уилмингтоне.

На шум из кухни вышли Бри и Рэйчел с Огги на руках. Они замороженно уставились на гостя.

– Моя дочь! – прокричала я, поднявшись на носочки в попытке дотянуться до его уха. Ростом Майерс был более шести с половиной футов; даже Брианна казалась рядом с ним невысокой. – И Рэйчел Мюррей – жена Йена-младшего!

– Женщина молодого Йена? – Приятная, хотя и наполовину беззубая улыбка Майерса стала еще шире. – И его малыш, судя по всему? Рад знакомству, мэм, очень рад!

Он протянул длинную руку – Рэйчел побледнела при виде пчелиной тучи, нервно сглотнула и чуть придвинулась, чтобы дотянуться до его ладони, держа Огги как можно дальше. Я поспешила забрать ребенка, и девушка вздохнула с облегчением.

Как и я. От этого жужжания вся кожа покрылась мурашками: уж больно оно напоминало гудение, исходящее от ка-

менных глыб Крейг-на-Дуна.

– Приятно познакомиться, Друг Майерс, – громко сказала она. – Йен очень тепло о тебе отзывался!

– Спасибо на добром слове, миссис. – Он ласково сжал ее пальцы и повернулся к Бри, которая уже протягивала руку, опасливо поглядывая на пчел.

– Рада встрече, мистер Майерс!

– Лучше без церемоний, мэм. Просто Джон Куинси.

– Хорошо, Джон Куинси. Я – Брианна Фрэзер Маккензи. – Улыбнувшись, она вежливо кивнула на живую куртку. – Может, нам стоит и пчел поприветствовать – проявить, так сказать, гостеприимство?

– Пиво у вас найдется?

Майерс опустил свою ношу пониже – оказалось, что это не корзина, а перевернутый улей, заляпанный и потертый. Внутри были заполненные медом соты. Как и следовало ожидать, по ним тоже ползали пчелы.

– Пиво?.. – Мы с Бри переглянулись. – Конечно! Несите их сюда, ближе к дому. Здесь им будет удобнее.

Я настороженно покосилась на жужжащий рой. Насекомые выглядели абсолютно не агрессивными; несколько пчелок опустились Бри на волосы и плечи. Дочка на мгновение замерла, но не стала их прогонять. Одна пчела лениво пролетела возле носика Огги; сведя глаза к переносице, он проследил за ней взглядом и попытался схватить – к счастью, в маленькой ладошке осталась лишь прядь моих волос.

Дети столпились на верхней тропинке, таращась на гостя; однако Джем и Мэнди спустились к нам. Мэнди крепко обхватила мать за ногу, но ее брат решился подойти ближе, очарованный невиданным зрелищем.

– Разве пчелы пьют пиво? – спросил он у их хозяина.

– Еще как пьют, сынок, еще как. – Майерс ласково улыбнулся ему с высоты своего роста. – Пчелы – самые умные насекомые на свете.

– Это правда, – подтвердила я, отцепляя от волос липкие пальчики Огги и с наслаждением вдыхая медовый аромат. – Джем, не знаешь, где дедушка? Сможешь его позвать?

* * *

В конце концов я нашла Джейми сама: он спускался между деревьями с четырьмя пойманными в силки кроликами.

– Как раз вовремя! – сказала я, приподнимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать мужа. От него пахло свежей дичью и влажной хвоей. – Будет чем накормить гостя за ужином. А поскольку это Джон Куинси...

Джейми просиял.

– Майерс? – Он вручил мне мешок с кроликами. – Ты не спросила, как там его яйца?

– Нет, он сам мне сказал: по-прежнему там, куда я их приладила. По его словам, отлично функционируют. Кстати, он принес нам пчелиный рой. И не только.

– Как он умудрился притащить пчел?

– Буквально на себе, – ответила я, пожав плечами.

– Надо же... А что он еще принес?

– Письма. Говорит, одно из них адресовано тебе.

Джейми не замедлил шаг, однако в его взгляде мелькнуло едва заметное колебание.

– От кого?

– Не успела спросить. Он как раз высвобождался из пчелиного плена, а Джем никак не мог тебя найти, вот я и отправилась на поиски.

Я чуть было не добавила «возможно, оно от лорда Джона», но вовремя прикусила язык. Конечно, они продолжали разговаривать (исключительно по необходимости), только старой дружбе между Джейми и лордом Греем пришел конец – как и многолетней переписке. И хотя я никогда бы не признала, что в этом есть моя вина, глупо было отрицать очевидное.

Чтобы Джейми не заметил моего смятения и не сделал неправильных выводов, я сосредоточила взгляд на тропинке. Однако и у меня неплохо получалось читать чужие мысли: готова поклясться, он сразу подумал о лорде Джоне, когда услышал про письмо.

– Саксоночка, пойду-ка я сперва ополоснусь в ручье, – сказал он, легонько коснувшись моей спины. – Нарвать тебе кресс-салата к ужину?

– Да, нарви, пожалуйста! – Я приподнялась на носочки и

поцеловала его.

Через мгновение показался дом; Брианна поднималась по склону от Хиггинсов, неся в руках несколько буханок хлеба, и я поспешила отмахнуться от мыслей о Джейми и Джоне Грее.

– Мам, давай я ими займусь. – Бри кивнула на кроликов. – Мистер Майерс говорит, что солнце уже садится и тебе надо непременно благословить пчел, пока они не заснули.

В прошлом я иногда держала пчел, но о подобных ритуалах слышала впервые.

– А он, случайно, не сказал, как именно их надо благословлять?

– Нет – по крайней мере, мне. – Она с веселой улыбкой забрала у меня заляпанный кровью мешок. – Хотя Джон Кунинси наверняка знает. Он ждет тебя в саду.

* * *

Сад, окруженный заостренными кольями для защиты от оленей, напоминал маленькую крепость. Ни один забор не может защитить от всего на свете, поэтому я всегда предусмотрительно озиралась по сторонам, открывая калитку. Как-то я застала здесь трех огромных енотов, которые предавались разврату среди поверженных ростков кукурузы; однажды поутру в сад пробрался гигантский орел – расправив крылья, он сидел на бочке с водой и принимал солнечные

ванны. Когда я открыла дверь, орел издал испуганный крик, не уступающий по громкости моему воплю, и в панике пронесся над головой, словно пушечное ядро. А в другой раз...

Я невольно содрогнулась при воспоминании о пчелиных ульях в моем старом саду, перевернутых сбежавшим убийцей; аромат меда, вытекающего из поломанных сот на смятую листву, смешивался с тяжелым, сладковатым запахом пролитой крови.

Однако сегодня единственным инородным телом внутри изгороди был Джон Куинси Майерс. Высоченный, в оборванной одежде, он смотрелся совершенно естественно среди побегов репы и выющейся фасоли с красными цветками – ни дать ни взять огородное пугало.

– Миссис Фрэзер! – поприветствовал он, улыбаясь во весь рот. – Пришли в положенное время, как заявлено в Священном Писании.

– Правда? – Я смутно припоминала, что в Библии говорилось о пчелах. Возможно, Джон Куинси позаимствовал идею с благословением из псалмов? – Э-э... Брианна сказала, мне нужно благословить пчел?

– Дочка у вас просто загляденье! – Майерс восхищенно покачал головой. – Мне пару раз доводилось встречать женщин такого роста, но ни одну из них не назовешь красавицей. Хотя они и были довольно миленькие. И как ее угораздило выйти за проповедника? Неужто святоша может сладить с такой красоткой? Я имею в виду телесные радости. Напри-

мер...

– Пчелы, – напомнила я, слегка повысив голос. – Что я должна им сказать?

– Ах да!

Он повернулся к западной стороне сада, где на шатком табурете, накрытом доской, стоял выдавший виды соломенный улей. Затем, к моему удивлению, вытащил из доверху набитой котомки четыре пустых белых миски из мягкого глазурованного фарфора – его еще называют «кремовым». Это сразу придало церемонии официальный вид.

– Для муравьев, – пояснил Джон Куинси, вручая мне миски. – Многие народы умеют обращаться с пчелами. Чероки, чокто, крики... Наверняка еще уйма других индейских племен, названия которых я не знаю. Но эти миски для улья мне дали моравы, живущие в окрестностях Салема. У них есть интересные традиции.

Я невольно улыбнулась, представив, как Джон Куинси Майерс шагает по улицам Салема в жужжащем покрывале из пчел.

– Неужто вы притащили их из самого Салема?

– Нет, конечно! – Мой вопрос его явно удивил. – Нашел на дереве примерно в миле от вашего дома. Как только услышал, что вы с Джейми вернулись, то сразу задумал принести пчел. Вот и высматривал их в лесу.

– Спасибо! Очень мило с вашей стороны, – искренне завила я.

Однако в глубине души шевельнулась смутная тревога. Куинси был вольной птицей. Если уж продолжать цитировать Библию, его можно смело назвать «другом сов»⁵³. Он свободно бродил по горам, когда и куда ему вздумается, ни перед кем не отчитываясь.

Из его слов я поняла, что он специально отправился во Фрэзер-Ридж, узнав о нашем с Джейми возвращении. Допустим, хотел доставить письма... Но письма обычно передавали с оказией – через друзей или знакомцев, которые держали путь в нужном направлении. Если Джон Куинси пришел сюда, чтобы лично их доставить, значит, на то имелась веская причина.

Времени строить догадки не было: Майерс уже завершал краткий экскурс в историю ирландского и шотландского пчеловодства и подошел наконец к сути.

– Многие народы используют благословения для ульев – я знаю парочку. Хотя у меня язык не повернулся бы назвать «благословением» то, что лопочут эти немцы.

– Что же они говорят? – заинтригованно спросила я.

Он сдвинул седые косматые брови, напрягая память.

– Ну, их благословение немного коротковато. Как же там?..

Майерс закрыл глаза, вздернул подбородок и процитировал:

---

⁵³ Ветхий Завет (Иов 30:29).

Иисус Христос, вот рой пчелиный!
Летите, мои пчелки, и возвращайтесь.
По милости Божьей, хранимые Господом,
Возвращайтесь целые и невредимые.

Сидите, сидите, пчелки.

По велению Пресвятой Богородицы
Вы не знаете отдыха; не ускользайте в лес,
И никогда не улетайте от меня.
Не покидайте меня.

Сидите, сидите смирно.

— *Исполните волю Господню*, — закончил он, открывая глаза. Затем покачал головой. — Несусветная глупость! Даже одну пчелу не заставишь сидеть на месте, а уж тысячу — и подавно. С какой стати они должны мириться с таким бесцеремонным обращением?

— А мне кажется, это должно сработать. Джейми часто привозил мед из Салема. Может, у них там немецкие пчелы. Вы знаете более... «вежливое» благословение?

Майерс поскреб в затылке и ощерился, обнажив на мгновение два неровных желтоватых клыка. Интересно, сможет ли он жевать мясо? Иначе придется пересмотреть меню ужина. Например, нарезать кубиками крольчатину и добавить в омлет вместе с измельченным луком.

– Пожалуй, большую часть вот этого: *О, Господь, творец всего сущего, благослови это семя и сделай его плодотворным...* Вроде именно так – плодотворным. ...нам на пользу. Благодаря заступничеству... Дальше там перечисляются всякие святые, но, черт побери, я не помню никого, кроме Иоанна Крестителя. Хотя это ведь он был знатоком меда? А еще питался саранчой и разгуливал в медвежьей шкуре⁵⁴. Ума не приложу, зачем было так делать в столь жарком месте, как Святая Земля, – я слышал, там настоящее пекло. Ну да ладно...

Он вновь прикрыл глаза и протянул руку к улью, окутанному живым облаком пчел.

– *Благодаря заступничеству всех, кто желает за нас заступиться, да будут услышаны наши молитвы. Благослови и освяти этих пчел Твоею милостью, дабы они могли...*

Вдруг Майерс открыл глаза и нахмурился.

– Дальше говорится: *в изобилии приносить свои плоды*, хотя любой дурак знает, что пчелы приносят мед, а не плоды. Но тем не менее... – Вновь смежив морщинистые веки, он закончил с последними лучами заходящего солнца: – *...во имя красоты и великолепия Твоего святого храма и для блага смиренных рабов Твоих*. Там было еще кое-что, – добавил Джон Куинси, опуская руку и поворачиваясь ко мне. – Но

---

⁵⁴ Согласно Библии, Иоанн Креститель «носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищею его были акриды и дикий мед» (Матфей, 3:4).

это самое основное. Вообще-то слова не так важны. Главное – почаще с ними разговаривать. Да вы и сами небось знаете.

– О чем именно? – настороженно спросила я, силясь вспомнить, вела ли когда-либо прежде беседы с обитателями ульев.

Возможно, вела, хотя и неосознанно. Как у большинства садоводов, у меня была привычка бормотать себе под нос: пропалывая грядки с овощами, я частенько проклинала жучков и кроликов или читала нотации растениям. Бог его знает, что я могла наговорить пчелам.

– Пчелы очень любят общение, – пояснил Майерс и ласково сдул одну из них с тыльной стороны ладони. – А еще они ужасно любопытные. Иначе не стали бы носиться туда-сюда, собирая вместе с пыльцой окрестные новости. Поэтому нужно рассказывать им обо всех событиях: когда приезжают гости, рождается ребенок, появляются новые жильцы или кто-то уходит. Или умирает. – Майерс смахнул пчелку с моего плеча. – Иначе пчелки страшно обидятся и весь рой вмиг улетит.

Я вдруг с улыбкой подумала, что Джон Куинси Майерс и сам похож на пчелу: тоже разгуливает повсюду и собирает новости. Интересно, обидится ли он, если узнает, что от него утаили какую-нибудь жирную сплетню? Хотя вряд ли кто станет так делать. У Майерса был настоящий дар вызывать людей на откровенность – к тому же он умел хранить секреты.

– Что ж... – В воздухе стоял влажный запах растений: солнце быстро клонилось к закату – последние лучи просачивались между кольями изгороди, яркими полосами расцвечивая шуршащие тени сада. – Надо бы поторопиться.

Примеры, которые привел Джон Куинси, не отличались единообразием: я была уверена, что смогу придумать собственное благословение. Наполнив водой четыре миски, мы поставили их под ножки табурета – чтобы муравьи, привлеченные запахом меда, не смогли забраться в улей. Несколько прожорливых насекомых уже карабкались вверх, и я смахнула их юбкой, впервые проявив заботу о новых пчелах.

Когда я выпрямилась, Джон Куинси улыбнулся и ободряюще кивнул. Я кивнула в ответ, осторожно протянула руку сквозь вуаль из пчел и дотронулась до гладких переплетенных прутьев соломенного улья. Возможно, это было лишь игрой воображения, но я вдруг ощутила под пальцами едва заметную вибрацию и низкий, уверенный гул.

– Господи! – начала я, пожалев, что не знаю имя святого покровителя пчел – наверняка такой существует. – Пожалуйста, сделай так, чтобы этим пчелам понравился новый дом. Помоги мне о них заботиться и защищать, пусть они всегда смогут найти цветы. И... покой в конце каждого дня. Аминь.

– Отлично сказано, миссис Фрэзер. – Голос Джона Куинси был низким и ласковым, как пчелиное жужжание.

Тщательно заперев калитку, мы вышли из сада и начали спускаться мимо отбрасывающего длинную тень дымохода

вдоль восточной стены дома. На улице почти стемнело; когда мы появились на пороге кухни, огонь в очаге разгорелся ярче, осветив ожидавшую меня семью. *Я дома.*

— Кстати, о новостях, — бросила я Майерсу как бы невзначай. — Вы говорили, что принесли письма. Одно — для Джейми, а остальные?

— Ну, еще одно для мальчугана, — ответил он, ловко обходя яму, которую Джейми вырыл для новой уборной. — То есть для Жермена — сына мистера Фергуса Фрэзера. Другое — для некой Фрэнсис Покок. Есть у вас такая?

Mon cher petit ami⁵⁵

Меня давно перестало изумлять количество еды, необходимое для того, чтобы одновременно накормить восьмерых. Однако видя, как в считанные минуты дымящиеся горы кроликов, индеек, форели, ветчины, бобов, суккоташа, лука, картофеля и кресс-салата исчезают в желудках двадцати четырех человек, я вновь ощутила беспокойство по поводу надвигающейся зимы.

Конечно, сейчас только лето и, если повезет, хорошая погода продержится до конца осени. Но это от силы три-четыре месяца. У нас почти не было домашнего скота, не считая лошадей, мула Кларенса и пары коз, дающих молоко и сыр.

---

⁵⁵ Милый мой дружок (*фр.*).

Джейми и Бри половину своего времени пропадали на охоте, благодаря чему нам удалось сделать приличные запасы свиного мяса и оленины, которые пока хранились в копильне. Однако этого явно недостаточно: даже если мы все займемся охотой, расстановкой силков и рыбной ловлей, нам все равно придется купить еще мяса (и сливочного масла!) до наступления холодов. И отправить кого-нибудь в Салем или Кросс-Крик за овсяной крупой (чем больше, тем лучше), рисом, фасолью, сушеной кукурузой, мукой, солью, сахаром. А я в это время буду как сумасшедшая сажать, собирать, выкапывать и отправлять на хранение в огромных количествах то, что защитит нас от цинги: репу, морковь и картофель – в погреб, вместе с чесноком; яблоки, лук, грибы и виноград – развесить сушиться; томаты – подвялить на солнце или залить растительным маслом, если их еще не сожрали проклятые гусеницы. О боже, нельзя упустить ни дня сезона подсолнухов! Мне нужны все семена до единого – в качестве источника белка и для изготовления масла. И не забыть про целебные травы...

Бри объявила, что ужин готов. Мой мысленный список дел остался незаконченным. Я плюхнулась за стол рядом с Джейми и только тогда ощутила голод, усталость и признательность за передышку и еду.

Хиггинсы пришли, чтобы послушать принесенные Джоном Куинси новости; Дженни, Йен, Рэйчел и малыш тоже к нам присоединились, так что все пространство кухни за-

полнилось людьми и разговорами. К счастью, в корзине Рэйчел оказалась щедрая добавка к общему столу, а Эми Хиггинс принесла хлеб и два огромных пирога с мясом диких индеек и голубей. Запах пищи разносился по всему дому и действовал как успокоительное. Вскоре разговоры смолкли. лишь иногда раздавались тихие просьбы передать кукурузный соус, или пирог, или рагу из кролика. Кухня творила свою ежедневную магию, даруя покой и насыщение.

По мере наполнения желудков снова потекла неспешная беседа. Наконец Джон Куинси с удовлетворенным сытым вздохом отодвинул пустую оловянную тарелку и благодушно оглядел собравшихся.

– Миссис Фрэзер, миссис Маккензи, миссис Мюррей, миссис Хиггинс... вы сегодня постарались на славу! В последний раз я так наедался в Рождество.

– Спасибо на добром слове, – ответила я за всех. – А я с самого Рождества не видела, чтобы кто-то ел с таким аппетитом.

За спиной послышалось сдавленное хихиканье, но я решила не обращать внимания.

– Пока в нашем доме есть хоть корка хлеба, мы всегда накормим тебя, приятель, – сказал Джейми. – И напоим! – прибавил он, доставая из-под скамьи полную бутылку чего-то явно алкогольного.

– Не откажусь, мистер Фрэзер. – Джон Куинси тихонько рыгнул и одарил Джейми сияющей улыбкой. – Ведь не могу

же я обидеть дорогих хозяев отказом?

Десять взрослых. Я быстро прикинула, хватит ли на всех емкостей для питья, и принесла четыре чайных кружки, два рожка, три оловянных чашки и один бокал для вина, гордо выставив их на стол перед Джейми.

Пока я занималась поисками посуды, Джон Куинси «открыл бал», выудив из недр потрепанного жилета несколько писем. Задумчиво прищурился и передал одно из них через стол Джейми.

– Это вам, – кивнул он на конверт. – А это – капитану Каннингему. Я его не знаю, но тут написано «Фрэзер-Ридж». Один из ваших арендаторов?

– Да. Я ему передам. – Джейми протянул руку и взял оба конверта.

– Благодарю покорно. Ну а это адресовано мисс Фрэнсис Покок. – Майерс помахал письмом, ища глазами получателя.

– Фанни! – крикнула Мэнди. – Тебе письмо!

Раскрасневшись от возбуждения, малышка стояла на скамье рядом с Роджером, который придерживал ее за талию. Все стали оглядываться на Фанни, с любопытством перешептываясь.

Фанни, сидевшая в уголке на бочонке с соленой рыбой, медленно встала и смущенно подняла глаза. Джейми сделал ей знак подойти, и она нехотя послушалась.

– Так это вы мисс Фрэнсис? Какая славная девчушка! – Джон Куинси слез со скамьи и, отвесив низкий церемонный

поклон, сунул конверт в ее покорную руку.

Она прижала письмо к груди. В огромных глазах застыла паника, словно у испуганной лошади, готовой пуститься вскачь.

– Ты что, ни разу не получала писем? – удивился Джем. – Открой и посмотри, от кого оно.

Фанни уставилась на Джема, а затем перевела взгляд на меня, ища поддержки. Я отложила масло в сторону и подождала девочку. Та бережно положила письмо на стол, словно оно было очень хрупким.

Письмо представляло собой сложенный втрое лист грубой бумаги, скрепленный желтовато-серой печатью из свечного воска – жир пропитал бумагу, и некоторые слова просвечивали. Я аккуратно взяла его и перевернула.

– Оно точно адресовано тебе. «Мисс Фрэнсис Покок, находящейся под опекой Джеймса Фрэзера, Фрэзер-Ридж, королевская колония Северная Каролина».

– Открой его, бабуля! – Мэнди подпрыгивала на скамье, чтобы лучше разглядеть.

– Нет, раз уж послание для Фанни, она и должна его открыть, – объяснила я. – Причем она не обязана его кому-либо показывать – только если сама захочет.

Фанни повернулась к Джону Куинси, серьезно посмотрела на него и спросила:

– Сэр, кто дал вам это письмо? Оно из Филадельфии?

Девочка немного побледнела, произнесла название города,

но Майерс покачал головой и приподнял плечо.

– Вряд ли. Правда, не могу сказать, *откуда* оно на самом деле, моя дорогая. Мне вручили его в Нью-Берне, когда я приехал туда в прошлом месяце. Передал его какой-то мужчина, только писал точно не он.

– Понятно, – у нее вырвался вздох облегчения. – Спасибо вам, сэр, что доставили его.

Значит, когда-то Фанни уже *получала* письма. Она уверенно сунула большой палец под сгиб письма, не ломая печать, отклеила ее и положила на стол рядом с раскрытым посланием. Девочка стояла вплотную к столу, опустив глаза на строчки; глядя ей через плечо, я могла с легкостью ознакомиться с содержанием. Затем Фанни медленно, но отчетливо прочла письмо вслух, водя пальцем по словам.

*Мисс Фрэнсис Покок
от мистера Уильяма Рэнсома*

Дорогая Фрэнсис!

Пишу, чтобы справиться о твоём здоровье и благополучии. Надеюсь, ты довольна своим теперешним положением и начинаешь привыкать к новому месту. Пожалуйста, поблаговари от меня мистера и миссис Фрэзер за их доброту.

У меня все хорошо, хотя дел невпроворот. Я напишу еще, как только представится возможность передать письмо с оказией.

*Твой скромнейший и покорнейший слуга,
Уильям Рэнсом*

– Уиль-ям, – пробормотала она, коснувшись букв. Лицо ее мгновенно преобразилось, осветившись восторженной радостью.

Рядом заерзал Джейми; в его глазах отражалось то же счастливое сияние и теплый свет очага.

* * *

Фанни убежала с письмом, а я озадаченно склонилась к Джону Куинси.

– Вы ведь говорили, что еще есть письмо для Жермена? – тихонько спросила я под гул возобновившейся беседы.

– Так точно, мэм, – кивнул великан. – Но я уже вручил его мальчугану, когда тот выходил из уборной. – Он окинул взглядом комнату и пожал плечами. – Подумал, парень захочет прочесть письмо вдали от любопытных глаз. Похоже, оно от матери.

Мы с Джейми настороженно переглянулись. Фергус писал в начале весны, заверяя, что у них все в порядке. Марсали чувствовала себя хорошо – насколько это возможно для женщины на восьмом месяце беременности; также мы получили список вещей, которые он отправил для нас в Кросс-Крик. В обоих посланиях Фергус передавал сыну немного-

словные, но теплые пожелания. Первое письмо прочла мальчику я, второе – Джейми. Выслушав, Жермен лишь молча кивал с каменным лицом.

Когда он не появился к десерту – это были ломти принесенного Эми хлеба с яблочным повидлом, которое Сара Чизхолм приготовила в благодарность за лечение младшей дочери, – я всерьез забеспокоилась. Возможно, Жермен решил поужинать у кого-то из друзей – он частенько так делал, с Джемми или один, но всегда предупреждал, что идет в гости.

Однако если дело не в этом... Какая еще причина могла заставить его пропустить ужин с гостем? *Любым* гостем, не говоря уже о таком колоритном, как Джон Куинси Майерс, один только вид которого обещал массу занимательных историй и новостей. Люди будут приходить к нам еще несколько вечеров, чтобы послушать его рассказы, но сегодня он был целиком и полностью в нашем распоряжении.

Мэнди свернулась калачиком на коленях у Джона Куинси, взирая на него с восхищением, причиной которого была, по всей видимости, огромная седеющая борода, а вовсе не занимательная история о супружеской неверности, приключившейся в Кросс-Крик в прошлом месяце. Дело окончилось дуэлью на пистолетах посреди Хэй-стрит: оба соперника промазали, зато выстрелы попали в городскую водокачку и в лошадь, запряженную в двуколку. Рана оказалась несерьезной, но напуганная выстрелом лошадь понесла, увлекая за собой повозку с сидевшей в ней миссис Олдердайс, женой

судьи (кучер как раз отлучился за ее посылкой).

– Надеюсь, бедная леди не пострадала? – Бри с трудом сдерживала смех.

– Нет, мэм, – заверил Майерс. – Правда, разозлилась पुще мокрого шершня – а они жуть какие злющие, когда намокнут. Как только двуколку остановили и помогли миссис Олдердайс выбраться, она направилась напрямик в контору адвоката Форбса и заставила его тут же накатать иск против подстрелившего лошадь негодая.

Вся веселость мигом сошла с лица Брианны при упоминании о Ниле Форбсе, который однажды похитил ее и продал Стивену Боннету. Роджер накрыл руку жены своей и легонько сжал. Бри закусила губу, но потом с благодарностью кивнула мужу.

– Почему же они сначала не позаботились о лошади? – спросил Джем с явным неодобрением.

– Джим-Боб Хупер ей помог, – успокоил его Майерс. – Это кучер миссис Олдердайс, который правил двуколкой. Немного корма и целебной мази тотчас вернули бедную животину в хорошее расположение духа.

Джейми с внуком одновременно кивнули, полностью удовлетворенные ответом.

Дальше разговор сосредоточился на причинах дуэли; я встала из-за стола, не дослушав. Фанни незаметно вернулась на кухню и сидела на краю скамьи, улыбаясь собственным мыслям и шуткам Джона Куинси. Проходя мимо нее, я

наклонилась и шепотом спросила:

– Ты не знаешь, где Жермен?

Она моргнула, все еще находясь под действием чар необычного гостя, но охотно ответила:

– Знаю, мэм. Думаю, он на крыше. Сказал, что хочет побыть один.

* * *

Жермен действительно был на крыше. Он сидел на полу незаконченной спальни в пристройке с односкатной кровлей на втором этаже, обняв подтянутые к груди колени и уткнувшись в них лбом. Маленький темный комочек на фоне белой постели.

Живое воплощение горя – и портрет человека, отчаянно нуждающегося в утешении. *На что тогда нужны бабушки?* – вспомнились слова Дженни.

Осторожно, чтобы ненароком не свалиться вниз, я обошла комнату, цепляясь за перекрытия и благодаря Бога за сухую безветренную погоду. Стояла тихая звездная ночь, наполненная еле слышным шелестом сосен и крылышек ночных насекомых.

Наконец я пробралась к нему и села рядом; ладони у меня немного вспотели.

– Что случилось, мой хороший?

– Я... – внук осекся, быстро глянул через плечо и придви-

нулся ближе. — Я получил письмо, — прошептал он, прижав руку к груди. — Мне его дал мистер Майерс; там было мое имя.

Понятно, почему мальчуган так разволновался. Как и Фанни, Жермен впервые получил письмо, адресованное лично ему.

— От кого оно?

— От мамы. — Он нервно сглотнул. — Я узнал почерк.

— Ты его еще не открывал?

Жермен покачал головой, не отнимая руку от груди — будто письмо могло вдруг взять и улететь.

— Жермен, — ласково сказала я и погладила его по спине, ощущая под фланелевой рубашкой худенькие лопатки. — Мама тебя любит. Тебе нечего бо...

— Нет, не любит! — выпалил он и сжался в комок, словно поглубже пряча обиду. — Она не может меня любить. Я... я убил Анри-Кристиана. Она даже видеть меня не желает!

Я обняла его и притянула к себе. Положив голову мне на плечо, Жермен заплакал навзрыд. Тихонько раскачиваясь, я утешала его, словно маленького ребенка, хотя он давно уже вышел из нежного возраста.

Что еще я могла поделать? Говорить, что он ошибается, бесполезно; в таких случаях дети не верят словам, даже правдивым. К тому же, положив руку на сердце, это было не столь очевидно.

— Ты не убивал Анри-Кристиана, — твердо сказала я. —

Ведь я тоже была там и все видела.

Действительно была – и ни за что не хотела бы пережить подобное вновь. Одно лишь имя Анри-Кристиана навевало жуткие воспоминания: запах гари; грохот взрывающихся бочонков с чернилами и лаком; объятый ревушим пламенем чердак; Жермен, повисший на веревке высоко над камнями мостовой. Он отчаянно тянет руку к маленькому братику...

Но увы... На глаза навернулись слезы, и я обняла внука крепче, уткнувшись лицом в его волосы, пахнущие детством и мальчишеской невинностью.

– Даже вспоминать страшно, – вздохнула я. – Ужасная трагедия. Только это был несчастный случай. Жермен, ты из всех сил пытался его спасти. Сам ведь знаешь.

– Да, – выдавил он. – Но *не смог! Не смог*, бабуля!

– Знаю, – шептала я, покачиваясь вместе с ним. – Знаю.

Постепенно чувство горя и ужаса уступило место печали. Мы тихо плакали, шмыгая носами; затем я нашла в кармане платок и дала ему, а сама вытерла лицо фартуком.

– Дай-ка письмо. – Откашлявшись, я прислонилась спиной к кровати. – Не знаю, о чем там говорится, однако ты должен его прочесть. Есть вещи, через которые просто нужно пройти.

– Как же я его прочту? – Он беспомощно усмехнулся. – Здесь слишком темно.

– Схожу в хирургическую за свечой, – сказала я, поднимаясь. Тело затекло от долгого сидения в одной позе, и я не

сразу обрела равновесие. — На столе есть вода. Выпей немного и залезай в кровать. Я скоро приду.

Я спустилась по лестнице в мрачной решимости, какая овладевает человеком в безнадежных ситуациях, и вскоре вновь поднялась со свечой в руке. Теплое пламя мягко освещало шероховатые ступени, отбрасывая на них тень.

Конечно же, Марсали не винила его в смерти Анри-Кристиана. Но Жермен был прав: глядя на старшего сына, она невольно вспоминала трагичные мгновения, разрывающие ей сердце. Именно поэтому мы и увезли мальчика в Ридж — чтобы расстояние помогло ему и его родителям быстрее залечить душевные раны.

Возможно, теперь он думает, что мать больше никогда не захочет его видеть, и решила сообщить об этом в письме.

— Бедняжки, — прошептала я, имея в виду Жермена, Анри-Кристиана и их мать. Я не сомневалась — почти, — что у Марсали и в мыслях не было ничего подобного. Однако прекрасно понимала, как ему страшно.

Жермен сидел на краешке постели, обхватив колени руками, и смотрел на меня огромными, потемневшими от тоски глазами. Письмо лежало неподалеку. Я взяла его, села рядом и открыла. Затем предложила Жермену прочесть первым — он покачал головой.

— Ну хорошо, — сказала я и, откашлявшись, начала: — *Mon cher petit ami...*

На этом месте я остановилась от удивления, а Жермен

ощутимо напрягся.

– Ох... – выдохнул он еле слышно.

Я тоже невольно охнула, вспомнив эти слова, и у меня отлегло от сердца. *Mon cher petit ami* – так Марсали называла старшего сына, когда он был совсем малышом, еще до рождения девочек.

Значит, все хорошо.

– Что там дальше, бабуля? Что она пишет?

Немного успокоившись, Жермен прижался ко мне, сгорая от нетерпения.

– Может, сам прочтешь? – с улыбкой спросила я, протягивая письмо.

Внук яростно помотал головой, потрянув светлыми волосами.

– Нет, лучше ты, – хрипло попросил он. – Пожалуйста, бабуля!

Mon cher petit ami,

Мы только что переехали в новый дом, но он никогда не станет по-настоящему родным, пока ты не вернешься.

Твои сестры ужасно по тебе скучают (они шлют свои локоны – поясняю на случай, если ты не понял, что за странные космы вложены в письмо, – девочки боятся, что ты уже забыл, как они выглядят. Светло-каштановый локон – Джоани, темно-каштановый – Фелисити. Рыжие волосы принадлежат коту), а папа

ждет не дождется, когда ты приедешь и будешь ему помогать.

Он запрещает девочкам разносить газеты и листовки по тавернам – а они очень хотят!

Еще у тебя появились два братика, которые...

– Как два? – Жермен выхватил у меня страницу и поднес как можно ближе к свече, рискуя опалить бумагу. – Она сказала два?

– Да! – Я и сама была приятно ошарашена и вместе с внуком склонилась над письмом. – Дальше читай сам!

Он расправил плечи, сглотнул и продолжил:

Представь себе наше удивление! Если честно, я ужасно беспокоилась: каким родится новый ребенок? С одной стороны, мне хотелось, чтобы он был похож на Анри-Кристиана – словно твой брат к нам вернулся, – хотя, конечно, это невозможно. С другой стороны, я боялась, что малыши тоже будут карликом – возможно, бабушка говорила тебе, что таким людям приходится несладко. Анри-Кристиан несколько раз чуть не умер в младенчестве, а папа рассказывал мне о детях-карликах, которых он давным-давно встречал в Париже, – большинство из них прожили совсем недолго.

Однако новый ребенок – это всегда сюрприз и чудо; он не соответствует твоим ожиданиям. Когда родился ты, я была так очарована, что часами сидела у твоей колыбели и смотрела, как ты спишь. Даже свечу не гасила – ждала, пока она сама догорит, – чтобы темнота не мешала мне тобой любоваться.

Сначала мы хотели назвать малышей Анри и Кристиан, но девочки сказали, что Анри-Кристиан был особенным ребенком и никто больше не должен носить его имя.

Папа и я с ними согласны (Жермен одобрительно закивал), поэтому одного из твоих братиков зовут Александр, а другого – Шарль-Клэр...

– Как-как? – не поверила я своим ушам. – Шарль-Клэр?

– В честь твоих дедули и бабули, – прочел Жермен и взглянул на меня с сияющей улыбкой.

– Читай дальше, – сказала я и легонько ткнула его локтем в бок. Он кивнул и вновь повернулся к письму, отыскивая пальцем нужную строчку.

– Так что... – его голос на мгновение дрогнул. – Так что, – повторил он, – пожалуйста, *mon cher fils*⁵⁶, возвращайся домой. Я очень тебя люблю и хочу, чтобы ты опять был с нами – тогда новый дом станет наконец родным.

С неизменной любовью... – Жермен плотно сжал губы; в устремленных на письмо глазах стояли слезы. – *Maman*⁵⁷, – шепотом дочитал он и прижал письмо к сердцу.

* * *

Прошел еще час, прежде чем удалось уложить детей –

---

⁵⁶ Дорогой сынок (фр.).

⁵⁷ Мама (фр.).

включая Жермена – и я вновь оказалась в нашей «воздушной» спальне, на этот раз с Джейми. Он стоял в рубашке на краю комнаты, куда не доходил навес, и вглядывался в ночную тьму, пока я высвобождалась из корсета. Наконец я вздохнула с облегчением, когда прохладный ночной бриз коснулся сорочки.

– Саксоночка, у тебя тоже звенит в ушах? – с улыбкой повернулся он ко мне. – Давненько я не слышал столько разговоров в таком тесном помещении.

– Угу. – Я подошла и обняла его за талию. Тяжесть прошедшего дня и вечера вмиг улетучилась. – Здесь так тихо. Я даже слышу стрекот сверчков в кустах жимолости за уборной.

Он притворно застонал и опустил подбородок мне на макушку, прижавшись всем телом.

– Не напоминай. Я и наполовину не закончил уборную для хирургической. А если у нас и дальше будут собираться толпы гостей – придется еще до конца месяца рыть дополнительную яму.

– Мы оба знаем, что Роджер с радостью поможет – стоит только попросить, – заметила я. – Но ты упорно не хочешь его привлекать.

– Он все сделает не так, – фыркнул Джейми.

– Неужели для этого нужен особый талант? – поддразнила я. Джейми был неисправимым перфекционистом во всем, что касалось оружия или инструментов – и уж тем более в

рытье безупречных ям для уборных. – Помнишь слова Вольтера: «Лучшее – враг хорошего»?

– *Le mieux est le mortel ennemi du bien*, – процитировал он на французском. – «Лучшее – смертный враг хорошего». Я уверен, что Вольтер в жизни не вырыл ни одной выгребной ямы. Так откуда ему об этом знать? – Джейми расправил плечи и медленно, с наслаждением потянулся. – Господи, как я хочу поскорее лечь.

– Что же тебе мешает?

– Предвкушать удовольствие не менее приятно, чем его испытывать. К тому же я голоден. Здесь найдется какая-нибудь еда?

– Если дети до нее не добрались. – Наклонившись, я пошарила под кроватью и вытащила корзину, которую припрятала еще днем как раз для такого случая. – Сыр и кусок яблочного пирога тебя устроят?

Он издал неопределенный шотландский звук, выражающий одновременно благодарность и глубокое удовлетворение, и сел на кровать, чтобы наброситься на угощение.

– Марсали прислала Жермену письмо, – сообщила я, усевшись рядом. Подо мной зашуршал набитый кукурузными волокнами матрас. – Джон Куинси тебе не говорил?

– Жермен говорил, – улыбнулся Джейми. – Когда я вышел, чтобы позвать ребятишек в дом, он стоял у колодца и взахлеб рассказывал Джему и Фанни о маленьких братиках. У него даже волосы на макушке топорщились от возбужде-

ния. Уверял меня, что не сможет уснуть – так ему не терпится увидеть родных. Поэтому я дал ему бумагу и чернила – пускай напишет ответ.

Он смахнул крошки с одежды и добавил:

– Фанни помогает ему с правописанием. Интересно, кто научил ее писать? Вряд ли подобный навык пригодился бы ей в борделе.

– Кому-то ведь нужно вести счета и строчить любезные шантажные послания. Хотя, возможно, это задача мадам. Фанни мне не рассказывала, но я думаю, грамоте ее научила сестра.

При мысли о недавнем прошлом нашей подопечной у меня сжалось сердце. Она никогда не говорила ни о прежней жизни, ни о сестре.

– Скорее всего, – кивнул Джейми.

При упоминании Джейн Покок по лицу его пробежала тень. Несчастную девушку арестовали и приговорили к смерти за убийство клиента-садиста, купившего девственность ее младшей сестренки. Бедняжка покончила с собой в ночь перед повешением – за считанные часы до прибытия Уильяма и Джейми, которые примчались ее спасти.

Он сурово сжал губы и покачал головой.

– Что ж... Необходимо как можно скорее отправить Жермена домой. Хотя, боюсь, Фрэнсис будет по нему скучать.

Я нагнулась было, чтобы поднять с пола сброшенную верхнюю одежду, но при этих словах резко выпрямилась.

– Думаешь отправить Фанни с ним? Чтобы она пожила немного с Фергусом и Марсали? Поможет им управляться с детьми...

Джейми на мгновение замер с куском сыра в руке и опять покачал головой.

– Нет. Фергусу будет и без того нелегко прокормить семейных. К тому же Фрэнсис и здесь вполне счастлива. Девчушка к нам привыкла; я бы не хотел, чтобы она чувствовала себя ненужной или думала, будто ее выгоняют. И потом... – поколебавшись, он добавил невзначай: – Уильям поручил ее мне. Чтобы я о ней позаботился.

– Ты надеешься, что он приедет ее повидать? – мягко сказала я.

– Да, – буркнул Джейми. – Поэтому и не хочу, чтобы Уильям приехал и не застал Фрэнсис. – Он откусил кусочек сыра и принялся медленно жевать, отведя взгляд.

Я погладила его по руке, а затем поднялась и начала расправлять и складывать нашу сброшенную одежду: чтобы ее не сдуло с крыши ветром и чтобы она не оказалась до невозможности измятой к утру. Положив на аккуратную кучку свои туфли и спорран Джейми – для веса, – я заметила кончик листка бумаги.

– Чуть не забыла – Майерс ведь и тебе принес письмо! Это оно?

– Да, – сдержанно ответил Джейми, словно не хотел, чтобы я притрагивалась к письму. Я отдернула руку. Однако,

отложив недоеденный сыр, он кивнул на листок. – Можешь прочесть, саксоночка. Если хочешь.

– Тревожные вести? – неуверенно спросила я. После всех волнений с письмом Марсали мне не хотелось нарушать покой летней ночи. Если в послании нет ничего срочного – пусть подождет до утра.

– Не то чтобы... Оно от Джошуа Гринхау – помнишь его по Монмуту?

– Помню.

Мне вдруг стало дурно. Я зашивала рану на лбу капрала Гринхау, когда меня подстрелили в разгар битвы. Его потрясенное лицо с нелепо болтающейся на лигатуре иглой, выпавшей из кровоточащего шва, – последнее, что я видела, прежде чем упасть. А потом испытала, без преувеличения, самые болезненные ощущения в своей жизни. Истекая кровью, я лежала на спине, чувствуя всепоглощающую боль и глядя на вращающееся перед глазами небо и деревья. Рядом стоял гонец от генерала Ли, убеждая Джейми бросить меня в грязи.

Я покосилась на письмо: в такой темноте ничего не разгляжу, даже если надену очки.

– О чем он пишет?

– По большей части о том, где находится и чем занимается: пока – ничем особенным. Торчит без дела в Филадельфии. Хотя там есть кое-что о генерале Арнольде. Джошуа говорит, что тот женился на Пегги Шиппен – полагаю, *ее* ты

точно помнишь, – и что его привлекли к суду за спекуляции. Арнольда, не мистера Гринхау.

– Какого рода спекуляции? – спросила я, складывая письмо. Я и правда помнила Пегги, очаровательную восемнадцатилетнюю девушку. Понимая, какое действие оказывает на мужчин ее красота, она отчаянно флиртowała с тридцативосьмилетним генералом в надежде поймать того на крючок. – Понятно, почему генерал Арнольд хотел жениться на Пегги, но вот как ей взбрело в голову выйти за *него*?

Спору нет, Бенедикт Арнольд отличался редкой харизмой и животным магнетизмом. А еще хромал на одну ногу и – насколько мне известно – не имел ни собственности, ни денег.

Джейми посмотрел на меня как на неразумное дитя.

– Как-никак он военный губернатор Филадельфии. Ее семья поддерживает тори. Ты ведь помнишь, что сделали Сыны Свободы с кузеном Пегги? Возможно, она боялась, что они вернутся за ней и спалят отцовский дом.

– Наверное, ты прав. – Свежий ночной ветерок начал пробирать через влажную сорочку, и я поежилась от холода. – Поддай мне, пожалуйста, шаль.

– Что касается спекуляций Арнольда... – Джейми заботливо укутал мои плечи. – Это может быть все, что угодно. Он весь город распродавал бы по кирпичику, окажись цена подходящей.

Я кивнула, вглядываясь в ночь, накрывшую нас сво-

им бархатным покрывалом. На мгновение темноту пронзил сноп искр, вырвавшихся из печной трубы на другом конце дома. Они постепенно гасли во мгле, не долетая до земли.

– Бенедикта Арнольда не остановишь, – тихо сказала я. – Даже появишься он сейчас передо мной – я и тогда ничего не смогла бы поделаться. Ведь так? – Я вопросительно посмотрела на мужа.

– Так, – ответил он вполголоса и взял меня за руку. Его ладонь была большой и сильной, но такой же холодной, как моя. – Пойдем в постель, саксоночка. Я тебя согрею, а потом мы вместе полюбуемся луной.

* * *

Некоторое время спустя мы лежали в обнимку, согревая друг друга теплом своих тел, обнаженные и счастливые, несмотря на прохладу ночи. Серебряный серп месяца опускался в западной части небосвода, позволяя звездам засиять еще ярче. Над головой шуршала парусиновая крыша, воздух был наполнен запахами растущих вокруг дома елей, дубов и кипарисов. Одинокий светлячок, сбивый с курса порывом ветра, приземлился на подушку рядом с моей головой, мерцая бледно-зеленым брюшком.

– *Oidhche mhath, a charaid*⁵⁸, – сказал ему Джейми. Свет-

---

⁵⁸ Спокойной ночи, дружок (гэльск.).

лячок дружелюбно пошевелил усиками и, кружась, улетел к своим собратьям.

– Жаль, мы не можем оставить спальню как есть, – вздохнула я, глядя на исчезающий во мраке огонек. – Так приятно чувствовать себя частью ночи.

– Только если не льет дождь. – Джейми поднял глаза к паусиновому потолку. – Не волнуйся, я успею закончить крышу до первого снега.

– Ты прав, – засмеялась я. – А помнишь нашу первую хижину? Пошел снег, и крыша стала протекать. Ты упрямо отпирался ее чинить в разгар выюги – абсолютно обнаженный.

– Ну а что было делать? – добродушно отозвался он. – Ты же не разрешала выходить на улицу в рубашке.

– Ты неисправим! – Я перекатилась на бок и поцеловала мужа. – От тебя пахнет яблочным пирогом. Там еще осталось?

– Нет. Давай спущусь и принесу тебе кусочек.

– Не стоит. Я не сильно проголодалась. Лучше полежим так еще. Хорошо?

– Ммхм.

Он придвинулся ко мне, а потом вдруг сполз на пол и встал на колени у меня между ног.

– Что это ты задумал?

– Разве сама не догадываешься, саксоночка? – Он устроился поудобнее.

– Ты же только что ел яблочный пирог!

– Не очень-то он был сытный.

– Я не... это имела в виду...

Пальцы Джейми медленно ласкали мне бедра; взбудораженная кожа покрылась мурашками от его теплого дыхания.

– Не беспокойся из-за крошек, саксоночка, – я потом все подберу. Кажется, ты говорила, что бабуины так делают? Или они просто выискивают блох?

– У меня *нет* блох! – выдохнула я в неловкой попытке пошутить. Однако Джейми охотно рассмеялся, склонил голову и принялся за работу.

– Мне нравится, когда ты вскрикиваешь, саксоночка, – немного погодя пробормотал он во время краткой передышки.

– Мы разбудим детей! – шикнула я, зарывшись пальцами в его шевелюру.

– Ну, тогда попробуй кричать, как пума...

* * *

– Далеко отсюда до Филадельфии? – спросила я немного погодя.

Он не сразу ответил, нежно поглаживая мои ягодицы.

– Знаешь, что сказал мне однажды Роджер Мак? «Для американца сто лет – долгий срок, а для англичанина сто миль – долгий путь».

Я слегка повернула голову, чтобы взглянуть на мужа. Его

глаза были устремлены в небо, а лицо сохраняло безмятежность, но я поняла, что он имеет в виду.

– Значит, уже скоро? – шепотом спросила я и положила ладонь ему на грудь. Сердце Джейми билось спокойно и ровно, от кожи исходил тонкий мускусный запах наших тел. Эх о сладостной дрожи волнами растекалось по моей спине. – Как думаешь, сколько времени у нас есть в запасе?

– Немного, саксоночка, – тихо ответил он. – Сегодня беда может быть дальше луны, а завтра вдруг окажется у нас на пороге...

Волоски у Джейми на груди приподнялись – то ли от ночной прохлады, то ли от невеселой темы разговора. Схватив мою руку, он поцеловал ее и сел.

– Саксоночка, ты когда-нибудь слышала о человеке по имени Фрэнсис Мэрион? – спросил Джейми будто невзначай.

Я замерла, так и не успев натянуть сорочку, и быстро посмотрела на мужа. Он сидел ко мне спиной, испещренной тонкими серебристыми шрамами.

– Возможно, – ответила я, оценивая критическим взглядом подол. Немного грязноват, но еще день потерпит. Я надела сорочку через голову и потянулась за чулками. – Фрэнсис Мэрион... Это не его, случайно, прозвали Болотным Лисом? Когда-то смотрела диснеевский сериал, и, по-моему, одним из персонажей был некий Мэрион.

Джейми глянул на меня через плечо.

– У него пока нет такого прозвища. Что ты о нем знаешь?

– Почти ничего. Только то, что помню по сериалу. Возможно, Бри даже вспомнит мелодию заставки – то есть музыку, которая звучала в начале каждой... э-э... сцены.

– Каждый раз одна и та же музыка? – он удивленно поднял бровь.

– Ну да. Фрэнсис Мэрион... Помнится, в одном эпизоде красномундирник схватил его и привязал к дереву, так что, по всей видимости, он был...

Тут меня осенило.

– Не был, а есть! – воскликнула я со смешанным чувством ужаса и восторга, неизменно охватывающим меня при встрече с одним из Них. Сперва Бенедикт Арнольд, а теперь... – Ты имел в виду Фрэнсиса Мэриона, который живет... *сейчас*.

– Брианна тоже почти ничего о нем не помнит.

– Почему он тебя так интересует?

– Почему? – Муж немного расслабился, вернувшись на знакомую территорию. – Саксоночка, ты когда-нибудь слышала о партизанских отрядах?

– Это как-то связано с политикой?

– Нет, виги и тори тут ни при чем. – Джейми налил в бокал вина из кувшина и протянул мне. – Это что-то вроде отрядов наемных солдат – только сражаются они не ради денег. И, в отличие от ополченцев, куда менее щепетильны в методах ведения борьбы.

Я невольно рассмеялась, вспомнив о неоднократных

встречах с различными формированиями ополченцев во время Монмутской кампании.

– Понятно. Чем же занимаются партизанские отряды?

Он налил себе вина и коснулся бокалом моего носа – вместо тоста.

– Шатаются по окрестностям, досаждая лоялистам и убивая освобожденных рабов. В общем, ведут себя как заноза в заднице британской армии.

Я округлила глаза. Очевидно, Уолт Дисней предпочел опустить некоторые детали при создании своей версии Болотного Лиса – по вполне понятным причинам.

– Зачем они убивают освобожденных рабов?

– Британцы обычно даруют свободу рабам, вступающим в ряды их армии. Так утверждает Роджер Мак. Судя по всему, мистер Мэрион стал – или станет? – исключением. – Джейми нахмурился. – Возможно, он пока этого не делает. По крайней мере, я не слышал ни о чем подобном.

Я глотнула вина. Прохладный сладкий мускат приятно обволакивал горло, прогоняя ночные тени.

– Где же сейчас промышляет мистер Болотный Лис?

– Где-то в Южной Каролине; видишь ли, в подробности я не вдавался – меня заинтересовала сама идея.

– Идея партизанского отряда? – Я натянула чулки, однако сейчас вдруг задумалась, не стоит ли их вновь снять, поэтому чувствовала себя немного глупо. Но отвертеться от разговора было невозможно.

Джейми машинально потирал бедро правой рукой, напряженно обдумывая ответ.

– Да, – выпалил он наконец, сжимая пальцы в кулак. – Именно это и предлагал Бенджамин Кливленд – помнишь здорового мерзавца из-за гор, который пытался мне угрожать? – хотя и не напрямую, но смысл был ясен.

В слабом свете звезд обращенные на меня глаза казались темными и серьезными.

– Я больше не стану сражаться в рядах Континентальных войск. Сыт по горло армиями. Да и вряд ли генерал Вашингтон примет меня обратно. – Он грустно усмехнулся.

– Помнится, Джуда Биксби рассказывал, что ты весьма решительно заявил о своей отставке. Жаль, я все пропустила.

Моя улыбка тоже вышла безрадостной. Я пропустила это, поскольку в момент, когда Джейми писал заявление об отставке на спине у гонца, прибывшего с целью призвать его в строй, лежала на земле у ног мужа, истекая кровью. Джуда – один из присутствовавших молодых лейтенантов – рассказывал, что Джейми написал отказ от службы грязью, смешанной с моей кровью.

– Да уж, – сухо отозвался Джейми. – Не знаю, как отнесся к этому Вашингтон, но, по крайней мере, меня не арестовали и не повесили за дезертирство.

– Полагаю, у него и других забот хватало.

После ранения в битве при Монмуте я была не в состоянии следить за ходом военных действий. Меня это совершен-

но не интересовало. Только от войны не убежишь. Мы жили в Саванне, когда город захватили британские войска, и, насколько мне известно, они по-прежнему там. Однако новости, словно горные ручьи, обычно стекаются к прибрежным городам — благодаря газетам, судоходству и недавно созданной почтовой службе. Требуется немало времени и усилий, чтобы донести информацию в такие отдаленные и труднодоступные места, как Фрэзер-Ридж.

— Уж не собираешься ли ты создать собственный партизанский отряд? — спросила я шутливо.

— Почему бы нет? — ответил Джейми мне в тон. — Не для того, чтобы заниматься разбоем и убийствами. Давненько я не участвовал в разбойных вылазках, — добавил он с ностальгическими нотками в голосе. — А для защиты Риджа. Когда война дойдет до наших мест, небольшая банда может оказаться весьма кстати.

Последняя фраза прозвучала до жути обыденно. Я резко села и подозрительно сощурилась.

— Банда? Ты хочешь сколотить *банду*?

— Ну да. Саксоночка, неужто ты никогда не слышала этого слова?

— Слышала, конечно. — Я отпила немного вина в надежде обрести спокойствие. — Не думала, что и *ты* его знаешь.

— Само собой, знаю! — Джейми удивленно приподнял бровь. — Это ведь шотландское слово.

— Разве?

– Да. Главное – правильно выбирать товарищей по банде, саксоночка. *Slàinte*. – Он взял у меня бокал, поднял его в шутливом салюте и вмиг осушил.

Кто эта старая ведьма?

Мы с Мэнди стояли у стола напротив друг друга – ей пришлось взобраться с ногами на скамью – и не сводили глаз с маленькой желтой миски.

– Долго еще, бабуля?

– Десять минут, – ответила я, глянув на одолженные у Дженни часы с боем из серебряной филиграни. – Прошло всего две. Ты лучше посиди пока: что толку стоять и смотреть? Это никак не поможет ускорить процесс.

– Нет, помозет! – уверенно заявила внучка. Заметив мою невольную улыбку, она вскинула голову и добавила: – Дзем-ми говорит, нужно смотреть очень внимательно, а то они убегут.

Спохватившись, что сама нарушила правило и отвела глаза, Мэнди вновь упрямо устояла на миску, чтобы не дать дрожжам перевалиться через край и уползти.

– Ты уверена? Речь точно шла о дрожжах? Может, твой брат имел в виду кроликов? – предположила я, однако на всякий случай продолжала смотреть. Затем понюхала воздух над миской; Мэнди с воодушевлением сделала то же самое.

– Думаю, тесто получится отменное, – сказала я. – Чудесный запах! Такой... дрожжевой.

– Дроздовой! – кивнула Мэнди, радостно хрюкнув.

– Если бы дрожжи утратили свои свойства, то есть испортились, – пояснила я, – пахло бы очень неприятно.

Можно было бы подождать все десять минут и показать внучке пену, которая образуется при смешивании дрожжей с теплой подслащенной водой, но я и так уже с облегчением увидела, что с ними все в порядке. Иначе пришлось бы использовать соду с золой – правда, тогда мы потратили бы гораздо больше времени и усилий, чтобы испечь печенье.

– Теперь отложим немного закваски в молоко. – Я зачерпнула ложкой солидную порцию из горшочка с закваской и плюхнула в чистый кувшин. – На следующий раз.

В дверном проеме показалась голова Джейми.

– Саксоночка, ты не одолжишь мне малышку на пару минут?

– Конечно, – поспешно ответила я, едва успев перехватить внучкину руку в дюйме от открытого мешка с мукой. – Иди

помоги дедушке, моя хорошая!

– Ладно, – охотно согласилась Мэнди и, прежде чем я успела ее остановить, проворно набила рот печеньем с изюмом, которое мы испекли накануне. – Фто нувно, деда?

– Нужно, чтобы ты немножко посидела на однойштуковине. – Он наморщил длинный нос, принюхиваясь к запаху масла и изюма, и мигом протянул руку к подносу.

– Так и быть, – сдалась я. – Можешь взять *одно*. Только, ради бога, съешь здесь; если мальчишки увидят, тотчас налетят как саранча.

– Фто ва санча?

– Мэнди! Ты ухитрилась затолкать в рот еще одно печенье?

Выпучив глаза, Мэнди героическим усилием проглотила большую часть лакомства.

– Нет, – заявила она, просыпая крошки.

Джейми съел свою порцию чуть более аккуратно.

– Очень вкусно, саксоночка! – похвалил он, кивнув на поднос. – Из тебя выйдет отличный кондитер. – Улыбнувшись во весь рот, он взял внучку за руку и направился к двери.

За неимением керамической банки для печенья (может, сделать ее самой? Лучше попрошу Брианну. Надо только восстановить старую печь для обжига) я высыпала свежую порцию в маленький котелок и накрыла тарелкой. Сверху положила два увесистых гладких камня – мы держали их у

очага и использовали для обогрева постели в самые холодные ночи. От мальчишек это не поможет, зато убережет от насекомых и – вероятно – от разорительных набегов енотов. Кухонные стены были крепкими, но большинство окон по-прежнему оставались без стекол.

Я задумчиво посмотрела на котелок, оценивая варианты, а затем отнесла его в хирургическую и заперла в шкаф, где хранился дистиллированный спирт, физраствор и другие скучные медицинские вещи. С веранды слышались голоса Джейми и Мэнди. Я вышла посмотреть, чем они там занимаются.

Опустившись на колени, Джейми ошкуривал деревянную шутовину – по-видимому, это было будущее сиденье для уборной, предназначавшееся Мэнди.

– Ну-ка попробуй, – сказал он, опустившись на пятки. – Присядь на него.

Внучка захихикала, но послушно села.

– Что это, деда?

– Помнишь мышонка, который забежал в твою комнату на прошлой неделе?

– Да. Ты поймал его рукой. Он тебя укусил? – сочувственно спросила Мэнди.

– Нет, *a leannan*, он вскарабкался по рукаву, выскочил из воротника, шмыгнул в спальню и спрятался в бабушкиных туфлях. Помнишь?

Она наморщила лобик.

– Да. Ты закичал.

– Точно. Иногда мышата – и другие маленькие зверьки, – убегая от опасности, прячутся в нашей уборной. В основном они безобидные. – Он предостерегающе поднял палец. – Однако могут тебя напугать. Если такое случится, я не хочу, чтобы ты со страху провалилась в выгребную яму.

– Фууууу! – захихикала Мэнди.

– Зря смеешься, – с улыбкой сказал Джейми. – Твой дядя Уильям провалился туда несколько лет назад, и ему это совсем не понравилось.

– Кто такой дядя Уильям?

– Брат твоей мамы. Вы еще не встречались.

Мэнди озадаченно нахмурила черные бровки.

Заметив меня, Джейми пожал плечами.

– Какой смысл объяснять? Думаю, мы и так его скоро увидим.

– Ты уверен? – с сомнением спросила я.

Хотя во время их прошлой встречи обошлось без скандалов, Уильям еще явно не сумел окончательно примириться с обстоятельствами своего рождения.

– Уверен, – ответил муж, сосредоточенно высверливая дырочку. – Он приедет навестить Фрэнсис.

Позади раздался еле слышный вздох. Обернувшись, я увидела Фанни, которая только что спустилась из сада с полной корзиной зелени. Милое личико девочки побледнело; она смотрела на Джейми круглыми от удивления глазами.

– Уильям... придет? Сюда? Чтобы повидать меня? – На последнем слове ее голосок дрогнул.

Джейми глянул на нее через плечо и кивнул.

– Я бы на его месте приехал. А значит, он поступит так же.

* * *

Я вернулась на кухню, чтобы проверить дрожжи. Как и следовало ожидать, на поверхности воды образовалась грязноватая пена – часы показывали, что прошло ровно одиннадцать минут. Собирая ингредиенты для печенья, я обнаружила, что какой-то негодник съел все сливочное масло из горшочка, а сало закончилось. Кроме меня, в доме никого не было: Джейми и Мэнди увлеченно болтали на веранде. Времени еще предостаточно: успею сбегать за сливками в кладовку над родником и взбить масло, пока тесто не поднялось.

Медленно спускаясь по тропинке с двумя полными ведрами сливок, я увидела женщину, решительно приближающуюся к дому. Незнакомка была высокой, в черном платье и соломенной шляпе с широкими полями, которую она придерживала рукой – чтобы ветром не сдуло.

Джейми куда-то исчез – возможно, отлучился за инструментом, – но Мэнди все еще торчала на веранде, испытывая новое сиденье и что-то напевая Эсмеральде. На женщину она не обратила никакого внимания. Та оказалась более пожилой, чем я думала, – меня сбила с толку легкая поступь

и безупречная осанка. Подойдя ближе, я заметила морщины у нее на лице и седые волосы, выбивающиеся из-под чепца, который незнакомка носила под шляпой.

– Девочка, где твой отец? – властно спросила она, остановившись напротив Мэнди.

– Не знаю, – послышался внучкин ответ. – Это Эсмеральда, – сказала она, показывая гостье куклу.

– Я хотела бы поговорить с твоим отцом.

– Ну ладно, – дружелюбно отозвалась Мэнди и вновь затянула свою песенку, нещадно коверкая слова: – Ферра Жаку, Ферра Жаку, дорми вууу...⁵⁹

– Сейчас же прекрати! – резко оборвала ее женщина. – Посмотри на меня.

– Зачем?

– Ты очень непослушная девочка, и твоему отцу следует тебя выпороть.

Вспыхнув, Мэнди вскочила с ногами на новое сиденье.

– Уходи! – запальчиво крикнула она. – Не то фмою тебя в унитаз! – Малышка махнула рукой, нажимая воображаемый рычаг смывного бачка. – Ззух!

– Что ты мелешь, несносное дитя?

Незнакомка побагровела. Все это время я ошеломленно наблюдала за происходящим, однако теперь опустила ведра, решив вмешаться, пока ситуация не вышла из-под контроля. Но опоздала.

---

⁵⁹ Французская народная песня «Frère Jacques» («Братец Жак»).

– Я засуну тебя в унитаз и фмою, как какаску! – крикнула внучка, топнув ножкой.

Рука незнакомки со змеиным проворством взметнулась и отвесила Мэнди пощечину.

На секунду воцарилось гробовое молчание, а затем сразу несколько вещей произошли одновременно. Я бросилась к веранде и, споткнувшись о ведро, растянулась на тропинке в молочной луже. Мэнди издала истошный вопль, который наверняка был слышен на многие мили аж до самой Фургонной дороги. Джейми выскочил из дома, словно король-демон из пантомимы.

Он подхватил внучку на руки, прыгнул с веранды и оказался лицом к лицу с незнакомкой, прежде чем я успела подняться на колени.

– Убирайтесь из моего дома, – сказал он ледяным тоном, ясно давая понять, что любой другой вариант поведения будет караться немедленной смертью.

Старуха не дрогнула – надо отдать ей должное. Сорвала с головы широкополую черную шляпу, чтобы та не заслоняла обзор, и гневно уставилась на моего мужа.

– Сэр, девочка была со мной груба. Я этого не потерплю! Очевидно, никто не занимался ее воспитанием. Неудивительно. – Она смерила Джейми презрительным взглядом.

Мэнди перестала вопить и горько рыдала, уткнувшись в дедову рубашку.

– Спасибо, что напомнили о манерах, – учтиво сказала я,

выжимая мокрый фартук. — Полагаю, мы еще не имели чести с вами познакомиться. — Я вытерла руку о юбку и протянула незнакомке. — Клэр Фрэзер.

Ее лицо не поменяло негодующего выражения, но будто окаменело. Не говоря ни слова, она отступила на пару шагов. Джейми не двигался, лишь поудобнее перехватил Мэнди; его черты были так же суровы и непреклонны.

Дойдя до края тропинки, женщина остановилась как вкопанная и вздернула подбородок.

— Вы все, — бесстрастно заявила она, обведя шляпой меня, Джейми, Мэнди и наш дом, — отправитесь прямиком в ад.

Высказав это пророчество, незнакомка бросила на веранду небольшой сверток, повернулась к нам спиной и медленно удалилась, словно зловещая птица.

* * *

— Черт возьми, кто эта старая ведьма? — спросил Джейми.

— Злая колдунья! Ненавижу ее! — запальчиво ответила Мэнди. Ее личико было все еще красным, а нижняя губка обиженно выпячена.

— Может, ты и права...

Я осторожно подняла маленький предмет, завернутый в промасленный шелк и перевязанный странным шнуром со множеством узелков, и опасливо принялась. Сквозь запах пропитанной маслом ткани пробивался горьковатый аромат

хинина; я даже почувствовала на языке его привкус.

– Иисус твою Рузвельт Христос! – Я изумленно уставилась на мужа. – Она принесла мне хинную кору!

– Я же говорил, саксоночка: Брианна и Роджер Мак придумают, как ее раздобыть, – стоит им лишь намекнуть. А значит... – медленно произнес он, глядя вслед зловещей старухе, – мы только что познакомились с миссис Каннингем.

Небесная гончая

Две недели спустя

Я спала так глубоко, что, проснувшись среди ночи, почувствовала себя резко выдернутой из воды рыбой, которая беспомощно трепыхается на крючке. Поэтому не сразу сообразила, где нахожусь и как меня зовут. Тут вновь послышался разбудивший меня звук, и все тело покрылось мурашками.

– Иисус твою Рузвельт Христос! – мгновенно придя в себя, я выпростала руки в попытке за что-нибудь ухватиться.

Простыня. Матрас. Кровать. Я в кровати! Но рядом – пусто. Где Джейми? Моргая как сова, я обвела взглядом комнату. Полностью обнаженный, он стоял в лунном свете у неза-

стекленного окна. Кулаки сжаты, каждый мускул в теле напряжен.

– Джейми!

Он не обернулся и, похоже, вовсе не слышал – ни моего голоса, ни топота и криков домочадцев, разбуженных жутким воем за окном. Внизу заплакала испуганная Мэнди; родители принялись наперебой ее успокаивать.

Я встала с постели и тихонько подошла к мужу, хотя больше всего на свете мне хотелось юркнуть под одеяло и накрыть голову подушкой. Этот вой... Осторожно выглянув из-за плеча Джейми, я посмотрела на ярко освещенную лунной поляну у подножия холма, но не заметила ничего подозрительного.

Вероятно, звук доносился из леса; деревья и горы были окутаны непроницаемой тьмой.

– Джейми, – немного успокоившись, повторила я и крепко ухватила его за руку. – Это что, волки? Вернее, один из них? – Я искренне надеялась, что издающие ужасные звуки существо не привело за собой сородичей.

Муж вздрогнул от моего прикосновения, а затем обернулся и помотал головой, словно пытаясь что-то стряхнуть.

– Я... – заговорил он хриплым ото сна голосом, притянув меня к себе. – Я думал, мне приснился кошмар.

Джейми немного дрожал, и я обняла его покрепче. В памяти всплывали леденящие кровь кельтские слова вроде

*bean-sithe*⁶⁰ и *tathasg*⁶¹. Говорят, *bean-sithe* часто воет на крыше дома, где вскоре кто-то умрет. Одно радует: жуткая тварь не на гребаной крыше, потому что крыши у нас пока нет.

– В твоих снах всегда так громко? – Я поежилась от очередного завывания. Кожа Джейми была прохладной, но не успела остыть окончательно: очевидно, он встал совсем недавно.

– Да. Частенько, – хохотнул он и слегка отстранился.

Из коридора донесся топот детских ног, и я поспешила вновь прижаться к мужу. В тот же миг дверь распахнулась и в комнату вбежал Джем, а за ним – Фанни.

– Дедуля! Там волк! Он сожрет наших поросят!

Фанни испуганно вскрикнула и прикрыла ладошкой рот, округлив глаза. Не от страха за судьбу несчастных поросят, а от шока при виде обнаженного опекуна. Я попыталась прикрыть его ночной сорочкой, однако ее размер был слишком ничтожным в сравнении с габаритами Джейми.

– Возвращайся в постель, детка, – сказала я как можно спокойнее. – Если это и в самом деле волк, мистер Фрэзер с ним разберется.

– *Moran taing*, саксоночка, – шепнул Джейми мне на ухо. «Большое спасибо». – Джем, брось-ка мне мой плед!

---

⁶⁰ Банши (*гэльск.*) – персонаж шотландской и ирландской мифологии, предвестник смерти. Издает пугающие стоны и рыдания, чаще всего является в виде прекрасной женщины.

⁶¹ Призрак, дух (*гэльск.*).

Джемми снял плед с крючка у двери и подал деду, чья нагота была для мальчика привычным делом.

– Можно я тоже пойду охотиться на волка? – с надеждой спросил внук. – Я мог бы его подстрелить. У меня это получается лучше, чем у папы, – он сам так говорит!

– Это не волк, – бросил Джейми, обматывая свои чресла выцветшей клетчатой тканью. – Так что скорее успокойте Мэнди, пока от ее крика не рухнули стены.

Вой стал громче, как и внучкина истерика. Фанни явно намеревалась к ней присоединиться, судя по выражению лица.

На пороге, словно архангел Михаил, появилась растрепанная Бри в развевающейся белой ночнушке, сжимая в руке шпагу Роджера. Фанни испуганно охнула.

– Зачем тебе эта штуковина, *a nighean*? – Джейми кивнул на шпагу, собираясь натягивать рубашку через голову. – Не думаю, что она поможет сразить призрака.

Фанни перевела объятый ужасом взгляд с Брианны на Джейми, с глухим стуком опустила на пол и спрятала лицо в колени.

Джем тоже вытаращил глаза.

– Призрак... – вяло пробормотал он. – Призрак *волка*?

Я с опаской глянула в окно. Джемми наверняка слышал истории об оборотнях. В этот момент тишину пронзил особенно душераздирающий вой, и мое воображение тут же нарисовало пугающе правдоподобную картинку.

— Я же сказал: это не волк. — Голос Джейми звучал сердито и в то же время обреченно. — А собака.

— Ролло? — в ужасе воскликнул Джемми. — Он вернулся с того света?

Фанни испуганно вскинула голову, Бри ахнула, а я машинально вцепилась в мужа.

— Господи Иисусе, — буркнул он, высвобождая руку. — Сомневаюсь.

Учитывая обстоятельства, его голос звучал довольно спокойно, однако волоски на коже приподнялись. Я и сама вдруг покрылась мурашками.

— Ждите здесь, — бросил Джейми, направляясь к двери.

Вероломно оставив Бри наедине с перепуганными детьми, я последовала за мужем. Мы не стали зажигать свечу; на лестнице было стыло и темно, словно в колодце. Зато, к моему облегчению, жуткий вой казался здесь не таким громким.

— Ты уверен, что это собака? — спросила я в спину Джейми.

— Уверен, — твердо ответил он, но тут же шумно сглотнул. Внутри у меня все сжалось.

Спустившись с лестницы, Джейми повернул налево и прошел на кухню. Просторное помещение окутало уютным теплом, и я облегченно выдохнула. Тлеющий очаг подсвечивал круглые надежные силуэты чайника и котла, висевших на своих местах; в буфете поблескивала оловянная посуда. Дверь была закрыта на задвижку. Несмотря на приятную ат-

мосферу, меня не покидала тревога. Снова послышался вой, на этот раз более громкий; его амплитуда менялась почти в унисон с моим дыханием. Звук неумолимо приближался.

Сунув в догорающие угольки вязанку хвороста, Джейми тут же вытащил ее и принялся осторожно дуть, пока на конце «факела» не появился огонек пламени. Удовлетворенный результатом, он расправил плечи и коротко улыбнулся.

– Не волнуйся, *a nighean*. Это всего лишь собака.

Я улыбнулась в ответ. Однако, уловив в его голосе некоторое сомнение, украдкой прихватила каменную скалку и лишь после этого направилась к двери. Джейми снял тяжелую перекладину, решительно поднял щеколду и распахнул дверь. В дом ворвалась влажная прохлада горной ночи. Тут же пожалела, что не набросила поверх сорочки накидку. «Сейчас не до того», – подумала я, храбро выходя на заднюю веранду вслед за мужем.

Вой усилился, потом вдруг начал затихать и стал похож на крик совы. Я внимательно оглядела холмы за домом, но ничего не увидела в слабом свете факела. Почему-то снаружи я чувствовала себя более уверенно. Как бы там ни было, Джейми явно не считал загадочную собаку опасной – иначе не позволил бы мне пойти с ним.

Он набрал в легкие побольше воздуха, сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Вой мгновенно прекратился.

– Ну же, иди сюда! – позвал он, а затем свистнул еще раз – уже не так громко.

В лесу воцарилось безмолвие, и пару минут ничего не происходило. Затем раздался шорох. От кустов томата возле уборной отделилось темное пятно и медленно двинулось к нам. Краем уха я слышала спускающиеся по лестнице шаги и приглушенные голоса, но все мое внимание было приковано к собаке.

Это и впрямь оказалась собака: сначала в темноте мелькнули желтые глаза, а потом мы увидели заплетающиеся длинные ноги, неровный изгиб позвоночника и хвост.

– Гончая? – спросила я у Джейми.

– Она самая.

Вручив мне факел, он присел на корточки и протянул руку. Собака – таких еще называют голубыми гончими из-за усыпанной голубовато-черными пятнами шерсти – приблизилась с низко опущенной головой, словно кланяясь.

– Все хорошо, *a nighan*. – Голос Джейми звучал хрипло и низко.

– Ты *знаешь* эту собаку?

– Да, – ответил он с некоторой досадой. Однако, когда псина подошла ближе и робко завиляла хвостом, погладил ее по голове.

– Совсем оголодала, бедняжка, – заметила я. Даже в полумраке были видны выпирающие ребра и впалый живот, похожий на пустой кошелек.

– Саксоночка, у нас найдется немного мяса?

– Сейчас принесу.

Все остальные молча притаились на кухне, прислушиваясь к нашим голосам. Наверняка они появятся на пороге с минуты на минуту.

– Джейми, – спросила я, коснувшись его обнаженной спины. – Откуда ты ее знаешь?

– Видел, как она выла на могиле хозяина, – тихо сказал он, сглотнув. – Только детишкам не говори, хорошо?

* * *

Собака явно оробела при виде высыпавшей на веранду толпы и хотела было шмыгнуть обратно в кусты, но голод оказался сильнее страха: почуяв запах еды, она завертелась на месте, виновато помахивая тонким длинным хвостом.

В конце концов Джейми утихомирил всполошившихся домочадцев, отправив их на кухню, и подманил собаку остатками кукурузных лепешек, вымоченных в свином жире. Я стояла на веранде с горящим факелом в руке. Покорно склонив голову, гончая подошла за угощением и даже позволила погладить ее за ушами.

– Хорошая девочка, – пробормотал Джейми и дал ей еще один кусок лепешки. Несмотря на голод, собака не выхватывала еду из рук, а брала аккуратно.

– Она тебя не боится, – негромко сказала я. И хотя не собиралась приставать к мужу с расспросами, в глубине души сгорала от любопытства.

– Я ведь не причинял ей зла, – так же тихо отозвался он. – Всего лишь похоронил ее хозяина.

– С чего она вдруг объявилась? Тебя это... не пугает?

Конечно, жуткий вой посреди ночи встревожил Джейми – кому бы такое понравилось? Однако сейчас его лицо в свете догорающего факела было абсолютно безмятежным.

– Нет. – Он глянул через плечо, желая удостовериться, что дети нас не слышат. – Признаться, когда я ее увидел, мне стало немного не по себе, но теперь... – Испачканная жиром рука на миг замерла, перестав поглаживать жесткую шерсть. – Думаю, собака пришла ко мне не случайно. Возможно, это шанс на искупление грехов.

* * *

Зайдя в дом, гончая с жадностью набросилась на еду, однако ела как-то странно, будто осторожничала, отщипывая хлеб и мясо небольшими кусочками. Я решила присмотреться повнимательнее. Детям тоже разрешили войти; они по очереди скармливали ей угощение на вытянутых ладошках. Наблюдая за процессом, Джейми озабоченно хмурился.

– Кажется, у нее что-то с пастью, – сказал он наконец. – Давайте посмотрим?

– Ну пожалуйста, мистер Фрэзер, пусть она сначала доест! – Фанни посмотрела на Джейми умоляющими глазами. – Она *такая* голодная!

– Это точно, – согласился он, присаживаясь рядом на корточки. Затем ласково погладил гончую по исхудавшей спине. Собака вильнула хвостом, но не стала отвлекаться от еды. – Интересно почему.

– Возможно, осталась без хозяина, – предположила я, осторожно подбирая слова.

– Но ведь она гончая! А значит, умеет охотиться – тем более сейчас лето и в лесу полно дичи. Ей не нужен хозяин, чтобы добывать себе пищу.

Мне стало любопытно; опустившись на колени, я пригляделась. Джейми прав: собака заглатывала маленькие кусочки пищи, практически не жуя. Возможно, привычка. Или кусочки оказались настолько мелкими, что любая собака поступала бы так же. Однако что-то было не в порядке. Вряд ли что-то серьезное, но все-таки...

– Ты прав, – кивнула я. – Как только доест, осмотрю ее.

Гончая съела все подчистую и жадно принялась: нет ли добавки? Хотя теперь брюхо животного заметно раздулось. Затем она вылакала миску воды и, обведя взглядом собравшихся, ткнулась носом в ногу Джейми и легла рядом.

– *Bi sàmhach, a choin...*⁶² – ласково сказал он, поглаживая ее длинную спину. Гончая вильнула хвостом и с блаженным вздохом растянулась на полу. – А теперь, *mo nighean gorm*⁶³, дай-ка взглянуть на твою пасть.

---

⁶² Спокойно, собачка (гэльск.).

⁶³ Моя голубая девочка (гэльск.).

Собака как будто удивилась, но безропотно позволила уложить себя на бок.

– Надо же! Она и правда голубая! – Восхищенная Фанни подобралась поближе и протянула руку, не решаясь погладить животное.

– Поэтому ее и называют «голубая гончая». Дай ей понюхать свои пальцы: так она знакомится. Только не делай резких движений. Хотя с виду это дружелюбная сука.

Услышав последнее слово, Фанни удивленно моргнула и посмотрела на Джейми.

– Фанни, разве у тебя никогда не было собаки? – спросила Бри, наблюдавшая за этой сценкой.

– Н-нет... – неуверенно ответила девочка. – Разве что... Помню, как играла с одним песиком, когда была совсем маленькая. Он разрешал себя гладить. – Фанни коснулась спины гончей, и та шевельнула хвостом. – Это было на корабле. В хорошую погоду я сидела под большим парусом и песик приходил со мной поиграть.

Брианна переглянулась с Роджером, который сидел на скамье с полусонной Амандой на руках.

– На корабле? – переспросила Бри словно невзначай. – Это было до приезда в Филадельфию?

Фанни кивнула, внимательно наблюдая за осмотром собаки. Сначала я отодвинула от зубов нижнюю губу и провела пальцем по черной внутренней поверхности. Десны не кровоточили и выглядели здоровыми, насколько можно бы-

ло разглядеть при слабом свете очага. Хотя и бледноватыми. Собак частенько донимали паразиты, что приводило к бледности десен из-за внутренней кровопотери. Но я ни разу не слышала, чтобы паразиты вызывали инфекцию *во рту*.

Джем сидел рядом с нами на полу и привычным движением почесывал ночную гостью за ушами.

– Смотри, Фанни, – сказал он. – Собаки любят, когда им чешут ушки.

Разомлев от удовольствия, гончая позволила мне заглянуть ей в пасть. Зубы были крепкие, очень чистые.

– Интересно, почему говорят «чистый, как зубы гончей»? – спросила я, ощупывая нижнюю челюсть и височно-челюстные суставы (никакой болезненности), а также шейные лимфоузлы (не увеличены). С правой стороны нижней челюсти обнаружилась небольшая припухлость: собака вздрогнула и заскулила от прикосновения. – Зубы у нее и правда на удивление чистые, но разве у других собак они грязнее?

– Возможно. – Джейми наклонился и заглянул в собачью пасть. – Ей не больше года – совсем молодая. У охотничьих собак, привыкших питаться дичью и разгрызать кости, обычно чистые зубы.

– Надо же... – Я слушала вполуха. Повернув голову собаки к огню, я кое-что заметила. – Джейми, поднеси-ка свечу поближе. По-моему, у нее что-то застряло в зубах.

– Фанни, а родители тоже плыли с тобой? – Тихий голос

Роджера едва перекрывал треск дров в очаге. – На том корабле?

На мгновение Фанни перестала чесывать собаке уши и задумалась.

– Скорее всего, – неуверенно ответила она.

Джейми перевел взгляд на девочку, отчего огонек свечи мигнул.

– Так и есть! – воскликнула я.

Между нижними премолярами плотно засел маленький обломок кости. Острые края поранили десну, которая опухла и слегка кровоточила в месте травмы. Стоило мне слегка надавить, как собака взвыла и дернула головой.

– Джемми, сбегай в хирургическую и принеси аптечку – знаешь, как она выглядит?

– Конечно, бабуля! – Внук послушно вскочил и выбежал в темную прихожую.

– Миффис... миссис Фрэзер, она поправится? – Фанни обеспокоенно склонилась над собакой.

– Думаю, да, – ответила я, пытаясь расшатать обломок ногтем большого пальца. Пациентке это явно не понравилось, однако она не стала рычать или кусаться. – Застрявшая в зубах кость травмировала десну – к счастью, это не вызвало абсцесса. Джейми, можешь пока ее отпустить. Я все равно не смогу извлечь обломок, пока Джем не принесет мои щипцы.

Оказавшись на свободе, собака вскочила, яростно отряхнулась и пулей рванула вслед за Джемом. Не успела Фанни

встать на ноги, как гончая вихрем примчалась обратно, клацая когтями по дощатому полу. При виде нас она залилась радостным лаем, обежала комнату и прыгнула на Фанни, завалив девочку на бок, после чего забралась на нее с лапами, весело виляя хвостом.

– Слезай с меня! – рассмеялась Фанни, выворачиваясь из-под собаки. – Дурафка.

Мы с Джейми улыбнулись: раньше Фанни смеялась только за компанию с мальчишками.

– Принес, бабуля!

Джемми сунул мне аптечку, а затем опустился на пол и начал шутливо боксировать с собакой, имитируя удары то слева, то справа. Часто дыша, счастливое животное тихонько потягивало, мотая головой вслед за его руками.

– Смотри Джем, она тебя сцапает, – весело предостерег Джейми. – Она ведь проворнее.

Так и произошло: правда, собака ухватила его совсем легонько. Джем завопил, а потом хихикнул.

– Дурафка... Может, так ее и назовем?

– Нет, – возразила Фанни со смешком. – Это дурафливое имя.

– Я не смогу вылечить беднягу, если вы все не перестанете ее теребить, – строго сказала я, поскольку Брианна и Джейми тоже присоединились к веселью. Роджер только улыбался, не желая разбудить Мэнди, заснувшую у него на плече.

Бри уняла разбушевавшихся домочадцев, достав из буфе-

та половину большущего пирога из сушеных яблок. Она разделила его на всех, не забыв про четвероногую гостью – та вмиг проглотила свою порцию.

– Ну что ж... – Доев восхитительный, пахнувший корицей пирог, я отряхнула руки от крошек (собака тут же слизала их с пола) и вынула из ящичка небольшие хирургические щипцы, самый маленький пинцет, отрез плотной марли и – после секундного колебания – пузырек с медовой водой в качестве самого мягкого обеззараживающего. – Приступим.

Как только нам удалось положить ее на бок и зафиксировать голову (задача была не из легких: собака извивалась как уж, но Джем навалился сзади, а Джейми обеими руками прижал к полу передние лапы и шею), я за пару минут извлекла осколок. Фанни осторожно держала свечу, стараясь не капнуть на меня и мою «пациентку» раскаленным воском.

– Готово! – Под всеобщие аплодисменты я вытащила кость щипцами и бросила в огонь. – Осталось почистить рану.

Я плотно прижала к десне марлевую повязку. Собака жалобно скулила, но не сопротивлялась. Из раскуроченной десны вытекло немного крови с едва заметными следами похожей на гной жидкости – при таком слабом освещении трудно было сказать наверняка. Я понюхала марлю и не уловила гнилостного запаха. Пахло мясом, яблочным пирогом и псиной – никакого зловония от возможной инфекции не наблюдалось.

Как только осколок кости был извлечен, интерес к моим манипуляциям сразу иссяк и все вернулись к прерванному разговору, наперебой предлагая собачьи клички. Лулу, Сас-сафрас, Джинни, Монстро (последний вариант предложила Бри, и мы с ней переглянулись, с улыбкой представляя зубастого кита из Диснейленда), *Seasaidh*...⁶⁴

Джейми ласково погладил гончую по голове, но не стал принимать участия в обсуждении. Возможно, он знал, как ее зовут на самом деле? Я промыла десну медовой водой – даже лежа четвероногая пациентка ухитрилась вылакать все до капли, – не переставая думать о муже.

«Видел, как она выла на могиле хозяина»... По спине пробежал холодок, несмотря на тепло очага. Наверняка именно Джейми уложил хозяина гончей в могилу – и я невольно послужила тому причиной.

Муж сидел спиной к огню. Его спокойное лицо абсолютно ничего не выражало, а рука покоилась на пятнистой шерсти собаки. «Искупление грехов» – так он, кажется, сказал?

– Фанни, а как звали твоего песика? – спросил Джем. – Который был с тобой на корабле?

– Пятнышшш, – ответила она, тщательно выговаривая «шш». Прошло всего пару месяцев с тех пор, как я подрезала девочке уздечку языка, и некоторые звуки все еще давались ей с трудом. – У него было белое пятнышко. На носу.

– Хочешь, мы назовем ее Пятнашкой? Почти так же, –

---

⁶⁴ Господь милосерден (*гэльск.*).

великодушно предложил Джем. – Смотри, какая она пятнистая. Это имя гораздо лучше, чем Дурашка. – Он вдруг захихикал, уловив рифму, и повторил: – Пятнашка – дурашка. Пятнашка такая дурашка.

– Сам ты дурашка! – рассмеялась Фанни.

– Джем, может, стоит для начала спросить у дедушки, разрешит ли он оставить собаку? – заметил Роджер. – А уж потом давать ей кличку.

Очевидно, детям и в голову не приходило, что мы можем не взять собаку, и такая вероятность их совершенно потрясла.

– Ну пожалуйста, мистер Фрэзер! – взмолилась Фанни. – Я сама буду ее кормить, обещаю!

– А я буду вычесывать клещей из шерсти! – подхватил Джемми. – Дедуля, ну давай ее оставим! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Джейми посмотрел на меня, улыбаясь уголком рта – не потому, что сцена казалась ему забавной, а потому что смирился с неизбежным.

– Она пришла ко мне за помощью, – сказал он мне. – Не могу же я теперь ее прогнать.

– Па, в таком случае ты и должен дать ей имя, – предложила Брианна, утихомирив бурные восторги Джема и Фанни. – Как бы ты ее назвал?

К моему удивлению, он ответил не раздумывая:

– Блубелл⁶⁵. Будет напоминать мне о цветах Шотландии. По-моему, ей идет.

– Блу-белл... – по слогам повторила Фанни, глядя собаку, которая лениво виляла хвостом. – Можно, я буду звать ее Блу?⁶⁶ Для краткости?

Джейми засмеялся и встал на ноги; коленные суставы хрустнули от долгого сидения на полу.

– Называй как хочешь, малышка, – лишь бы она откликлась. А сейчас ей надо отдохнуть – мне тоже.

Дети увели новокрещеную Блубелл за собой, приманивая ее корочками пирога, а взрослые стали вновь готовиться ко сну. На мгновение воцарилась тишина – Бри как раз забира-ла у Роджера Мэнди, а я присела, чтобы притушить наспех разведенный в очаге огонь. Тут сверху донеслись обрывки детского разговора.

– А что случилось с твоим песиком? – спросил Джем.

Голос Фанни звучал приглушенно, но вполне отчетливо, и Джейми резко повернул голову к двери, едва слышав ответ.

– Плохие люди бросили его в море... Можно Блу сегодня поспит у меня? А завтра – у тебя.

---

⁶⁵ Колокольчик (англ. «bluebell»).

⁶⁶ Зд.: Голубая (англ. «blue»).

Чтение у камелька

Второй этаж был почти достроен. Осталось закончить внутренние стены да положить крышу. Еще каких-то три месяца, и им с Клэр больше не придется мерзнуть ночами под открытым небом. Джейми даже немного загрустил от этой мысли, однако тут же представил, как уютно будет спать на пуховой перине возле теплого очага под завывание вьюги за окном.

Он медленно опустился на большой стул у огня, испытывая приятную боль в натруженных суставах и предвкушая скорый отдых. Все давно спали, кроме Клэр – она отправилась принимать роды у кого-то из поселенцев, живущих у подножия холма. Он скучал по ней, но это было сладостное

чувство – нечто похожее порой ощущаешь, разминая затекшую спину после тяжелой работы. Возможно, уже завтра она вернется. Ну а пока можно погреться у огня, выпить красного вина и почитать хорошую книгу. Джейми достал из кармана очки и нацепил их на нос.

Вся их библиотека состояла из двух стопок книг, скромно лежащих на столе рядом с бокалом вина. Например, маленькая Библия в зеленом тканевом переплете (ужасно непрактичном). Всякий раз, оказываясь рядом, Джейми с благодарностью касался затертой обложки: книга была его давнишним спутником и другом, с которым пройдено столько невзгод. А вот «Счастливая куртизанка, или Роксана»...⁶⁷ Джем пока не проявлял к ней интереса, хотя паренек уже достаточно хорошо читает и сразу смекнет, о чем здесь говорится. Пожалуй, стоит унести ее наверх в их с Клэр спальню.

Неплохо сохранившийся экземпляр «Одиссеи» в переводе мистера Поупа – можно будет прочесть внуку пару отрывков; наверняка ему понравятся описания кораблей и чудовищ. Заодно, глядишь, и латынь подучит между делом. «Джозеф Эндрюс»...⁶⁸ Сплошное бумагомарательство! Надо попробовать всучить ее Хью Гордону – тот любит подобную белиберду. Еще не читанная «Манон Леско»⁶⁹ на фран-

---

⁶⁷ Роман Даниэля Дэфо (1724 г.).

⁶⁸ «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга Абрахама Адамса» – роман английского писателя Генри Филдинга (1742 г.).

⁶⁹ «История кавалера де Грие и Манон Леско» – роман французского писателя

цузском, в красивом сафьяновом переплете. По лицу Джейми пробежала тень: книгу прислал Джон Грей, еще до того, как...

Он что-то раздраженно пробурчал себе под нос и, подавшись внезапному порыву, вытащил из стопки большую ярко-оранжевую книжку Мэнди «Зеленые яйца с ветчиной». Цвет, заглавие и смешной зверек на обложке вызывали невольную улыбку; пары минут в компании Сэма хватило, чтобы вернуть отличное расположение духа.

Услышав шаги на лестнице, Джейми насторожился, но это оказалась всего лишь Блубелл; она подошла на мягких лапах, слегка виляя хвостом, на всякий случай обнюхала хозяйина в надежде на угощение и демонстративно встала у задней двери.

– Иди, *a nighéan*, – вздохнул он, выпуская собаку. – Только смотри не попадись в зубы пумам.

Махнув хвостом, гончая тут же скрылась в ночи, а Джейми задержался на пороге, вглядываясь в темноту и прислушиваясь.

Было тихо – лишь деревья о чем-то шептались в лесу. Он сошел с крыльца и посмотрел на звезды, чтобы напиться их безмятежностью и прогнать с души вызванную «Манон Леско» досаду. Затем наполнил легкие прохладным сосновым воздухом и медленно выдохнул.

– Так и быть, чертов сукин сын, я тебя прощаю, – сказал

он, обращаясь к Джону Грею. На сердце вдруг стало удивительно легко.

Кусты рядом с уборной зашевелились, предвеляя возвращение гончей. Придерживая дверь, Джейми терпеливо ждал, пока собака все тщательно обнюхает. Вильнув хвостом, она наконец прошмыгнула в дом и бесшумно умчалась вверх по лестнице.

Обретя душевное спокойствие, он немного прогулялся под звездным небом до растущего у колодца можжевельника – попить воды и отломить веточку. Ему нравился запах ягод – Клэр говорила, что их используют для придания аромата джину. Правда, к джину он был равнодушен.

Вернувшись в дом, хозяин запер дверь, расшевелил дрова в очаге и снова подошел к книгам. Свежий аромат можжевеловой ветки отлично сочетался с вином. Джейми взял было одну из подаренных Бри книжек про хоббитов – маленькую, но довольно увесистую. Однако шрифт оказался настолько трудночитаемым, что у него вмиг разболелась голова, и даже очки не помогли; он положил томик на место, выискивая глазами что-нибудь более подходящее.

Для «Манон» пока не время. Прощение, хотя и искреннее, далось нелегко; придется еще не раз повторить эти слова, прежде чем он вновь сможет разговаривать с Джоном Греем.

Именно мысль о неохотно высказанном прощении определила выбор книги (Брианна привезла ее для себя). «Душа мятежника», написанная Фрэнком Рэндаллом.

– Хмм... – Джейми вытащил книгу из стопки и повертел в руках.

В ней было что-то странное; солидный вес и размер, приличный переплет, однако в качестве фона для бумажной обложки выбран необычный тартан в розово-зеленую клетку, на котором нарисован бледно-зеленый квадратик с весьма достоверным изображением эфеса шотландского меча и части клинка. Под квадратом шел подзаголовок: «Шотландские корни американской революции». Странность в том, что книга была обернута в какой-то прозрачный, скользкий на ощупь материал – не в бумагу. Пластик. Так сказала Брианна, когда он спросил. Слово понятное, только вот что оно означает? Джейми перевернул книгу, чтобы взглянуть на фотографию – он уже почти привык к фотоснимкам, хотя до сих пор внутренне вздрагивал при виде смотрящего с бумаги человека.

Он на мгновение прижал большой палец к носу Фрэнка Рэндолла. Затем повертел книгу: на бликующей в свете очага пластиковой обложке остался едва заметный отпечаток.

Смущенный своей ребяческой выходкой, он стер пятно рукавом и положил книгу на колени. Автор спокойно взирал на него через очки в темной оправе.

Проблема не только в авторе. Клэр, Бри и Роджер Мак порой делились тревожной информацией о будущем, однако их присутствие успокаивало Джейми: какими бы ужасными ни были грядущие события, многим удалось их пережить.

Только его не покидало неприятное ощущение, что близкие не говорили всей правды, хотя и не лгали в открытую. Другое дело – Фрэнк Рэндолл: историк, чей рассказ о том, что случится в ближайшие годы, будет...

Джейми пока не знал, каким именно. Пугающим? Печальным? А может, обнадеживающим... хотя бы местами.

Фрэнк не улыбался, но лицо у него было приятное. Изрезанное глубокими морщинами. Война ни для кого не проходит бесследно.

– Как и семейная жизнь с Клэр, – добавил он вслух, удивившись звуку собственного голоса. Хлебнул вина из бокала, немного подержал во рту и проглотил, после чего перевернул книгу.

– Что ж, англичанин... Я пока не знаю, готов ли тебя простить, – пробормотал Джейми, вдыхая свежий запах можжевельника и открывая томик на первой странице. – И получи ли твое прощение. Для начала посмотрим, что ты расскажешь.

* * *

Утром он проснулся в полном одиночестве, вздохнул и, потянувшись, слез с кровати. Как ни странно, ему вовсе не снились описанные Рэндаллом события. Он видел весьма приятный сон о плавании Ахилла – вот бы рассказать о нем Клэр! Чтобы окончательно проснуться, Джейми направился

к умывальнику, стараясь зафиксировать в памяти самые яркие эпизоды сновидения. Надо надеяться, к ужину Клэр будет дома.

– Мистер Фрэзер? – раздался голос Фрэнсис после робкого стука в дверь. – Ваша дочь просила передать, что завтрак готов.

– Да? – Ничем съестным пока не пахло. Хотя «готов» – понятие относительное. – Иду, малышка. *Taing*.

– «Тэнг»? – изумленно переспросила она.

Улыбнувшись, он натянул чистую рубашку и открыл дверь. Фанни выглядела смущенной, но держалась на удивление прямо, и Джейми учтиво поклонился.

– *Taing*, – повторил он как можно более внятно. – Это означает «спасибо» на гэльском.

– Вы уверены? – Девочка слегка нахмурилась.

– Абсолютно, – заверил он. – «*Moran taing*» значит «большое спасибо», если хочешь выразить более глубокую благодарность.

Фанни залилась румянцем.

– Извините, я не то имела в виду. Ну конечно, вы уверены. Только вот... Жермен говорил, что по-гэльски «спасибо» будет «табаглэт». Это неправда? Может, он хотел надо мной подшутить?

– *Tapadh leat*, – поправил Джейми, едва сдерживая смех. – Жермен не обманул. Просто «*moran taing*» чаще используется в повседневной жизни. Другое выражение больше

подходит для официальных случаев. Например, если кто-то спас тебе жизнь или выплатил твои долги, ты скажешь ему «*Tapadh leat*», если же тебе передали соль за столом, хватит и обычного «*Taing*». Поняла?

– Да, – машинально кивнула она. А когда Джейми улыбнулся, улыбнулась в ответ, покраснев еще сильнее.

Спускаясь за ней по лестнице, он размышлял о характере Фанни. На редкость занятая девчушка: замкнутая, но совершенно не стеснительная. Хотя можно ли быть стеснительной, если растешь в борделе, готовясь стать шлюхой?

Наконец Джейми учуял запах каши – правда, слегка подгоревшей. Поморщившись, он стойчески придал лицу любезное выражение и зашел на кухню, бросив мимолетный взгляд на неоконченные стены кабинета и едва намеченный каркас гостиной. После обеда неплохо бы поработать часок в кабинете – скорее всего, к тому времени он вернется из...

– *Madainn mhath*⁷⁰, – поприветствовал Джейми домочадцев, задержавшись ненадолго в пустом проеме, где вскоре появится дверь – возможно, уже на следующей неделе.

– Дедуля! – Мэнди вскочила со скамьи, отпихнув тарелку с кашей и едва не перевернув кувшин молока. К счастью, Брианна успела вовремя его подхватить.

Джейми поднял малыша на руки и улыбнулся Джему, Фанни, Жермену и Брианне.

– Мама спалила кашу, – сообщил Джем. – Но если доба-

---

⁷⁰ Доброе утро (гэльск.).

вить меда, то почти незаметно.

– Все в порядке, – заверил Джейми, садясь за стол и при-
страивая Мэнди на коленях. – Это ведь не из нашего улья?
Пчелы Клэр еще не успели привыкнуть к новому месту.

– Нет. – Брианна покачала головой и пододвинула отцу
миску с кашей, кувшин молока и горшочек меда. Лицо ее
раскраснелось – надо полагать, от жара огня. – Мед достался
маме от Гектора Макдональда в уплату за лечение сломан-
ной ноги. Извини, что испортила кашу; думала, успею сбе-
гать в коптильню, пока она варится... – Дочка кивнула в сто-
рону очага, где на большой сковороде шкварчали полоски
бекона.

– А где твой муженек? – тактично перевел он разговор на
другую тему, сбрызгивая медом кашу.

– На рассвете за ним прибежал один из детей Маккинно-
на.

Джейми нахмурился. Как он мог не услышать, что кто-то
пришел?

– Ты просто устал, – добавила Бри, словно прочтя его мыс-
ли. – Так что неудивительно. Не волнуйся, ничего страшного
не случилось: бабуля Маккиннон опять собралась помирать
– уже третий раз за месяц – и потребовала священника. Ой,
бекон!

Бри вскочила со скамьи, но Фанни уже метнулась к ско-
вороде, чтобы перевернуть обжаренные ломтики на другую
сторону. В животе у Джейми заурчало от аппетитного аро-

мата.

– Спасибо, Фанни! – Бри снова села и взялась за ложку.

– Мистер Фрэзер? – спросила девочка, отмахиваясь от дыма.

– Да, малышка?

– А как будет по-гэльски «пожалуйста»?

Тучи сгущаются

Я нашла в ручье неглубокое местечко с галечным дном и торопливо стянула через голову платье и фартук, стараясь не дышать. За исключением гангренозных конечностей и полуразложившихся трупов, ничто не пахнет более омерзительно, чем свиное дерьмо. *Ничто.*

Все еще задерживая дыхание, я свернула испачканную одежду и бросила в воду. Затем подобрала на берегу два больших камня, скинула туфли и шагнула следом. Платье начало разворачиваться, колыхаясь над галечным дном, словно огромный синий скат. Я бросила на него камень, а вторым придавила холщовый фартук, расправив его голыми ступнями.

Решив проблему, я зашла по щиколотку в холодный стремительный поток и с облегчением вздохнула.

Вообще-то я далека от животноводства – Джейми и дети не в счет, – однако всем нам порой приходится быть ветеринарами. Я навещала юного Элмо Кэрнса, чтобы проверить, как срастается сломанная рука, когда его столь же юная и глубоко беременная свинья вдруг решила опороситься, но что-то явно пошло не так. Бедная хавронья распростерлась на полу у ног Элмо, а ее огромный живот ходил ходуном. Взволнованный хозяин пояснил, что она для него «вроде домашней любимицы».

Поскольку Элмо из-за сломанной руки временно лишился трудоспособности, мне пришлось самой сделать все необходимое. И хотя результат был более чем удовлетворительным – стопроцентная выживаемость, восемь здоровых поросят, шесть из которых женского пола (одного Элмо обещал подарить мне, «если мамаша их всех не сожрет»), – я не собиралась тащиться до самого дома, измазанная продуктами свиной жизнедеятельности.

День выдался жаркий, застывшее в полном безветрии море предвещало грозу, а поднимающаяся от воды прохлада приятно освежала разгоряченное от ходьбы тело. Решив, что без корсета мне станет еще приятнее, я собралась было снять и его, как вдруг услышала за спиной громкое покашливание.

– Иисус твою Рузвельт Христос! – выругалась я, сдернув корсет, и резко обернулась. – Кто вы, черт побери, такие?

Их было двое: из «благородных», судя по одеянию. Конечно, не мне судить о подобающем внешнем виде, но выглядели незнакомцы довольно нелепо: из шелковых чулков торчали лисьи хвосты, в застёжки туфель набилась грязь, вся одежда – в сосновой смоле. У одного на сюртуке красовалась огромная прореха, сквозь которую желтела шелковая подкладка.

Приоткрыв рты, они оглядели меня с (взлохмаченной) головы до (босых) ног, задержав взор на едва прикрытой груди – влажный муслин нижней рубашки прилип к телу, а соски затвердели от прохладного воздуха. Воистину неподобающее зрелище.

Я осторожно отлепила ткань от кожи, надеясь, что они перестанут так пялиться.

Тот, что с дырой в сюртуке, опомнился первым и вежливо кивнул. Взгляд его светился осторожным любопытством.

– Меня зовут Адам Грейнджер, а это... – кивнул на более молодого спутника, – мой племянник, мистер Никодимус Партленд. Не подскажете ли, милейшая, как нам проехать к дому капитана Каннингема?

– Конечно, – ответила я, поборов инстинктивное желание пригладить волосы. Затем махнула рукой в сторону северо-востока. – Вам туда. Однако до его дома еще добрых три мили. Боюсь, вы не успеете до грозы.

Им стоило прислушаться к моим опасениям: растущие вдоль ручья ивы зашелестели от внезапного порыва ветра, а

небо на западе почернело от туч. Буря пока бушевала где-то далеко в горах, но очень скоро дойдет и до нас.

Соблюдая законы гостеприимства (хотя по большей части из любопытства), я подобрала мокрую одежду и вышла на берег.

— Вам лучше остановиться у нас и переждать бурю, — предложила я мистеру Грейнджеру, выжимая платье и сворачивая его в узел. — Дом совсем рядом. Как только погода наладится, кто-нибудь из мальчишек проводит вас к капитану Каннингему; его хижина стоит на отшибе.

Переглянувшись, оба посмотрели на темнеющее небо, разом кивнули и приготовились следовать за мной. Мне не понравилось, каким взглядом мистер Партленд окинул мою грудь; чтобы не доставлять ему удовольствия пожирать глазами мои ягодицы, я пропустила путников вперед. Затем сунула мокрые ноги в туфли и пошла следом, так и не обсохнув.

Мистеру Грейнджеру было на вид около пятидесяти, а Партленду — лет тридцать пять. Оба отличались стройностью, а Никодимус Партленд — высокий и мускулистый — имел к тому же неприятную манеру смотреть как бы сквозь собеседника. Он беспрестанно оглядывался через плечо, словно желая убедиться, что я никуда не исчезла.

Не прошло и двадцати минут, как мы добрались до дома. В воздухе уже пахло озоном, а в отдалении слышались грозовые раскаты.

– Джентльмены, добро пожаловать в Новый дом! – сказала я, кивнув на входную дверь.

На пороге появился Джейми с котом Адсо, который соскочил с рук хозяина и шмыгнул мимо меня. За ним с радостным лаем ринулась Блубелл. Увидев чужаков, она встала как вкопанная и, оцетинившись, зарычала.

Джейми сошел с веранды и схватил гончую за загривок.

– Тихо, девочка, – сказал он ей и, легонько встряхнув, отпустил. – Прошу прощения, джентльмены.

Столкнувшись с неожиданной угрозой, Партленд отпрянул и прижал руку к карману, в котором, по-видимому, лежал пистолет. Он не сводил глаз с собаки, даже когда по просьбе Джейми вышла Фанни и увела Блубелл в дом.

Однако мистеру Грейнджеру было плевать на собак. Он во все глаза смотрел на Джейми. Заметив его пристальный взгляд, тот с легким поклоном протянул руку.

– Джеймс Фрэзер к вашим услугам, сэр.

– Я... То есть... – Тряхнув головой, мистер Грейнджер сжал его ладонь. – Мистер Адам Грейнджер, сэр. Неужели тот самый генерал Фрэзер?

– Был им когда-то, – коротко ответил Джейми. – А вы, сэр?.. – Он повернулся к Партленду, который оценивающе его разглядывал, словно коня на ярмарке.

– Никодимус Партленд, сэр, ваш покорный слуга, – с улыбкой ответил гость. Однако по тону было ясно, что покорности от него ждать не стоит. Как и уважения.

– Ваша... кхм... женщина, – спохватился вдруг мистер Грейнджер, вспомнив о моем присутствии, – любезно предложила переждать грозу здесь. Если, конечно, мы вас не стесним.

– Вовсе нет. – Джейми оглядел меня, и его губы дрогнули в легкой усмешке. – Сэр, разрешите представить мою жену – миссис Фрэзер.

* * *

Фанни вновь вышла на порог – посмотреть, кого облаяла Блубелл. Следом появилась Брианна. Когда с представлениями было покончено, Джейми пригласил путников в дом, многозначительно посмотрев на Бри. Та послушно кивнула.

– Моя дочь проводит вас, джентльмены. Я скоро к вам присоединюсь.

Дождавшись, пока они зайдут в дом, Джейми повернулся ко мне.

– Саксоночка, где тебя черти носили? – прошипел он.

– Помогала свинье опороситься, – коротко бросила я и в доказательство вручила ему свернутую в узел мокрую одежду, от которой до сих пор разило свиными экскрементами. Эту вонь ни с чем не спутаешь.

– Господи, – поморщился Джейми, держа сверток на расстоянии вытянутой руки. – Фрэнсис, детка, унеси это, пожалуйста! Может, стоит замочить? Или лучше сжечь? – спро-

сил он, поворачиваясь ко мне.

– Замочи одежду в холодной воде с жидким мылом и уксусом, – распорядилась я. – А потом мы ее прокипятим. И спасибо, Фанни!

Девочка кивнула и забрала сверток, наморщив нос.

– Кто эти люди? – Джейми кивнул подбородком на дверь, за которой скрылись Партленд и Грейнджер. – И какого дьявола ты разгуливаешь перед незнакомцами в исподнем?

– Я как раз стирала платье в ручье, когда они появились. – Подозрительность мужа начинала меня раздражать. – Я не приглашала их ко мне присоединиться.

– Знаю. Не сердись. – Сделав глубокий вдох, он немного успокоился. – Просто мне не понравилось, как на тебя смотрит тот, что помоложе.

– Мне тоже. А насчет того, кто они...

В этот момент мимо шла Фанни, направляясь вместе с Блубелл в сторону бокового двора, где стояло корыто для стирки.

– Который молодой – офицер, – уверенно заявила девочка. – Они всегда думают, что им все дозволено.

Я озадаченно уставилась ей вслед.

– Эти двое не похожи на военных, – пожала я плечами. – Между прочим, старший назвал меня «милейшая». Возможно, они приняли меня за твою домработницу.

– Мою кого?.. – В его голосе звучало оскорбленное удивление.

– Ну, так называют прислугу, убирающую в доме, – пояснила я, осознав, что в восемнадцатом веке это слово еще не использовалось и Джейми мог превратно его истолковать. – В общем, они сказали, что ищут капитана Каннингема. А поскольку приближалась гроза...

Она и впрямь приближалась. Ветер пригибал к земле траву и раскачивал кроны деревьев; лес ходил ходуном, почти все небо заволочло огромными черными тучами, в которых угрожающе поблескивали молнии.

Из дома вышла Брианна, протягивая мне полотенце.

– Па, я провела их в твой кабинет. Правильно?

– Спасибо, дочка.

– Постой, Бри, – спохватилась я, выглядывая из полотенца. – Может, вы с Фанни спуститесь в погреб и принесете немного овощей? И чего-нибудь еще... Например, сладкого – варенья или изюма. Кем бы они ни были, придется их накормить.

– Конечно, – кивнула она. – Вы не знаете, кто эти люди?

– Тот, что помоложе, – офицер. Так считает Фанни, – сказал Джейми. – В общем, посмотрим. Идем, саксоночка. – Он приобнял меня за талию, чтобы сопроводить внутрь. – Тебе нужно обсохнуть.

– И одеться.

– Да, и это тоже.

Погреб находился на другой стороне большой поляны, хотя и не очень далеко от коптильни. Открытое пространство – без деревьев и построек – совершенно не защищало от ветра. Он яростно подталкивал их в спину, надувая юбки, и даже сорвал с Фанни чепец.

Брианна успела вовремя подхватить проносящийся мимо муслин. Распущенные волосы, разметавшись, лезли в лицо и в глаза – как и у Фанни, так что обе почти ничего не видели. Переглянувшись, они невольно рассмеялись. А когда первые капли дождя упали на землю, с визгом побежали к погребу, чтобы поскорее оказаться в укрытии.

Погреб был вырыт в склоне холма, грубую деревянную дверь по обеим сторонам обрамляли уложенные друг на друга камни. Дверь заклинило, однако Бри распахнула ее могучим рывком, и они ввалились внутрь – немного подмокшие, но спасенные от хлещущих снаружи потоков.

– Держи. – Все еще задыхаясь от быстрого бега, Бри протянула Фанни чепец. – Хотя от дождя он вряд ли защитит.

Фанни покачала головой, чихнула, захихикала и снова чихнула.

– А твой где? – спросила она, шмыгая носом и пряча под чепец растрепавшиеся кудри.

– Мне не очень нравится их носить, – ответила Бри и

улыбнулась, заметив изумление в глазах девочки. – Иногда я покрываю голову, когда готовлю или делаю какую-нибудь грязную работу. На охоту могу надеть шляпу. Но обычно просто подвязываю волосы лентой.

– Так вот почему мифис... *миссис* Фрэзер – то есть ваша мама – тоже не носит чепец?

– Ну, у мамы немного другая причина, – сказала Бри, распутывая пальцами длинные рыжие пряди. – Для нее это способ борьбы с... – поколебавшись, она решила выложить все как есть: в конце концов, Фанни теперь член семьи, – с людьми, которые считают себя вправе диктовать ей, как надо жить.

Девочка удивленно округлила глаза.

– И никто не может ее заставить?

– Хотела бы я посмотреть на этого смельчака, – усмехнулась Брианна и, скрутив волосы в небрежный пучок, приступила к осмотру запасов.

К ее облегчению и радости, почти три четверти полок были заполнены продуктами: картофель, репа, яблоки, ямс. Рядом созревали продолговатые ярко-зеленые плоды азимины⁷¹. У дальней стены стояли два огромных холщовых мешка, доверху набитые чем-то маленьким и круглым – возможно, орехами (хотя в этом году урожая еще не было – навер-

---

⁷¹ Невысокое фруктовое дерево (также его называют «банановое дерево» или «паупау»). Продолговатые плоды выглядят как гигантские бобы и по вкусу напоминают банан и манго.

ное, родители их на что-то выменяли). В погребке витал сладкий пьянящий запах муската: под потолком висели гроздья винограда, который должен вот-вот превратиться в изюм.

– Мама не теряла времени даром, – отметила Бри, машинально набирая дюжину картофелин с одной из полок. – Полагаю, ты тоже, – с улыбкой добавила она, поворачиваясь к Фанни. – Ты ведь наверняка помогала собирать урожай.

Польщенная Фанни скромно опустила глаза.

– Я выкопала репу и часть картофеля, – уточнила она. – Их там много росло под сорняками. На пустыре, который все называют Старым садом.

– Старый сад... – повторила Брианна. – Ясно.

По телу пробежала дрожь – и прохлада погреба здесь была ни при чем. Бри слышала, что Мальву Кристи убили и закопали в том самом саду. Вместе с нерожденным ребенком. Под теми самыми сорняками...

Она искоса взглянула на Фанни, вытаскивающую луковицу из связки: очевидно, девочка ничего не знала о трагедии, из-за которой сад оказался заброшен. Ей еще не успели рассказать.

– Может, возьмем побольше картофеля? – спросила Фанни, бросая в корзину две крупные желтые луковицы. – И немного яблок для лепешек? Если дождь не прекратится, те мужчины останутся на ночь. А у нас даже яиц к завтраку нет.

– Отличная идея! – похвалила Бри. Фанни проявила предусмотрительность истинной хозяйки. Предложение де-

вочки напомнило ей о таинственных путниках. – Кстати, почему ты решила, что один из них – офицер?

И почему папу не удивляет такая осведомленность?

Фанни долго смотрела на нее с непроницаемым лицом.

– Я видела таких, – выпалила она наконец. – Много раз. В борделе.

– Где? – Брианна чуть не выронила плод азимины, который доставала с верхней полки. Она не ожидала, что девочка об этом заговорит, хотя знала о ее прошлом от мамы.

– В борделе, – осекшись, повторила Фанни. Она побледнела, но глаза смотрели из-под чепца решительно и твердо. – В Филадельфии.

– Понятно... – Брианна надеялась, что ей удалось придать голосу и взгляду такую же твердость. Она старалась говорить спокойно, хотя внутренне кипела от негодования. *Господи, ей ведь не больше двенадцати!* – А па... значит, там он тебя и нашел?

Фанни торопливо отвернулась к полке с яблоками, чтобы скрыть навернувшиеся слезы.

– Нет, – глухо ответила девочка. – Моя... сестра... она... мы убежали ф ней вмефте.

– А твоя сестра, она?... – осторожно спросила Бри.

– Умерла.

– Ох, Фанни!.. – Фрукты выпали из рук, но это было неважно. Бри порывисто обняла малышку и крепко прижала к себе, словно хотела изгнать повисшую в воздухе печаль,

выдавить ее из пространства. — Ох, Фанни... — ласково повторила Брианна, глядя худенькие вздрагивающие лопатки. Точно так же она утешала бы Джема или Мэнди.

Вскоре девочка перестала дрожать и, взяв себя в руки, высвободилась из объятий.

— Ничего. — Фанни быстро-быстро моргала, стараясь не расплакаться. — Теперь она... в безопасности. — Малышка глубоко вздохнула и расправила плечи. — После того как это случилось, Уильям передал меня мистеру Фрэзеру. Ой!.. — спохватилась она. — Вы же знаете Уильяма?

Бри не сразу сообразила, о ком речь. Что еще за *Уильям*? Но тут в памяти что-то щелкнуло, и она ошарашенно посмотрела на Фанни.

— Уильям? Сын моего... мистера Фрэзера? — Сразу вспомнился разговор на пристани Уилмингтона и высокий юноша с раскосыми глазами и длинным — точь-в-точь как у нее — носом. Правда, волосы у парня были темные, а не рыжие.

— Да, — настороженно кивнула Фанни. — Получается, он ваш брат?

— Только наполовину. — Не вполне оправившись от потрясения, Брианна принялась подбирать упавшие фрукты. — Говоришь, он *передал* тебя папе?

— Да. — Фанни снова вздохнула и, подняв последнее яблоко, посмотрела Брианне в глаза. — Вы не против?

— Конечно, нет! — Бри ласково погладила ее по щеке. — Нет, Фанни. Я совсем не против.

Джейми сразу понял, что Партленд, в отличие от своего дядюшки, в самом деле военный. И хотя подчеркнуто учтив с Грейнджером, определенно имеет над старшим – и более богатым – спутником некоторую власть. *Либо много о себе возомнил*, – подумал Джейми, с любезной улыбкой наливая вина расположившимся в кабинете гостям. Партленд ему не нравился, и, судя по всему, неприязнь была взаимной, только вот причин ее он и не знал. *Пока*.

– Мистер Грейнджер, может, останетесь до утра? – спросил он, с опаской подняв глаза к потолку. – Уже стемнело, а буря и не думает прекращаться. Вряд ли вам захочется пробираться по лесу в крошечной тьме.

Дождь всюду барабанил по крыше, и Джейми испытывал смешанные чувства: гордость человека, собственноручно соорудившего надежную кровлю, и смутное опасение, что та окажется не такой уж надежной.

– Вы правы, генерал, – ответил Партленд. – Мы с дядей благодарим вас за гостеприимство, – добавил он, приветственно приподняв бокал.

Грейнджер несколько опешил от столь явного нарушения субординации со стороны племянника. Однако, обменявшись с ним многозначительными взглядами, успокоился и тоже пробормотал слова благодарности.

– Рад помочь, джентльмены, – сказал Джейми, садясь за письменный стол с бокалом в руке.

Пришлось принести из кухни табурет для Партленда – в кабинете был только один гостевой стул с плетеным сиденьем из тростника. Хорошо хоть стены закончены – теперь здесь чувствовалось приятное уединение. Из кухни доносились методичные удары: Клэр, вновь подобающе одетая, отбивала колотушкой жесткий кусок оленины, чтобы размягчить его до более съедобного состояния.

– Прошу вас, зовите меня «мистер Фрэзер», – с улыбкой добавил он и пояснил, предупреждая возражения: – После битвы при Монмуте я вышел в отставку и с тех пор не имею никакого отношения к Континентальной армии.

– В самом деле? – Грейнджер выпрямил спину и разгладил сюртук, чтобы прикрыть дыру. – Сэр, вы сама скромность! Обычно люди, сделавшие столь блестящую военную карьеру, держатся за звания до конца своих дней.

Партленд сохранял вежливую невозмутимость. Джейми подумал, что за ней скрывается усмешка, и ощутил легкий укол раздражения.

– Должен заметить, сэр, многие офицеры вполне заслуженно сохраняют за собой звание, выйдя в отставку после многих лет достойной службы. Например, ваш друг капитан Каннингем.

– Э-э... действительно. – Грейнджер как будто сконфузился. – Приношу свои извинения, мистер Фрэзер. Не хотел

вас обидеть замечанием о воинских званиях...

– Все в порядке, сэр. Так значит, вы с капитаном давние знакомые?

– О да! – Грейнджер заметно оживился, желая поскорее замять неловкость. – Капитан оказал мне огромную услугу, когда отбил один из моих кораблей у французского корсара возле берегов Мартиники. Я навестил его, чтобы лично выразить благодарность, и в ходе беседы обнаружилось, что у нас много общего. Мы стали друзьями и с тех пор обмениваемся письмами вот уже – боже правый! – двадцать лет.

– Так вы негоциант?

Это объясняет подкладку из желтого шелка, которая наверхняк стоит больше, чем одежда всех домочадцев Джейми.

– Да. В основном торгую ромом. К сожалению, нынешняя война значительно усложнила ситуацию.

Джейми издал неопределенный звук, выражающий вежливое сочувствие и нежелание углубляться в политические споры. Мистер Грейнджер был явно не прочь сменить тему, однако Партленд вдруг подался вперед, поставив бокал на стол.

– Простите, что вмешиваюсь, мистер Фрэзер. – Он улыбнулся одними губами. – Позвольте спросить – разумеется, из чистого любопытства, – почему вы оставили службу в рядах армии Вашингтона?

Джейми так и подмывало сказать, что не позволит. Но желание побольше разузнать о Партленде вынудило его сдер-

жаться.

– Мое назначение было вынужденной мерой, – спокойно ответил он. – Генерал Генри Тейлор скончался за несколько дней до битвы, и Вашингтону требовался опытный человек, который мог бы возглавить отряды ополченцев вместо покойного. Однако большинство солдат Тейлора записались в армию всего на три месяца, и срок их службы подошел к концу вскоре после Монмута. Необходимость в моих услугах попросту отпала.

– Вот как? – Партленд насмешливо смотрел на Джейми, будто прикидывая, стоит ли высказывать свои соображения. И он их таки высказал. А Джейми мысленно поставил галочку возле слова «бесцеремонный». Сразу после отметки напротив «скользкий, как змея». Оказывается, он уже давно вел в уме этот список. – Несомненно, Континентальная армия смогла бы найти дальнейшее применение человеку с вашим послужным списком. Насколько я знаю, сейчас они собирают солдат по всей Европе, независимо от опыта и репутации.

Джейми снова неопределенно хмыкнул, Грейнджер издал английскую версию того же междометия, но Партленд и ухом не повел.

– Люди болтают – уверен, это всего лишь грязные слухи... – он снисходительно махнул рукой, – будто вы самовольно покинули поле боя. И будто этот конфуз послужил причиной вашей отставки.

– На сей раз слухи оказались недалеко от правды, – ответил Джейми ровным тоном. – Моя жена получила серьезное ранение во время боя – она хирург и ухаживала за пострадавшими, – поэтому я решил подать в отставку, чтобы спасти ей жизнь.

Больше я тебе ни слова об этом не скажу, *gobaire!*⁷²

Грейнджер смущенно кашлянул и неодобрительно посмотрел на племянника. Взяв бокал, тот с невозмутимым видом откинулся на спинку стула, исподтишка косясь в сторону хозяина. Сквозь неотделанные стены из кухни доносились приглушенные удары молотка – теперь их ритм не поспевал за участвовавшим сердцебиением Джейми.

Чтобы замедлить пульс, он сделал глубокий вдох. Затем взвесил в руке бутылку: наполовину полная. Хватит, чтобы продержаться до ужина.

– Может, расскажете о торговле ромом? – спросил Джейми, вновь наполняя бокал Грейнджера. – Когда-то в Париже я торговал вином и отчасти крепкими спиртными напитками. Но это было двадцать пять лет назад – полагаю, с тех пор многое изменилось.

Атмосфера в кабинете разрядилась, стук молотка смолк. Беседа стала более дружеской и непринужденной. Крыша не текла. Джейми немного расслабился, потягивая вино. Нужно будет поговорить с Бобби и Роджером Маком о капитане Каннингеме. Завтра же.

---

⁷² Сплетник (зэльск.).

Бобби Хиггинс появился на пороге сразу после полудня следующего дня. На нем были чистые штаны и рубашка, а также лучший жилет с кружевным шейным платком. Джейми насторожился. Подобная педантичность в выборе наряда говорила о том, что Бобби чем-то обеспокоен и надеется умиловить богов тщательно уложенными волосами и накрахмаленной одеждой.

— Сэр, вы хотели со мной поговорить? Миссис Гудвин передала моей Эми просьбу вашей сестры, — выпалил он и тревожно кивнул. Затем уставился на Джейми, пытаясь догадаться, о чем пойдет речь.

— Заходи, Бобби. — Джейми отступил, жестом приглашая гостя войти. — Я лишь хотел спросить, что тебе известно о капитане Каннингеме. Вчера у нас останавливались двое его приятелей — гроза застигла их в лесу.

— А-а... — протянул Бобби с явным облегчением. — Плохие дяденьки.

— Кто?

— Так их малышка Мэнди окрестила. — Он выставил ладонь примерно на уровне ее роста. — Сказала, что это «плохие дяденьки», и требовала их пристрелить.

Джейми улыбнулся, несколько не удивившись внучкиной прозорливости.

– Бобби, а сам-то ты что о них думаешь?

Бобби покачал головой.

– Я их не видел. Ребятишки играли возле теплицы, когда мимо прошли два чужака. Вернувшись домой, дети мне об этом рассказали. А я и говорю: интересно, мол, кто они такие? Тогда Жермен сказал, что они искали капитана Каннингема. Полагаю, те самые.

– Согласен. Бобби, выпьешь со мной по баночке эля?

Эль, сваренный Фанни и Брианной, был отвратительным. Однако крепости в нем хватало, так что мужчины безропотно его выпили, беседуя об арендаторах и различных хозяйственных делах.

– Бобби, я подумываю собрать ополчение, – невзначай бросил Джейми.

К его удивлению, собеседник одобрительно кивнул.

– Давно пора, сэр. Уж простите мою прямоту.

– Почему ты так считаешь? – насторожился Джейми.

– Пару дней назад заезжал Джосайя Бердсли и сказал, что видел в лесу между Риджем и Блоуинг-Роком группу людей. Вооруженных. Еще он уверял, что среди них был по меньшей мере один красномундирник. – Сделав большой глоток пива, Бобби вытер рот и добавил: – Я и раньше слышал о подобных отрядах, но они еще никогда не подступали так близко.

– Понятно, – тихо сказал Джейми.

Кто-нибудь придет. Так он сказал Брианне, выслушав историю о Роббе Кэмероне. По спине пробежал неприятный хо-

лодок. Вряд ли вооруженные люди в лесу имеют какое-либо отношение к ублюдкам, которые пытались убить дочь в ее собственном доме и времени. Однако в нынешних условиях кто угодно может представлять угрозу.

– Значит, чем скорее, тем лучше. Бобби, можешь составить список? Мне нужно знать, какое оружие есть на руках у обитателей Риджа: от мушкета до косы. Даже кухонный нож сойдет.

* * *

Вышло так, что о капитане Каннингеме ему рассказала Рэйчел. Он собирался помочь Роджеру Маку и Ричарду Макниллу доделать крышу новой церкви и зашел к Йену, чтобы позвать его с собой. Вчетвером они закончили бы половину работы до захода солнца: хижина была небольшой.

Однако дома оказалась только Рэйчел. Она сбивала масло на веранде; листья осин отбрасывали на девушку легкие тени, похожие на стайки прозрачных бабочек.

– Йен ушел на охоту с одним из Бердсли, – с улыбкой сказала она, ни на миг не прерывая свое занятие. – Твоя сестра отправилась к Эгги Макэлрой и взяла Огги – скорее всего, в качестве примера ужасного ребенка. Чтобы младшая дочь Эгги не вздумала выскакивать замуж за первого встречного.

– Катрина?.. – спросил он, порывшись в памяти. – Ей ведь не больше четырнадцати?

– Тринадцать. Но, полагаю, девочка уже созрела. Долго ждать не станет. Один ветер в голове. – Рэйчел покачала головой и продолжила: – Хотя, мне кажется, похотливость и жажда перемен здесь ни при чем. Дело скорее в страхе – она ведь самая младшая. Вот и боится, что ей запретят выходить замуж, чтобы она ухаживала за родителями, когда те составятся. Поэтому хочет поскорее сбежать, пока из них песок не начал сыпаться.

Джейми невольно задумался: не сыпется ли песок из него самого? Ведь Гордон Макэлрой на пять лет младше, да и Эгги всего около сорока пяти.

– А ты неплохо разбираешься в людях, дочка, – с улыбкой похвалил он.

– Это правда, – улыбнулась та в ответ. – Хотя в случае с Катриной моя проницательность не пригодилась. Девочка сама поведала мне о своих опасениях.

Должно быть, Рэйчел работала с самого утра: день выдался нежаркий, однако края ее кружевного нагрудного платка потемнели от пота, а на смуглом лице выступил румянец.

Поднявшись на веранду, он подошел к девушке и ловко перехватил рукоять маслобойки.

– Сядь отдохни, малышка. И заодно Расскажи все, что знаешь о капитане Каннингеме.

– Ты слишком высокий для нашей маслобойки, – скептически заметила Рэйчел, но все же села на краю веранды, с наслаждением вытянув ноги и расправив плечи.

– Похоже, масло вот-вот собьется. – Джейми уже и не помнил, когда в последний раз занимался пахтаньем. Лет пятьдесят назад. От этой мысли стало не по себе, и он с удвоенной силой принялся орудовать рукояткой.

– Верно. – Повернувшись, Рэйчел взглянула на него и нахмурилась. – Но если будешь так молотить, ничего не выйдет! Надо помедленнее.

– Ох, извини! – Джейми послушно вернулся к прежнему ритму, ощущая приятную вязкость тяжелой массы, которая с мягким хлюпаньем болталась из стороны в сторону. – Ты хоть раз с ним встречалась?

– Конечно, – ответила она с легким удивлением. – Сначала я познакомилась с его матерью. Это было несколько недель назад, вскоре после их приезда. Мы столкнулись в лесу, когда собирали окопник. Немного поболтали, и я помогла ей донести корзины до дома. Ее сын был очень любезен и предложил мне чая. – Рэйчел многозначительно подняла бровь, однако Джейми и сам обратил внимание на необычный факт.

– Чая в наших краях уже лет пять никто не видел.

– Вот именно, – задумчиво кивнула девушка. – Мистер Каннингем сказал, что старые флотские друзья иногда присылают ему чай и другие деликатесы.

– Ты сказала «вскоре после их приезда». А когда они приехали?

– В конце апреля. Капитан Каннингем сказал Бобби Хиггину, что, подобно Одиссею, долго странствовал с веслом

на плече, пока не забрел в края, где никто не видел такую диковину. И решил там поселиться.

Джейми невольно улыбнулся.

– Бобби знает, кто такой Одиссей?

– Не знал, но я вкратце рассказала ему эту историю и объяснила, что капитан говорил в переносном смысле. Думаю, Бобби чувствовал себя с капитаном не в своей тарелке, – дипломатично заметила Рэйчел. – Но отказывать новому поселенцу не было причин – к тому же Каннингем оплатил аренду на пять лет вперед. Наличными.

Бобби чувствовал себя не в своей тарелке с любыми представителями власти – из-за клейма убийцы. Будучи солдатом в Бостоне, он случайно подстрелил местного жителя во время потасовки.

– Похоже, людям нравится с тобой откровенничать, – сказал Джейми. Рэйчел подняла на него приветливый взгляд ореховых глаз и кивнула.

– Я люблю слушать, – бесхитростно ответила она.

Собирая травы в окрестном лесу, Рэйчел частенько навещала Каннингемов – поделиться излишками. В новых поселенцах не было ничего примечательного, если не считать желания капитана стать проповедником.

– Проповедником? – От удивления Джейми на миг перестал сбивать масло, но вовремя спохватился. Масса начинала затвердевать. – Весьма необычная мечта для человека его склада.

– Вообще-то капитан начал ее воплощать, еще когда служил во флоте. Читал матросам проповеди по воскресеньям. Полагаю, это занятие показалось ему весьма благодарным, вот он и решил податься в проповедники после выхода в отставку. Правда, Каннингем понятия не имеет, как достичь своей цели. Мать сказала ему, что Господь непременно укажет способ.

Новость о желании офицера стать духовным пастырем удивила Джейми, но вместе с тем успокоила. Нынче многие священники воинственно взывают к Господу, моля низвергнуть армию противника в геенну огненную. Так что одно другому не мешает. Маловероятно, что отставной капитан Британского флота откажется от прежних убеждений и выступит в поддержку независимости американских колоний. Похоже, малышка Фрэнсис была права насчет мистера Партленда.

– Между прочим, когда Роджер с Брианной пришли знакомиться, Каннингемы их и на порог не пустили, – сказал Джейми. – По-моему, масло готово.

Рэйчел поднялась, вновь убрала темные волосы под чепец и подошла взглянуть. Взяла в руки маслобойку и, пару раз помешав, кивнула.

– Знаю. Брианна говорила. Мне кажется, – мягко добавила она, – Роджеру стоит побеседовать с Другом Каннингемом наедине.

– Возможно.

Джейми вынул маслобойку, и они заглянули внутрь: на поверхности сливок плавали бледно-золотые комочки масла.

Дневная охота

Погода выдалась чудесная, и я убедила Джейми – хотя и с трудом, – что мир не рухнет, если кухня еще один день постоит без двери. Мы взяли детей и все вместе отправились через лес к хижине Йена, прихватив небольшие подарки для Рэйчел, Дженни и Огги.

– Как думаешь, саксоночка, они уже выбрали малышу имя? Может, поспорим?

– На что? – рассеянно ответила я. – Ты сам-то как считаешь?

– Не выбрали. С вероятностью пять к двум. Спорить будем... – Удостоверившись, что нас никто не слышит, Джейми сказал вполголоса: – ...на твои панталоны.

Панталонами он называл нижнюю часть моей фланелевой пижамы, которую я шила к зиме.

– Что ты собираешься с ними делать, скажи на милость?

– Сжечь.

– Даже не мечтай. И потом, я тоже думаю, что Йен и Рэйчел еще не определились. Насколько я знаю, последними вариантами были Седрах, Гилберт и могавская версия фразы «пукает, как козел».

– Дай-ка угадаю. Третий вариант предложила Дженни?

– Ну а кто еще так хорошо разбирается в козлах?

Блубелл с энтузиазмом обнюхивала шуршащие под ногами листья, ритмично помахивая хвостом.

– А правда, что таких собак можно натаскать на что угодно? – спросила я. – Слышала, их иногда называют енотовыми гончими. Хотя не похоже, что ее сейчас интересуют еноты.

– Блубелл относится к другой разновидности породы, хотя енота тоже не упустила бы. На что ты хочешь ее натаскать? На трюфели?

– Если не ошибаюсь, для охоты на трюфели нужен кабан. Кстати, о кабанах... Джемми! Жермен! Смотрите в оба: здесь водятся кабаны! И приглядывайте за сестренкой!

Мальчики сидели на корточках под сосной, отковыривая кусочки коры, похожие на элементы пазла. Услышав мой окрик, они растерянно огляделись.

– Где Мэнди? – крикнула я.

– Там! – Жермен махнул вверх по склону холма. – С Фан-

ни.

– Смотри, Жермен, тысяченожка! Какая *огромная*! – воскликнул Джем.

Жермен тут же потерял интерес к девчонкам и, присев на корточки рядом с Джемом, принялся разгребать сухие листья.

– Может, мне тоже пойти посмотреть? – спросила я у мужа. – Вообще-то они не ядовитые, однако некоторые виды многоножек – например, сколопендры – больно кусаются.

– Парнишка умеет считать, – остановил меня Джейми. – Если он говорит, что у нее тысяча ножек, – значит, примерно так оно и есть.

Он коротко свистнул, подзывая собаку, и Блубелл навострила уши.

– Ищи Фрэнсис, *a nighan*, – приказал Джейми, указывая на холм. Собака понимающе тявкнула и рванула вверх по каменистому склону, взметая лапами желтые опавшие листья.

– Думаешь, она... – Не успела я договорить, как сверху послышались голоса девочек и радостный лай. – Получается, Блубелл действительно *знает*, кто из нас Фанни.

– Ну конечно, знает! Она давно научилась всех различать, но Фрэнсис ее любимица, – ответил он с улыбкой.

И правда: девочка обожала собаку и могла по полдня вычесывать ей шерсть, извлекая клещей, а когда устраивалась с книгой возле очага, Блубелл мирно похрапывала у ее ног.

– Почему ты упорно зовешь ее Фрэнсис? – полюбопыт-

ствовала я. – Ведь все остальные, включая ее саму, предпочитают вариант Фанни.

– Фанни – имя для шлюхи, – отрезал Джейми. Однако, заметив мое изумление, мягко пояснил: – Может, встречаются и приличные женщины с таким именем. Но Роджер Мак говорит, что в вашем времени все еще печатают эту книжонку Клеленда.

– Кливленда?.. А, ты про Джона Клеланда и его роман «Фанни Хилл»?

Меня поразило даже не то, что спустя двести пятьдесят лет откровенно порнографическая книга «Воспоминания женщины для утех» продолжает пользоваться спросом – в конце концов, некоторые вещи никогда не устаревают, – а то, что муж обсуждал это именно с Роджером.

– Еще он сказал, что это имя будут использовать как... непристойное название для... женских интимных мест, – хмуро добавил Джейми.

– Верно, – подтвердила я. – Или для обозначения задницы. Смотря откуда ты: из Британии или Америки. Но ведь *сейчас* у имени нет такого значения?

– Нет, – неохотно признал он. – Все же лорд Джон однажды сказал, что «Фанни Лейкок» – прозвище всех шлюх. Я тут подумал... – Джейми вновь сдвинул брови. – Ее сестра представилась как Джейн Элеонора Покок. Что, если это не настоящее имя, а...

– Псевдоним? – подсказала я. – Меня бы это не удиви-

ло. Кстати, разве «по» не означает на французском «ночной горшок»?

– *Pot de chambre?* – удивленно произнес он. – Ну конечно.

– Ну конечно... – пробормотала я. – Допустим, Покок – вымышленная фамилия. Думаешь, Фанни... Фрэнсис знает настоящую?

Джейми озадаченно покачал головой.

– Не хочу донимать малышку расспросами. Она больше не упоминала о том, что случилось с ее родителями?

– Нет. По крайней мере, мне. А даже если рассказала бы кому-нибудь другому, нам бы сразу передали.

– Может, просто забыла?

– Скорее не хочет вспоминать.

Он кивнул, и некоторое время мы брели молча, наслаждаясь безмятежностью осеннего леса. Сквозь шелест каштановых деревьев, словно крики далеких птиц, доносились детские голоса.

– Между прочим, – прибавил Джейми, – Уильям тоже звал ее Фрэнсис. Когда передавал мне.

* * *

Мы шли не спеша, останавливаясь через каждые несколько шагов, когда мне попадалось что-нибудь съедобное, целебное или удивительное.

– Ого! – восхищенно воскликнула я, бросившись к кро-

ваво-красному наросту у подножия дерева. – Ты только посмотри!

– Похоже на кусок сырой оленьей печени, – сказал Джейми, заглядывая мне через плечо. – Но я не чувствую запаха крови. Видимо, перед нами один из твоих «древесных грибов»?

– Угадал! Это *fistulina hepatica*⁷³, – сказала я, доставая нож. – Подержи-ка, пожалуйста.

Покорно вздохнув, он взял у меня корзину и терпеливо ждал, пока я срежу мясистые ломти – под опавшими листьями обнаружилась целая россыпь грибов, напоминающих багряные кувшинки. Я не стала срезать самые маленькие – пускай подрастут, – но и без них набрала около двух фунтов лесных деликатесов. Уложила их в корзину между слоями влажных листьев, а затем отломил маленький кусочек и с улыбкой протянула Джейми.

– Откусишь с одной стороны – подрастешь, откусишь с другой – уменьшишься.

– Что?

– Так говорила Гусеница из «Алисы в Стране чудес». Потом расскажу. Я слышала, по вкусу они напоминают сырую говядину.

– Что еще за гусеница? – пробормотал Джейми себе под нос, внимательно рассматривая гриб. Убедившись, что ни-

---

⁷³ Печеночница обыкновенная (лат.) – гриб, похожий на кусок красного мяса, прилипшего к пню или основанию дерева.

каких следов насекомых не наблюдается, сунул его в рот и принялся сосредоточенно жевать с закрытыми глазами. Затем наконец проглотил.

— Разве что очень старую говядину, которая слишком долго вялилась, — вынес он вердикт. — Признаться, это вполне съедобно.

— Спасибо за столь высокую оценку сырых грибов, — польщенно сказала я. — Вот бы приготовить к ним соус *tartare*, да жаль анчоусов под рукой нет.

— Анчоусы... — мечтательно произнес Джейми и облизнулся. — Сто лет их не ел. Когда в следующий раз поеду в Уилмингтон, постараюсь раздобыть.

Я удивленно посмотрела на мужа.

— Ты собираешься в Уилмингтон?

— Возможно, — уклончиво ответил он. — Поедешь со мной, саксоночка? Хотя у тебя сейчас, наверное, полно хлопот с заготовками на зиму.

Я возмущенно фыркнула. Мне действительно приходилось посвящать почти все свое время сбору, поиску, ловле, копчению, засолке и консервированию пищи (помимо изготовления лечебных порошков, настоек и отваров). Однако никто не отменял необходимости пополнять запасы иголок, булавок, сахара (которого, кстати, почти не осталось. А без него варенья не сваришь!), ниток. Не говоря уже о разных хозяйственных мелочах и более сложных медицинских препаратах вроде эфира.

Даже табун диких лошадей не смог бы удержать меня от поездки. И Джейми это прекрасно знал; его губы дрогнули в лукавой ухмылке.

Не успела я милостиво принять приглашение... или пихнуть Джейми в ребра, как из-за деревьев послышался жуткий вой и Блубелл ринулась вниз по склону холма; все четверо детей помчались за ней, преследуя невидимую добычу.

– Что ты там говорила про енотов? – Прищурившись, Джейми вглядывался в даль, где под деревом застыла гончая. Уперев передние лапы в ствол и задрав морду, она пронзительно выла.

К моему удивлению, на дереве и правда оказался енот – жирный, серый, огромный и ужасно рассерженный, что его посмели потревожить среди дня. Зверек сидел в дупле треснувшей от удара молнии сосны и враждебно поглядывал на преследователей. Наверняка он рычал, но из-за криков детей и собачьего воя ничего не было слышно.

Джейми шикнул на всех – кроме собаки – и посмотрел на енота с азартом прирожденного охотника. Глаза Джема светились тем же огнем. Жермен и Фанни стояли рядом, разглядывая зверя, а Мэнди крепко обхватила меня за ногу.

– Я боюсь, что он меня укусит! – пропищала она. – Дедуля, не позволяй ему меня кусать!

– Не волнуйся, *a nighean*, не позволю. – Не сводя глаз с енота, Джейми снял ружье и потянулся к висевшему на поясе мешочку с патронами.

– Дедушка, можно я сам его пристрелю? Ну пожалуйста! – Джемму не терпелось взять ружье, и он в волнении вытирал руки о штаны. Джейми с улыбкой посмотрел на него и перевел взгляд на Жермена – как мне показалось.

– Пусть лучше Фрэнсис попробует, хорошо? – Он протянул руку ошарашенной девочке. Я была уверена, что Фанни в ужасе отпрянет, однако та лишь слегка покраснела и после секундного колебания смело шагнула вперед.

– Покажите, как надо стрелять, – пролепетала Фанни, переводя взгляд с ружья на енота, словно боялась, что они вдруг исчезнут.

Обычно Джейми носил ружье заряженным, но без запала. Опустившись на колено, он положил ружье на бедро другой ноги и протянул девочке наполовину заполненный патронник. А затем показал, куда засыпать порох. Мальчишки завистливо наблюдали, с умным видом вставляя комментарии: «Фанни, это огниво», «прижми приклад к плечу, не то ружье отскочит при отдаче и разобьет тебе лицо». Джейми и Фанни не обращали на них внимания. На всякий случай я оттащила Мэнди на безопасное расстояние и села на обветшалый пенек, усадив малышку на колени.

Блубелл с енотом продолжали состязаться в громкости, так что лес звенел от собачьего воя и сердитого пронзительного визга. Мэнди демонстративно закрыла уши ладошками, однако вскоре убрала руки, чтобы спросить, умею ли я стрелять из ружья.

– Да, – кивнула я, не вдаваясь в детали.

Теоретически я действительно знала, как это делать, и даже неоднократно разряжала ружье. Правда, такое занятие не доставляло мне удовольствия – тем более в битве при Монмуте я на собственной шкуре испытала жуткие последствия огнестрельного ранения. Уж лучше бы ножевое.

– А вот мама умеет стрелять из чего угодно, – заявила Мэнди, неодобрительно хмурясь на Фанни.

Девочка трясущимися руками прижимала ружье к плечу. Вид у нее был одновременно возбужденный и испуганный. Присев позади Фрэнсис, Джейми помог ей выровнять ружье и объяснил, как целиться. Стоял такой галдеж, что его низкий голос казался едва различимым гулом.

– Ступайте к бабушке! – крикнул он мальчикам, неотрывно глядя на енота.

Зверек распушил шерсть, увеличившись почти вдвое, и яростно рычал на Блубелл, игнорируя зрителей. Джем с Жерменом нехотя повиновались, отошли на относительно безопасное расстояние и встали возле меня. Я с трудом поборола желание отогнать их еще дальше.

Грянул оглушительный выстрел, и Мэнди завизжала. Я и сама едва сдержала крик. Подстреленный енот свалился с дерева. Возможно, зверек был уже мертв, но Блу схватила его, переломив хребет, и бросила окровавленную тушку на землю, после чего издала победный вой.

Мальчики с восторженными воплями подбежали к Фанни

и похлопали ее по спине. Девочка стояла с открытым ртом, еще не отойдя от шока. Сквозь пелену черного дыма виднелось ее побелевшее лицо. Она беспрестанно переводила взгляд с ружья в руках на мертвого енота, словно не веря собственным глазам.

– Отличный выстрел, Фрэнсис. – Джейми ласково погладил ее по голове и забрал ружье из трясущихся рук. – Может, попросим мальчишек освежевать добычу?

– Д-да... Да, пожалуйста, – чуть заикаясь, ответила Фанни. Затем глянула в мою сторону, но подходить не стала, а вместо этого на ватных ногах направилась к Блу и рухнула на колени в осеннюю листву рядом со своей любимицей. – Хорошая собачка...

Она обняла гончую, которая тут же принялась радостно лизать ей лицо. Джейми подобрал окровавленного енота, опасливо покосившись на собаку. Блубелл ограничилась сдержанным рычанием.

Когда шум охоты (если это можно назвать охотой) смолк, в лесу вдруг стало неестественно тихо – даже ветер будто замер. Вздурораженные происшествием мальчишки увлеченно свежевали енота, настояв, чтобы Фанни непременно подошла и восхитилась их мастерством. Поскольку громкая часть охоты закончилась, Мэнди с энтузиазмом присоединилась к остальным, то и дело уточняя название очередного извлеченного органа.

Джейми сел рядом со мной, поставив ружье у ног, и рас-

слабился, благодушно наблюдая за детьми. Но мне почему-то было тревожно. Эхо выстрела все еще звенело в голове, пробирая до мозга костей.

Я отвела взгляд и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы заместить тяжелый запах свежей крови приятными ароматами леса и грибов. Вспомнив про свои трофеи, я опустила глаза в корзину, где сквозь влажные листья алели мясистые шляпки *Fistulina hepatica*. К горлу подступила тошнота, и я резко встала.

– Что случилось, саксоночка? – раздался за спиной удивленный голос Джейми. – Тебе нехорошо?

Чтобы не упасть, я ухватила за белоснежный ствол осины, стараясь не прислушиваться к раздающимся неподалеку тошнотворным звукам.

– Все в порядке, – пробормотала я онемевшими губами и зажмурилась. А когда открыла глаза, увидела струйку вязкого древесного сока цвета запекшейся крови, вытекающего из трещины в коре. Отпустив ствол, я медленно осела в опавшую листву.

– Саксоночка! – Джейми явно встревожился, но не решался говорить громче, чтобы не напугать детей.

Я сглотнула – раз, другой, а затем вновь открыла глаза.

– Ничего страшного. Просто голова немного закружилась.

– Ты побелела, как эта осина, *a nighean*. Держи... – Он вытащил из споррана маленькую фляжку и протянул мне. Виски! Я с благодарностью отхлебнула обжигающий напиток, в

надежде избавиться от мерзкого привкуса крови во рту.

Послышались детские крики и смех. Выглянув из-за плеча Джейми, я увидела, что Блу радостно катается по свежеевлеченным внутренностям – белые пятна на ее шкуре стали грязно-коричневыми. Сложившись пополам, я извергла содержимое желудка; смешанная с виски рвота выливалась даже через нос.

– *A Dhia*, – пробормотал Джейми, вытирая мне лицо носовым платком. – Девочка моя, ты тоже ела грибы? Думаешь, это отравление?

Я отмахнулась от платка, пытаясь отдышаться.

– Нет, все в порядке. Можно?.. – Я потянулась к фляжке, и муж вложил ее мне в руку.

– Пей маленькими глоточками, – посоветовал он, вставая. Затем направился к детям и в два счета навел порядок. Мясо и шкуру енота убрали в корзину, а останки зарыли под деревом, подальше от моих глаз. Детей Джейми отослал к дальнему ручью, строго наказав им вымыться и помыть собаку.

– Бабушка немного утомилась от прогулки, *mo leannan*⁷⁴, – пояснил он внукам, искоса взглянув на меня. – Мы подождем вас здесь. Аманда, не отходи от Фрэнсис ни на шаг и слушайся ее, поняла? А вы, парни, смотрите в оба: гулять по лесу в пропахшей кровью одежде – опасная затея. Если вдруг увидите кабанов, помогите девочкам залезть на дерево и зовите на помощь. И возьмите-ка лучше вот это. – Он

---

⁷⁴ Мои дорогие (*гэльск.*).

протянул Джему ружье. – На всякий случай.

Вручив Жермену мешочек с патронами, Джейми смотрел, как дети спускаются по склону к журчащему внизу ручью. Они присмирели, хотя продолжали хихикать и пихаться локтями.

– Ну как ты? – Муж сел рядом, пристально глядя на меня.

– Все хорошо. Правда! – Физически я действительно чувствовала себя гораздо лучше, хотя внутренняя дрожь никак не проходила.

– Вижу я, как тебе хорошо, – саркастически усмехнулся Джейми. Однако напирать не стал, а просто сидел рядом, опустив руки на колени – расслабленный, но готовый в любой момент сорваться с места.

– *Je suis prest*, – сказала я с вымученной улыбкой на покрытом холодным потом лице. – У тебя в спорране, случайно, не найдется немного соли?

– Конечно, найдется, – удивленно ответил он и вытащил свернутый в трубочку клочок бумаги. – А что, она помогает от мертвенной бледности?

– Посмотрим. – Я макнула палец в соль и положила несколько кристалликов на язык. Как ни странно, вкус оказался мне освежающим.

После очередного глотка виски стало намного лучше. Я вернула Джейми кулек.

– Сама не знаю, зачем попросила. Говорят, с помощью соли можно изгнать призраков?

Его губы тронула легкая улыбка.

– Да, – кивнул он. – Что за призраки тебя преследуют, саксоночка?

Я решила, что больше не могу держать это в себе, и выпалила:

– Почему ты так спокойно отнесся к появлению собаки?

Джейми на мгновение застыл и отвел взгляд, будто хотел собраться с мыслями перед неприятным разговором. Пару раз моргнул и с тяжким вздохом вновь посмотрел мне в глаза.

– Поначалу я испугался, – тихо признался он. – Когда услышал среди ночи тот жуткий вой, то подумал... Возможно, ты догадываешься, что именно...

– Что с гончей явился и хозяин? Или пустил ее по твоему следу? – Мой голос был не громче шепота, но Джейми услышал и медленно кивнул.

– Да, – прошептал он, нервно сглотнув. – Что, возможно, привел в наш дом что-то...

Во рту пересохло от волнения, но я должна была это сказать:

– Так и случилось.

Джейми прищурился и молча посмотрел на меня; его синие глаза казались почти черными в тени каштанов.

– Когда она пришла ко мне, – заговорил он наконец, – в поисках еды и крыши над головой... И когда ребяташки так хорошо ее приняли, а она их... Я подумал: вдруг собака по-

слана мне свыше? В знак прощения. И если я приму ее в дом... Может, тогда эта боль... — Он отвел взгляд и беспомощно махнул рукой.

— Исчезнет?

Джейми тяжело вздохнул и на мгновение сжал кулаки.

— Нет. Прощение не отменяет раскаяния. — Муж пытливо заглянул мне в глаза. — Разве не так?

Мы сидели буквально в паре дюймов друг от друга, только между нашими сердцами будто пролегла целая пропасть боли. От волнения у меня бешено стучало в висках.

— Послушай, — вымолвил он наконец после затянувшейся паузы.

— Слушаю...

Улыбнувшись уголком губ, Джейми протянул мне широкую, заляпанную смолой ладонь.

— Дай-ка свои руки.

— Зачем? — удивилась я, но без колебаний выполнила просьбу. Его пальцы были холодными, обнаженные предплечья покрылись гусиной кожей (он закатал рукава, когда учил Фанни обращаться с ружьем).

— Твоя боль — моя боль, — тихо произнес он. — Ты ведь это знаешь?

— Знаю. И поверь, отношусь к тебе так же. Но... — Я закусила губу. — Мне кажется...

— Клэр, — перебил Джейми, глядя на меня в упор. — Ты рада, что он мертв?

– В общем, да, – мрачно призналась я. – И меня это гложет. Понимаешь... – Я мучительно подбирала нужные слова. – С одной стороны, то, что сделал со мной тот человек, – не смертельно. Его поступок – чудовищный, отвратительный – не причинил мне физической боли; он не собирался подвергать меня пыткам или убивать. Он всего лишь...

– Хочешь сказать, окажись на его месте Харли Бобл, ты не стала бы возражать против хладнокровной расправы? – В голосе Джейми звучала легкая ирония.

– Я сама пристрелила бы его прямо у Бердсли, – выдохнула я. – Меня беспокоит другое... Тот мужчина – кстати, не знаешь, как его звали?

– Знаю. Но тебе не скажу. Даже не проси, – отрезал Джейми.

Мы обменялись пристальными взглядами. Махнув рукой, я решила пока оставить тему.

– Меня беспокоит другое, – твердо повторила я. – Если бы я пристрелила Бобла сама, тебе не пришлось бы его убивать. Мне не дает покоя мысль, что тебя это сломило.

На миг он словно окаменел, а затем посмотрел в глаза.

– Думаешь, меня сломило убийство твоего мучителя?

Взяв его руку в свою, я тихо ответила:

– Еще как думаю. – И шепотом добавила, глядя на покрытую шрамами, сильную ладонь: – Твоя боль – моя боль, Джейми.

Он сжал мои пальцы и долго сидел понурившись. Затем

поцеловал мне руку и произнес:

– Ничего, *mo chridhe*. Не волнуйся. У меня была еще одна причина так поступить. И она не имеет к тебе никакого отношения.

– Интересно какая, – удивилась я.

Легонько сжав мою руку, Джейми взглянул на меня и искренне ответил:

– Я не мог оставить того типа в живых. Неважно, причинил он тебе боль или нет. Помнишь, Йен тогда спросил, как лучше поступить? И я ответил: «Убить всех до единого». Ты ведь слышала?

– Да. – К горлу подступил ком, грудь будто сковало раскаленным обручем, а во рту чувствовался привкус крови. Мне казалось, я вот-вот потеряю сознание. Воспоминания о той ночи сочились из меня, словно холодный дым коптильни.

– Возможно, я сделал это в приступе слепой ярости. Но даже если бы сумел сохранить хладнокровие, то поступил бы так же. – Джейми ласково коснулся моего лица, поправив выбившийся завиток. – Пойми, те люди были настоящими головорезами, и даже хуже. Никого из них нельзя было оставлять в живых – как нельзя оставлять в земле корни ядовитого растения.

Яркий образ. Столь же яркий, как и воспоминание о грузном мужчине, который едва волочил ноги, рассеянно слоняясь по фактории Бердсли, где я его позже встретила. Он был так не похож на того, кто вынырнул из темноты и навалился

на меня всем телом.

– Он казался просто жалким тюфяком, – я беспомощно развела руками. – Даже не верится, что такой недотепа мог сколотить банду!

Джейми нетерпеливо вскочил и принялся в волнении расхаживать туда-сюда.

– Саксоночка, ну как ты не понимаешь! А если бы этот жалкий тюфяк начал распускать язык? Он ведь шлялся повсюду, говорил с людьми – сама же видела его у Бердсли!

– Да, – нехотя согласилась я, – но...

Муж сверкнул на меня глазами.

– Что, если бы он начал бахвалиться темными делишками, которые обделывал с Ходжпайлом и Браунами? Что, если однажды в пьяном угаре разболтал бы... – Джейми осекся и тяжело вздохнул, – о том, что сделал с тобой.

Мне вдруг стало гадко, будто я проглотила что-то холодное и склизкое. Однако каким-то чудом осталась в живых. Взглянув на мое лицо, Джейми сжал губы.

– Прости, саксоночка, – тихо сказал он. – Поверь, я не мог этого допустить. Из-за тебя. Из-за меня. Но в основном из-за огласки. Если бы люди узнали, что свершилось подобное злодеяние.

– Однако они узнали, – возразила я, с трудом шевеля губами. – И знают сейчас.

Каждый из моих спасителей понял со всей очевидностью: той ночью меня изнасиловали. Причем неважно, кто именно

это сделал. А значит, их жены тоже знали. Никто никогда не заговаривал со мной о случившемся, да и не осмелился бы. Только людям все известно. Этого уже не изменить.

– Если бы люди узнали, что свершилось подобное злодеяние, – спокойно повторил Джейми, – и виновных не предали смерти, тогда те, кто живет под моей защитой, не чувствовали бы себя в безопасности. И имели бы на то полное право.

Он шумно выдохнул через нос и отвернулся.

– Помнишь типа, который называл себя Вендиго?

– Господи... – По спине пробежал холодок. Как я могла забыть! Не о самом путешественнике во времени Вендиго Доннере, а о его связи с моими похитителями.

Доннер был членом банды Ходжпайла; в ту ночь, когда Джейми со своими людьми меня спас, он убежал и скрылся в ночи. А пару месяцев спустя вернулся с поделщиками в Ридж, чтобы грабить и убивать: хотел найти драгоценные камни, о которых случайно прознал. Именно его нападение на Большой дом послужило причиной – хотя и косвенной – разрушительного пожара, спалившего все дотла. Пепел Вендиго навсегда остался здесь, смешавшись с останками нашей былой жизни.

Джейми прав. Доннер сбежал, а позже вернулся, чтобы убить нас. Я вдруг со всей ясностью осознала: останься насильник в живых, история могла бы повториться. От этой мысли стало дурно. Я уже почти примирилась с прошлым: исцелив телесные раны, постаралась забыть о душевных. Но

боль никуда не ушла, и теперь весь ужас тех событий представился в новом свете. Я словно заново взглянула на случившееся глазами Джейми.

Внутренне сжавшись, я с трудом овладела своим голосом.
– А что, если остался еще кто-то помимо него?

Джейми покачал головой, словно отказываясь даже думать о таком варианте.

– Неважно. Даже если кому-то удалось сбежать, надеюсь, у них хватит мозгов сидеть тихо и не высовываться. Но вместо разгромленной банды появится новая. Такова жизнь, саксоночка.

– Ты уверен?

Я понимала, что он прав – по-другому и быть не могло, учитывая постоянные войны, бессилие правительства и человеческую глупость. Однако мне хотелось верить, что к Риджу это не относится. Ведь здесь наш дом.

Джейми кивнул, сочувственно глядя на меня.

– Помнишь шотландский Дозор?

– Да.

Скорее Дозоры, поскольку их было много: эти организованные банды взымали дань в обмен на защиту – и порой действительно ее оказывали. Но если не получали денег (так называемую черную ренту), то могли сжечь дом или посеvy. Или того хуже.

Я подумала о хижине, на которую наткнулись как-то Джейми с Роджером: обгоревший остов, перед ним – пове-

шенные на дереве хозяева, а среди пепелища – умирающая от смертельных ожогов молодая девушка. Виновных так и не нашли.

Джейми с легкостью читал мои мысли. «Словно у меня на лбу неоновая вывеска», – сердито подумала я. Очевидно, он и это заметил, поскольку вдруг улыбнулся.

– Саксоночка, законы больше не действуют. В отсутствие властей это невозможно. – В словах его не было ни страха, ни гнева – лишь простая констатация факта.

– Жители Риджа *никогда* не подчинялись властям. Только тебе.

Джейми рассмеялся, понимая, что мы оба правы.

– Я ведь не один пришел спасать тебя той ночью, так?

– Нет, не один... – медленно ответила я.

Все физически крепкие мужчины Риджа откликнулись тогда на призыв о помощи и последовали за Джейми. Так же, как члены клана пошли бы за ним на войну, будь мы в Шотландии.

– Значит, – продолжила я, глубоко вздохнув, – их ты и собираешься привлечь в свой отряд?

Джейми задумчиво кивнул.

– Лишь некоторых... Все изменилось, *a nighean*. Часть мужчин не согласится последовать за мной, поскольку служат Короне, – например, тори и лоялисты. Тем, кто давно меня знает, плевать, что я был предводителем мятежников. Однако большинству новых поселенцев ничего обо мне не

известно.

— По-моему, «предводитель мятежников» — пожизненное звание.

— Так и есть, — ответил он с невеселой улыбкой. — Разве что я сам от него откажусь. Ну да ладно. — Поднявшись, Джейми протянул руку и помог мне встать; под ногами зашуршала опавшая листва. — Я давно свыкся с ролью предателя, саксончика. Но быть предателем для обеих сторон не хочу. Надеюсь, мне удастся этого избежать.

Впереди слышались крики и собачий лай; дети добрались до хижины Йена. Мы поспешили за ними, оставив разговоры о бандах, предательстве и жирных ублюдках.

Ты думаешь, что эта песня – о тебе...⁷⁵

Никто не решался ходить в Старый сад, как его называли в семье. Остальные жители Риджа называли его иногда Садам ведьминого дитя – непонятно, в честь самой Мальвы Кристи или ее новорожденного сына. Оба умерли в том саду на моих глазах, в луже крови. Ей не было и двадцати.

Про себя я звала его Садам Мальвы.

Поначалу не могла ходить туда, не испытывая чувства потери и глубокой печали. Однако продолжала наведываться время от времени. Чтобы не забывать. Чтобы молиться. Если бы ярые пресвитерианцы Риджа застали меня в саду за

---

⁷⁵ Строчка из песни американской певицы Карли Саймон «You are so vain» (1972 г.).

разговорами с мертвецами или с Богом, то уверились бы в том, что правильно выбрали название. Вот только с ведьмой не угадали.

Лес постепенно отвоевывал свою территорию: словно волшебный лекарь, он постепенно исцелял сад, затягивая его раны мхом и травой и превращая кровь в алые цветы монарды. Печаль сменялась умиротворением.

Несмотря на неотвратимые перемены, остатки бывшего сада порой неожиданно возникали то тут, то там, словно маленькие сокровища: целая грядка лука, чудом проросшего в дальнем углу сада; густая поросль окопника и щавеля, выигравших схватку с сорняками; и – к моей великой радости – несколько отличных кустов арахиса, появившихся из давно посеянных семян.

Я обнаружила их две недели назад, когда листья только начали желтеть, и сразу выкопала. Затем подвесила в хирургической для просушки, очистила от грязи и корешков и обжарила в скорлупе. Дом тут же наполнился воспоминаниями о цирковых ярмарках и бейсбольных матчах.

А сегодня, бросая очищенные орешки в жестяной таз, я предвкушала сэндвичи с арахисовой пастой и джемом на ужин.

* * *

Свежий ветерок на веранде приятно охлаждал лицо, разго-

ряченное от жара солнца и очага. Я наслаждалась покоем и одиночеством: Бри с Роджером отправились навестить поселенцев, которых я называла про себя рыбаками. Эти суровые люди недавно эмигрировали из Терсо⁷⁶ и, будучи ревностными пресвитерианцами, крайне настороженно относились к католику Джейми. А уж ко мне и подавно, поскольку я была не только католичкой, но и ведьмой, и такое сочетание изрядно их беспокоило. Однако к Роджеру новоселы испытывали сдержанную симпатию, причем он отвечал им взаимностью. Говорил, что понимает их.

Дети, управившись с домашними делами, разбежались кто куда; из леса за домом доносились хохот и визг – бог знает, что они там делали. Спасибо, хоть не у меня на глазах.

Джейми тоже приятно проводил время наедине с собой в тиши кабинета. Проходя мимо с огромным тазом арахиса, я заглянула в окно: муж сидел в кресле и, нацепив на нос очки, увлеченно читал «Зеленые яйца с ветчиной».

При воспоминании об этой идиллической картине я улыбнулась и развязала стягивающую волосы ленту; прохладный ветер обдувал распущенные пряди.

Почти все книги сгорели во время пожара, поглотившего Большой дом, и теперь мы заново создавали свою крошечную библиотеку. Благодаря подаркам Брианны она увеличилась почти вдвое. Кроме привезенных дочкой книг – включая драгоценный «Справочник Мерка», обладание которым

---

⁷⁶ Город на севере Шотландии.

так грело мне сердце, – у нас была маленькая зеленая Библия Джейми, учебник по латинской грамматике, «Приключения Робинзона Крузо» (без обложки, зато с прекрасными иллюстрациями) и «Путешествия в некоторые отдаленные страны мира в четырех частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей» Джонатана Свифта. И еще какой-то роман не то на французском, не то на английском.

Скорлупа раскалывалась легко, но сухая кожица орешков – тонкая, словно папиросная бумага, – липла к пальцам. Приходилось постоянно вытирать руки о юбку: теперь она выглядела так, будто ее облепила стая светло-коричневых мотыльков. Может, у новых жильцов найдется почитать что-нибудь интересное и Бри догадается взять пару книжек? Хирам Кромби, староста поселенцев из Терсо, любил читать. Правда, его литературные вкусы ограничивались проповедями и историческими свидетельствами; романы казались ему безнравственными. Однако я видела у него экземпляр «Энеиды».

Джейми написал своему другу Эндрю Беллу, эдинбургскому типографщику и издателю, и попросил выслать несколько книг, включая «Дедушкины сказки» собственного авторства и мое скромное творение с рецептами народной медицины. Оплатить заказ предполагалось нашей частью прибыли с продаж – за два года должна была накопиться приличная сумма. Интересно, когда придут книги? И

случится ли это вообще? В Саванне по-прежнему заправляли британцы, однако Чарльстон оставался американским; если мистер Белл поторопится, груженный книгами корабль успеет прибыть в порт до холодов.

Шаги за спиной прервали мои литературные размышления, и я обернулась. Джейми, босой и взъерошенный, стоял позади, пряча в спорран очки.

– Интересная книжка? – с улыбкой спросила я.

– Да. – Он сел рядом, взял из таза орех и, очистив от скорлупы, сунул в рот. – Брианна говорит, Доктор Зойс написал целую кучу книг. Ты прочла их все, саксоночка?

Джейми произнес фамилию писателя на немецкий манер, и я невольно рассмеялась.

– Конечно! И не один раз. У Бри когда-то было полное собрание сочинений – все, что издали на тот момент. Если он написал потом новые книжки, Роджер, скорее всего, покупал их для Джема и Мэнди. Кстати, американцы произносят фамилию автора «Сьюз». Не знаю, сколько он прожил – то есть проживет. В 1968-м он еще писал.

Джейми кивнул с мечтательным выражением лица.

– Вот бы и мне их прочесть! Может, Брианна знает кое-что наизусть?

– Скорее Джем. Бри говорит, он читал Мэнди книжки чуть ли не с ее младенчества. А память у нашего внука великолепная. – Вспомнив парочку забавных иллюстраций Сьюза, я улыбнулась. – Попроси дочь нарисовать по памяти сло-

на Хортон или черепаху Эртеля.

– Эртель? – В его глазах запрыгали веселые искорки. – Надеюсь, это не настоящее имя?

– Нет, зато идеально вписывалось в рифму. – Я расколола очередной орех и бросила остатки скорлупы в траву.

– Похоже на женское.

– Однако Эртель – мальчик. Черепаха-девочка никогда бы на такое не сподобилась.

– Что же он натворил?

– Заставил всех черепах своего острова выстроиться в пирамиду, чтобы он смог взобраться наверх и править «всеми, на что глядит». Аллегория гордыни и высокомерия. Конечно, женщинам тоже свойственны подобные эмоции, но они проявили бы их более изощренно. И художник не сумел бы это изобразить.

Джейми зачерпнул горсть орехов и рассеянно сжал кулак, раскалывая скорлупу.

– Хм... Тогда какая, по-твоему, аллегория скрывается в «Зеленых яйцах с ветчиной»?

– Полагаю, идея в том, чтобы дети не привередничали в еде, – с сомнением предположила я. – Или чтобы не боялись пробовать новые проду... что ты делаешь?! – Джейми бросил пригоршню арахиса в таз вместе с кожицей и скорлупой.

– Тебе помогаю, – ответил Джейми и зачерпнул новую горсть. – Иначе ты весь день так просидишь, перебирая их по одной штучке. – Следующая порция орехов и мусора по-

летела в таз.

– И как я буду выковыривать оттуда скорлупу? На это уйдет...

– Мы их вывеем, – прервал меня Джейми, кивнув подбородком в сторону дальнего склона горы Роан. – Видишь, как деревья клонятся от ветра? Надвигается буря.

И правда: за вершиной скопились тучи; бледные листья редких осин трепетали на ветру, а сосновые кроны словно подернулись темно-зеленой рябью. Я кивнула и, взяв несколько орехов, раскрошила пальцами скорлупу.

– Фрэнк, – выпалил вдруг Джейми, и я замерла. – Вернее, его книги...

– Что?

Он сказал «Фрэнк»?.. Я не верила собственным ушам. В глубине души шевельнулось смутное чувство тревоги.

– Хочу кое-что о нем спросить, – небрежно бросил Джейми, старательно делая вид, что поглощен арахисом.

– Что именно? – Я отряхнула юбку от арахисовой шелухи и посмотрела на мужа. По-прежнему не глядя на меня, он раздавил очередную пригоршню. Но на миг его губы сжались.

– Там на обложке его портрет – то есть фотография. Мне стало интересно, сколько лет ему было, когда сделали это изображение?

Я удивилась, однако напрягла память.

– Дай-ка подумать... когда он умер, ему было шестьде-

сят...

Меньше, чем мне сейчас! Я невольно прикусила нижнюю губу, и Джейми пристально на меня посмотрел. Опустив глаза, я смахнула остатки орехов.

— Пятьдесят девять. Фотографию сделали специально для обложки. Я точно помню, потому что для шести предыдущих книг он использовал другой снимок, более ранний. Еще шутил: не хочу, мол, чтобы люди при встрече заглядывали мне за спину, ожидая увидеть кого-то вдвое моложе. — Я улыбнулась воспоминаниям, но, встретившись с мужем глазами, насторожилась: — А почему ты спрашиваешь?

— Мне часто хотелось узнать, как он выглядел. — Джейми посмотрел на таз с арахисом и рассеянно потянулся за очередной порцией. — Когда я молился за него.

— Ты за него *молился*? — Я даже не пыталась скрыть изумление в голосе, и муж бросил на меня мимолетный взгляд.

— Да. Ну а что мне еще оставалось? — с горечью усмехнулся он и смущенно кашлянул. — «Храни тебя Господь, чертов англичанин!» Вот что я повторял в молитвах, когда думал о тебе и ребенку долгими ночами. — На мгновение сжав губы, он продолжил: — И еще мне очень хотелось узнать, как выглядит наш малыш.

Я легонько сжала его большую сильную руку, похолодевшую от осеннего ветра. Джейми перестал очищать арахис и вздохнул, расслабив плечи.

— А каким ты представлял Фрэнка? Таким, как на фото-

графии? – полюбопытствовала я, убирая руку. Джейми тут же зачерпнул новую порцию орехов.

– Нет. Ты ведь никогда не описывала его внешность.

На то была чертовски веская причина, – подумала я. – А ты никогда и не спрашивал. Что вдруг изменилось?

Он пожал плечами и продолжил с легкой ироничной улыбкой:

– Мне нравилось представлять его лысеющим коротышкой с брюшком. Хотя я не сомневался, что он умен, – ты никогда не полюбила бы дурака. И насчет очков я угадал. Только думал, что оправа у них золотая, а не черная. Из чего она, из рога? Или темного черепашьего панциря?

Я фыркнула, хотя его расспросы меня немного смущали.

– Это пластик. Фрэнк и правда не был дураком. – *Отнюдь...* – По спине пробежали мурашки.

– Он был честным человеком?

Раздался треск скорлупы, и очередная горсть орехов со стуком упала в таз. В воздухе чувствовался запах дождя и густой, сладковатый аромат арахиса.

– В основном да, – медленно ответила я, глядя на мужа. Он склонил голову над орехами, поглощенный процессом. – Конечно, у него были свои секреты. Как и у меня.

В любви всегда найдется место секретам – так ты сказал мне однажды... Однако сейчас между нами не осталось ничего, кроме правды.

Издав неопределенное шотландское хмыканье, Джейми

бросил в таз последнюю пригоршню арахиса и посмотрел мне в глаза.

– Думаешь, ему можно доверять?

Ветер теребил его волосы, а лицо казалось темным на фоне облачного, но все еще яркого неба. Я невольно поежилась от жутковатого ощущения, что кто-то стоит у меня за спиной.

– Что ты имеешь в виду? – Мой голос дрожал от волнения. – Ведь когда-то ты доверил ему самое дорогое. Нас с Брианной.

– Тогда у меня не было выбора. А сейчас есть. – Он выпрямился, отряхивая ладони от остатков арахисовой шелухи, которую мигом подхватил порыв ветра.

Я сделала глубокий вдох, чтобы унять внутреннюю дрожь, и смахнула с лифа частички скорлупы.

– Сейчас есть? Хочешь сказать, тебя интересует достоверность описанных в книге событий?

– Да.

– Фрэнк был историком, – твердо заявила я, не решаясь обернуться. – Он бы не стал подтасовывать факты. Не смог бы. Как Роджер не стал бы менять текст Библии. А ты – намеренно лгать мне.

– Тебе ли не знать, что такое история, – отрезал Джейми и встал, хрустнув коленными суставами. – А насчет лжи... все порой лгут, саксоночка. И я не исключение.

– Но со мной ты был честен.

Джейми не стал оспаривать мое утверждение.

– Захватишь миску? – бросил он, вынося таз во двор.

Ветер тут же надул его рубашку, словно парус. Из-за гор наползали тучи, запах дождя в воздухе стал еще острее. Вот-вот разразится буря.

Меня охватило странное чувство, к которому примешивалось возбуждение. Входная дверь была открыта нараспашку, парусиновый полог сдвинут в сторону. Ветер со свистом проносился мимо, задувая под юбки, и мчался в дом; в хирургической позвякивали стеклянные пузырьки, в кабинете Джейми шуршали бумаги.

По дороге на кухню я заметила у мужа на столе книгу Фрэнка и, поддавшись внезапному порыву, зашла в кабинет. Но сперва невольно оглянулась, хотя поблизости никого не было.

«Душа мятежника: шотландские корни Американской революции». Фрэнклин У. Рэндолл.

Книга лежала раскрытыми страницами вниз. Обычно Джейми никогда так не поступал. Он обязательно использовал что-то вместо закладки – листья деревьев, птичьи перья, ленту для волос... Однажды я раскрыла книгу, которую он читал, и обнаружила там высушенное тельце раздавленной ящерицы. Джейми всегда закрывал книгу, чтобы не повредить переплет.

Фрэнк смотрел на меня с обложки спокойным, непроницаемым взглядом. Я слегка коснулась его лица под прозрач-

ной пленкой, чувствуя смутную печаль, раскаяние и, признаться (какой смысл таить секреты от самой себя?), облегчение. Все давно в прошлом.

Как ни странно, ощущение чьего-то присутствия за спиной исчезло, стоило мне зайти в дом.

Я взяла книгу, чтобы закрыть ее, и невольно заглянула внутрь. Вверху страницы значился заголовок: «Глава 16. Партизанские отряды».

Захватив большую миску из кремового фарфора (Джейми привез ее из Салема), я вышла на улицу. И даже не взглянула на книгу, которая – теперь должным образом закрытая – осталась на столе, однако подспудно чувствовала ее присутствие.

Джейми принялся выеивать арахис, пересыпая горсти смешанных с шелухой орехов из одной руки в другую. Ветер подхватывал и уносил легкие скорлупки и кожицу, а более тяжелые ядрышки со звонким стуком падали в миску. Дуновение усиливалось, грозя превратиться в настоящий ураган, сметающий все на своем пути – включая орехи. Я присела возле миски, выживая остатки скорлупы.

– Значит, ты прочел книгу? – спросила я через некоторое время. Джейми молча кивнул, не глядя на меня. – Ну и как тебе?

Муж снова хмыкнул по излюбленной шотландской привычке, с бряцаньем отправил в миску последнюю порцию арахиса и опустился рядом со мной на траву.

– Думаю, паршивец написал ее для меня, – резко выпалил он.

Я округлила глаза.

– Для тебя?

– Да. Он словно говорит со мной. – Джейми смущенно приподнял плечо. – Между строк. По крайней мере, мне так показалось. Хотя, может, я просто схожу с ума. Это самое логичное объяснение. Но все же...

– Говорит с тобой?.. В тексте есть что-то, имеющее отношение к нам? – осторожно спросила я. – По-моему, это неизбежно. Учитывая, в каком месте и времени мы сейчас живем.

Он вздохнул и поежился, словно рубашка вдруг стала ему мала, – хотя надуваемая ветром ткань свободно вздымалась на плечах, подобно парусу. Я давно не видела его таким, и сердце сжалось от неясной тревоги.

– Фрэнк... – Джейми тряхнул головой, подбирая слова, и упрямо повторил: – Он говорит со мной. Фрэнк знает меня – знает, *кто* я, – с нажимом произнес муж и посмотрел мне в лицо. Его голубые глаза казались темно-синими. – Он знает, что за шотландец отнял у него жену, и обращается напрямую ко мне. Будто стоит за спиной и шепчет на ухо.

Я невольно отшатнулась, и Джейми удивленно моргнул.

– Звучит жутковато, – сказала я, ощущая неприятный холодок в затылке.

Улыбнувшись уголком губ, Джейми прервал свое занятие

и взял меня за руку. Это меня немного успокоило.

– Мне тоже не по себе, саксоночка. Не то чтобы я воз-
ражал – в конце концов, каждый имеет право говорить что
вздумается. Вот только зачем?

– Ну... Может... – неторопливо сказала я. – Что, если он
сделал это ради нас?

Я кивнула в сторону далекого ручья, откуда доносился
детский визг: судя по всему, Джем, Жермен, Мэнди и Фанни
ловили пиявок. Облизав пересохшие губы, я продолжила:

– Скорее всего, он узнал, что ты не погиб тогда. А зна-
чит, мог предположить, что Брианна отправится тебя искать.
Возможно, он и меня нашел – здесь, в прошлом.

Внезапно я почувствовала полную опустошенность. Од-
ному Богу известно, какую информацию обо мне мог найти
Фрэнк в омуте старинных документов. И продолжал копать
дальше, ничего мне не говоря, – когда мы еще жили *под од-
ной крышей!*

– Он ведь не упоминал меня? В своей книге? – еле слыш-
но выговорила я, с трудом шевеля губами. Холодная капля
стукнулась о мою щеку: на фартуке тут же расплылись четы-
ре мокрых пятна.

– Нет. – Джейми встал и протянул мне руку. – Пойдем в
дом, *a nighéan*. Дождь начинается.

Мы едва успели зайти внутрь – с тазом, миской и урожаем
арахиса; за нами гурьбой ввалились слегка намокшие Жер-
мен, Джемми, Фанни, Мэнди, Эйдан Маккаллум и Аодх Ма-

кленнан. Дети набрали в саду полные руки овощей.

Нас поглотил водоворот домашних дел – нужно было перетереть арахис, отправить подошедшее тесто в печь, отмыть от грязи молодую репу, опустить зелень в миску с холодной водой (чтобы не увяла), раздать детям по маленькой узловой морковке (вместо конфет), затем нарезать хлеб и сделать сэндвичи, одновременно запекая в золе сладкий картофель и готовя теплый соус из бекона к тушеным овощам, – так что разговоры о Фрэнке и его книге пришлось отложить. К счастью, незримо соглядатаю у меня за спиной (если он вообще был) хватило такта отступить на время в сторону.

* * *

К окончанию ужина дождь так и не прекратился. Убедившись, что Маккалумы и Макленнаны не собираются беспокоиться о местонахождении сыновей, Джейми принес сверху матрасы, и все дети вповалку улеглись спать перед очагом.

Затем он развел огонь в нашей спальне – к приглушенному смолистому аромату дров добавился запах сухого елового хвороста и веток пекана. Джейми лежал на кровати в одной ночной рубаше; от него приятно пахло теплым мехом животных, прохладным сеном и арахисовым маслом. Он лениво листал «Медицинский справочник Мерка», который я оставила на прикроватном столике.

– Пытаешься гадать по моей книге? – пошутила я, распус-

кая стянутые в узел волосы. — Обычно для этого используют Библию, но, думаю, Мерк тоже сойдет.

— Даже в голову не пришло. — Он закрыл книгу и с улыбкой протянул ее мне. — Хотя почему бы не попробовать? Ты начинай.

— Ну хорошо. — Я взвесила книгу в руках, ощущая приятную тяжесть и шероховатость кожаного переплета. На мгновение зажмурилась и, открыв наугад, пробежала пальцем по странице. — Посмотрим, что тут у нас.

Джейми снял очки, придвинулся ко мне и прочел отмеченное место:

— Поскольку данное заболевание не имеет однозначной и четко выраженной симптоматики, для постановки диагноза требуется длительное наблюдение и тщательные обследования. — Он поднял на меня глаза. — По-моему, весьма точное описание нынешней ситуации.

— Да уж, — согласилась я и захлопнула книгу, испытывая некоторое успокоение. Джейми хмыкнул, забрал у меня книгу и положил на столик.

— Длительное наблюдение мы и так уже ведем, — бросил он равнодушно. — А что касается обследований... — На его лице появилось задумчивое выражение. — Хм... интересная идея. Надо бы над ней поразмыслить.

— Вот и отлично, — сказала я, обеспокоенная внезапным интересом мужа к рекомендации из справочника. Что за гипотезу он собирался проверять с помощью «тщательных об-

следований»? Хотя в глубине души догадывалась.

– Могу почитать ее тебе, если хочешь, – предложила я, нервно сглотнув. – Книгу Фрэнка.

При мысли о чтении «Души мятежника» – последней книги Фрэнка – у меня возникло состояние, которое я с ходу и без всяких обследований диагностировала как «мандраж». Что, если Джейми прав и книга действительно содержит некое личное послание? Лучше об этом не думать...

Он удивленно посмотрел на меня.

– Ты? Еще чего!

Тут снизу послышалось дружное хихиканье и приглушенный визг. Джейми обреченно закатил глаза, встал и натянул ботинки. Приподняв бровь, он переглянулся со мной и тяжелой поступью направился к лестнице. Как только он спустился до четвертого пролета, шум резко стих. Джейми озадаченно хмыкнул и быстро сбежал по ступеням. Вскоре из кухни донесся его голос, за которым последовал смиренный гул детских оправданий, хотя слов было почти не разобрать. Через минуту муж вновь появился на пороге спальни.

– Неужели сынишку Макленнанов действительно зовут Оогх? – с любопытством спросила я, когда Джейми присел на кровать, чтобы разуться.

– Аодх, – уточнил он, произнося последний звук более гортанно. Для меня это все равно звучало как «Оогх». – Полагаю, на английском его бы звали Хью. Держи, саксоночка. – Он протянул мне льняное полотенце, в которое ока-

зался завернут сэндвич из восхитительно ароматной арахисовой пасты на ломте свежее испеченного хлеба с черничным джемом.

– За ужином тебе почти ничего не досталось, – улыбнулся муж. – Ты едва присела, стараясь накормить банду маленьких проглотов. Вот я и решил отложить один – спрятал его на шкафчике с травами. Только сейчас вспомнил!

– О боже... – Закрыв глаза, я с блаженством вдохнула сладковатый аромат. – Джейми... Это чудесно!

Он довольно хмыкнул, налил мне в кружку воды, а затем сел и, обхватив руками колени, принялся наблюдать, как я ем. Я смаковала угощение, с наслаждением пережевывая сладкую массу с кусочками арахиса и зернышками черники на ломте мягкого хлеба из злаков. Проглотив все до последней крошки, я удовлетворенно вздохнула с долей сожаления.

– Я тебе не рассказывала, что взяла с собой сэндвич с арахисовой пастой и джемом, когда вернулась сквозь камни?

– Нет, не рассказывала. А почему именно его?

И в самом деле – почему?

– Ну... Возможно, это напоминало мне о Брианне. Я часто давала ей с собой в школу такие сэндвичи. У нее была металлическая коробочка для еды с маленьким термосом и изображением Зорро.

Джейми удивленно взметнул брови.

– Зорро? Испанская лисичка?⁷⁷

---

⁷⁷ Zorro (исп.) – лиса.

Я небрежно махнула рукой.

– Потом расскажу. Он бы тебе понравился. Но контейнер я брать не стала, а просто завернула сэндвич в лист пластика.

– Как материал, из которого сделаны очки мистера Рэндолла? – спросил Джейми, не успев опустить брови.

– Нет, не совсем. – Я наморщила лоб, пытаюсь подойд-
чивее описать пищевую пленку. – Скорее как прозрачная
обертка на его книге – это тоже пластик, только более тон-
кий. Похоже на невесомый, прозрачный носовой платок.

Воспоминания пробудили в душе легкую ностальгию.

– Я приехала в Эдинбург, чтобы найти печатника А. Мал-
кольма. В какой-то момент у меня вдруг закружилась голова
– полагаю, от страха. Пришлось даже сесть. Затем разверну-
ла сэндвич и съела. По-моему, тогда я в последний раз ела
арахисовую пасту. Это был самый вкусный сэндвич в моей
жизни! Проглотила все до последней крошки и выбросила
ненужную упаковку.

В памяти отчетливо вспыхнула картинка из прошлого: ве-
тер подхватывает и гонит по каменной мостовой хрупкий
прозрачный пластик, затерянный во времени.

– Чувствовала себя как та обертка, – сказала я и сглотну-
ла ком в горле. – Потерянной... А что, если кто-то нашел
ее? Интересно, что он подумал? Может, равнодушно прошел
мимо, испытав лишь секундное любопытство.

– Скорее всего, – пробормотал Джейми, а затем кончиком
полотенца вытер с моих губ остатки джема и поцеловал. –

Зато потом ты нашла меня и, надеюсь, с тех пор не чувствовала себя потерянной.

– Никогда. И сейчас не чувствую. – Я склонила голову мужу на плечо, и он поцеловал меня в лоб.

– Саксоночка, ребятишки уснули. Приляжешь со мной?

Я охотно выполнила его просьбу, и мы медленно любим друг друга в свете догорающего очага, слушая завывание ветра и шум дождя в ночи за окном.

Немного позже, уже в полусне, положив руку на теплые округлые ягодицы Джейми, я вдруг подумала о Фрэнке; перед глазами словно наяву предстало лицо с фотографии – знакомые светло-карие глаза за стеклами очков в черной оправе. Лицо ученого: серьезное, умное... честное.

На пороховой бочке

Сперва они учуяли запах. От зловония мочи и серы с примесью тонкого слоя угольной пыли у Брианны защекотало в носу. Сидевший рядом на козлах отец закашлялся, не выпуская поводья из рук.

– Мама говорит, он обладает лечебными свойствами. По крайней мере, раньше так считали.

– Порох-то?

Джейми искоса взглянул на нее, однако тут же переключил все внимание на представшее глазам скопление зданий, живописно расположенных у излучины реки.

– Ага. «Для скорейшего облегчения зубной боли достаточно положить на больной зуб щепотку пороха, завернутого

в ткань». Николас Калпепер, 1647 год.

Отец хмыкнул.

– А что, может, и подействует. Пока решаешь, блевать тебе или кашлять, некогда думать о зубах.

У реки, на безопасном расстоянии от зданий, курили трубки двое мужчин. Услыхав стук колес, они обернулись и теперь взирали на прибывших. Один склонил голову набок, будто что-то прикидывая, но, очевидно, все же решил удостоить их разговора. Он вытряхнул в воду содержимое глиняной трубки с длинным мундштуком, заткнул ее за пояс и направился к дороге. Следом зашагал и его приятель.

– Эй, там! – окликнул первый мужчина, махнув рукой.

Джейми остановил лошадей и тоже помахал.

– Добрый день, сэр. Я Джейми Фрэзер, а это моя дочь – миссис Маккензи. Мы хотим купить пороха.

– Я так и понял, – последовал довольно сухой ответ. – Зачем еще сюда ехать?

Ирландец, – подумала Брианна и улыбнулась.

– Да брось, Джон. – Второй, коренастый мужчина лет тридцати или около того, широко ухмыльнулся Брианне и беззлобно толкнул компаньона в ребра. – Некоторые приезжают ради твоего вина и табака.

– Джон Паттон, сэр, – не обращая внимания на приятеля, представился ирландец.

Он обменялся рукопожатием с Джейми и пригласил их подъехать к первому от реки каменному строению.

– Вряд ли оно взорвется, – со смехом сказал второй, назвавшийся Исааком Шелби.

Брианна заметила, что Джон Паттон не рассмеялся.

Здание оказалось мельницей. Сквозь стены доносился плеск, производимый водяным колесом, и постоянный глухой рокот. Пахло здесь совсем по-другому: сырым камнем, водорослями и еще чем-то вроде залитого костра и намокшего под дождем пепла в лесу. Брианна ощутила непонятную дрожь в животе.

Отец слез и начал распрягать лошадей. Перехватив ее взгляд, он кивнул в сторону одного из ветхих сараев выше по течению, где кучкой стояли три человека и, похоже, о чем-то спорили. Брианна заметила среди них женщину. Та скрестила на груди руки и склонила голову, однако поза выражала отнюдь не покорность, а еле сдерживаемое желание стукнуть собеседника в нос. Не оставалось сомнений в том, кто здесь Хозяйка.

Брианна кивнула и направилась к сараю. Судя по внезапной тишине за спиной, мистер Паттон либо мистер Шелби (а возможно, и оба) пялились на ее зад. Вряд ли они могли многое разглядеть: на Бри была охотничья рубашка почти до колен. Но сам факт того, что под ней бриджи...

Брианна услышала, как Шелби вдруг кашлянул: видимо, встретился взглядом с ее отцом.

– Джейми Фрэзер, – раздался делано невозмутимый голос Шелби. – Знавал я немало Фрэзеров. Вы, случаем, не из

окрестностей Ноличаки?

– Нет, у нас поселение неподалеку от границы в округе Роуэн, – сказал отец. – Называется Фрэзер-Ридж.

– А! Тогда я вас знаю, сэр! – с облегчением воскликнул Шелби. – Бенджамин Кливленд упоминал о встрече с вами. Он...

Голоса за спиной Брианны стихли, когда она приблизилась к людям у сарая. Троица оторопело уставилась на нее, однако почти сразу в глазах женщины заплясали насмешливые искорки.

– Добрый день, миссис, – произнесла она, беззастенчиво разглядывая охотничью одежду Брианны. На женщине, ровеснице Бри, был холщовый фартук, сильно поношенный и запачканный, с маленькими прожженными дырочками – по всей видимости, от попадания искр. Фартук прикрывал темно-коричневую юбку и мужскую рубашку с длинными рукавами из грубой, хотя довольно чистой материи. – Вам нужна помощь?

– Меня зовут Брианна Маккензи. – Бри не знала, уместно ли обменяться рукопожатием. Миссис Паттон – а это, несомненно, была она – руки не подала, поэтому Брианна ограничилась вежливым кивком. – Мы с отцом, э-э... хотим купить немного пороха. Вы, случайно, не миссис Паттон? – добавила Бри, так как женщина все еще не представилась.

Собеседница посмотрела через плечо, потом медленно огляделась по сторонам, будто кого-то выискивая. Один из

молодых людей, с которыми она спорила, хихикнул, но тут же умолк под тяжелым взглядом миссис Паттон.

— А кто же еще? — спросила она вполне миролюбиво. — Какой сорт пороха вам нужен и сколько?

Брианна на миг замешкалась. Она абсолютно ничего не знала о сортах пороха, даже их названий. Ее интересовало только, как изготовить его в больших количествах, не подвергая свою жизнь опасности.

— Порох для охоты, — наконец сказала она. — И еще что-нибудь для... взрывания пней.

Мэри Паттон моргнула, а потом рассмеялась. Молодые люди последовали ее примеру.

— Пней?

— Ну, полагаю, если порох насыпать сверху, то удастся поджечь пенёк, — улыбнулся Брианне старший из парней.

Сверху? Ну конечно! Она раздраженно хлопнула себя по лбу.

— Проклятье! — выругалась Бри. — Разумеется, для заряда потребуется оболочка. Выходит, тогда мне нужно что-то вроде гранаты.

На угловатом, квадратном лице миссис Паттон мелькнуло удивление, которое тут же сменилось озадаченной настороженностью.

— Гранаты, значит?

Она с нескрываемым интересом оглядела Брианну, затем уставилась куда-то поверх плеча собеседницы, и лицо ее про-

яснилось.

– Это ваш отец? Вон там?

– Да.

Проследив за неотрывным взглядом женщины, Бри обернулась и посмотрела на отца. Он отвел лошадей к реке напиться и теперь стоял на галечном берегу, беседуя с мистером Шелби. Джейми снял шляпу, чтобы смочить лицо, и солнце заискрилось на его волосах, все еще ярко-рыжих, хотя и с серебристыми нитями.

– Рыжий Джейми Фрэзер? – Миссис Паттон быстроглянула на Брианну. – Это его на родине звали Рыжим Джейми?

– Полагаю... да, – ошеломленно вымолвила та. – Откуда вы знаете его имя?

– Хм. – Миссис Паттон удовлетворенно кивнула, следя глазами за Джейми. – Во время якобитского восстания два старших брата моего отца сражались по разные стороны. Одного сослали в Ост-Индию, но второй разыскал его там и выкупил, после чего они поселились на нашей с Джоном земле. А эти двое, – она неодобрительно качнула головой на молодых людей, которые держались на почтительном расстоянии, – их сыновья.

– Значит, у вас семейное предприятие? – Бри кивнула на мельницу и сарай, только теперь заметив кучку хижин и большой дом примерно в четверти мили от них, в кленовой роще.

– Да, – подтвердила миссис Паттон с дружеской ноткой в

голосе. — Один из дядюшек часто упоминал о вашем отце: они вместе сражались при Престонпансе и Фолкерке. У дяди хранились разные мелочи в память о войне. Среди прочего — листовка с портретом Рыжего Джейми Фрэзера и суммой вознаграждения. Красивый мужчина, даже на рисунке. Корона предлагала за него пятьсот фунтов! Интересно, во сколько бы его голову оценили сейчас?

Она усмехнулась и вновь задержала взгляд на Джейми, на этот раз чуть дольше.

Бри, сочтя шутку сомнительной, все же натянуто улыбнулась в ответ. На всякий случай она уточнила, что ее отца помиловали после восстания, а затем решительно вернула разговор к теме пороха.

Судя по всему, миссис Паттон считала, что теперь они в дружеских отношениях, и охотно показала Брианне два мельничных сарая, мимоходом отметив грубую конструкцию стен.

— Когда что-нибудь взрывается, крыша просто слетает, а стены валятся наружу. Поправить — пара пустяков.

— Выходит, мельничные сараи тут, а мельница — там? — Бри кивнула на каменное здание, которое очевидно было мельницей: водяное колесо размеренно вращалось в золотом свете вечеряющего дня.

— Верно. Мы перемалываем древесный уголь, потом селитру. Знаете, что это такое?

— Да.

– И серу, само собой. Добавляем воду. Растворяем селитру и смешиваем. Пока смесь мокрая, она не загорится, так?

– Конечно.

Миссис Паттон кивнула, довольная понятливостью Бри.

– Хорошо. Получается черный порох, но он грубый, с ку-сочками неперемолотого угля, дерева, камня, крысиного помета и прочего мусора. Все это мы сушим в лепешках, которые храним в другом сарае, а потом на досуге, так сказать, крошим и перемалываем – уже здесь, подальше от остальных построек. Чертовски взрывоопасная штука, знаете ли. Когда вокруг облако пороховой пыли, хватит одной искры, чтобы вспыхнуть как факел, упаси Господь.

Впрочем, беспокойства в ее голосе не слышалось.

– Потом мы его зерним, то бишь просеиваем и делим по размеру. Самый мелкий помол – для ружей и винтовок, берут в основном для охоты. Более грубый предназначен для пушек, гранат, бомб и тому подобного.

– Понятно.

На словах процесс казался простым, хотя, судя по состоянию фартука миссис Паттон и подпалинам на досках в сарае, довольно опасным. При необходимости Бри, вероятно, смогла бы изготовить достаточно пороха для охоты, но о большем количестве нечего было и думать.

– Что ж... И сколько вы просите за порох для охоты?

– Для охоты, значит?

Миссис Паттон пристально посмотрела на Брианну свои-

ми бледно-голубыми глазами, а затем перевела взгляд на ее отца и мистера Шелби, беседующих у реки.

В чем дело? Она думает, мне нужно его разрешение?

– Моя цена – доллар за фунт. Я продаю за чеканную монету и не торгуюсь.

– Разумеется, – сухо сказала Бри.

Она полезла в мешочек на поясе и достала тонкую золотую пластинку – одну из тех, которые зашила в подол, когда с детьми отправилась на поиски мужа. Брианна в тысячный раз мысленно поблагодарила Господа за то, что они нашли Роджера.

– Это не совсем монеты, но, может, его чеканка вас тоже устроит? – Брианна передала пластинку собеседнице.

Песочного цвета брови миссис Паттон взметнулись до самой кромки чепца. Она осторожно взяла золото, взвесила на ладони и зыркнула на Бри. К удовольствию Брианны, женщина попробовала металл на зуб, а затем недоверчиво посмотрела на крошечную вмятину. Слиток был промаркирован, однако вряд ли миссис Паттон что-нибудь поняла, кроме «14K» и «1 унция»⁷⁸.

– Идет, – сказала хозяйка пороховой мастерской. – Сколько вам нужно?

---

⁷⁸ Маркировка 14K (14 карат) соответствует 585-й пробе золота. 1 унция равняется 28,35 грамма.

Старательно взвесив порох и золото, они сошлись во мнении, что один слиток равняется двадцати долларам, и Брианна пожалала руку миссис Паттон. Подобный жест слегка озадачил женщину, но отнюдь не смутил. Бри направилась обратно к повозке с двумя десятифунтовыми бочонками пороха, а следом столько же нес и каждый из кузенов.

Отец, беседующий с мистером Шелби, обернулся на звук шагов. Брови у него поднялись выше, чем у миссис Паттон.

– Сколько...

Не договорив, Джейми сжал губы, принял у нее бочонки и поставил в повозку к мешкам с рисом, бобами, овсом и солью, которые они выменяли на мельнице Вулэмов. Потом потянулся к споррану на поясе, но один из кузенов покачал головой.

– Она уже заплатила.

Парень коротко кивнул в сторону Бри и зашагал обратно к мельничному сараю. Второй молодой человек двинулся следом, затем бросил взгляд через плечо, догнал кузена и что-то тихо ему сказал, отчего первый тоже обернулся и снова покачал головой.

Отец хранил молчание, пока они не выехали на дорогу к дому.

– Чем ты расплатилась, дочка? – осторожно спросил он. –

Ты, случаем, не захватила денжат из... своего времени?

– Так, несколько монет... То, что удалось раздобыть без лишней суеты.

Джейми одобрительно покивал и тут же замер, когда дочь вытащила из мешочка золотую пластинку – едва ли ту можно было назвать слитком.

– И еще я взяла тридцать таких штук и спрятала в одежду и каблуки своих ботинок.

Отец что-то сказал по-гэльски. Бри не поняла, но выражение его лица говорило само за себя.

– В чем дело? – резко спросила она. – Золото везде в ходу.

Джейми коротко втянул воздух через нос. Очевидно, этого хватило, чтобы взять себя в руки: он чуть разжал челюсти, с лица сошла краснота.

– Да, верно.

Пальцы на его правой руке чуть заметно дрожали, и он перебрал поводья в попытке ее успокоить.

– В этом-то и беда, дочка, – сказал Джейми, не сводя глаз с дороги. – Золото везде в ходу. И охотников до него полно. Вот почему лучше не болтать направо и налево, что оно у тебя водится... и притом в достатке. – Он на мгновение повернул к Брианне голову и вскинул бровь. – Я считал... То есть, судя по тому, что ты рассказала об этом Робе Кэмероне... Я думал, ты и сама знаешь.

При последних словах горячая волна прокатилась от ее груди к голове. Брианна сжала золотую пластинку в кулаке,

чувствуя себя идиоткой, но обвинение было не вполне справедливым.

– Как же тогда *ты* собираешься тратить золото? – спросила она.

– А я и не собираюсь, – прямо сказал отец. – Предпочитаю не трогать тайник. Я не считаю его по-настоящему своим и воспользуюсь им только в случае крайней нужды, для защиты семьи или арендаторов. Да и тогда не стану тратить его в открытую.

Он оглянулся через плечо, и Брианна невольно последовала его примеру. К настоящему времени предприятие Паттонов осталось далеко позади и дорога – весьма изъезженная – пустовала.

– Если мне придется его использовать – а мне придется, если я решу собирать ополчение, – я сниму тонкую стружку, сделаю из нее маленькие самородки и натру земель. Затем вручу по мешочку Бобби Хиггинсу, Тому Маклауду и, быть может, еще одному-двум людям, которым доверил бы жизни своих родных. Отправлю их в разное время, в разные места. И вряд ли в одно и то же место дважды. Они постепенно обратят золото в деньги: будут платить за покупки и получать сдачу монетами, продадут один-другой самородок ювелиру, а что-то обменяют у златокузнеца. Тогда уже, осторожно, я потрачу деньги, с которыми они вернутся.

От слов «доверил бы жизни своих родных» у Брианны скрутило живот. Теперь она отчетливо поняла, какому риску

только что подвергла Джема, Мэнди, Роджера и остальных обитателей Нового дома.

– Да не переживай, – попытался утешить отец. – Наверняка все обойдется.

Он одарил ее легкой улыбкой и коротко пожал колено. Лошади ускорили ход, и Бри догадалась, что отец хочет отъехать как можно дальше от Порохового притока до темноты.

– Думаешь... – Слова застряли у нее в горле, потонув в грохоте повозки, и она предприняла вторую попытку: – Думаешь, те мужчины, – она махнула назад, – поедут за нами?

Джейми покачал головой и наклонился вперед, сосредоточенно правя лошадьми.

– Вряд ли. Паттоны понимают, что вести с нами дела выгоднее, чем завладеть нашим имуществом. Но готов поспорить: парни проболтаются об удалой девчонке в мужском костюме и с кошельком золота на поясе. Если не повезет, кому-нибудь захочется нас навестить. Будем молиться, чтобы этого не случилось.

– Да.

Первая волна потрясения и гнева отступила, оставив после себя легкое головокружение. Затем Брианна вспомнила кое-что еще и сжалась, как от удара в живот.

– Что? – встревоженно спросил Джейми, когда она охнула, словно ее и правда ударили. Он придержал лошадей, но дочь лишь махнула руками и затрясла головой.

– Я... просто... Они знают, кто ты. Миссис Паттон тебя

узнала.

– Узнала? Я ведь сам представился.

Однако Джейми еще сильнее натянул поводья, чтобы слышать ответ.

– Она знает, что ты Рыжий Джейми, – выпалила Бри.

– Что? – спросил он скорее удивленно, чем испуганно. Вообще-то в его голосе прозвучали веселые нотки. – Как, черт возьми, она поняла? Девушка моложе тебя. В ту пору, когда меня в последний раз так называли, она еще не родилась.

Бри рассказала о дядюшках миссис Паттон и о листовке.

– Очевидно, ты все еще выглядишь как человек, чье лицо может попасть на плакат «Разыскивается», – неуверенно пошутила она.

– Ммхм.

Лошади теперь шли шагом, и Брианна с облегчением вздохнула после тряски и шума. Она украдкой глянула на отца: тот больше не выглядел сердитым или расстроенным. Просто сидел с задумчивым выражением лица, очень похожим на печаль.

– Заметь, – произнес он наконец, – негоже делать то, что принесет тебе репутацию безумца, убивающего без разбора и пощады. Но с другой стороны, вовсе не худо иметь такую репутацию.

Он прищелкнул языком, и лошади сначала перешли на рысь, а затем ускорили бег. Однако ощущение спешки исчезло. Бри покосилась на отца и с облегчением отметила, что

слава Рыжего Джейми его не взволновала. Пожалуй, теперь он даже несколько успокоился в отношении золота.

Они продолжили путь в молчании, хотя уже не столь напряженном. Но когда встали на ночлег, сразу после восхода луны, то ели без огня. А ночью, постоянно пробуждаясь от чуткого сна, Бри неизменно видела отца сидящим в черной тени дерева с винтовкой в правой руке и заряженным пистолетом в левой.

Прах, прах...

Я шагала за Роджером через заросли огромных тополей. Кроны смыкались высоко над тропой: возникало такое чувство, будто мы в тихой церкви, а на стропилах вместо летучих мышей поселилась чирикающая братия. *Очень уместно для нашей миссии*, – подумала я.

Однако мне скорее была отведена роль шпионки, нежели переговорщика. Я сунула руку в карман юбки и в третий раз проверила содержимое: внизу три солидных узловатых корня имбиря, сверху – несколько мешочков с сушеными травами, которые здесь не растут.

Моя задача – конечно, если Роджер успеет замолвить словечко до того, как нас обоих вышвырнут вон, – заключалась

в том, чтобы заговорить зубы миссис Каннингем. Сначала выразить бурную благодарность за хинную кору (и сдержанно извиниться за вспыльчивость Мэнди), затем вручить ответные дары, один за другим, подробно объясняя их происхождение, область применения и правила использования.

Между тем Роджер успеет выманить капитана Каннингема на улицу – ведь порядочные мужчины, разумеется, не захотят слушать, как две травницы обсуждают самые действенные при запорах клизмы. Дальше дело за Роджером. Он шагнул впереди, решительно расправив плечи.

Мы вышли из тополиной рощи, и каменистая тропа вновь устремилась вверх, в заросли елей и гемлока, обильно источающих смолу на солнце.

– Пахнет Рождеством, – улыбнулся Роджер, придерживая для меня большую ветку. – Мы ведь устроим семейное празднование? Я имею в виду – ради Джема и Мэнди. Они к этому привыкли и уже достаточно взрослые, чтобы помнить.

Рождество у шотландцев было чисто религиозным праздником – все веселье происходило на Хогманай.

– Чудесная мысль, – сказала я с легкой грустью.

Рождественские каникулы моего детства – те, которые остались в памяти, – по большей части проходили в нехристианских странах. Мы довольствовались хлопушками из Англии, пудингом в жестяной банке, а однажды – рождественскими яслями, украшенными верблюдьими колокольчиками и фигурками Марии, Иосифа и Младенца Иисуса в

окружении свиты царей, пастухов и ангелов. Все они были сделаны из каких-то местных стручков и наряжены в крошечные одежды.

Впоследствии я с удовольствием ежегодно устраивала настоящее Рождество для Брианны – и для себя тоже. Охваченная радостным волнением, я делала то, о чем раньше только читала или слышала. Фрэнк, единственный из нас, кто хорошо разбирался в британских рождественских традициях, выступал экспертом по части меню, упаковки подарков, пения гимнов и других тайных знаний. С момента украшения елки и до того дня, как ее убирали после Нового года, дом наполняла атмосфера восхитительного таинства и особого умиротворения. Ах, если бы устроить подобное в нашем новом доме, в компании всех близких...

– Вот что. – Я очнулась как раз вовремя, чтобы нырнуть под еловую лапу. – Не упоминай Санта-Клауса в разговоре с капитаном Каннингемом.

– Добавлю в список запрещенных тем, – серьезно пообещал Роджер.

– И что у тебя идет первым пунктом?

– Ну, обычно вы, – без обиняков сказал он. – Хотя в нынешних обстоятельствах куда сложнее выбрать между семейством Бердсли и виски Джейми. Конечно, Каннингемы рано или поздно узнают и о том, и о другом – если еще не узнали, – но я не хочу выступать в роли вестника.

– Бьюсь об заклад, о Бердсли они слышали, – предполо-

жила я. – Миссис Каннингем ведь дала хинную кору. Значит, кто-то сообщил, что она мне нужна и, вероятно, для чего. И вряд ли этот кто-то удержался и не разболтал о Лиззи и двух ее мужьях.

– Верно. – Роджер взглянул на меня, и губы его тронула улыбка. – Хотя нельзя поручиться, что... ну, то есть...

– Оба сразу? – Я рассмеялась. – Бог его знает, только у них в доме трое маленьких детей, двое из которых спят в родительской постели. Может, конечно, их из пушки не разбудишь, – задумчиво добавила я, – но теснота...

– Было бы желание, а возможность найдется, – заверил Роджер. – К тому же на улице еще тепло.

Тропа расширилась, и теперь мы шагали бок о бок.

– В любом случае миссис Каннингем проявила удивительную щедрость с учетом того, что наговорила нам с Брианной о ведьмах.

– Да, а еще заверила всех нас, включая меня и Мэнди, что мы попадем в ад.

При этих словах Роджер рассмеялся.

– Вы видели, как Мэнди ее передразнивает?

– Жду не дожусь. Далеко еще?

– Почти пришли. Я прилично выгляжу? – спросил он, стряхивая кленовые листья с жилета.

Роджер тщательно подготовился к встрече: надел хорошие бриджи, чистую рубашку и жилет со скромными деревянными пуговицами (Бри поспешно перешила их на место при-

вычных бронзовых). Кроме того, Брианна заплела мужу волосы, а Джейми, у которого было гораздо больше опыта в таких делах, аккуратно подвернул косу и крепко завязал ее на затылке широкой черной лентой в рубчик из своих запасов.

«Ступай с Богом, *a charaid*», – ухмыляясь, напутствовал он Роджера.

Вот уж воистину – Бог нам в помощь.

– Отлично, – заверила я Роджера.

– Тогда вперед.

Каннингеми жили в недавно выстроенной хижине на южной окраине Риджа – настолько далеко я еще не забиралась. Мы шли больше часа, то и дело смахивая с себя листву, опавшую с деревьев зеленым дождем, а также полчища мошек, ос и пауков. День выдался очень теплый, и я уже пожалела, что не взяла с собой чего-нибудь прохладительного, как вдруг Роджер остановился на краю поляны.

Брианна рассказала мне о побеленных камнях и сверкающих стеклах. За домом виднелся большой огород с овощными грядками и лечебными травами, однако миссис Каннингем еще не успела соорудить забор, поэтому ничто не мешало оленям и кроликам там хозяйничать. Я с огорчением оглядела вытоптанную землю, сломанные стебли и обглоданную ботву репы. С другой стороны, в таких обстоятельствах старуха охотнее польстится на мои подношения.

Я сняла шляпу и торопливо пригладила волосы – насколько было возможно после четырех миль ходьбы в жаркую по-

году.

Не успела я надеть шляпу, как дверь открылась.

Завидев нас, Каннингем вздрогнул. Вероятно, он ждал кого-то другого. Сердце у меня забилося чаще, и я мысленно повторила начало своей благодарственной речи.

— Добрый день, капитан! — дружелюбно поприветствовал Роджер. — Моя теща, миссис Фрэзер, пожелала навестить миссис Каннингем.

Слегка приоткрыв рот, капитан перевел взгляд на меня. Он не сумел скрыть своих чувств: судя по выражению лица, Каннингем пытался сопоставить то, что слышал обо мне от матери, с тем респектабельным видом, какой я на себя напустила.

— Я... Она... — начал он.

Роджер взял меня за руку и быстро повел по дорожке к дому, учтиво заговорив с капитаном о погоде, но тот не обратил внимания.

— Я хотел сказать... добрый день, мэм.

Он коротко кивнул, когда я остановилась и сделала реверанс.

— Боюсь, моей матери нет дома. — Каннингем настороженно глядел на меня. — Простите.

— О, она ушла в гости? — поинтересовалась я. — Как жаль. Мне хотелось поблагодарить ее за подарок. И я кое-что для нее принесла...

Я покосилась на Роджера, молча спрашивая: «Что те-

перь?»

— Нет, она пошла к ручью. — Капитан неопределенно махнул рукой в сторону леса. — Она... э-э...

— Ну, в таком случае, — перебила я, — пойду и поищу ее. Роджер, почему бы тебе не составить капитану компанию, пока я схожу за миссис Каннингем?

Не дождавшись ответа, я подобрала юбки, аккуратно перешагнула ряд белых камней и направилась к лесу, предоставив Роджеру действовать по своему усмотрению.

* * *

— Что ж... Прошу, входите.

Каннингем с достоинством принял удар судьбы и, широко распахнув дверь, пригласил Роджера внутрь.

— Благодарю, сэр.

В хижине царил такой же порядок, как и во время его прошлого визита, однако пахло иначе. Роджер мог поклясться, что в воздухе витает соблазнительный кофейный аромат. *Боже, и в самом деле кофе...*

— Присаживайтесь, мистер Маккензи.

Каннингем вновь овладел собой, хотя по-прежнему бросал на гостя косые взгляды. Роджер заготовил несколько вступительных реплик, но все они были призваны отвлечь миссис Каннингем и выиграть время для Клэр. *Лучше потопиться, пока женщины не вернулись.*

– Недавно у меня состоялся интересный разговор с моей невесткой Рэйчел Мюррей, – начал Роджер.

Каннингем, нагнувшийся, чтобы снять горячий кофейник с очага, подскочил как ужаленный и едва не стукнулся головой о дымоход.

– Что? – Он обернулся.

– Я о миссис Йен Мюррей, – пояснил Роджер. – Знаете, молодая женщина из квакеров? Высокая, темноволосая, очень красивая? У нее еще громкоголосый ребенок?

Кровь прилила к лицу капитана.

– Я знаю, о ком вы, – с холодком в голосе произнес он. – Однако весьма удивлен, что она пересказала нашу беседу *вам*.

Роджер пропустил мимо ушей легкий нажим на последнем слове.

– Вовсе нет, – непринужденно пояснил он. – Она только сообщила, что речь шла о предмете, который, по ее мнению, меня интересует, и посоветовала прийти поговорить с вами здесь.

Гость обвел комнату рукой.

– По словам Рэйчел, во время службы во флоте вы читали своим людям воскресные проповеди и находили это занятие... «благодарным». Так она выразилась. Я ничего не путаю?

Краснота сошла с лица Каннингема. Он неохотно кивнул.

– Полагаю, вас это не касается, сэр. Но действительно, я

проповедовал в тех случаях, когда собиралась паства, а мы плавали без капеллана.

– Что ж, тогда у меня к вам предложение, сэр. Присядем?

Любопытство пересилило. Каннингем кивнул на большое деревянное кресло со спинкой в виде колеса, а сам сел в такое же, только поменьше, по другую сторону от очага.

– Как вы знаете, – сказал Роджер, наклоняясь вперед, – я пресвитерианин и меня уважительно называют священником. Однако я еще не принял духовный сан, хотя прошел необходимое обучение, сдал экзамены и надеюсь на скорое рукоположение. Вам также известно, что мой тесть – и, если уж на то пошло – моя жена, теща и дети католики.

– Известно. – Каннингем овладел собой и теперь не стеснялся выражать неодобрение. – Как вам удастся примирить свою совесть с подобным положением дел, сэр?

– Стараюсь жить сегодняшним днем, – безразлично пожал плечами Роджер. – Суть в том, что я в хороших отношениях с тестем, и когда он построил школу, то предложил мне проводить там и церковные службы по воскресеньям. В то время, три года назад, мы также учредили маленькую масонскую ложу, и мистер Фрэзер разрешил использовать здание вечерами для наших нужд.

До сих пор Роджер смотрел Каннингему в лицо, теперь же, упомянув о масонах, он опустил глаза на тлеющие угли в очаге: капитану требовалось время поразмыслить – конечно, если было над чем.

Похоже, он угадал. Прежнее замешательство и неодобрение собеседника таяли как лед: медленно, но верно. Он не произнес ни слова, но в его молчании появилось нечто новое. Капитан испытующе посмотрел на Роджера.

Была не была...

– Мы встретились как равные, – тихо сказал Роджер.

Каннингем втянул побольше воздуха в грудь и слегка кивнул.

– И расстались в согласии⁷⁹, – так же тихо откликнулся он. Атмосфера в комнате изменилась.

– Позвольте налить вам кофе.

Каннингем встал, взял две чашки из буфета, который словно попал сюда напрямую из лондонской гостиной, и протянул одну Роджеру.

Настоящий кофе. Свежемолотый. Роджер в упоении закрыл глаза и вспомнил слова Рэйчел о том, что ее угостили чаем. Судя по всему, капитан сохранил связи на флоте. Может, два таинственных посетителя были моряками? Всего лишь контрабандистами?

Минуту-другую они потягивали напиток в дружеском, хотя и настороженном молчании. Наконец Роджер сделал последний щедрый глоток.

– К несчастью, – сказал он, – год назад в здание ударила молния и школа сгорела дотла.

– Миссис Мюррей мне говорила. – Капитан осушил чаш-

---

⁷⁹ Условленные фразы в масонской среде.

ку, поставил ее и вопросительно кивнул на кофейник.

– С удовольствием. – Роджер передал свою чашку. – Будь Джейми Фрэзер в то время в Ридже, я уверен, он бы восстановил постройку, но из-за... хм... превратностей войны... он с семьей не смог быстро вернуться. Полагаю, вы об этом осведомлены.

– Да. Роберт Хиггинс мне сообщил, когда я подавал заявку на поселение. – Тень неодобрения вновь пробежала по его лицу. – Похоже, мистер Фрэзер – джентльмен с необычайно гибкими принципами. Назначить управляющим человека, осужденного за убийство...

– Ну, меня он считает не иначе как еретиком, однако терпит. По-вашему, это и есть «гибкие принципы»?

Роджер улыбнулся Каннингему, который поперхнулся кофе при слове «еретик». *Полегче, приятель. Хоть мы и принадлежим к братству, не забывай о границах приличия.*

Роджер кашлянул, давая Каннингему прийти в чувство.

– Итак, я упомянул о предложении... Мистер Фрэзер хочет, чтобы здание школы восстановили на прежнем месте и использовали для тех же целей. Он готов предоставить древесину. Однако, как вы, несомненно, знаете, он сейчас строит собственный дом и не сможет выкроить время или деньги до конца года. В связи с чем, сэр, я предлагаю нам троим совместными усилиями завершить восстановление в скорейшие сроки. И когда здание станет пригодным для использования, мы с вами смогли бы по очереди проповедовать там

по воскресеньям.

Каннингем замер с чашкой в руке, но внешний панцирь холодности и сдержанности растаял. Судя по глазам, мысли его метались как пескари в пруду – так быстро, что не поймать.

Роджер поставил недопитую чашку и встал.

– Не желаете пойти со мной и осмотреть место?

* * *

Ручей я нашла легко. Рядом с домом еще не было колодца, поэтому Каннингемам приходилось где-то набирать воду, а раз так... Я обнаружила тропинку, ведущую в кусты кизила, и через несколько мгновений до моих ушей донеслось журчание воды.

Найти миссис Каннингем оказалось чуть сложнее. Она пошла вверх или вниз по течению? Мысленно бросив монетку, я направилась вниз и угадала: ручей в том месте слегка поворачивал, и на пяточке раскисшей земли у ближнего берега виднелось множество следов или, вернее, отпечатков ног одного-двух человек, часто здесь бывающих. Круги и борозды в грязи указывали, куда ставилось ведро.

Недавно прошел дождь, и ручей поднялся. На дальнем берегу густая растительность спускалась прямо к воде. Вряд ли миссис Каннингем стала бы переходить здесь: камни в русле хотя и годились на роль ступенек, сейчас практически все

ушли под воду. Я медленно брела вдоль ручья, внимательно прислушиваясь. Я не ждала, что миссис Каннингем будет распевать псалмы, но какие-то звуки она обязательно издаст и птицы поблизости либо закричат, либо умолкнут.

И действительно: она выдала себя, когда привлекла внимание зимородка – тому не понравилось вторжение чужака. Я последовала за протяжным чириканьем и заметила птицу – длинноклювый комочек рыжего, белого и серо-голубого цветов. Он сидел на покачивающейся от легкого ветерка длинной ветке над небольшой заводью, образованной водоворотом. Потом я увидела миссис Каннингем. В воде. Нагую.

К счастью, меня она не заметила, и я, сдернув шляпу, поспешно присела за куст.

Зимородок при виде второго визитера окончательно расвирепел и негодующе заверещал, раздувая яркое маленькое тельце. Однако миссис Каннингем, не обращая внимания, продолжала мыться – расслабленно, неторопливо, прикрыв глаза от удовольствия; влажные седые волосы струились по ее спине. У меня вдоль позвоночника стекал пот, а одна капля скатилась с подбородка. С чувством зависти я вытерла ее тыльной стороной ладони.

Ощувив на миг абсурдный порыв раздеться и нырнуть в воду, я тут же его подавила. Следовало немедленно уйти, но и этого я не сделала.

Отчасти меня удерживал естественный интерес, который заставляет нас наблюдать за другими людьми, когда они сме-

ются, злятся, раздеваются донага или занимаются сексом. А отчасти – простое любопытство. Грань между исследователем и вуайеристом порой тонка, и я осознанно ступала по ней: миссис Каннингем представлялась мне загадкой.

Тело у нее было сильным, с широкими плечами, прямой спиной и развитыми мышцами, выступающими под дряблой кожей рук и груди. Кожа на животе обвисла, являя следы многократных родов. Выходит, капитан у нее – не единственный ребенок.

С закрытыми в безыскусном наслаждении глазами и ослабленным лицом она была хороша собой. Не красавица – годы неурядиц и суровый нрав оставили след, – но все же ее ярко выраженные, правильные черты отличались привлекательностью. Интересно, сколько ей лет? Капитану на вид около сорока пяти, хотя я понятия не имела, старший он ребенок или младший. Значит, где-то между шестьюдесятью и семьюдесятью?

Женщина отжала распущенные волосы и заправила за уши. У дальнего края заводи лежало полузатопленное бревно, и она осторожно прислонилась к нему спиной, снова закрыла глаза и опустила руку в воду между ног. Я моргнула, а затем как можно тише попятилась назад, приподняв юбки и стараясь не выронить шляпу. Пожалуй, это уже за гранью.

Пяткой я зацепилась за торчащий корень дерева и едва не упала, но все же удержалась на ногах, хотя выпустила из рук и юбку, и шляпу. Нагруженный карман ударился о бедро,

напоминая о моих первоначальных намерениях.

Однако негоже просто сидеть тут, пока она не закончит начатое, выйдет из воды и оденется. Вернусь-ка лучше в хижину, скажу капитану, что не нашла его матушку, и в знак благодарности оставлю имбирь с травами.

Я начала отряхивать платье и тут заметила, что сильно наследила на сырой глине в своем укрытии. Бормоча под нос проклятия, я полезла под кусты позади себя, выгребла несколько пригоршней палой листвы, веток и камешков и торопливо разбросала их поверх предательских отпечатков. Вытирая руки горстью влажных листьев, я почувствовала среди них камешек и отшвырнула его.

Однако на лету камень отчетливо и ярко блеснул, и я снова его подняла.

Это оказался необработанный изумруд, длинный прямоугольный кристалл мутно-зеленого цвета в обрамлении грубой породы.

Несколько мгновений я смотрела на него, осторожно поглаживая поверхность большим пальцем.

– Как знать, вдруг ты однажды пригодишься? – тихо говорила я и сунула находку в сумку.

* * *

– Сколько людей вмещало первоначальное здание? – спросил капитан, кивая на хрупкий черный остов двери.

– Около тридцати, если стоя. У нас не было скамеек. На собрания каждый из братьев ложи приносил из дома табуретку, а зачастую и бутылку.

Роджер улыбнулся при воспоминании о том, как Джейми передавал по кругу бутылки из первой партии домашнего виски и внимательно следил за пьющими на случай, если кто-нибудь упадет или внезапно умрет.

– И кстати... Вы должны знать, что мистер Фрэзер – один из братьев. Вообще-то он Досточтимый Мастер. Это он основал здесь ложу.

Потрясенный известием, Каннингем выронил из рук кусочек угля.

– Масон? Но ведь католикам нельзя давать масонские клятвы. Папа запрещает... – При этом слове капитан слегка скривил губы.

– Мистер Фрэзер стал масоном в шотландской тюрьме после восстания якобитов. И, как он сам сказал бы: «Папа не сидел в Ардсмуре, а я сидел».

До сих пор в беседах с капитаном Роджер придерживался оксфордского произношения, однако теперь процитировал Джейми с шотландским акцентом. Реакция Каннингема его позабавила, хотя было неясно, от чего тот захлопал глазами: из-за акцента или чудовищности поступков Джейми.

– Возможно, сие также демонстрирует... гибкость... взглядов мистера Фрэзера, – сухо заметил капитан. – Есть ли у него твердые принципы, позвольте спросить?

– Я думаю, он мудрый человек и знает, что в такие времена требуется идти на уступки, – возразил Роджер, не теряя самообладания. – Если бы он не умел находить компромисс, то давно обратился бы в прах – равно как и те, кто от него зависит.

– Вы, например?

Это было сказано без враждебности, однако с явной целью уязвить.

– Да.

Роджер глубоко вздохнул, принохиваясь, но запах от удара молнии и пожара уже давно выветрился. Немного усилий – и здесь снова потечет мирная жизнь.

– Что же до принципов, за которые Джейми Фрэзер будет стоять до конца, – продолжил Роджер, – разумеется, они существуют, и да поможет Бог тому, кто встанет у него на пути. Как считаете, не расширить ли нам здание? Сейчас в Ридже гораздо больше семей.

Каннингем кивнул и перевел взгляд на тыльную сторону ладони, где нацарапал углем измерения.

– Вам известно точное количество? А как насчет их религиозных воззрений? По словам мистера Хиггинса, мистер Фрэзер не слишком строго отбирает поселенцев, при условии, что они честные люди и желают работать. Тем не менее, похоже, подавляющее большинство арендаторов – шотландцы.

Последнее было сказано с вопросительной интонацией, и

Роджер кивнул.

– Верно. Первыми поселенцами стали те, кто сражался вместе с ним во время восстания, а также родственники его знакомых с предгорья. Там много шотландцев, – добавил он. – Разумеется, большинство первых арендаторов – католики, однако среди них встречались и протестанты, в основном шотландские пресвитериане. Позднее из Терсо прибыла большая группа иммигрантов, также пресвитериан. – *И притом яростных...* – Я сам лишь недавно вернулся в Ридж. Мне сказали, здесь живут несколько методистских семей. Не возражаете, если я спрошу, сэр, что привело сюда вас?

Каннингем коротко хмыкнул, скорее обдумывая ответ, а вовсе не от нерешительности.

– Как и многие другие, я приехал вслед за знакомыми. В Северной Каролине обосновались двое из моих моряков, а также лейтенант Феррелл. Он служил со мной в течение трех сроков, пока не пострадал от серьезного ранения, из-за которого ему пришлось оставить службу и выйти на пенсию. Его жена тоже здесь.

Роджер задался вопросом, продолжит ли тот – и каким образом – получать выплаты, но, к счастью, в настоящий момент эта забота лежала не на его плечах.

– Итого, – подытожил Каннингем, насмешливо заглянув Роджеру в глаза, – у меня уже есть конгрегация по меньшей мере из шести человек.

Роджер любезно улыбнулся, а затем совершенно искрен-

не заверил Каннингема, что скудость местных развлечений гарантирует полный зал любому, кто пожелает выступить на публике.

– Развлечений, – мрачно повторил Каннингем и кашлянул. – Хм. Могу я спросить, мистер Маккензи, почему вы сделали мне подобное предложение? Кажется, вы вполне способны развлечь любое количество людей в одиночку.

– Потому что Джейми хочет знать, являешься ли ты лоялистом и чего в таком случае от тебя ожидать. А лучший способ вывести тебя на чистую воду – выманить на публику и дать возможность проповедовать.

Роджер не собирался лгать Каннингему, но ничто не мешало озвучить альтернативную правду.

– Как я уже сказал, более половины здешних поселенцев – католики. И хотя за неимением лучшего они придут послушать меня, уверен, они бы с удовольствием послушали вас. Учитывая некоторое свободомыслие в моей семье, – он пренебрежительно дернул плечом, – думаю, людям будет полезно услышать разные точки зрения.

– Так и есть, – раздался позади тихий веселый голос. – В том числе и голос Христа, говорящий в их сердцах.

Каннингем снова уронил уголек.

– Миссис Мюррей, – сказал он с поклоном. – К вашим услугам, мэм!

При взгляде на Рэйчел Мюррей у Роджера всегда становилось легче на душе, а завидев ее здесь и сейчас, он захотел

рассмеяться.

– Привет, Рэйчел, – поздоровался он. – Где твой малыш?

– С Брианной и Дженни. Аманда пытается научить его слову «кака», под которым, насколько я понимаю, она имеет в виду экскременты.

– Ну, вряд ли у нее выйдет научить его слову «экскременты».

– Точно. – Рэйчел улыбнулась ему, потом Каннингему. – Брианна сказала, ты здесь с капитаном улаживаешь дела насчет нового молельного дома, поэтому я решила, что мне стоит присоединиться к разговору.

На ней было светло-серое ситцевое платье и темно-синий фишю⁸⁰. Подобное сочетание придавало ее глазам темно-зеленый оттенок.

Каннингем, хотя и вел себя галантно, выглядел несколько смущенным. В отличие от Роджера, который, правда, тоже удивился.

– То есть ты хочешь воспользоваться часовней? Для... гм... собраний?

– Разумеется.

– Подождите... Вы имеете в виду собрания квакеров? – Капитан нахмурился. – Сколько квакеров в настоящее время живет в Ридже?

– Всего один, насколько мне известно, – сказала Рэйчел. –

---

⁸⁰ Fichu (фр.) – тонкий треугольный или сложенный по диагонали квадратный платок из легкой ткани или кружев, прикрывавший шею и декольте.

Хотя полагаю, Огги тоже считается. Значит, два. Но у Друзей нет понятия кворума, и ни один Друг не станет возражать против гостей на рядовом собрании. Йен и Дженни – я говорю о своем муже и его матери, капитан, – наверняка присоединятся, да и Клэр с Джейми придут. Естественно, Роджер с Брианной приглашены, и ты тоже, Друг Каннингем, со своей матушкой.

Она одарила капитана улыбкой, и он невольно ответил тем же, потом смущенно кашлянул и сильно покраснел. Решив, что Каннингему поплохело от подобного церковного единения, Роджер вмешался:

– Когда бы ты хотела проводить собрания, Рэйчел?

– В Первый день. То есть в воскресенье, – пояснила она Каннингему. – Мы не используем языческие названия. Время суток не имеет значения. Мы не станем возражать против любых договоренностей, к которым вы пришли.

– Языческие? – ужаснулся Каннингем. – По-вашему, «воскресенье» – *языческий* термин?

– Ну, разумеется, – уверенно заявила Рэйчел. – Английское «Sunday» означает «день солнца» и отсылает к древнеримскому празднику «dies solis», который затем в староанглийском языке превратился в «Sunnendaeg». – Она чуть усмехнулась Роджеру. – Согласна, звучит не столь язычески, как «Tiwesdaeg», то есть вторник, получивший название в честь скандинавского бога войны. Но тем не менее. – Рэйчел взмахнула рукой и повернулась, чтобы уйти. – Сообща-

те мне, в какое время вы оба собираетесь проповедовать, и я все устрою соответствующим образом. И, конечно, мы поможем с возведением здания.

Мужчины молча смотрели, как она скрылась среди дубов.

Каннингем взял еще один кусочек угля и рассеянно потер его между большим и указательным пальцами. Роджер вспомнил, как однажды в Пепельную среду ходил с Брианной на службу в церкви Святой Марии в Инвернессе. Священник опустил палец в горку пепла на блюде (по словам Бри, он остался от сожжения пальмовых ветвей с прошлогоднего предпасхального воскресенья⁸¹), а затем начертил крест на лбу каждого прихожанина и прошептал: «Помни, человек, что ты прах и в прах возвратишься»⁸².

Когда очередь дошла до него, Роджер встал. Он отчетливо запомнил странное зернистое ощущение от пепла и одновременно нахлынувшие чувства тревоги и смирения.

Почти как сейчас.

---

⁸¹ В западной традиции – Пальмовое воскресенье, у православных – Вербное.

⁸² Книга Бытия, 3:19.

Ловля форели в Америке, часть вторая

Несколько дней спустя

Зеленовато-желтая, как опадающий лист, муха мелькнула в воздухе и опустилась на воду среди расходящихся от рыбы кругов. Секунду или две она держалась на поверхности, а затем с крошечным всплеском исчезла, схваченная прожорливыми челюстями. Роджер резко дернул удилище, подсекая добычу, но в этом не было необходимости: сегодня голодная форель набрасывалась на все подряд. Рыбина так глубоко заглотила крючок, что оставалось только с усилием вытянуть ее из воды.

И все же форель, отливая серебром в последних лучах солнца, боролась и норовила сорваться с лески. Роджер чувствовал ее силу, ярость и желание жить – несоразмерно большое для такой рыбы, – и его сердце тоже забилось мощнее.

– Кто тебя научил так закидывать удочку, Роджер Мак? – Тесть взял трепыхавшуюся на берегу форель и аккуратно ударил ее о камень. – Более ловкого движения я еще не видел.

Роджер скромно отмахнулся от комплимента, хотя и покраснел от удовольствия: Джейми не разбрасывался похвалой.

– Мой отец, – ответил он.

– Правда?

– В смысле – преподобный, – поспешил уточнить Роджер. – На самом деле он приходился мне двоюродным дедушкой. Он меня усыновил.

– Значит, он и есть твой отец, – улыбнулся Джейми.

У дальнего берега заводи Жермен с Джемом спорили из-за того, кто выудил самую большую рыбу. Поймали они порядочно, но складывали форель в общую кучу и теперь не могли определить, где чья.

– Ты ведь не думаешь, что я люблю Джема и Жермена по-разному из-за того, что первый – мой внук по крови, а второй – нет?

– Конечно, не думаю.

Глядя на мальчиков, Роджер и сам улыбнулся. Жермена,

родившегося на год с небольшим раньше, отличало худощавое телосложение, как и обоих его родителей. Джем был широкоплечим, в деда. *И в меня*, – подумал Роджер, приосанившись. Оба мальчика сильно вытянулись. Под алым светом заходящего солнца их волосы вспыхнули рыжим – даже белокурая шевелюра Жермена.

– А где Фанни? Она их быстро помирит.

Двенадцатилетняя Фрэнсис порой выглядела намного младше своих лет, а иногда – поразительно старше. Девочка уже успела сблизиться с Жерменом, когда в Ридже появился Джем, и ее первоначальная настороженность к нему объяснялась страхом, что Джем отнимет у нее единственного друга. Однако Джем был душой компании, а бывший карманник Жермен умел найти подход к людям гораздо лучше любого одиннадцатилетнего мальчишки, и вскоре троицу повсюду видели вместе. Хихикая, они то удирали через кусты, спеша по каким-то таинственным делам, то вдруг появлялись во время пахтанья масла – слишком поздно, чтобы помочь со сбиванием, но как раз кстати, чтобы выпить стакан свежей пахты.

– Дженни учит ее вычесывать коз.

– Зачем?

– Хочу добавить козий волос в штукатурку для стен.

– Понятно.

Роджер кивнул, протягивая шнур для переноски рыбы через темно-красную жаберную щель.

Солнце почти опустилось за деревья, однако форель все еще клевала, то и дело выпрыгивая из воды и образуя на поверхности сверкающую рябь. Поддавшись соблазну, Роджер на мгновение сжал пальцы на удилище... Нет, для ужина и завтрака им хватит, а в погребке и так уже с десятков бочонков соленой и копченой рыбы, да и солнце вот-вот скроется.

Джейми в одной рубашке неподвижно сидел на удобном пенке, вытянув босые ноги; сзади на земле валялся старый охотничий плед. В нагретом за день воздухе разливалась нега. Он посмотрел на мальчиков: позабыв о споре, те снова взялись за удочки и внимательно следили за поплавками, будто парочка зимородков.

Джейми повернулся к Роджеру и как ни в чем не бывало спросил:

– А у пресвитериан существует таинство исповеди, *tas mo chinnidh*?

Роджер немного помолчал, ошеломленный как самим вопросом, так и возможным подтекстом, а также тем, что Джейми назвал его «сын моего дома». Подобное обращение он слышал только раз, во время собрания кланов на горе Геликон несколько лет назад.

Однако по своей сути вопрос был простым, и Роджер так же просто ответил:

– Нет. У католиков семь таинств, а пресвитериане признают всего два: крещение и причастие. – Этим он мог бы ограничиться, только суть вопроса явно заключалась в другом. –

Вы хотите мне о чем-то рассказать, Джейми? – На его памяти он лишь второй раз обратился к тестю по имени. – Я не могу отпустить вам грехи, но с радостью выслушаю.

Лицо собеседника, до сей поры не выражавшее особого напряжения, теперь расслабилось, и разница была очевидной. Собственное сердце Роджера распахнулось навстречу этому человеку, готовое принять все, что бы тот ни сказал. По крайней мере, так он думал.

– Да, – хрипло ответил Джейми и кашлянул, застенчиво наклонив голову. – Это меня устроит. Помнишь ночь, когда мы вырвали Клэр из рук тех подонков?

– Такое не забывается. – Роджер посмотрел на тестя, потом скосил глаза на мальчиков, которые по-прежнему увлеченно рыбачили, и вновь оглянулся на Джейми. – Почему вы спрашиваете? – осторожно поинтересовался он.

– Ты был там, когда я сломал Ходжпайлу шею, а Йен спросил, что делать с остальными? И я сказал: «Убей всех».

– Да.

Он там был. И не хотел возвращаться к прошлому. Слова тестя подняли на поверхность воспоминания, от которых повеяло холодом: непроглядная ночь в лесу, отблески пламени, леденящий ветер и запах крови. Барабаны... Один боуран грохочет у него в руках, еще два – позади. Крики. Чьи-то сверкнувшие в темноте глаза и острый спазм в животе, когда под его ударом проломился череп.

– Я убил одного из них, – резко произнес Роджер. – Вы

знали?

Джейми все это время смотрел на него и сейчас не отвел взгляда. На миг сжав губы, он кивнул.

– Сам я не видел, – сказал он. – Но на следующий день у тебя на лице все было написано.

– Немудрено.

Роджеру сдавило горло, и слова вырывались с хрипом. Удивительно, что после битвы Джейми вообще заметил хоть что-то, кроме Клэр. С болью в груди, как после удара под дых, Роджер вспомнил: она стояла на коленях у ручья и пыталась выправить собственный сломанный нос, глядя на отражение в воде, а по ее избитому обнаженному телу струилась кровь.

– Нельзя угадать заранее, чем все закончится. – Джейми пожал плечом. Шнурок, державший его волосы, исчез (видимо, зацепился где-то за ветку), и густые рыжие пряди колыхались на вечернем ветерке. – Я имею в виду схватку. Одно остается в памяти, другое нет. Тем не менее ту ночь я помню прекрасно – как и последующий день.

Роджер молча кивнул. У пресвитериан действительно не было таинства исповеди, и сейчас он об этом пожалел: весьма полезная штука. Особенно если ведешь такой образ жизни, как Джейми. Но любой священник знает потребность души выговориться и быть понятой, и в его силах дать такую возможность.

– Естественно, – сказал он. – Значит, вы сожалеете? О

том, что приказали убить тех людей?

– Ни капли. – Джейми бросил на него жесткий взгляд. – А ты сожалеешь о своем поступке?

– Я... – Роджер внезапно умолк. Не то чтобы он об этом не думал, просто... – Сожалею, что пришлось, – осторожно закончил он. – Очень. Хотя в глубине души уверен: иначе было нельзя.

Джейми выдохнул.

– Ты наверняка знаешь, что Клэр изнасиловали.

Тесть не спрашивал, однако Роджер кивнул. Клэр не рассказывала даже Брианне – да и к чему.

– Человек, сделавший это, не погиб в ту ночь. Она видела его живым два месяца назад у Бердсли.

В воздухе повеяло прохладой, но волосы на предплечьях у Роджера приподнялись по другой причине. Джейми всегда четко выражал мысли, и начал он разговор со слова «исповедь». Роджер не торопился с выводами.

– Вряд ли вы спрашиваете у меня совета, как поступить.

Джейми некоторое время помолчал – темная фигура на фоне пылающего заката.

– Нет, – тихо сказал он. – Конечно.

– Дедушка! Смотри!

По камням через заросли к ним пробирались Джем с Жерменом, каждый нес нанизанных на шнурок рыб. Смешанная с кровью вода капала на штаны мальчишек, оставляя темные полосы. Рыбья чешуя блестела бронзой и серебром в послед-

них лучах угасающего света.

Роджер перевел взгляд на Джейми и успел заметить, как сверкнули его глаза, когда он смотрел на мальчиков. На миг лицо тестя отразило тревогу и внутреннее напряжение, которые тут же исчезли. Он улыбнулся внукам и наклонился полюбоваться уловом.

Господи Иисусе, – подумал Роджер. Через его грудь будто пропустили электрический разряд, короткий и обжигающий. – *Он прикидывает, достаточно ли они взрослые. Для таких знаний.*

– Мы решили, пускай каждый возьмет по шесть, – пояснил Джемми, гордо поднимая бечевку и поворачивая ее так, чтобы отец с дедом полюбовались размером улова.

– А эти – для Фанни. – Жермен показал связку поменьше, на которой висели три упитанные форели. – Мы решили, будь она здесь, что-то все равно поймала бы.

– Отлично придумано, ребята, – похвалил Джейми, улыбаясь. – Уверен, девчушка оценит.

– Хм. – Жермен слегка нахмурился. – Она по-прежнему сможет с нами рыбачить, *Grand-père*? Когда станет женщиной? Миссис Уилсон говорит, что нет.

Джемми с отвращением фыркнул и толкнул Жермена локтем.

– Вот еще глупости, – сказал он. – Моя мама женщина, и она ходит на рыбалку. И охотится, ясно?

Жермен кивнул, однако не слишком убежденно.

– Да, верно, – признал он. – Хотя мистер Кромби этого не одобряет, как и Цапля.

– Цапля? – удивился Роджер.

Хирам Кромби считал, что долг женщины – готовить, убирать, пряхсть, шить, присматривать за детьми, кормить скот и подавать голос только во время молитвы. Но Стойкая Цапля Брэдшоу был индейцем чероки, который женился на девушке из моравской общины в Салеме и теперь жил на другой окраине Риджа.

– Почему? Ведь женщины чероки сами выращивают урожай, и я точно видел, как они ловили рыбу сетями и складывали в садки.

– Цапля говорил не о рыбной ловле, – объяснил Джем отцу. – По его словам, женщины не могут охотиться, потому что от них воняет кровью и это отпугивает дичь.

– Что ж, верно, – к удивлению Роджера, согласился Джейми. – Но только когда у них месячные. И даже в этом случае, если зайти с подветренной стороны...

– А вдруг запах крови привлечет медведя или пуму? – спросил Жермен, видимо слегка обеспокоенный подобной возможностью.

– Маловероятно, – сухо сказал Роджер, надеясь, что прав. – На твоем месте я бы помалкивал о таком при тетушке. Она может обидеться.

Джейми усмехнулся и отправил мальчишек домой.

– Ступайте-ка. Нам тут еще нужно поговорить. Скажите

бабушке, что мы придем к ужину, хорошо?

Они подождали, пока мальчики не отойдут на достаточное расстояние. Ветер стих, и последние круги на воде медленно растаяли в сгущающихся сумерках. Воздух наполнили маленькие мушки, не ставшие добычей форели.

– Значит, вы это сделали? – спросил Роджер. Он опасался услышать ответ. Что, если тесть отложил задуманное и сейчас попросит у него помощи?

Джейми кивнул и расправил широкие плечи.

– Клэр мне не сказала. Разумеется, я тотчас заметил, что она чем-то встревожена... – В его голосе промелькнула горькая усмешка: Клэр не умела скрывать чувства. – Но когда я завел об этом речь, она попросила меня дать ей время подумать.

– Вы согласились?

– Нет, – серьезно ответил Джейми. – Я видел, как она терзается. И тогда расспросил сестру – Дженни была с Клэр у Бердсли. Она тоже заметила этого типа и выведала у Клэр, в чем дело. Когда я дал понять, что знаю, Клэр заявила, что с ней все в порядке. Она пыталась простить ублюдка. И почти преуспела.

Джейми говорил будничным тоном, однако Роджер уловил нотку горечи.

– Думаете... следовало дать ей еще время? Прощение – долгий процесс, а не мгновенный акт.

Он почувствовал себя до странности неловко и кашлянул,

прочищая горло.

– Знаю, – произнес Джейми сухим, как наждак, голосом. – Лучше многих.

Горячая волна смущения затопила грудь Роджера и поднялась к шее. Горло сдавило, и какое-то время он вообще не мог говорить.

– Да, – продолжил Джейми немного погодя. – Все так. Хотя, сдастся мне, покойника простить куда легче, нежели того, кто мелькает у тебя перед глазами. Если начистоту, я подумал, меня она простит скорее, чем его. – Он пожал плечом. – И... даже если бы Клэр смирилась с тем, что этот тип живет поблизости, то я – никогда.

Роджер тихонько хмыкнул в знак согласия. Слова тут казались излишними.

Джейми не шевелился и молчал. Он чуть отвернул голову, глядя на поверхность воды, по которой от легкого ветерка пробегали всполохи ряби.

– Возможно, это самый скверный поступок за всю мою жизнь, – наконец проговорил он едва слышно.

– Хотите сказать, с нравственной точки зрения? – спросил Роджер, стараясь не выдать голосом чувств.

Джейми повернул голову, и в его голубых глазах при свете последних лучей солнца мелькнуло удивление.

– Нет, что ты, – без раздумий ответил он. – Я имел в виду сам процесс.

– Понятно.

Роджер умолк, ничем не нарушая воцарившееся молчание. Мысли Джейми казались осязаемыми, хотя сам он сидел неподвижно. К чему эта исповедь? Чтобы пережить все заново и таким образом снять камень с души? Роджер чувствовал страшное любопытство и в то же время отчаянное желание остаться в неведении. Он перевел дух и резко заговорил:

– Я рассказал Брианне. Что убил Бобла и... как именно. Может, не следовало.

Лицо Джейми полностью скрыла тень, но Роджер чувствовал взор голубых глаз на своем лице, озаренном закатным солнцем. Он едва удержался, чтобы не опустить взгляд.

– Правда? – спокойно полюбопытствовал Джейми. – И что она ответила? Конечно, если не хочешь, не говори.

– Я... Если честно, единственные слова, которые мне запомнились, были: «Я тебя люблю».

Он смог расслышать только это за грохотом барабанов и ударами собственного сердца. Роджер стоял на коленях, уткнувшись в ноги Брианны, а она все повторяла: «Я тебя люблю» – и обнимала его за плечи, укрывая водопадом волос, смывая своими слезами его грехи.

На мгновение он перенесся в прошлое и тут же очнулся, когда Джейми что-то сказал.

– Простите?

– Говорю: почему пресвитериане не считают брак таинством?

Джейми повернулся на камне лицом к Роджеру. Солнце уже почти село, лишь бронзовый нимб волос виднелся вокруг его головы. Остальное тонуло во мраке.

– Ты священник, Роджер Мак, – произнес он тем же тоном, каким мог описать любое природное явление, например пегую лошадь или стайку крякв. – Мне – да и тебе, думаю, тоже – ясно, что Бог призвал тебя и привел сюда именно за этим.

– Ну, с ролью священника, может, и ясно, – сухо сказал Роджер. – Что же до остального... Остается только гадать.

– С этим ты справишься лучше нас всех, парень, – с улыбкой в голосе заявил Джейми. Он встал – черная тень с удивлением в руке наклонилась к плетеной корзине для рыбы. – Не пора ли двигаться к дому?

Между берегом пруда и оленьей тропой, ведущей по небольшому склону, не было прохода как такового. Пока они с усилиями пробирались в сумерках по валунам через густой кустарник, разговор сошел на нет.

– Во сколько вы впервые увидели убийство? – вдруг спросил Роджер в спину Джейми.

– В восемь, – без колебаний ответил тот. – Во время драки, когда мы угоняли скот. Я тогда не слишком переживал.

Он поскользнулся на камне, однако вовремя схватился за еловую ветку и удержал равновесие. Твердо стоя на ногах, Джейми перекрестился и что-то пробормотал себе под нос.

В воздухе разлился запах помятой хвои; они пошли мед-

леннее, глядя под ноги. *Интересно*, – подумал Роджер, – *действительно ли в сумерках запахи ощущаются сильнее или просто зрение уступает место другим органам чувств?*

– В Шотландии, – неожиданно произнес Джейми, – во время Восстания я видел, как мой дядя Дугал убил одного из своих людей. Жуткое дело, хотя и во имя милосердия.

Роджер перевел дыхание, собираясь сказать... Он не знал, что именно, но это не имело значения.

– А потом я убил Дугала прямо перед битвой. – Джейми не обернулся, продолжая медленно и упорно карабкаться вверх. Гравий время от времени скользил под его ногами.

– Знаю, – сообщил Роджер. – И по какой причине. Клэр нам рассказала. Когда вернулась и считала вас погибшим, – добавил он, видя, как напряглись плечи Джейми.

Наступила долгая пауза, нарушаемая только тяжелым дыханием и высоким, тонким свистом охотящихся ласточек.

– Не уверен, – сказал Джейми, осторожно формулируя мысль, – смог ли бы я умереть за идею. Нет, это прекрасно, – поспешно добавил он. – Только... Я спросил Брианну насчет тех, кто придумывает идеи и облакает их в слова, – многие ли из них сражались в реальности?

– Вы имеете в виду, во время революции? Вряд ли они сами воевали, – с сомнением произнес Роджер. – То есть будут воевать. За исключением Джорджа Вашингтона, хотя он не из тех, кто много разглагольствует.

– Он умеет разговаривать с солдатами, уж поверь, – криво

усмехнулся Джейми. — А не с королем или газетчиками.

— Конечно. Однако, — справедливости ради уточнил Роджер, отводя смолистую сосновую ветку, от которой ладонь тут же стала липкой, — Джон Адамс, Бен Франклин и другие мыслители с говорунами рискуют своей шеей так же, как вы... как все мы.

— Да.

Склон круто пошел вверх, и какое-то время они поднимались молча, нащупывая путь по неровной гравийной осыпи.

— Думаю, я не смог бы умереть — или повести людей на смерть — только за идею свободы. Не теперь.

— Не теперь? — с удивлением повторил Роджер. — А раньше?

— Да. Когда ты с моей дочкой и детьми был... там. — Роджер уловил короткий взмах руки в направлении далекого будущего. — Потому что тогда мои поступки здесь... имели бы значение, так? Для всех вас. И я бы сражался ради вас. — Его голос смягчился. — Ведь для того я и рожден, понимаешь?

— Понимаю, — тихо сказал Роджер. — Вы всегда знали, не так ли? Для чего созданы.

Джейми удивленно хмыкнул.

— И когда же, по-твоему, я это понял? — с улыбкой спросил он. — Уж не в Леохе ли, подбивая приятелей на разные проделки? Может, стоит и в них исповедаться?

Роджер отмахнулся.

— Наши поступки повлияют на судьбы Джема и Мэнди —

и наших потомков после них, – сказал он. *При условии, что Джем и Мэнди выживут и заведут собственных детей,* – добавил Роджер про себя, и от этой мысли у него в животе похолодело.

Джейми резко остановился, и Роджеру пришлось свернуть, чтобы избежать столкновения.

– Гляди, – сказал тесть.

Они стояли на вершине невысокого холма. Деревья чуть расступились, и перед ними простерся Ридж – большой северный участок долины чернел на фоне поблекшей синевы неба. Однако непроглядную темноту пронзали крошечные огоньки: свет из окон и вылетающие из дюжины дымоходов искры.

– Дело не только в наших женах и детях. – Джейми кивнул в сторону огней. – А еще и во всех них.

В его голосе прозвучала необычная нотка гордости, смешанной с печалью и покорностью.

Во всех них.

Роджер знал, что в Ридже семьдесят три домохозяйства. Он видел бухгалтерские книги Джейми, в которых тот скрупулезно отмечал убытки и достаток каждой семьи арендаторов, занимавших его землю – и мысли.

– «И теперь так скажи рабу Моему Давиду: так говорит Господь Саваоф: Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождем народа Моего, Израиля»⁸³.

---

⁸³ Вторая Книга Царств, 7:8.

Цитата пришла на ум неожиданно, и он произнес ее вслух, не успев подумать.

Джейми глубоко и шумно вздохнул.

– Да, с овцами было бы проще, – сказал он, а затем резко добавил: – В книге Фрэнка Рэндолла говорится, что армии пойдут на юг, хотя это и без него ясно. Я не смогу защитить Клэр, Брианну, детей – всех их, – если война придет в Ридж. – Тесть кивнул в сторону далеких искр. Роджер понял, что под «ними» он имел в виду поселенцев – своих людей.

Не дожидаясь ответа, Джейми поправил корзину и начал спускаться.

Тропа сузилась, и они задевали друг друга плечами. Роджер чуть отстал, следуя на шаг позади тестя. Месяц, тонкий словно щепка, сегодня взошел поздно. Было темно, и морозный воздух щипал кожу.

– Я помогу вам защитить их, – хрипло сказал он Джейми в спину.

– Знаю, – тихо ответил тот.

Повисла короткая пауза, будто от него ждали продолжения, и Роджер произнес в тишину ночи:

– Своим телом. И душой, если потребуется.

Он видел силуэт Джейми: тесть глубоко вздохнул, и на выдохе его плечи расслабились. Теперь они зашагали бодрее. Тропа то и дело пропадала из виду, и они сбивались с пути; кусты царапали босые ноги.

На краю поляны возле дома Джейми остановился, подо-

ждал Роджера и положил руку ему на плечо.

– То, что происходит на войне... твои поступки... не проходит бесследно, – тихо сказал он. – Хотя ты и священник, тебя это тоже заденет, помяни мое слово. Мне очень жаль.

Не проходит бесследно. Мне очень жаль. Однако Роджер промолчал и лишь слегка коснулся ладони тестя на своем плече. Затем Джейми убрал руку, и они молча пошли домой.

Ночные тревоги

Адсо, лениво растянувшийся на столе, будто меховой шарф, открыл глаза и тихо вопросительно мяукнул в ответ на скрежет.

– Несъедобно, – сказала я ему, стряхивая с ложки последний шарик мази из горечавки.

Большие серовато-зеленые глаза снова сомкнулись в щелочки, однако не закрылись полностью, и кончик хвоста начал подрагивать. Кот на что-то смотрел. Я обернулась и увидела в дверях Джемми, кутающегося в потрепанную отцовскую рубашу из голубого ситца. Она почти доходила внуку до ступней и сползала с худенького плеча, но он не обращал на это внимания, торопясь мне что-то сообщить.

– Бабушка! Фанни приплюхло!

– Поплюхло, – машинально поправила я, закупоривая банку с мазью, чтобы Адсо не сунул в нее нос. – Что случилось?

– Она свернулась, как мокрица, и стонет от боли в животе. Бабушка, у нее кровь на ночнушке!

– Понятно. – Я отпустила банку с листьями перечной мяты, к которой потянулась первым делом, и взамен достала с верхней полки маленький кисейный мешочек. Он лежал там наготове уже пару месяцев. – С ней все в порядке, милый. Или скоро будет. Где Мэнди?

Дети спали в одной комнате и довольно часто – в одной постели. Было обычным делом, заглянув к ним ночью, обнаружить всех четверых вместе, сладко свернувшихся на тюфяке в общей куче из влажных тел и одежды. Утром Жермен ушел на охоту с Бобби Хиггинсом и Эйданом. Джемми остался, потому что вчера порезал ногу. Мэнди тоже находилась дома. Вряд ли ее неотвязное любопытство и излишняя разговорчивость помогли бы в сложившейся ситуации.

– Спит, – ответил Джем, наблюдая, как я бросаю узелок с травами в глиняный чайник и заливаю его кипятком. – Для чего это питье, бабушка?

– Просто чай с корнем имбиря и розмарином. И тысячелистником. Это месячногонное снадобье. – Я произнесла слово по буквам и добавила: – Оно помогает женщинам при месячных. Ты про них знаешь?

Джемми округлил глаза.

– Ты имеешь в виду, у Фанни течка? – выпалил он. – С кем ее будут вязать?

– Ну, у людей все по-другому, – сказала я и ловко выкрутилась: – Пусть тебе мама утром все объяснит. А сейчас давай-ка ты лучше иди к дедушке под бочок. Я отнесу Фанни чай.

Прежде чем уйти из хирургической, я вытащила из-под стола ящик с речными камнями и выбрала свой любимый: обветренный кусок серого кальцита размером с кулак Джейми, с тонкой ярко-зеленой прожилкой сбоку. Он напомнил мне о подобранном у ручья изумруде. Тот я держала в своей аптечке – в качестве амулета. Я положила камень в очаг и нагребла сверху горячих углей, на всякий случай: вдруг потребуется тепло.

В комнате у детей горела свеча. Фанни лежала спиной к двери на узком тюфяке, скинув покрывало и свернувшись калачиком, словно ежик. Она не обернулась на звук моих шагов, только втянула голову в плечи.

– Фанни? – тихо позвала я. – Как ты себя чувствуешь, милая?

Из-за сильного беспокойства Джемми насчет крови я немного переживала, однако на муслиновой ночнушке девочки виднелась единственная маленькая темная полоска и одно-два ржаво-коричневых пятнышка первой менструации.

– Нормально, – тихо и отстраненно ответила она. – Это

профто... просто кровь.

– Совершенно верно, – спокойно подтвердила я, хотя ее интонация меня слегка встревожила. Я села рядом и дотронулась до плеча бедняжки. Оно будто одеревенело, кожа была холодной. Сколько времени Фанни пролежала без покрывала?

– Со мной все в порядке, – сказала она. – Тряпки у меня есть. Сорочку я пофти... постираю утром.

– Об этом не беспокойся.

Я легонько погладила ее по затылку, словно пугливую кошку. К моему удивлению, девочка сжалась еще сильнее. Я убрала руку.

– Тебе больно? – спросила я деловым тоном, которым обычно расспрашивала пациентов, приходивших ко мне в кабинет. Фанни уже не раз его слышала, и ее хрупкие плечики чуть расслабились.

– Не оф... не очень, – старательно выговорила она.

Фанни прилагала массу усилий, чтобы научиться правильно произносить слова, после того как я сделала ей френэктомию для избавления от косноязычия. Я видела, как ее раздражают отголоски прежней шепелявости.

– Профто давит, – сказала она. – Будто взяло в кулак, прямо тут. – Девочка продемонстрировала, как именно, прижав кулаки к низу живота.

– Все нормально, – заверила я. – Твоя матка просыпается, если можно так выразиться. Раньше она не давала о себе

знать, поэтому ты ее не ощущала.

Я схематически объяснила, как устроена женская репродуктивная система, и хотя слово «матка» вызвало у Фанни легкое отвращение, слушала она внимательно.

К моему удивлению, шея у нее при этом побледнела, а плечи опять сгорбились. Я оглянулась на Мэнди, но та беспробудно сопела под стеганым одеялом.

– Фанни? – Я попробовала снова дотронуться до нее и погладить руку. – Ты ведь уже видела девушек, у которых начинались месячные?

Насколько мы знали, в Филадельфии девочка жила в борделе примерно с пяти лет. Я бы сильно удивилась, если бы она не имела представления о женской репродуктивной системе. Тут меня осенило, и я обругала себя за глупость. Ну конечно. Фанни видела *все*.

– Да, – сказала она так же холодно и отчужденно. – Это означает две вещи. Первое – ты можешь забеременеть, и второе – начать зарабатывать деньги.

Я сделала глубокий вдох.

– Фанни. Сядь и посмотри на меня.

На мгновение она замерла, однако тут же послушно повернулась и села, опустив взгляд на свои маленькие острые коленки под муслиновой тканью.

– Милая, – сказала я как можно мягче и за подбородок подняла ее лицо. Кроткие карие глаза, встретившись с моими, дрогнули, как от удара, зрачки в страхе расширились.

Она сжала челюсти, и я убрала руку с застывшего личика. – Фанни, ты же не думаешь, что мы собираемся сделать из тебя шлюху?

Услышав изумление в моем голосе, девочка моргнула. Потом снова опустила глаза.

– Я... не гожусь ни для чего другого, – произнесла она чуть слышно. – Но могу получить кучу денег за... это. – Быстрым, едва ли не ожесточенным движением Фанни махнула рукой в районе живота.

Меня словно ударили под дых. Она что, в самом деле считала?... Похоже, да. Должно быть, все то время, пока жила с нами. Поначалу Фанни казалась счастливой – ела вволю, наслаждалась безопасностью, нашла друзей. Но в последний месяц стала замкнутой и задумчивой, потеряла аппетит. Я сочла это физическими признаками неизбежных изменений, которые она чувствовала, и держала наготове менструальные травы. Мои догадки подтвердились, но, очевидно, я предусмотрела не все.

– Неправда, Фанни. – Я взяла ее за руку. Девочка не противилась, однако ее ладонь лежала в моей какдохлая птица. – Ты годишься на большее...

Господи, прозвучало так, будто мы держали ее ради каких-то других целей.

– То есть... Мы взяли тебя вовсе не потому, что рассчитывали... извлечь выгоду.

Она отвернулась и тихонько всхлипнула. Стало только ху-

же. Я внезапно вспомнила о Брианне в подростковом возрасте и как часами не выходила из ее спальни, тщетно уверяя: «Нет, ты не уродина. Конечно, у тебя будет парень, всему свое время. Нет, люди не испытывают к тебе ненависти». Тогда у меня мало что получалось, и, очевидно, с годами материнские навыки не улучшились.

– Мы тебя взяли, чтобы ты жила с нами, милая, – сказала я, поглаживая безжизненную ладонь. – И мы могли бы о тебе заботиться.

Фанни отдернула руку и снова свернулась калачиком, уткнувшись лицом в подушку.

– Дет, деправда, – прохрипела она и тяжело откашлялась. – Это Уильям заставил мистера Фрэзера.

Я громко рассмеялась. Девочка оторвала голову от подушки и удивленно посмотрела на меня.

– Послушай, Фанни. Как человек, который неплохо знает их обоих, уверяю тебя, что никто в мире не заставит одного из них сделать что-либо против его воли. Мистер Фрэзер упрям как скала, и сын весь в него. Давно ты знаешь Уильяма?

– Не очень... – неуверенно ответила она. – Он... он пытался спасти Дж... Джейн. Он ей нравился.

Внезапно слезы навернулись ей на глаза, и Фанни уткнула лицо в подушку.

– Вот как, – тихо сказала я. – Понятно. Ты думаешь о Джейн.

Разумеется.

Она кивнула, ее маленькие плечи сгорбились и вздрагивали. Коса расплелась, мягкие каштановые локоны упали вперед, обнажив белую шею, тонкую, как стебель очищенной спаржи.

– Я только один раф видела, как она плач-чет, – всхлипнула Фанни в подушку, которая наполовину заглушала слова.

– Кто – Джейн? Когда это было?

– Поф... после первого раза. С муф... мужчиной. Она вернулась и отдала окровавленное полотенце миссис Эббот. Потом заползла ко мне в постель и заплакала. Я ее обнимала... и гладила, н... но она не перефтавала.

Фанни поджала под себя руки и затряслась от безмолвных рыданий.

– Саксоночка? – раздался у двери хриплый сонный голос Джейми. – Что случилось? Я повернулся на бок и вместо тебя обнаружил в постели Джема.

Он говорил спокойно, пристально глядя на дрожащую спину Фанни. Затем перехватил мой взгляд, приподнял бровь и слегка кивнул в сторону дверного проема, спрашивая, не лучше ли ему уйти.

Посмотрев на Фанни, потом снова на него, я беспомощно дернула плечом. Он сразу же вошел в комнату и придвинул табурет к кровати. Заметив следы крови, Джейми покосился на меня – может, это сугубо женское дело? – но я покачала головой и погладила девочку по спине.

– Фанни скучает по своей сестре. – Я назвала единственную причину, которую, как мне казалось, можно было уладить в настоящий момент.

– Вот как, – тихо проговорил Джейми.

Прежде чем я успела его остановить, он наклонился и осторожно взял девочку на руки. Я опасалась, как бы мужское участие не испугало ее, однако она тотчас же повернулась к Джейми, обвила руками за шею и разрыдалась у него на груди.

Он усадил Фанни на колени, гладил по волосам и что-то бормотал по-гэльски. Она не знала языка, но понимала суть сказанного, как бывает с лошадьми и собаками. При виде этой сцены у меня будто гора упала с плеч.

Всхлипнув еще пару раз, Фанни постепенно успокоилась от его прикосновений и теперь лишь изредка икала.

– Я видел твою сестру всего раз, – осторожно сказал Джейми. – Ее звали Джейн, да? Джейн Элеонора. Красивая девушка. И она тебя любила, Фрэнсис. Я точно знаю.

Фанни кивнула, по щекам у нее потекли слезы. Я глянула в угол, где на маленькой раскладной кровати лежала Мэнди. Она все еще крепко спала, засунув в рот большой палец. Однако Фанни быстро взяла себя в руки, и мне стало любопытно, не доставалось ли ей в борделе за слезы или несдержанные эмоции.

– Она сделала это ради меня, – проговорила девочка с невыразимым отчаянием в голосе. – Убила капитана Харк-

несса. А теперь Джейн мертва. Я во всем виновата.

Она с усилием стиснула кулаки, так что побелели костяшки пальцев, и все же не сдержала слез. Джейми посмотрел на меня поверх ее головы, затем сглотнул, унимая дрожь в голосе.

– Ты бы сделала что угодно для сестры, правда? – спросил он, ласково поглаживая Фанни между выступающими маленькими лопатками.

– Да, – глухо ответила она ему в плечо.

– Разумеется. И Джейн сделала то же самое для тебя, ведь так? Ты бы отдала за нее жизнь без колебаний, и она тоже. Это не твоя вина, *a nighean*.

– Моя! Если бы я не подняла шум... Ох, Джейни!

Девочка прильнула к Джейми, предавшись горю. Тот гладил ее, давая выплакаться, а сам тем временем вопросительно посмотрел на меня поверх растрепанной макушки.

Я встала, подошла к нему сзади, положила руку на плечо и шепотом на французском вкратце рассказала, из-за чего еще переживает Фанни. Он на мгновение поджал губы, а затем кивнул, не переставая гладить девочку и бормотать утешения. Чай к тому времени уже остыл, на мутной поверхности плавали частички розмарина и молотого имбиря. Я взяла заварник с чашкой и тихонько вышла, чтобы сделать свежий.

Тут же за дверью я чуть не налетела на Джемми в темноте.

– Иисус твою Рузвельт Христос! – в сердцах прошептала я, едва не перейдя на крик. – Что ты здесь делаешь? Почему

не в постели?

Внук пропустил вопросы мимо ушей, обеспокоенно вглядываясь в полумрак спальни и горбатую тень на стене.

– Что случилось с сестрой Фанни, бабушка?

Глядя на Джема сверху вниз, я медлила с ответом. Ему всего девять. И, конечно, в первую очередь родители должны объяснять ребенку то, что, по их мнению, ему следует знать. Но он дружит с Фанни, а девочка, видит Бог, нуждается в друге, которому можно доверять.

– Идем со мной. – Я положила руку Джему на плечо и повела к лестнице. – Расскажу, пока завариваю чай. Только смотри – матери об этом *ни слова*.

Я объяснила все, упрощая рассказ и опуская то, что узнала от Фанни о пристрастиях покойного капитана Харкнесса.

– Тебе известно, кто такие шлюхи? Э-э... их еще называют *hoor*?⁸⁴ – добавила я, и озадаченное выражение на лице внука сменилось пониманием.

– Конечно. Жермен мне рассказывал. Это дамы, которые ложатся в постель с мужчинами, даже если те им не мужья. Фанни уж точно не шлюха, правда? Значит, ее сестра?... – Он пришел в замешательство.

– В общем, да, – подтвердила я. – Но не стоит придавать этому слишком большое значение. Женщины или девушки становятся шлюхами не от сильного желания, а потому, что не могут заработать на жизнь иначе.

---

⁸⁴ Шотландское искажение слова «whore» – «шлюха».

Похоже, я его совсем запутала.

– Как тогда они зарабатывают?

– Ну... Мужчины платят им за то, чтобы... э-э... лечь с ними в постель. Поверь мне на слово, – убедительно произнесла я при виде его расширившихся от удивления глаз.

– Я постоянно сплю в одной постели с Мэнди и Фанни, – возразил он. – И Жермен тоже. Вот еще – платить им деньги за то, что они девчонки!

– Джеремайя, – сказала я, наливая в заварник свежий кипяток. – «Ложиться в постель» – это эвфемизм. Слышал такое слово? Его используют, когда хотят приукрасить в разговоре что-то не очень приличное. Например, совокупление.

– Ах, вот ты про что... – Его лицо прояснилось. – Как у свиней? Или куриц?

– Примерно. Найди мне чистую тряпку, хорошо? Кажется, несколько лежат в нижнем шкафчике.

Я опустилась на колени – суставы слегка хрустнули – и при помощи кочерги достала из золы нагретый камень. Послышалось тихое шипение, когда холодный воздух комнаты коснулся раскаленной поверхности.

– В общем... – Я протянула руку за тканью, которую принес Джем, и попыталась придать голосу непринужденную интонацию. – Родители Джейн и Фанни умерли. У девочек не было возможности себя прокормить, вот Джейн и стала шлюхой. Но среди мужчин попадаются и негодяи... Тебе ведь это уже известно? – Я взглянула на внука, он серьезно

кивнул.

– Ладно. Так вот, один из них пришел в дом, где жили Джейн с Фанни, – хотел заставить Фанни лечь с ним в постель, хотя для подобных вещей она была слишком мала, и... э-э... Джейн его убила.

– Ого!

Я пристально поглядела на внука, но он говорил с глубочайшим уважением. Кашлянув, я начала сворачивать ткань.

– Действительно, очень смелый поступок. Только она...

– Как она его убила?

– Зарезала, – коротко ответила я, надеясь, что он не станет выпытывать подробности. Я и сама предпочла бы не знать. – Но тот мужчина служил в британской армии, и когда там стало известно о случившемся, Джейн арестовали.

– Иисусе, – выдохнул Джем с благоговейным ужасом. – Ее повесили, как пытались повесить папу?

Может, стоило сказать внуку, чтобы не произносил имя Господа всуе? Хотя он явно сделал это не нарочно, да и потом – уж кто бы говорил, я ничем не лучше.

– Они хотели. Джейн была очень напугана, одинока и... в общем, она покончила с собой, милый.

Джем долго смотрел на меня непонимающим взглядом, потом с трудом сглотнул.

– Джейн попала в ад, бабушка? – спросил он едва слышно. – Поэтому Фанни грустит?

Я тщательно обернула камень тканью. Исходящий от него

жар согревал ладони.

– Нет, мой хороший, – ответила я как можно убедительнее. – Я в этом абсолютно уверена. Господь примет во внимание все обстоятельства. Нет, Фанни просто скучает по сестре.

Джемми серьезно кивнул.

– Я бы скучал по Мэнди, если бы она кого-нибудь убила и ее... – Он шумно сглотнул от подобной мысли.

Я несколько встревожилась: похоже, он считал сестру способной на убийство, хотя...

– С Мэнди ничего такого не случится. Вот, держи. – Я вручила ему завернутый камень. – Смотри, осторожнее.

Мы медленно поднялись наверх, оставляя за собой шлейф теплого, пахнущего имбирем пара. Джейми сидел на кровати рядом с Фанни, а между ними лежала горка из нескольких предметов. Он посмотрел на меня, затем на Джема и кивнул на одеяло.

– Фрэнсис как раз показывала мне портрет своей сестры. Позволишь миссис Фрэзер и Джему тоже взглянуть, *a nighan?*

Краснота все еще покрывала заплаканное лицо Фанни, однако она уже взяла себя в руки. Серьезно кивнув, девочка немного отодвинулась в сторону.

В скромном узелке с вещами, который она привезла с собой, лежало все ее имущество: гребешок для вычесывания вшей, пробка от винной бутылки, два аккуратных мотка ни-

ток (один – с воткнутой иголкой), бумажка с булавками и несколько жалких безвкусных украшений. На одеяле лежал лист бумаги с многочисленными складками и потертостями – карандашный портрет девушки.

– Один мужчина нарисовал... нарисовал его как-то ночью в салоне. – Фанни немного сместилась, чтобы мы могли посмотреть.

Рисунок представлял собой всего лишь набросок, однако художнику удалось вдохнуть в него жизнь и передать прелестные черты Джейн: прямой нос, нежные, чувственные губы. В выражении ее лица не было ни кокетства, ни напускной скромности. Она смотрела через плечо с легкой улыбкой и в то же время с едва заметным презрением во взгляде.

– Она хорошенькая, Фанни. – Джемми подошел и непридуманно погладил ее по руке, как погладил бы собаку.

Я заметила, что Джейми дал девочке носовой платок. Шмыгнув носом, она кивнула и высморкалась.

– Это все, что у меня есть, – произнесла Фанни хриплым, квакающим голосом. – Да ефо... еще медальон.

– Этот? – Джейми осторожно разгреб кучку указательным пальцем и вынул маленький латунный овал на цепочке. – Наверное, тут миниатюра Джейн? Или прядь ее волос?

Девочка покачала головой и забрала у него вещицу.

– Нет, – ответила она. – Здесь портрет наф... нашей мамы.

Фанни подцепила крышку ногтем большого пальца и открыла медальон. Я наклонилась, чтобы лучше разглядеть, но

увидела немного: на миниатюру падала тень Джейми.

– Можно?

Она протянула мне медальон, и я поднесла его к свече. У женщины были темные, мягко вьющиеся волосы, как у Фанни, и определенное сходство с Джейн в линиях носа и подбородка, хотя портрет был выполнен не слишком искусно.

– Фрэнсис, пока я жив, никто и никогда не возьмет тебя насильно, – совершенно спокойно заявил у меня за спиной Джейми.

Повисла напряженная тишина. Я обернулась и увидела, как Фанни неотрывно смотрит на него снизу вверх. С большой нежностью Джейми коснулся ее руки.

– Ты мне веришь, дорогая? – спросил он тихо.

– Да, – прошептала она спустя некоторое время и выдохнула, отпуская на волю скопившееся внутри напряжение.

Джем прислонился головой к моему локтю, и я осознала, что у меня в глазах стоят слезы. Я поспешно промокнула их рукавом и попыталась закрыть медальон. Но тут он скользнул у меня в руке, и на крышке напротив миниатюры я увидела надпись.

«Фейт».

* * *

Сон все не шел. Напоив Фанни чаем, я снабдила ее достаточным количеством тряпок (она уже знала, как ими поль-

зоваться) и ласково поговорила с девочкой, стараясь больше не тревожить ее личных призраков.

Когда мы взяли Фанни к себе, то условились не вытягивать из нее воспоминания, обрывки которых порой всплывали в разговорах, – например, о плохих людях на корабле и о судьбе несчастного Пятныша, – если только она сама не захочет поделиться. Рано или поздно мы обо всем от нее услышим, считала я. Бри и Роджер нас поддерживали, хотя я видела, что Брианну снедает любопытство.

Время от времени Фанни вскользь говорила о сестре так, будто она и не покидала мира живых. Однако, судя по ее безутешному горю... Похоже, они с Джейн были гораздо ближе, чем я думала. И теперь лицо Джейн стояло у меня перед глазами.

К сожалению, все, что я знала о жизни девочек в Филадельфии, ограничивалось их пребыванием в борделе. Мне совсем не хотелось выяснять, как они туда попали. Только предположения уже пустили корни у меня в голове и неуклонно разрастались, вытесняя сон.

Плохие люди на корабле. Выброшенная в море собака. Домашний питомец? Семья... Может, Фанни и Джейн плыли с родителями и повстречали пиратов? Или капитан оказался мерзавцем, вроде Стивена Боннета... При мысли о нем волосы у меня на руках приподнялись – не от страха, а от гнева. Подобный ему запросто мог решить, что прелестные юные девушки вполне обойдутся без родителей.

Фейт. «Наша мама», — сказала Фанни. Я тщательно вглядывалась в миниатюру, но она была чересчур мала — всего-навсего лицо молодой женщины с темными вьющимися локонами, то ли волнистыми от природы, то ли завитыми по моде того времени.

Нет. Невозможно. Я в десятый раз легла на живот и уткнулась в подушку в надежде, что запах чистого белья и гусиный пух помогут забыться сном.

— Что невозможно, саксоночка? — раздался возле моего уха сонный голос Джейми. — И в таком случае не подождет ли оно до утра?

Простыни зашуршали, когда я повернулась на бок лицом к мужу.

— Извини. — Я примирительно тронула его руку. Теплая и твердая ладонь инстинктивно сжала мою. — Видимо, я случайно произнесла это вслух. Просто думала о медальоне Фанни.

«Фейт».

— Ох. — Джейми, кряхтя, легонько потянулся. — Ты об имени? Фейт?

— Ну да. Конечно, вряд ли это... связано с...

— Имя не такое уж редкое, саксоночка. — Джейми нежно погладил костяшки моих пальцев. — Разумеется, ты что-то почувствовала. Я тоже.

— Правда? — негромко спросила я и чуть кашлянула. — Теперь... я не слишком часто о ней думаю, но порой ни с того

ни с сего... вспоминаю о нашей Фейт. Будто снова чувствую ее рядом с собой.

– Представляешь, как бы она выглядела взрослой? – столь же тихо промолвил он. – Я иногда так делал. В основном в тюрьме. Там предостаточно времени для размышлений. По ночам. В одиночестве.

С едва слышным вздохом я придвинулась ближе, устроив голову у него на плече, и Джейми обнял меня. Мы лежали неподвижно, прислушиваясь к окружающей нас тишине ночи и дома. Вся семья была в сборе, за исключением одного ангелочка, мирно парившего в воздухе.

– Медальон, – проговорила я наконец. – Он ведь никоим образом не связан с...

– Нет. – Голос Джейми звучал настороженно. – Что тебя на самом деле гложет, саксоночка? Я отлично вижу: в мыслях у тебя совсем другое.

Чистая правда. Он меня раскусил, и я ощутила укол вины.

– Знаю, это *невозможно*. – Я сглотнула. – Просто... – Слова замерли на губах, и Джейми погладил меня между лопатками.

– Давай же, саксоночка, не молчи. Пускай это все глупости, но мы оба не уснем, пока ты не скажешь.

– Ну... Помнишь, Роджер рассказывал о докторе, которого встретил в Нагорье, и о голубом свечении?

– Да. Какое...

– Роджер спросил, не случилось ли мне видеть подобное,

когда я лечила людей.

Рука на моей спине замерла.

– И? – осторожно поинтересовался Джейми. То ли боялся услышать лишнее, то ли выяснить, что я спятила.

– Нет, – успокоила я. – Хотя... Нет. И все же... я его видела. Чувствовала. Дважды. Мельком, когда умер младенец Мальвы. – *У меня на руках, весь в материнской крови.* – И по-настоящему, когда после рождения Фейт я лежала в горячке... почти при смерти... Пришел мастер Рэймонд и...

– Есть что-то, о чем ты не рассказывала мне прежде?

– Не знаю, – честно ответила я. – Думаю, произошло вот что...

И я поведала Джейми о том, как мои кости испускали голубое свечение через плоть, как свет растекся по телу, а инфекция отступила, оставив меня без сил, зато живой и вполне здоровой.

– Словом... я *знаю*, это все сущий бред, вроде того, о чем думаешь посреди ночи, лежа без сна.

Джейми что-то буркнул, отсекая извинения и поторапливая закончить мысль. Поэтому я сделала глубокий вдох и прошептала ему в грудь:

– Мастер Рэймонд... Что, если... Вдруг он нашел Фейт и смог... каким-то образом... ее вернуть?

Мертвая тишина. Я сглотнула и продолжила:

– Бывает, людей ошибочно объявляют умершими. Вспомни старую миссис Уилсон! Любой врач знает, хотя бы по-

наслышке, о так называемых «покойниках», которые вдруг приходили в себя в морге.

— Или в гробу, — мрачно вставил Джейми, и я вздрогнула. — Да, мне доводилось слышать о подобном, но... речь идет о недоношенном младенце. Как...

— Не знаю *как!* — выпалила я. — Говорю же, полный бред и фантазии! И все же... — Я осеклась на высокой ноте, в горле застыл ком.

— Искушение слишком велико? — Он положил ладонь мне на затылок и заговорил тише. — Конечно. Пускай так, *mo chridhe*, но тогда почему он тебе не рассказал? Ты ведь с ним виделась? После исцеления.

— Да. — Поежившись, я на мгновение перенеслась в Звездную комнату французского короля с запахом его духов, «драконьей крови» и вина. Передо мной — двое мужчин в ожидании приговора... — Да, все так. Только, когда граф умер, мастера Рэймонда изгнали и увезли. Он не смог бы мне рассказать или вернуться в Париж до нашего отъезда.

Пожалуй, чересчур безумная фантазия, даже для меня. Однако я буквально видела, как мастер Рэймонд ускользает из «Обители ангелов», тайком пробирается в то место, где монахини, вероятно, положили запеленатую Фейт. Он бы обязательно ее узнал, подобно мне.

«У каждого есть аура, — просто сказал он, — которая окружает человека наподобие цветного облака. Ваша — голубая, мадонна. Как плащ Богородицы. Как и моя собственная».

Как и его... Я застыла от внезапно пришедшей на ум мысли.

– Иисус твою Рузвельт Христос.

Что, если... Ладно, к черту, раз уж я все равно сошла с ума...

– Что, если он... то есть я... Что, если мы с мастером Рэймондом каким-то образом связаны?

Джейми промолчал и только шевельнул рукой под моими волосами: согнул средний палец, а указательный и мизинец выпрямил, изобразив «рога» для защиты от злых сил.

– А если нет? – сухо спросил муж.

Он вытащил из-под меня плечо и повернулся, так что теперь мы смотрели друг на друга. Темнота постепенно отступала, и я разглядела печаль и нежность на его осунувшемся от усталости, но в то же время решительном лице.

– Допустим, все, что ты себе напридумала, саксоночка, – правда. Хотя это невозможно, ты сама сказала. Но даже будь это правдой, разницы никакой. Женщина из медальона Фрэнсис мертва, как и наша Фейт.

Его слова больно укололи меня в сердце.

– Знаю, – прошептала я со слезами на глазах и кивнула.

– Я тоже, – тихо произнес Джейми, и я заплакала в его объятиях.

Voulez-vous coucher avec moi⁸⁵

Дни все еще стояли теплые, но коптильня находилась в тени скалистого утеса, и здесь уже больше месяца не разводили огонь, поэтому в воздухе висел прогорклый запах пепла и застарелой крови.

– Как думаешь, сколько в нем веса?

На грубо сколоченном столе у дальней стены лежал черный с белыми пятнами кабан. Брианна уперлась ладонями в холку убитого животного и для пробы навалилась на него всей силой. Шея чуть подалась – окоченение давно прошло, – но сама туша не сдвинулась ни на дюйм.

– Полагаю, живьем он весил больше твоего отца. Фунтов

---

⁸⁵ Зд.: Ляжешь со мной? (фр.)

четыреста?

Джейми выпотрошил кабана и выпустил кровь, что, вероятно, облегчило ему ношу фунтов на сто или около того, хотя мяса все равно было много. Отрадная перспектива в преддверии зимы, однако в настоящий момент это обстоятельство меня скорее устрашало.

Я развернула отрез материи с несколькими карманами, в котором хранила большие хирургические инструменты: обычному кухонному ножу такая задача не по силам.

– Что насчет кишок? – поинтересовалась я. – Пригодятся, как по-твоему?

Бри задумчиво наморщила нос. Джейми смог унести (вернее, притащить волоком) только саму тушу, правда, двадцать-тридцать фунтов кишок он все-таки предусмотрительно захватил, наскоро вычистив содержимое. Тем не менее за пару дней в брезентовом мешке состояние внутренностей, и без того не очень-то аппетитных, только ухудшилось. Испытывая некоторые сомнения, я все же положила их на ночь в емкость с соленой водой: если кишка сохранилась в целости, она сойдет в качестве оболочки для колбас.

– Не знаю, мама, – неуверенно произнесла Бри. – Думаю, они уже порядком протухли. Хотя какую-то часть, наверное, можно спасти.

– Ну, нет так нет. – Я вытащила самую большую пилу для ампутации и проверила зубья. – В крайнем случае сделаем котлеты.

Колбасы в оболочке при надлежащем копчении хранились практически бесконечно. Котлеты на вкус не хуже, но с ними больше хлопот: для сохранности их необходимо укладывать в деревянные бочонки или ящики, перемежая слоями топленого сала. Бочек у нас не было, зато...

– Сало! – воскликнула я, поднимая взгляд. – Черт, совсем вылетело из головы! У нас ведь нет большого горшка, а кухонный котел мы занять не можем.

На вытапливание сала требуется несколько дней, а в котле варили по крайней мере половину пищи, не говоря уже о кипячении воды.

– А если попросить в долг? – Заметив шевеление за дверью, Бри повернула голову. – Джем, это ты?

– Нет, тетя, это я. – Жермен заглянул внутрь и осторожно принялся. – Мэнди захотела навестить *petit bonbon*⁸⁶ Рэйчел, и *Grand-père* разрешил пойти, но только со мной или Джемом. Мы бросили монетку, и он проиграл.

– Хорошо. Тогда будь добр, сходи и принеси мешок с солью из бабушкиной хирургической.

– Там ничего не осталось. – Я взяла кабана за ухо и поставила пилу в складку на шее. – Последняя ушла на кишки. Придется и ее позаимствовать.

Я сделала первый надрез и с удовлетворением отметила упругость звериной плоти, хотя разложение уже тронуло соединительную ткань между мышцами и шкурой: кожа слегка

---

⁸⁶ Зд.: сладкого мальчика (*фр.*).

отслоилась, стоило на нее надавить.

– Вот что, Бри, – сказала я, ощущая, как при нажатии зубья пилы цепляют шейные позвонки, – мне потребуется время, чтобы снять шкуру и расчленить тушу. Может, пока разознаешь у хозяек в округе, не одолжат ли нам котелок для варки на пару дней и полфунта соли в придачу?

– Ладно. – Бри с явным облегчением ухватила за подвернувшуюся возможность. – Что мне предложить взамен? Может, окорок?

– Что ты, тетя, за горшок это уж слишком! – потрясенно воскликнул Жермен. – Да и вообще не стоит торговаться, – добавил он, нахмутив светлые бровки. – Ты ведь просишь об одолжении. Когда-нибудь и тебя попросят.

Брианна глянула на племянника то ли с удивлением, то ли с недоверием, потом перевела глаза на меня. Я кивнула.

– Похоже, я слишком долго отсутствовала, – шутливо заметила она и, потрепав Жермена по волосам, отправилась выполнять поручение.

Чтобы отделить голову, пришлось повозиться, правда, всего несколько минут: пила вошла удачно, да и опыта мне не занимать, чего уж там. Я разрежала последние пучки мышечных волокон, и массивная голова с глухим стуком шмякнулась на столешницу, отчего поникшие уши дрогнули. Я прикинула ее вес – около тридцати фунтов, разумеется, с учетом языка и щечовин. Пожалуй, лучше их срезать, прежде чем варить студень в котле. На это уйдет целая ночь,

значит, овсянку надо замочить с вечера, а потом подогреть кашу на золе. Или пожарить с сушеными яблоками?

От физических усилий я слегка вспотела и перестала чувствовать холод. Отделив ноги, я бросила их в маленькое ведро для последующего маринования, затем отложила пилу и взяла большой нож с зазубренным лезвием: свиная шкура, хоть и сырая, была жесткой. Сняв кожу наполовину, я остановилась, чтобы отдышаться и вытереть лицо фартуком. Опустив подол, я увидела Жермена: мальчик все еще сидел на бочке с соленой рыбой, которую Джейми выменял у Георга Фейнбека, одного из моравских братьев в Салеме.

– Знаешь, это тебе не увеселительное представление. – Я жестом подозвала Жермена и вручила ему маленький нож. – Вот, возьми-ка и помоги. Стягивай кожу. Не срезай слишком много, просто отделяй ее лезвием от мяса.

– Я знаю как, бабушка, – терпеливо сказал он, беря нож. – Все равно что свежевать белку, только очень крупную.

– Ну, в общем, да. – Я слегка повернула запястье внука, направляя лезвие под правильным углом. – Разница в том, что с белки снимают шкурку целиком, ради меха. А кабанью мы разделим на большие куски и потом их используем. С одной ляжки хватит кожи на пару ботинок.

Я показала Жермену линию среза – вокруг бедра и вниз по внутренней стороне ноги, – а сама приступила к передним конечностям.

Несколько минут мы работали в тишине. Видимо, внук

так увлекся заданием, что забыл свою обычную разговорчивость. Вдруг Жермен опустил нож.

– Бабушка... – начал он, и что-то в его голосе заставило меня тоже остановиться. Я внимательно посмотрела на внука впервые с тех пор, как он пришел в копильню.

– Ты знаешь, что означает фраза «voulez-vous coucher avec moi»? – выпалил он. Его бледное и напряженное лицо залила краска. Очевидно, сам он прекрасно знал.

– Да, – ответила я как можно спокойнее. – От кого ты ее услышал, милый?

И впрямь – от кого? В окрестностях Риджа, насколько я знала, никто по-французски не говорил. А если и говорил...

– Ну... от Фанни, – выдавил Жермен и побагровел. Он с такой силой стиснул нож для снятия шкуры, что костяшки его пальцев побелели.

Фанни? – ошеломленно подумала я.

– В самом деле?.. – Я медленно протянула руку, взяла у него нож и положила рядом с наполовину освежеванным кабаном. – Душновато здесь, правда? Пойдем-ка на улицу, глотнем воздуха.

Я не осознавала, насколько гнетущая атмосфера в копильне, пока мы не вышли на свежий воздух. Желтые листья кружились на ветру. Жермен глубоко, судорожно вздохнул, а за ним и я. Вопреки только что услышанному, я почувствовала себя немного лучше. Он тоже: лицо обрело нормальный цвет, хотя уши все еще горели. Я улыбнулась ему, и он

неуверенно изобразил ответную улыбку.

– Пройдемся до кладовой над родником, – предложила я и повернула к тропинке. – Не отказалась бы от чашки холодного молока, а дедушке к ужину захочется сыра.

– Итак, – непринужденно продолжила я, поднимаясь по тропе. – Где вы были с Фанни, когда она это сказала?

– У ручья, бабушка, – тут же ответил он. – Ей к ногам присосались пиявки – я их снимал.

Что ж, довольно романтическая обстановка, – подумала я, представляя, как девочка сидит на камне, приподняв юбку, а ее белые и по-жеребачьи длинные ноги усыпаны пиявками.

– Видишь ли, – Жермен поравнялся со мной и горел желанием объяснить, – она попросила научить ее, как по-французски будет «пиявка», «водоросли», а еще «дайте мне поест, пожалуйста» и «пошел прочь, гнусный тип».

– И как же сказать «пошел прочь, гнусный тип»? – поинтересовалась я.

– *Va t'en, espèce de mechant,* – пожал он плечами.

– Надо запомнить. Кто знает, вдруг где-нибудь пригодится.

Внук не ответил: его мысли занимало слишком серьезное дело. Очевидно, произошедшее сильно его потрясло.

– Жермен, а тебе-то откуда известно про «voulez-vous coucher»? – любопытствовала я. – От Фанни?

Он поднял плечи, по-лягушачьи надул щеки, потом выдохнул и покачал головой.

– Нет. *Рара* однажды вечером сказал это *Матап*, когда та готовила ужин, а она засмеялась и ответила... Я не совсем расслышал... – Жермен отвел взгляд. – Поэтому на следующий день попросил его объяснить.

– Понятно.

Вероятно, Фергус так и сделал, причем без утайки. Он родился и до девяти лет рос в парижском борделе, пока Джейми волей случая не забрал его оттуда. Фергус открыто рассказывал о своем прошлом и вряд ли стал бы увиливать в ответ на любые детские вопросы.

Мы подошли к новой кладовой над родником – маленькой приземистой постройке из скальных пород, расположенной над каменистым руслом ручья, вытекающего из Домашнего источника. Ведро с молоком и кувшины с маслом охлаждались в воде, а обернутые тканью сыры медленно созревали на верхней полке, вне досягаемости любопытных ондатр. Внутри царил полумрак; едва мы вошли, как от холода перехватило дыхание.

Я сняла с гвоздя ковшик из тыквы, присела на корточки и открыла ведро с утренним надоем. Сверху образовались сливки, поэтому я перемешала молоко, а затем набрала полный ковш и выпила. По горлу вниз прокатилась восхитительная прохлада. Сделав еще глоток, я протянула черпак Жермену.

– Как думаешь, Фанни знала, о чем говорит? – спросила я. Внук присел на корточки, чтобы набрать молока, и, не

поднимая головы, кивнул: белокурая макушка качнулась над ковшом.

– Да, – произнес он наконец, затем встал и, старательно избегая моего взгляда, повесил ковш на гвоздь. – Да, знала. Она... она... коснулась меня. Когда это сказала.

Несмотря на скудное освещение, я заметила, как покраснела у него шея.

– И что ты ответил? – Я постаралась не выдать голосом волнения.

Жермен повернул голову и уставился на меня, словно в чем-то обвиняя. След от молока у него над губой до странности меня растрогал.

– Сказал «отвали»! Что тут еще скажешь?

– Действительно – что? – согласилась я. – Поговорю об этом с дедушкой.

– Ты ведь не собираешься передавать ему слова Фанни? Не хочу навлечь на нее неприятности!

– Ничего дурного с ней не случится, – заверила я Жермена. По крайней мере, не в том смысле, какой имел в виду он. – Просто хочу узнать мнение дедушки кое о чем. А теперь ступай. – Я махнула, выпроваживая внука. – Мне еще с кабаном разбираться.

По сравнению с услышанным триста фунтов свиного мяса, сала и гниющих кишок теперь казались пустяком.

Среди лоз мускадина

Брианна оборвала с ветки горсть виноградин и покатила их пальцем по ладони, отбрасывая раздавленные, высохшие и поеденные насекомыми. Кстати, о насекомых: она торопливо сдула с себя несколько муравьев, выползших из винограда. Несмотря на крошечный размер, кусались они предельно больно.

– Ой!

Оставшийся незамеченным маленький негодник только что цапнул ее между средним и безымянным пальцами. Брианна бросила плоды в ведро и сильно потерла ладонь о бріджи, чтобы избавиться от жжения.

– *Gu sealladh sealbh orm!*⁸⁷ – в тот же миг воскликнула Эми, выронив горсть ягод и встряхивая рукой. – Да в этом мускадине тьма-тьмущая *a phlàigh bhalgair!*⁸⁸

– Вчера они не так свирепствовали. – Бри почесала место муравьиного укуса передними зубами. Зуд сводил с ума. – Интересно, что их разозлило?

– Это к дождю, – сказала Эми. – Он всегда гонит их из... Иисус, Мария и Брайд! – Она попятилась от виноградной лозы, встряхивая юбки и топая ногами. – Отстаньте от меня, противные маленькие козявки!

– Может, перейдем в другое место? – предложила Брианна. – Здесь полно кустов, и наверняка муравьи не везде.

– Что-то я не уверена, – мрачно пробормотала Эми, однако взяла ведро и пошла следом за подругой к небольшой расщелине.

Бри не преувеличивала: каменную стену густо увивали мощные цепкие побеги. Они тянулись к солнцу под тяжестью перламутрово-бронзовых ягод, которые блестели среди темной листвы и наполняли воздух ароматом молодого вина.

– Джем! – окликнула Брианна. – Не теряй нас! Следи за Мэнди!

Откуда-то сверху донеслось слабое «Хорошо!». Дети играли на вершине скалистой расщелины, проделанной в горной породе водным потоком. Покрытые виноградной лозой

---

⁸⁷ Боже милостивый! (гэльск.)

⁸⁸ Дрянной заразы (гэльск.).

каменные выступы прекрасно годились на роль замков и укреплений.

– Берегитесь змей! – крикнула она. – И не ползайте там в зарослях!

– Да знаю я!

Мелькнувшая наверху рыжеволосая фигура помахала палкой и снова исчезла. С улыбкой на губах Бри наклонилась, чтобы поднять ведра: одно, к ее радости, было заполнено до краев, второе – наполовину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.